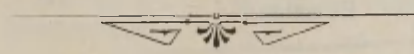

СБОРНИКЪ
Учено - Литературнаго
Общества
при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ
Юрьевскомъ Университетѣ.

Томъ XV.

ЮРЬЕВЪ.
Типографія К. Маттисена.
1909.

Печатано по опредѣленію Учено-Литературнаго Общества при
Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Предсѣдатель Общества:

проф. М. Красноженъ.

Содержаніе.

Отдѣлъ офіціальный.

Отчетъ о дѣятельности Общества за 1907—1908 г.

I. Засѣданія Общества	VII.
II. Совѣтъ Общества	IX.
III. Касса Общества	X.
IV. Смѣта на 1908—1909 г.	XI.
V. Протоколъ ревизіонной комиссіи	XI.
VI. Заключение ревизіонной комиссіи	XII.
VII. Заключение Совѣта по поводу протокола ревизіонной комиссіи	XII.
VIII. Отчетъ о состояніи библиотеки общества	XII.
IX. Списокъ членовъ Общества	XIV.
X. Совѣтъ Общества на 1908—1909 г.	XVIII.

Отдѣлъ научный.

1. М. А. Тростниковъ. Методика грамматики русскаго литературнаго языка	1—112.
2. Проф. М. Е. Красноженъ. Исторія образованія каноническаго кодекса Греческой церкви отъ начала его возникновенія до эпохи введенія на Руси христіанства	113—150.
3. Г. Г. Сумаковъ. Образовательная экскурсія въ Закарпатскій край и на Кавказъ группы учениковъ Юрьевской гимназіи	151—184.
4. Проф. Евгеній Бобровъ. Этюды по исторіи русской литературы и просвѣщенія	185—264.

Отдѣлъ офіціальный.

Отчетъ

о дѣятельности Учено-Литературнаго Общества при
ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ за
1907—1908 годъ.

I. Заеѣданія Общества.

Въ истекшемъ одинацатомъ году своего существованія Учено-Литературное Общество, продолжало выполнять, по мѣрѣ силъ, свои задачи и посвятило своимъ дѣламъ, кромѣ годичнаго (закрытаго) засѣданія, одно закрытое и 7 открытыхъ засѣданій.

Въ годичномъ засѣданіи, 28 Октября 1907 года, былъ заслушанъ отчетъ о дѣятельности Общества за 1906—1907 годъ, а также отзывъ ревизіонной комиссіи, состоявшей изъ членовъ Общества: В. Г. Вознесенскаго, Г. Л. Трефнера и А. С. Царевскаго, и было постановлено утвердить этотъ отчетъ и смѣту расходовъ на 1907—1908 годъ, составленную Казначеемъ Общества.

Затѣмъ, въ годичномъ засѣданіи были произведены выборы должностныхъ лицъ Общества на 1907—1908 г., и выбранными оказались слѣдующіе члены Общества: предсѣдателемъ — М. Е. Красноженъ, товарищемъ предсѣдателя В. Г. Алексѣевъ, секретаремъ — С. К. Богушевскій, казначеемъ — Е. А. Гравитъ, членами Совѣта — Н. Н. Бѣлявскій, І. І. Змигродскій и В. Г. Вознесенскій, бібліотекаремъ — Я. И. Лаутенбахъ.

Кромѣ сего въ годичномъ засѣданіи были избраны: въ почетные члены Общества — бывший товарищъ предсѣдателя Общества, нынѣ профессоръ Московскаго Университета В.

К. Мальмбергъ и въ дѣйствительные члены общества — профессоръ Юрьевскаго Университета И. И. К в а ч а л а.

Въ закрытомъ засѣданіи Общества 30 октября 1908 г. производились выборы членовъ ревизіонной комиссіи на 1907/8 г. Избранными оказались: П. А. Поляковъ, П. Н. Свѣчниковъ и Г. Л. Трефнеръ. Въ томъ же засѣданіи въ дѣйствительные члены общества избранъ мировой судья г. Юрьева, Константинъ Николаевичъ Ивановскій.

Къ концу отчетнаго года дѣйствительными членами Общества состоятъ 78 лицъ; въ этомъ числѣ преподавателей: университета 29, Юрьевскаго ветеринарнаго института 2, другихъ учебныхъ заведеній 29 и другихъ лицъ 18. Дѣйствительныхъ членовъ, живущихъ въ г. Юрьевѣ — 43, въ другихъ городахъ и за границей — 35.

Кромѣ того, четыре лица состоятъ почетными членами Общества. Въ истекшемъ году Учено-Литературное Общество понесло тяжелую потерю въ лицѣ А. Ф. Зачинскаго, скончавшагося 4-го января 1908 г.

Въ 7 открытыхъ засѣданіяхъ Общества были сдѣланы 7 сообщеній, и нѣкоторыя изъ этихъ сообщеній подлежали обсужденію какъ со стороны членовъ Общества, такъ и со стороны посѣтителей.

Сообщенія сдѣлали слѣдующіе члены Общества:

1-ое засѣданіе — 28 октября 1907 г.

С. К. Богушевскій. — Краткій обзоръ дѣятельности Учено-Литературнаго Общества за истекшее первое десятилѣтіе.

2-ое засѣданіе — 3 декабря 1907 г.

Л. С. Богушевская. — Къ вопросу о наградахъ въ средней школѣ.

Это сообщеніе напечатано въ т. XIII Сборника.

3-е засѣданіе — 18 февраля 1908 г.

Е. А. Бобровъ. — Къ исторіи русской литературы въ началѣ XIX вѣка.

Это сообщеніе напечатано въ т. XIII Сборника подъ заглавіемъ: Замѣтки по исторіи русской литературы и просвѣщенія XIX вѣка.

4-ое засѣданіе — 4 марта 1908 г.

Я. И. Лаутенбахъ. — Къ исторіи латышской литературы конца XVIII и начала XIX вѣка.

Это сообщеніе напечатано въ т. XIV Сборника.

5-ое засѣданіе — 31 марта 1908 г.

М. А. Тростниковъ. — Нѣсколько словъ о значеніи и преподаваніи грамматики.

6-ое засѣданіе — 12 мая 1908 г.

И. И. Квачала. — Религіозные кризисы въ жизни Коменскаго и Мицкевича.

7-ое засѣданіе — 30 октября 1908 г.

Г. Г. Сумаковъ. — Образовательная экскурсія въ Закаспійскій край и на Кавказъ учениковъ Юрьевской гимназіи (съ демонстраціями).

Это сообщеніе напечатано въ XV т. Сборника.

II. Совѣтъ Общества.

Совѣтъ Общества имѣлъ 4 засѣданій: въ 1907 году — 9 дек.; въ 1908 г. — 10 февр., 17 апр., 31 мая. Въ этихъ засѣданіяхъ обсуждались вопросы, касающіеся текущихъ нуждъ Общества:

1. Въ видахъ увеличенія средствъ Общества, Совѣтъ входилъ въ Министерство Народнаго Просвѣщенія съ ходатайствомъ о субсидіи, и таковая была разрѣшена, въ видѣ единовременнаго пособія въ 500 рублей, на изданіе трудовъ Общества.

2. Совѣтъ принималъ мѣры къ распространенію первыхъ 12 томовъ Сборника отдачей ихъ на комиссію въ книжные магазины, а также высылкой ихъ въ учебныя заведенія, выписывавшія ихъ для своихъ библіотекъ.

3. Совѣтъ обращался къ разнымъ учрежденіямъ и редакціямъ съ просьбой объ обмѣнѣ изданіями. Такимъ образомъ Общество получало различныя періодическія изданія и отдѣльныя сочиненія, перечисленныя въ этомъ отчетѣ

4. Совѣтъ исполнялъ возложенное на него порученіе Общества завѣдывать печатаніемъ трудовъ Общества въ издаваемомъ имъ Сборникѣ. Въ октябрѣ 1908 года былъ выпущенъ XIII томъ Сборника, редактированіе котораго принялъ на себя предсѣдатель Общества.

III. Касса Общества

за время съ 18 октября 1907 г. по 2 ноября 1908 г.

Приходъ :

Осталось въ кассѣ къ 18 октября 1907 г. . .	792	руб.	50	коп.
Членскіе взносы	69	"	—	"
За проданные „Сборники“ Общества	28	"	—	"
Отъ Министерства Народн. Просв.	500	"	—	"
„ Правленія Университета	350	"	—	"
% по сберегательной книжкѣ	25	"	45	"
Итого	1764	руб.	95	коп.

Расходъ :

За печатаніе XII и XIII выпусковъ „Сборника“	726	руб.	82	коп.
Вознагражденіе авторамъ за напечат статьи	247	"	—	"
Переплетъ „Сборниковъ“, оттисковъ и книгъ	78	"	36	"
Публикаціи	22	"	54	"
Канцелярскіе, почтовые и др. расходы	47	"	95	"
Итого	1122	руб.	67	коп.
Осталось въ кассѣ по 2 ноября 1908 г.	642	"	28	"
Балансъ	1764	руб.	95	коп.

Г. Юрьевъ, 2 ноября 1908 г.

Казначей Общества Е. Гравитъ.

IV. СМѢТА НА 1908/9 ГОДЪ.

Приходъ :

Осталось отъ предыдущаго 1907/8 г. . . .	642 руб. 28 коп.
Членскіе взносы.	90 " — "
Отъ продажи „Сборниковъ“	50 " — "
„ Правленія Университета.	350 " — "
‰ по сберегательной книжкѣ	17 " 72 "
Итого 1150 руб. — коп.	

Расходъ :

За печатаніе „Сборниковъ“ 1908/9 г.. . .	1000 руб. — коп.
„ брошюровку и переплетъ	150 " — "
„ публикаціи	50 " — "
на библіотеку.	300 " — "
„ канцелярскіе и др. расходы	150 " — "
Итого 1650 руб. — коп.	

Казначей Общества Е. Гравитъ.

V. Протоколъ засѣданія

ревизіонной комиссіи Учено-Литературнаго Общества
при ИМПЕРАТОРСКОМЪ Юрьевскомъ Университетѣ
2 ноября 1908 года.

Ревизіонная Комиссія разсмотрѣла и провѣрила всѣ счета прихода-расходной книги, документы по кассѣ, а равно и состояніе кассы Учено-Литературнаго Общества и нашла, что всѣ книги и отчетность по кассѣ ведутся согласно уставу Общества въ надлежащемъ порядкѣ и исправности. Все имущество Общества найдено въ цѣлости и сохранности. Веденіе книгъ секретаремъ и библіотекаремъ признала вполнѣ правильнымъ. Согласно документамъ въ кассѣ Общества оказалось : по приходу — 1764 руб. 95 коп., по расходу — 1122 руб. 67 коп.; остатокъ къ 2 ноября 1908 г. 642 р. 28 к. Изъ нихъ въ Государственной Сберегательной Кассѣ 601 руб. 80 коп., на рукахъ у казначея Общества 40 руб. 48 коп.

Члены ревизіонной комиссіи :

П. Поляковъ.
Г. Трефнеръ.
П. Свѣчниковъ.

VI. Заключение Ревизионной Комиссии.

Провѣряя счета типографіи Маттисена, Ревизионная Комиссія нашла, что по нѣкоторымъ статьямъ оказалось уплаченною значительная сумма за „правку корректуры“. Эта сумма только однимъ авторомъ (Змигородскимъ) уплачена лично изъ собственныхъ средствъ. Комиссія считаетъ желательнымъ предложить такой же способъ уплаты, за особую корректуру, вычитая причитающіяся за нее суммы изъ авторскаго гонорара.

Члены комисіи :

19 2/XI 08.

П. Поляковъ.

Г. Трефнеръ.

П. Свѣчниковъ

VII. Заключение

Совѣта Учено-Литературнаго Общества по поводу протокола ревизионной комисіи.

Постановлено Совѣтомъ представить протоколъ и заключение ревизионной комисіи общему собранію.

VIII. Отчетъ

о состояніи библіотеки Общества.

Къ 2 ноября 1908 г. въ библіотекѣ Учено-Литературнаго Общества состояло :

Книгъ, брошюръ и отдѣльныхъ оттисковъ 168 названій въ 186 экземплярахъ и томахъ.

Энциклопедическій словарь 82 т. и 3 дополнительныхъ.

Періодическихъ изданій и сборниковъ въ 551 №№.

Въ отчетномъ году было выдано 12 книгъ.

Въ 1907/8 году въ библіотеку Общества поступили слѣдующія книги :

Журналы Засѣданій Совѣта Императорскаго Новороссійскаго Университета за весеннее полугодіе 1907 г.

Н. Суворовъ. Учебникъ Церковнаго Права. Москва, 1908.

Обзоръ Эстляндской Губерніи за 1906 г. Ревель 1907 г.

Отчетъ Одесской городской имени Императора Николая II Публичной Библіотеки за 1907 г. Одесса 1908.

Отчетъ о дѣятельности Историко-Филологическаго Общества при Императорскомъ Новороссійскомъ Университетѣ за 1905/6 и 1906/7 ак. г. Одесса, 1908.

Памятная книжка и Адресъ-Календарь Лифляндской губерніи на 1907 г.

Памятная книжка и Адресъ-Календарь Лифляндской губерніи на 1908 г.

Періодическія изданія:

Варшавскія Университетскія Извѣстія.

Вѣстникъ „Народнаго Дома“.

Извѣстія Историко-Филологическаго Института князя Безбородко въ Нѣжинѣ.

Мирный Трудъ.

Сборникъ Учено-Литературнаго Общества при Императорскомъ Юрьевскомъ Университетѣ.

Труды Кіевской Духовной Академіи.

Университетскія Извѣстія. Кіевъ.

Ученыя Записки Императорскаго Юрьевскаго Университета.

Чтенія въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей Россійскихъ.

Юридическая Библіографія издаваемая Демидовскимъ Юридическимъ Лицеємъ.

Педагогическія сочиненія:

Ahrens. Mathematische Spiele.

Вундтъ. Очеркъ психологіи. Москва 1897.

Busse. Die Weltanschauungen der grossen Philosophen der Neuzeit.

Гербартъ. Главнѣйшія педагогическія сочиненія. Москва 1906.

Джэмсъ. Психологія СПБ. 1905.

Flügel. Herbats Lehren und Leben.

Компейре. Гербертъ Спенсеръ и научное воспитаніе. СПБ. 1903.

Лай. Экспериментальная дидактика. СПБ. 1905.

Rabst. Knabenhandarbeit.

Paulsen. Das deutsche Bildungswesen in seiner geschichtlichen Entwicklung.

Тэддъ. Новый путь для художественнаго воспитанія юношества и дѣтей. Москва 1909.

Tenz. Moderne Erziehung in Haus und Schule.

Педагогическія періодическія изданія:

Die Leipziger Lehrerzeitung. 1907/8;

Kindergarten. 1908;

Pädagogische Studien 1908;

Sämann 1908;

Свободное Воспитаніе, 1907/8.

IX. СПИСОКЪ

членовъ Общества къ 1 сентября 1909 г. *)

Почетные члены:

1. *Никитскій, Александръ Васильевичъ, попечитель Оренбургскаго Учебнаго Округа (д. членомъ Общества состоитъ съ 27 апрѣля 1897 г., почетнымъ — со 2 марта 1902 года).
2. *Князь Голицынъ, Димитрій Петровичъ, Товарищъ Главноуправляющаго Канцеляріей Его Величества по учрежденіямъ Императрицы Маріи. (съ 23 октября 1904 г.).
3. *Мальмбергъ, Владиміръ Константиновичъ, ординарный профессоръ Московскаго университета (д. членомъ Общества состоитъ съ 23 октября 1897 г., почетнымъ — (съ 28 октября 1907 г.).

Дѣйствительные члены:

1. *Александровъ, Николай Александровичъ, профессоръ Томскаго университета (съ 20 окт. 1897 г.).
2. Алексѣевъ, Виссаріонъ Григорьевичъ, профессоръ, и. д. Ректора И. Ю. Университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
3. *Ардашевъ, Павелъ Николаевичъ, профессоръ университета св. Владиміра (съ 24 ноября 1901 г.).
4. Афанасьевъ, Вячеславъ Алексѣевичъ, профессоръ университета, членъ Государственнаго Совѣта (съ 27 апрѣля 1897 г.).

*) Звѣздочкой обозначены г. г. иногородніе члены.

5. Бабановъ, Захарій Григорьевичъ, Юрьевскій отдѣльный цензоръ (съ 1 мая 1904 г.).
6. *Бауэръ, Генрихъ Фридриховичъ, преподаватель гимназіи (съ 8 декабря 1901 г.).
7. *Бердниковъ, Илья Степановичъ, заслуженный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета и Казанской духовной академіи (съ 10 мая 1898 г.).
8. *Бобровъ, Евгенийъ Александровичъ, профессоръ Варшавскаго университета (съ 15 октября 1906 г.).
9. Богушевская, Людмила Сергѣевна, жена профессора университета (съ 23 октября 1897 г.).
10. Богушевскій, Сергѣй Казиміровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
11. *Бояриновъ, Порфирій Ивановичъ, директоръ реального училища (со 2 апрѣля 1905 г.).
12. Бѣлявскій, Николай Николаевичъ, профессоръ университета (съ 23 октября 1897 г.).
13. Вознесенскій, Василій Гавриловичъ, бывшій помощникъ инспектора студентовъ Ю. у. (съ 26 октября 1902 г.).
14. *Ганзеръ, Мартынъ Антоновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 августа 1898 г.).
15. Гаппихъ, Карлъ Карловичъ, профессоръ Юрьевскаго ветеринарнаго института (съ 29 мая 1899 г.).
16. Головинъ, Викторъ Михайловичъ, председатель Съѣзда мировыхъ судей въ Юрьевѣ (съ 8 декабря 1901 г.).
17. Граве, Платонъ Платоновичъ, профессоръ университета (съ 14 ноября 1904 г.).
18. Гравитъ, Ермолай Ананьевичъ, завѣдывающій общежитіемъ студентовъ Ю. у. (съ 29 января 1898 г.).
19. *Грёдингеръ, Михаилъ Іосифовичъ, мировой судья въ г. Ригѣ (съ 29 ноября 1903 г.).
20. Грунскій, Николай Кузьмичъ, профессоръ университета (съ 15 ноября 1903 г.).
21. *Давистъ, Иванъ Ивановичъ, преподаватель городского училища (съ 22 октября 1898 г.).
22. *Данилевичъ, Василій Ефимовичъ, приватъ доцентъ Харьковскаго университета (съ 23 октября 1897 г.).
23. *Даниловъ, Николай Семеновичъ, капитанъ, преподаватель кадетскаго корпуса (съ 26 октября 1902 г.).
24. *Дружининъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

25. *Жадановскій, Николай Ивановичъ, преподаватель (съ 5 октября 1902 г.).
26. *Заицъ, Василий Осиповичъ, инспекторъ Александровской гимназіи въ Ревелѣ (съ 26 марта 1898 г.).
27. *Зеленинъ, Дмитрій Константиновичъ (съ 23 октября 1904 г.).
28. Змигродскій, Іосифъ Іосифовичъ, преподаватель гимназіи (со 2 марта 1902 г.).
29. Золотаревъ, Дмитрій Николаевичъ, преподаватель гимназіи (съ 29 мая 1899 г.).
30. *Ивановъ, Николай Ивановичъ, директоръ Александровской гимназіи въ Ревелѣ (съ 19 декабря 1897 г.).
31. Ивановскій, Константинъ Николаевичъ, мировой судья (съ 30 октября 1908 г.).
32. Игнатовскій, Афанасій Сергѣевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
33. *Калининъ, Иванъ Петровичъ, инженеръ Путей Сообщенія, преподаватель въ институтѣ П. С. (съ 1 мая 1904 г.).
34. Кима, Густавъ Карловичъ, учитель начальнаго городского училища (съ 29 мая 1899 г.).
35. Кипріановичъ, Николай Яковлевичъ, директоръ Юрьевской реального училища (съ 10 мая 1898 г.).
36. Кондаковъ, Иванъ Лаврентьевичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
37. Красноженъ, Михаилъ Егоровичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
38. Крашенинниковъ, Михаилъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 5 марта 1898 г.).
39. *Кузнецовъ, Степанъ Васильевичъ, окружной инспекторъ Оренбургскаго учебнаго округа (съ 15 декабря 1901 г.).
40. Курчинскій, Василий Палладіевичъ, профессоръ университета (съ 13 октября 1897 г.).
41. Лавровъ, Давидъ Мелитоновичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
42. Лаутенбахъ, Яковъ Инджевичъ, лекторъ и приватъ-доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
43. *Любимовъ, Григорій Николаевичъ, директоръ Валкскаго реального училища (съ 23 октября 1904 г.).
44. *Матвѣевъ, Николай Захаровичъ, преподаватель Николаевской гимназіи въ Ригѣ (съ 30 сентября 1899 г.).

45. Нарускъ, Фрицъ Густавовичъ, учитель начального городского училища (съ 18 марта 1899 г.).
46. Невзоровъ, Александръ Серафимовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
47. Неготинъ, Яковъ Кузьмичъ, доцентъ Юрьевского ветеринарнаго института (съ 22 октября 1898 г.).
48. *Николаевскій, Александръ Васильевичъ, протоіерей посольской церкви въ Вѣнѣ (съ 23 октября 1897 г.).
49. Озе, Яковъ Фридриховичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
50. Поляковъ, Петръ Андреевичъ, профессоръ университета (съ 24 февраля 1904 г.).
51. *Проданъ, Исидоръ Савичъ, приватъ доцентъ Харьковскаго университета (съ 30 сентября 1899 г.).
52. Пѣтуховъ, Евгеній Вячеславовичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
53. Ростовцевъ, Михаилъ Ивановичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
54. *Сахаровъ, Иванъ Ильичъ, учитель гимназій (съ 30 сентября 1899 г.).
55. Свѣчниковъ, Петръ Николаевичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 26 октября 1902 г.).
56. *Семеновъ, Николай Михайловичъ, завѣдывающій городскимъ училищемъ (съ 16 мая 1900 г.).
57. Скрябинъ, Николай Александровичъ, инспекторъ Юрьевской гимназій (съ 29 января 1898 г.).
58. Смирновъ, Андрей Ивановичъ, начальникъ Либавской почтово-телеграфной конторы (съ 13 ноября 1906 г.).
59. Срезневскій, Борисъ Измаиловичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
60. Столяровъ, Михаилъ Николаевичъ, наставникъ Юрьевской учительской семинаріи (съ 5 марта 1898 г.).
61. Томсонъ, Арведъ Ивановичъ, доцентъ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
62. Трефнеръ, Гуго Людвиговичъ, директоръ частной гимназій въ г. Юрьевѣ (съ 26 марта 1898 г.).
63. *Третьяковъ, Михаилъ Константиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ (съ 26 октября 1902 г.).
64. *Троицкій, Алексѣй Николаевичъ, учитель гимназій (съ 16 мая 1900 г.).

65. Тростниковъ, Михаилъ Адріановичъ, инспекторъ народныхъ училищъ Юрьевского уѣзда (съ 1 мая 1904 г.).
66. *Трутовскій, Владиміръ Константиновичъ, секретарь Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества (съ 30 октября 1898 г.).
67. *Хвольсонъ, Владиміръ Даниловичъ, присяжный повѣренный въ СПБ-гѣ (съ 30 октября 1899 г.).
68. Царевскій, Арсеній Семеновичъ, протоіерей, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).
69. *Цвѣтковъ, Александръ Феофиловичъ, преподаватель гимназіи (26 октября 1902 г.).
70. *Черноусовъ, Евгень Александровичъ, учитель реального училища (съ 23 октября 1897 г.).
71. *Чирвинскій, Станиславъ Іосифовичъ, профессоръ Московскаго университета (съ 5 марта 1898 г.).
72. Шалландъ, Левъ Адамировичъ, профессоръ университета (съ 7 мая 1905 г.).
73. *Шаталовъ, Иванъ Лонгиновичъ, инспекторъ народныхъ училищъ, (съ 23 октября 1897 г.).
74. *Шаталовъ, Трофимъ Лонгиновичъ, учитель коммерческаго училища (съ 18 марта 1899 г.).
75. Широкогоровъ, Иванъ Ивановичъ, врачъ (съ 29 ноября 1903 г.).
76. Юркатамъ, Иванъ Алексѣевичъ, учитель начального при учительской семинаріи училища (съ 22 октября 1898 г.).
77. Ясинскій, Антонъ Никитичъ, профессоръ университета (съ 27 апрѣля 1897 г.).

Х. Совѣтъ Общества на 1908/9 г.

(избранъ въ годичномъ засѣданіи 15 октября 1908 г.).

Предсѣдатель — М. Е. Красноженъ.

Товарищъ Предсѣдателя — В. Г. Алексѣевъ.

Секретарь — С. К. Богушевскій.

Казначей — Е. А. Гравить.

Члены Совѣта: І. І. Змигродскій, М. Н. Крашениниковъ, П. А. Поляковъ.

Библіотекаръ — Я. И. Лаутенбахъ.

Члены ревизіонной комиссіи: Н. Н. Бѣлявскій, В. Г. Вознесенскій и Г. Л. Трефнеръ.

Научный отдѣлъ.

Методика грамматики русскаго литературнаго языка.

Введеніе.

Понятіе о грамматикѣ. Воззрѣнія на значеніе грамматики. Значеніе грамматики: а) для орфографіи и пунктуаціи, б) для умѣнія правильно выражать мысли устно и письменно, в) для пониманія общей стороны языка, г) для умственного развитія. Причины отрицательнаго отношенія къ грамматикѣ.

Раньше грамматику опредѣляли, какъ науку, которая учитъ правильно говорить и правильно писать. Въ этихъ словахъ нѣтъ опредѣленія грамматики, а есть лишь указаніе на значеніе ея. Въ настоящее время грамматику опредѣляютъ, какъ науку о формахъ (обычаяхъ, законахъ) языка. И это опредѣленіе грамматики нельзя признать удачнымъ.

Въ виду того, что понятіе о грамматикѣ у многихъ крайне сбивчиво, смутно, часто совершенно неправильно, необходимо выяснить его.

Грамматика имѣетъ дѣло съ одной изъ сторонъ языка. Чтобы возможно лучше объяснить, съ какой именно, нужно указать всѣ стороны языка, и тогда въ силу сравненія виднѣе будетъ, въ чемъ собственно заключается грамматическая сторона языка.

Языкъ можетъ быть разсматриваемъ съ слѣдующихъ совершенно различныхъ сторонъ:

- 1) со стороны силъ, образующихъ его;
- 2) со стороны содержанія и

3) со стороны внѣшней, т. е. звукового выраженія содержания.

Силъ, образующихъ языкъ, двѣ: а) физическая и б) психическая. Физическая производитъ звуки. Психическая ассоціируетъ ихъ со всѣмъ тѣмъ, что дается внѣшнимъ и внутреннимъ міромъ; сообразно тому, что есть предметы, качества, дѣйствія, она создаетъ словесныя формы, изъ которыхъ однѣ служатъ названіемъ предмета, другія — названіемъ качества и т. д. (въ корневыхъ языкахъ это достигается путемъ расиоложенія словъ); она же стремится къ тому, чтобы внѣшняя сторона языка, по мѣрѣ возможности, какими-либо средствами (этимологическими и синтаксическими) обозначала оттѣнки наблюдаемаго нами, т. е. чтобы по внѣшней формѣ можно было видѣть, что это слово есть названіе предмета, то — качества, а то — дѣйствія и т. д.; чтобы внѣшнее выраженіе мысли находилось въ соотвѣтствіи съ дѣйствительностью. Въ дѣйствительномъ мірѣ мы наблюдаемъ, что нѣтъ дѣйствія безъ причины, производящей его, а потому логика, какъ наука о законахъ мышленія, знаетъ лишь двучленные сужденія, состоящіе изъ субъекта и предиката, соединенныхъ связкой. Если бы внѣшняя грамматическая сторона языка слѣдовала за логической, то въ немъ должны были бы быть двучленные предложенія. Подъ вліяніемъ разныхъ причинъ объективнаго¹⁾ и субъективнаго характера внѣшняя сторона языка уклоняется отъ логичности языка, т. е. отъ того, чтобы быть точнымъ воспроизведеніемъ дѣйствительности.

Содержаніе языка, или лексическая сторона языка — это всѣ тѣ представленія, понятія, мысли, идеи и т. и., которыя хранятся въ немъ. Нужно замѣтить, что одна и та же внѣшняя языковая форма можетъ хранить въ себѣ самое разнообразное содержаніе, напр., языковыя формы: баба (это слово имѣетъ

1) Объективныя причины — незнаніе предмета, производящаго дѣйствіе: морозитъ, сверкаетъ и т. п. Субъективныя причины — желаніе выдвинуть на первый планъ дѣйствіе и стушевать предметъ, производящій его: натекло воды, вм. натекла вода.

болѣ 10 значеній), коса, ключъ, языкъ; дрова рубятъ, щепки летятъ; куй желѣзо, пока горячо и т. п.¹⁾

Во внѣшней, или звуковой, сторонѣ языка эстетически развитой слухъ улавливаетъ музыкальность и подбираетъ слова такъ, чтобы они производили своимъ сочетаніемъ пріятное впечатлѣніе. (По синимъ волнамъ океана, лишь звѣзды блеснутъ въ небесахъ, корабль одинокій несется, несется на всѣхъ парусахъ). Склонный къ анализу умъ подмѣтилъ, что языкъ представляетъ собой нѣчто дѣлимое, состоящее изъ частей, что въ немъ однѣ и тѣ же части постоянно повторяются. Прежде всего удалось замѣтить, что рѣчь состоитъ изъ словъ, а слова изъ слоговъ, слоги изъ звуковъ. Дальнѣйшія наблюденія надъ внѣшней стороной языка привели къ заключенію, что наша рѣчь, какъ бы она продолжительна ни была, состоитъ изъ коротенькихъ рѣчей (предложеній), и что эти рѣчи (предложенія) служатъ выраженіемъ нашихъ сужденій. Такъ какъ сужденія представляютъ собою не что иное, какъ приписываніе предмету какого-либо признака, указанія на качества, на его отношенія къ другимъ предметамъ и т. п., то и стали искать, какія слова служатъ въ предложеніи обозначеніемъ предмета, которому что-либо приписывается, признака, который приписывается предмету и т. д. Наблюденіе надъ словами (членами предложенія), входящими въ составъ предложенія показало, что есть слова, не измѣняющія своей внѣшней формы, и есть слова, измѣняющія ее; что въ измѣняемыхъ словахъ одна часть остается устойчивой, другая постоянно мѣняется (основа и окончаніе); дальнѣе было подмѣчено, что однѣ и тѣ же части встрѣчаются въ разныхъ словахъ (**вѣра**, **провѣрить**; **перебѣжать**, **пересолить**, **купецъ**, **отецъ**, **глунецъ**). Всѣ приведенныя наблюденія, данныя анализомъ языка, и составляютъ содержаніе грамматики. Анализъ языка (рѣчи) проходитъ три стадіи: 1) разложеніе рѣчи на

1) Приведенныя пословицы имѣютъ по два значенія — прямое и переносное.

предложенія, а предложенія на члены; 2) разложеніе словъ на составныя части (морфемы): корень, префиксъ, суффиксъ и окончаніе; 3) разложеніе морфемъ на звуки.

Наука, занимающаяся: 1) разложеніемъ рѣчи на предложенія и предложенія на члены; 2) разложеніемъ словъ на морфемы и 3) разложеніемъ морфемъ на звуки, называется грамматикой. Соотвѣтственно тремъ видамъ анализа языка и грамматика дѣлится на три части: въ первой разсматриваются составныя части рѣчи (такъ называемыя сложныя и простыя предложенія); эта часть грамматики называется синтаксисомъ; во второй разсматриваются составныя части слова (морфемы), а въ третьей составныя части морфемъ — звуки; вторая часть называется морфологіей, а третья фонетикой. Последнія двѣ части обыкновенно соединяются въ одну, называемую этимологіей ¹⁾).

Относительно значенія грамматики, какъ учебнаго предмета, мнѣнія сильно расходятся. Въ XVIII вѣкѣ, въ періодъ

1) Грамматику дѣлятъ весьма различно. Издревле ее дѣлили на этимологію и синтаксисъ. Въ этимологію входило короткое ученіе о звукахъ, правильнѣе сказать, о звуковомъ значеніи буквъ и главнымъ образомъ ученіе о флексіяхъ. Когда ученіе о звукахъ развилось, ему дали самостоятельное мѣсто въ грамматикѣ и стали дѣлить последнюю на фонетику, морфологию и синтаксисъ. Морфологию начали дѣлить на 2 части: на ученіе объ образованіи словъ и на ученіе объ измѣненіи словъ. Нѣкоторые особой частью грамматики считают семасіологию и дѣлятъ грамматику на фонетику, морфологию, синтаксисъ и семасіологию. Повидимому, уже сознали, что семасіологию нельзя считать особой частью грамматики. Въ настоящее время склоняются къ тому, чтобы грамматику дѣлить на такія части: фонетику, морфологию, этимологію и синтаксисъ. Къ морфологій относятъ лишь ученіе о флексіяхъ словъ, а къ этимологій ученіе объ образованіи словъ. — Слѣдовало бы предпочесть такое дѣленіе грамматики: фонетика, этимологія и синтаксисъ. Каждая изъ этихъ частей въ свою очередь можетъ быть раздѣлена на двѣ части. Фонетика: 1) на ученіе о звукахъ того или иного языка и 2) на ученіе объ измѣненіи звуковъ эвфоническихъ и физиологическихъ, происходящихъ въ основахъ и флексіяхъ. Этимологія: 1) на ученіе объ основахъ и 2) ученіе о флексіи. Синтаксисъ: 1) на ученіе о предложеніи и 2) на ученіе о сочетаніи предложеній.

процвѣтанія ложнаго классицизма, за грамматикою признавали большое значеніе и вѣрили, что она учитъ правильно и красиво говорить и писать (Гётшедъ). Неизвѣстный авторъ „Краткой російской грамматики, собранной изъ разныхъ російскихъ грамматикъ въ пользу обучающагося юношества“, съ глубокимъ убѣжденіемъ и полною увѣренностью утверждалъ, что отъ изученія грамматики у дѣтей „разумъ изощряется и нечувствительно готовится къ воспріятію высшихъ словесныхъ наукъ, что грамматика — усвоеніе языка по навыку приводитъ въ совершенный порядокъ, что если кто желаетъ прославить себя науками на природномъ языкѣ во славу отечества, себѣ въ честь, непременно долженъ учиться и природному языку по правиламъ грамматическимъ“.

Съ появленіемъ на сцену романтизма, который, въ противоположность ложноклассицизму, требовалъ полной свободы и непринужденности въ языкѣ, къ грамматикѣ стали относиться враждебно, потому что смотрѣли на нее, какъ на такую науку, которая налагаетъ на языкъ оковы, мѣшаетъ его развитію. Я. К. Гриммъ, а за нимъ и его ученики стали утверждать, что изученіе грамматики не только бесполезно, но даже вредно, потому что преждевременно развиваетъ отвлеченное мышленіе, препятствуетъ естественному развитію дара слова и притупляетъ врожденное чутье къ языку.

Въ подтвержденіе того, что грамматика не учитъ ни правильно говорить, ни правильно писать¹⁾, приводили и приводятъ, повидимому, весьма убѣдительный доводъ: дѣти, имѣющія возможность слышать правильную рѣчь, говорятъ гораздо правильнѣе, чѣмъ взрослые, тщательно изучившіе учебники грамматики, но не имѣющіе возможности слышать правильной рѣчи. Что же касается обученія правильному письму, то, говорятъ, это уже совсѣмъ не дѣло грамматики, такъ какъ грамматика должна изучать формы языка въ звуко-

1) Судя по тому, что въ прежнія грамматики входила орфографія, подъ правильнымъ письмомъ, вѣроятно, нужно разумѣть орфографически правильное письмо, а не письменную правильную рѣчь.

вомъ произношеніи, а не въ буквенномъ начертаніи. Кромѣ того, если даже признать законнымъ, чтобы грамматика учила правописанію, то все-таки значеніе ея въ этомъ, думаютъ противники грамматики, ничтожно, потому что умѣніе ореографически правильно писать дается главнымъ образомъ навыкомъ и упражненіемъ, а не ореографическими правилами. Отличное знаніе послѣднихъ, утверждаютъ, не ограждаетъ учащихся отъ неправильнаго письма, и, наоборотъ, незнаніе ихъ писарями не препятствуетъ имъ писать ореографически правильно.

Въ началѣ второй половины минувшаго столѣтія отрицательное отношеніе къ грамматикѣ опредѣлилось вполнѣ, и проф. Некрасовъ въ сочиненіи : „О значеніи формъ русскаго глагола“ обрисовываетъ его слѣдующимъ образомъ : „Было время, когда всѣ безусловно вѣрили, что грамматика учитъ правильно говорить и писать, когда, слѣдовательно, практическая польза ея, какъ науки, была ясна для каждаго. Тогда никто не сомнѣвался въ необходимости ея изученія, и всѣ ея правила и исключенія заучивались съ безпримѣрнымъ терпѣніемъ. Но это время прошло. Опытъ доказалъ, что грамматика не научаетъ говорить и писать правильно, что и то и другое гораздо легче пріобрѣтается навыкомъ, практикою. Къ чему же, стало быть, трудиться надъ скучнымъ, безжизненнымъ заучиваніемъ правилъ и исключеній? Явилось разочарованіе въ истинно научномъ значеніи грамматики и началось общее броженіе относительно пользы ея въ преподаваніи. Одни старались отстоять то, съ чѣмъ сжились въ продолженіе многихъ лѣтъ, другіе, напротивъ, мало-по-малу доходили до полнаго отрицанія необходимости ея въ преподаваніи“. Между тѣмъ въ начавшійся разгаръ общественной вражды къ грамматикѣ учащіеся средне-учебныхъ заведеній обязаны были изучать грамматики — латинскую, греческую, русскую, церковно-славянскую, нѣмецкую, французскую. Прибавимъ къ этому, что въ періодъ преклоненія передъ авторитетомъ грамматики и признанія за ней громаднаго значенія

въ школахъ изучались коротенькія грамматики, въ нѣсколько десятковъ страницъ; когда стали относиться къ ней отрицательно и враждебно, школьные учебники по грамматикамъ раздулись до громадныхъ размѣровъ въ 300 и болѣе страницъ. Кто не одолѣвалъ тогданней грамматической мудрости, состоящей больше изъ исключеній, чѣмъ изъ правилъ, долженъ былъ оставить школу, и передъ нимъ навсегда закрывались двери высшаго учебнаго заведенія. Жертвъ, принесенныхъ грамматическому Молоху, оказалось слишкомъ много, и Министерство Нар. Просв. стало требовать сокращенія грамматическаго матеріала. Но, къ сожалѣнію, учебныя заведенія, даже начальныя, такъ пропитались грамматическимъ, и притомъ ложнымъ, духомъ, что и министерскія распоряженія не въ силахъ пока еще направить преподаваніе грамматики надлежащимъ образомъ, а потому не мѣшаетъ обратиться, хотя и къ избитому, но все-таки, кажется, удовлетворительно не рѣшенному вопросу о томъ, какое же именно значеніе имѣетъ грамматика, и если она его дѣйствительно имѣетъ, то какъ ее преподавать, чтобы она удовлетворяла своему назначенію.

Очевиднѣе всего значеніе грамматики для орфографіи и пунктуациі. Въ учебномъ обиходѣ грамматика до того тѣсно связана съ ними, что на орфографію и пунктуацию смотрятъ какъ на части грамматики, орфографическія правила отождествляютъ съ грамматическими, хотя въ дѣйствительности это совершенно различныя понятія. Въ моей „Методицѣ письма“ подробно доказывается какое значеніе имѣетъ грамматика для орфографіи и пунктуациі.

Къ сожалѣнію, на эту сторону значенія грамматики не обращено должнаго вниманія. Это произошло оттого, что русская грамматика не стала еще на вполне самостоятельную ногу и составляется по образцу грамматикъ древнихъ языковъ: наполняется образцами склоненій, спряженій и ученіемъ о членахъ предложенія. Чтобы значеніе грамматики для орфографіи и пунктуациі стало вполне осязательнымъ, необходимо сдѣлать ее наукой, тщательно изучающею морфологическій составъ

словъ (корни, суффиксы, префиксы, окончанія) и взаимное отношеніе предложений.

Насколько очевидно большое значеніе грамматики для орфографіи и пунктуаціи, настолько же должна быть очевидна ея безнужность для умѣнья правильно говорить и писать (т. е. правильно излагать мысли устно и письменно, какъ это утверждали раньше, да, къ сожалѣнію, и теперь еще многіе не отказались отъ такого воззрѣнія). Одно уже сопоставленіе изученія чужого языка по такъ называемому натуральному методу съ изученіемъ по грамматическому и переводному должно было бы всѣхъ убѣдить, что грамматика для обученія языку не только родному, но и чужому не нужна, за исключеніемъ развѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ она можетъ предостеречь отъ неправильнаго выраженія. Языкъ усваивается слухомъ, а умѣніе говорить можетъ быть пріобрѣтено только упражненіемъ.

По отношенію къ языку значеніе грамматики заключается въ другомъ, а именно: грамматика ведетъ къ пониманію общаго (грамматическаго) значенія формъ языка. Въ языкѣ, какъ извѣстно, слова и предложения имѣютъ двоякое значеніе: частное, лексическое, и общее, грамматическое ¹⁾.

1) Что нужно разумѣть подъ грамматическимъ значеніемъ словъ, поясню на примѣрахъ.

Въ предложеніяхъ: кукушка прилетѣла; мой знакомый поѣхалъ въ кукушкѣ (т.-е. въ колясочкѣ съ козлами для кучера позади); за кукушку бьютъ въ макушку (т.-е. за пустословіе бьютъ въ макушку) — слово кукушка, какъ видно, имѣетъ три совершенно разныхъ лексическихъ значенія; грамматическое же, иначе общее, значеніе этого слова остается неизмѣннымъ: во всѣхъ случаяхъ оно остается именемъ существительнымъ женскаго рода.

А въ предложеніяхъ: ястреба принялъ за кукушку; мой знакомый переплатилъ за кукушку; за кукушку бьютъ въ макушку — общее значеніе слова кукушка еще расширяется: тутъ оно не только существительное женскаго рода, но, кромѣ того, и въ винительномъ падежѣ единственнаго числа, а въ синтаксическомъ отношеніи — дополнение.

Дальше, есть тысячи словъ, которые въ рѣчи мыслятся нами, какъ существительныя женскаго рода, винительнаго падежа, единственнаго числа.

Съ частнымъ значеніемъ словъ и предложеній мы начинаемъ знакомиться съ колыбели и продолжаемъ это знакомство до самой смерти. Познать частное значеніе всѣхъ словъ языка значитъ постигнуть все то духовное богатство, которое накоплено тѣмъ или инымъ народомъ. Оно сообщается совокупностью всѣхъ наукъ. Школа и жизнь только отчасти знакомятъ съ нимъ.

Что же касается пониманія общей стороны языка, то оно дается сравнительно легко — стоитъ только изучить грамматику того или иного языка. Между тѣмъ пониманіе грамматической стороны языка имѣетъ важное значеніе, потому что съ каждой грамматической формой связано извѣстное значеніе. Знаніе этого значенія углубляетъ въ пониманіе языка. Если бы при изученіи родного литературнаго языка обращали достаточно вниманія на значеніе каждой формы, то усвоеніе его имѣло бы такую же силу для формальнаго развитія, какъ и усвоеніе иностраннаго, при изученіи котораго поневолѣ приходится вникать въ значеніе каждой формы. Грамматика родного литературнаго языка имѣетъ между прочимъ еще и то преимущество, что ею съ большимъ удобствомъ можно пользоваться для развитія индуктивной способности мышленія, при выводѣ правила изъ примѣровъ, и дедуктивной, когда данное правило подтверждается примѣрами.

Словомъ, грамматику можно назвать путеводною звѣздой, помогающей ориентироваться въ безконечномъ разнообразіи формъ языка и освѣщающей предъ нашими глазами оттѣнки скрытой въ языковой оболочкѣ мысли. Какъ ни несовершенна была грамматика во время Ломоносова, но его геній постигъ ея значеніе, и онъ говорилъ: „Тупа ораторія, косноязычна поэзія, неосновательна философія, неиріятна исторія, сомнительна юриспруденція безъ грамматики“. Это, конечно, слова увлекающагося генія, но во всякомъ случаѣ увлеченіе было вызвано изученіемъ грамматики. Недаромъ поэтому всюду, гдѣ только зарождается просвѣщеніе, одной изъ первыхъ образовательныхъ наукъ является грамматика. Она стано-

вится предметомъ тщательнаго изученія уже тогда, какъ о другихъ наукахъ и помину нѣтъ. Люди инстинктивно сознають, что только языкъ, особенно письменный, можетъ поставить ихъ выше животныхъ и дать имъ возможность двигаться по пути прогресса. А грамматика, какъ было указано, способствуетъ болѣе сознательному отношенію къ языку и въ тоже время болѣе совершенному пользованію имъ. Таково разностороннее и важное значеніе грамматики, однако этого не хотятъ понять очень многіе, даже тѣ, которые, видимо, не мало занимались и думали о ней. Такъ г. Кремлевъ въ своей прекрасной статьѣ „Мытарства одного юнца на экзаменахъ по русской грамматикѣ“ говоритъ: „Наша отечественная грамматика — это наука не жизненная, ее забываютъ за порогомъ школы. Это ходули, при помощи которыхъ учатся ходить по пути грамотной письменности. Научились, усвоили главнѣйшіе законы и формы языка — и ходули прочь, долой. Начинаютъ ходить самостоятельно. Всѣ подробности, мелочи грамматическія вылетаютъ изъ головы, забываются. Графъ Л. Толстой пишетъ, не думая, что это за часть рѣчи падаетъ съ его пера на бумагу въ той или другой фразѣ. Иногда онъ соединяетъ предложенія какъ-то неуклюже, совсѣмъ не по грамматикѣ, а выходитъ хорошо, — лучше, чѣмъ по грамматикѣ. Вступишь тутъ грамматика со своими правилами, и она испортила-бы только дѣло. Слогъ принялъ бы иной характеръ — дѣланый, шаблонный, потерялъ-бы духъ жизненной оригинальности. Короленко нисколько не обращаетъ вниманія, сочинены-ли у него предложенія или подчинены одно другому, и ставитъ иногда такіе знаки препинанія, что иной учитель русскаго языка поставилъ-бы ему за это единицу, а ничего — произведеніе читается съ удовольствіемъ. Какой-то знаменитый писатель, кажется, Гёте, говорилъ, что онъ цѣлую жизнь старается забыть школьную грамматику, и не можетъ, — иногда она не даетъ ему свободно выражаться... Это съ одной стороны. Съ другой, грамматика вообще какого-бы то ни было языка есть своего

рода философія, съ трудомъ поддающаяся еще не окрѣпшему юному уму, занятому, притомъ-же, другими многими предметами. Вотъ наша русская грамматика и до сихъ поръ не могла выработать и установить твердо опредѣленныхъ взглядовъ на многія вещи, а адепты ея — народъ зрѣлый и занимаются ею одною“. (Р. Шк. 1898 г., № 5, стр. 88.)

Высказанное Кремлевымъ мнѣніе о грамматикѣ въ настоящее время служить ходячимъ, въ основательности его глубоко убѣждены. Между тѣмъ довольно нѣсколько серьезной мысли, чтобы видѣть всю его несообразность. Вопреки Кремлеву нужно утверждать, что грамматика есть самая жизненная изъ всѣхъ наука, никогда не забываемая образованнымъ человѣкомъ. Можно забыть нелѣпости учебника по грамматикѣ, но не самую грамматику, потому что она неразрывна съ сознательнымъ отношеніемъ къ общей сторонѣ языка. Жизненность грамматики особенно чувствительна, когда мы въ затруднительныхъ случаяхъ обращаемся къ ней за содѣйствіемъ, чтобы она помогла правильно написать слово, предложеніе. Нашъ языкъ и правописаніе таковы, что безъ нея никакъ нельзя обойтись. Возраженіемъ противъ изученія грамматики не можетъ также служить и то обстоятельство, что Толстой не думаетъ, какая часть рѣчи падаетъ съ его пера на бумагу. Еще менѣе онъ думаетъ во время своего творчества о химическомъ составѣ чернилъ, которыми пишетъ. Недостаточно-ли ужъ этого обстоятельства, чтобы отрицать необходимость изученія химіи? — Сочиненія Короленко легче бы читались и понимались, если бы онъ держался установленной пунктуации. Не служитъ также возраженіемъ и то обстоятельство, что какой-то знаменитый писатель цѣлую жизнь старался забыть школьную грамматику. Если она была плоха и неразумно стѣсняла его свободу, то ничего, конечно, другого не оставалось дѣлать. Къ настоящей грамматикѣ, къ той грамматикѣ, которая только старается уяснить, что дается знаменитыми писателями, это ни въ коемъ случаѣ не относится. Дальше. Грамматика не философія, а рядъ вы-

водовъ, сдѣланныхъ изъ наблюденія надъ образцовымъ литературнымъ языкомъ, а потому изученіе ея посильно для дѣтей. Въ грамматикѣ, дѣйствительно, есть неопредѣленные взгляды на многое, но этимъ взглядамъ не мѣсто въ школьной грамматикѣ. — Кремлевъ припоминаетъ также, какъ шло преподаваніе русскаго языка въ школахъ. По его мнѣнію, оно было неразумно, и онъ предлагаетъ свой способъ, такой, который принесъ бы пользу. Раньше онъ былъ, очевидно, противъ иреподаванія грамматики, а тутъ только противъ дурного преподаванія ея и даже рекомендуетъ хорошее. Очевидно, у Кремлева о грамматикѣ, какъ и вообще у всѣхъ, вооружающихся противъ нея, какая-то неопредѣленность и путаница — не разберешь, ополчаются-ли они совершенно противъ грамматики, или только противъ неразумнаго иреподаванія ея. Словомъ, все, что говорится противъ грамматики, есть результатъ непониманія ея и ея значенія. Что безъ грамматики нельзя обойтись, можетъ между прочимъ служить доказательствомъ и то обстоятельство, что преподаватели, которые заразились презрительнымъ отношеніемъ къ грамматикѣ, послѣ многолѣтней практики въ концѣ-концовъ приходили къ заключенію, что трудъ, потраченный ученикомъ на усвоеніе ея, вполнѣ сторицею оплачивается, такъ какъ только знакомые съ нею могутъ оріентироваться среди разнообразныхъ формъ языка и вполнѣ сознательно относиться къ нимъ.

Нерѣдко приводятъ остроу Гейне, сказавшаго, что если римляне покорили міръ, такъ это потому, что они не учились механической грамматикѣ. Эта острота покажется весьма не удачной, если вспомнить, что англичане и американцы очень много занимаются ореографіей, однако это нисколько не мѣняетъ имъ уже почти въ теченіе двухъ столѣтій занимать мѣсто передовыхъ народовъ земного шара и все больше и больше завоевывать міръ орудіемъ и культурой. Не вывести ли ужъ ихъ успѣха изъ занятія ореографіей, которая, какъ извѣстно, очень трудна? Пожалуй, есть основаніе: преодоленіе пре-

пятствій въ дѣтскомъ возрастѣ укрѣпляетъ волю, закаляетъ характеръ и дѣлаетъ способнымъ къ преодоленію еще большихъ препятствій на жизненномъ пути.

Если принять въ соображеніе все сказанное о значеніи грамматики, то волей-неволей придется признать его. Не понимается надлежащимъ образомъ значеніе грамматики потому, что нѣтъ сколько-нибудь удовлетворительныхъ учебниковъ по грамматикѣ и главнымъ образомъ потому, что преподается она не такъ, какъ слѣдуетъ.

Учебники по русской грамматикѣ, какъ уже было замѣчено, составлялись подъ сильнымъ вліяніемъ латинскихъ, а послѣднія подъ воздѣйствіемъ логики, изъ которой опредѣленія логическихъ формъ мышленія были цѣликомъ перенесены на грамматическія формы рѣчи. Составленные по такому рецепту учебники русской грамматики, само собою разумѣется, должны находиться во враждѣ съ русскимъ языкомъ. Несостоятельность ихъ становится особенно замѣтной, когда приходится вести преподаваніе грамматики по индуктивному методу. Напримѣръ, учителю нужно дать понятіе о главныхъ членахъ предложенія — подлежащемъ и сказуемомъ. Чтобы достигнуть этого, онъ поступаетъ такимъ образомъ. Беретъ, положимъ, предложеніе: каменный домъ продается купцомъ, и спрашиваетъ, о чемъ говорится въ этомъ предложеніи. О каменномъ домѣ, отвѣчаютъ ученики, и отвѣчаютъ совершенно вѣрно. Но учитель подлежащимъ считаетъ одно слово домъ, и ему хочется, чтобы ученики называли только это слово, а потому остается недоволенъ ихъ отвѣтомъ и, вопреки здравому смыслу, доказываетъ имъ, что въ данномъ предложеніи говорится о домѣ. На вопросъ, что говорится о домѣ, учащіеся, какъ и слѣдуетъ, отвѣчаютъ: продается купцомъ. Учитель опять недоволенъ и убѣждаетъ, что о домѣ говорится только то, что онъ продается. За этими указаніями обыкновенно слѣдуютъ такіа опредѣленія: подлежащее есть то, о чемъ говорится въ предложеніи (по однимъ грамматикамъ); подлежащее есть предметъ, о

которомъ говорится въ предложеніи (по другимъ); подлежащее есть главный предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи (по третьимъ); сказуемое есть то, что говорится о подлежащемъ. Между тѣмъ, при разборѣ предложенія: каменный домъ продается купцомъ, какой бы изъ трехъ вопросовъ (О чемъ говорится въ предложеніи? О какомъ предметѣ говорится въ предложеніи? О какомъ главномъ предметѣ говорится въ предложеніи?) мы ни поставили, на каждый изъ нихъ дѣти непременно отвѣчаютъ: каменный домъ; а на вопросъ: что о немъ говорится, скажутъ: продается купцомъ.

Относительно разбора нѣкоторыхъ предложеній существуютъ самыя разнорѣчивыя воззрѣнія. Такъ, напримѣръ, въ предложеніи: у меня мало денегъ — Говоровъ подлежащимъ считаетъ мало денегъ; Бѣляевскій — денегъ; Андреевъ рассматриваетъ это предложеніе, какъ безличное; Флеровъ подлежащимъ считаетъ мало; нѣкоторые подлежащимъ считаютъ у меня.

Это происходитъ оттого, что составители грамматикъ при разборѣ держатся двухъ точекъ зрѣнія — такъ называемой смысловой (логической) и грамматической (формальной).

Посмотримъ, можно-ли держаться смысловой точки зрѣнія. Если да, тогда для послѣдовательности нужно считать не только родительный или дательный въ извѣстныхъ случаяхъ (напр., нѣтъ братьевъ у меня; быть бычку на веревочкѣ), но и творительный при страдательномъ залогѣ, напримѣръ: въ предложеніи птица убита охотникомъ нужно считать подлежащимъ не слово птица, а охотникомъ, потому что объ охотникѣ говорится, что онъ убилъ птицу, охотникъ дѣйствующее лицо, а не птица. При такой точкѣ зрѣнія не можетъ быть и безличныхъ предложеній, потому что логика (точнѣе психологія) не знаетъ безличныхъ сужденій. По ея ученію, сужденіе немыслимо безъ двухъ членовъ: субъекта и предиката; слѣдовательно, и предложеніе, какъ словесное выраженіе сужденія, должно состоять изъ двухъ членовъ:

подлежащаго — субъекта, и сказуемаго — предиката. Если же въ языкѣ нѣтъ словеснаго обозначенія субъекта, то его (словесное обозначеніе) должно подразумѣвать. Нѣмцы вмѣсто него ставятъ **es** или **man**. Сторонники смыслового разбора предложеній, если хотятъ быть послѣдовательными, должны внести нѣкоторыя измѣненія и въ синтаксическій разборъ. Такъ, напримѣръ, въ отвѣтѣ на вопросъ: далеко-ли мы отъ города? — думаю, что не далеко — главнымъ предложеніемъ нужно считать не думаю, а не далеко, потому что думаю только по формѣ главное, а по мысли главное не далеко (т.-е. мы находимся не далеко отъ города). Безспорно, такой разборъ лучше ведетъ къ пониманію предложенія, чѣмъ чисто формальный, грамматическій. Последнее обстоятельство и служитъ причиной, что логической точки зрѣнія при разборѣ предложеній держатся въ школахъ, несмотря на то, что наукой она давнымъ-давно уже осуждена и совершенно основательно, во-первыхъ, потому, что логическій разборъ при изученіи грамматики заводитъ въ такія дебри, изъ которыхъ и самымъ ярымъ сторонникамъ этого разбора не выбраться; во-вторыхъ, потому, что смысловому разбору мѣсто при объяснительномъ чтеніи. Такъ, напримѣръ, встрѣтилась, положимъ, фраза: „быть бычку на веревочкѣ“ — учитель спрашиваетъ, какъ иначе ее выразить. Ученики отвѣчаютъ: „будетъ бычокъ на веревочкѣ“. Этого вполне будетъ достаточно, чтобы своеобразное выраженіе „быть бычку на веревочкѣ“ стало понятнымъ. Встрѣчаются и такіе составители грамматикъ, которые утверждаютъ, что есть числительныя, замѣняющія собой существительныя, и есть существительныя, замѣняющія собой числительныя. Къ первымъ, по ихъ мнѣнію, принадлежатъ: половина, треть и т. д.; ко вторымъ: дюжина, гроссъ и др.

Какъ ни далеки составители школьныхъ грамматикъ отъ истиннаго пониманія ея, они все-таки имѣютъ съ ней дѣло и волей-неволей вносятъ въ свои учебники не только логическія понятія, но кое-что и изъ настоящаго грамматическаго

матеріала, вслѣдствіе чего происходитъ страшная путаница, которой, къ крайнему сожалѣнію, не замѣчаютъ многіе изъ нихъ. Если къ путаницѣ, находящейся въ грамматикахъ, придать путаницу, рекомендуемую методиками, а потомъ ту и другую умножить на путаницу, допускаемую учителями, особенно неопытными, то получится приблизительное представленіе объ урокахъ грамматики¹⁾. Но тутъ вина не грамматики, какъ науки или какъ учебнаго предмета, а вина составителей ея и преподавателей. Въ школахъ часто приходится слышать, какъ дѣти, не сбитыя еще съ толку учебниками грамматики, дѣлаютъ вполне вѣрныя наблюденія надъ языкомъ. Къ сожалѣнію, учитель не пользуется ихъ выводами и насильно, съ разными ухищреніями и натяжками, подгоняетъ эти выводы къ опредѣленіямъ учебника.

Вотъ такіе-то недостатки учебниковъ грамматики и способы преподаванія главнымъ образомъ и служатъ причиной появленія противниковъ самой грамматики. Умѣніе цѣлесообразно преподавать ее, правда, очень трудно, труднѣе умѣнія преподавать другіе учебные предметы, съ чѣмъ, безъ всякаго сомнѣнія, согласятся тѣ, кому приходится преподавать нѣсколько предметовъ и сравнивать преподаваніе ихъ.

Дѣлаю носильную попытку поставить преподаваніе грамматики въ болѣе благопріятныя условія, но прежде постараюсь разсмотрѣть слѣдующіе вопросы: Съ чего начинать изученіе грамматики — съ фонетики, морфологіи или съ синтаксиса? Какъ сообщать грамматическія свѣдѣнія?

1) О путаницѣ въ грамматикахъ мною сказано въ статьяхъ: 1) Опредѣленіе глагольныхъ залоговъ въ школьныхъ грамматикахъ — русскихъ, латинскихъ и греческихъ (Филолог. Зап., 1896 г., № 2); 2) Къ вопросу о сложныхъ предложеніяхъ (Филолог. Зап., 1897 г., № 1 и 2); 3) Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классическихъ гимназій (Рус. Шк. 1900 г. № 1 и 2) О крайней путаницѣ, происходящей на урокахъ грамматики, сужу по наблюденію надъ дающими уроки по грамматикѣ.

I.

Порядокъ изученія частей грамматики.

Многіе настаиваютъ, чтобы изученіе грамматики начиналось съ синтаксиса, потому-де, что только предложеніе служитъ выраженіемъ мысли (сужденія), что предложеніе болѣе конкретно, чѣмъ слово, и, наконецъ, потому, что такъ называемыя служебныя слова (предлоги, союзы, мѣстоименія, мѣстоимѣнія) не могутъ быть разсматриваемы внѣ предложенія, а знаменательныя слова (существительныя, прилагательныя, глаголы, нарѣчія) вполнѣ опредѣленное значеніе получаютъ лишь въ предложеніи. Всѣ эти соображенія, кромѣ того, что предложеніе конкретнѣе слова, не безосновательны, особенно последнее, однако, начинать изученіе грамматики съ синтаксиса не годится по слѣдующимъ причинамъ: 1) предложеніе гораздо труднѣе для изученія, чѣмъ слово; 2) знакомство съ морфемами, т. е. составными частями словъ (корнемъ, префиксомъ, суффиксомъ, окончаніемъ) крайне необходимо для орфографіи, болѣе необходимо, чѣмъ знаніе синтаксиса для пунктуаціи и, наконецъ, 3) что самое важное, опредѣленіе членовъ предложенія невысказано безъ знакомства съ частями рѣчи и съ измѣняемыми формами словъ (падежами, согласованіемъ и спряженіемъ). Мысль объ изученіи синтаксиса раньше этимологіи могла возникнуть потому, что члены предложенія узнавались исключительно по однимъ вопросамъ.

Такъ какъ подобное узнаваніе членовъ предложенія, какъ увидимъ ниже, односторонне и недостаточно, то оно не должно быть принимаемо въ соображеніе. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ случаяхъ оно ведетъ къ крайней сбивчивости¹⁾. Вопросы,

1) Такъ, напримѣръ, если бы учащійся вздумалъ спросить учащаго, почему въ предложеніи: сѣрая лошадь везетъ возъ сѣна подлежащимъ нельзя считать словеснаго выраженія: сѣрая лошадь, -- вѣдь, оно отвѣчаетъ на вопросъ: кто везетъ возъ

ведущіе къ пониманію смысла предложеній, должны быть предлагаемы на урокахъ объяснительнаго чтенія съ самаго начала обученія (См. „Методика чтенія“). Если здѣсь ученикъ, при чтеніи фразы: „Я видѣлъ сегодня комету съ хвостомъ“, на вопросъ: о какомъ предметѣ говорится въ ней — отвѣтитъ: „о кометѣ“, на вопросъ: что о ней говорится? — отвѣтитъ: „что она съ хвостомъ“, — то такіе вопросы и отвѣты можно признать вполне умѣстными. Но если на урокъ грамматики будутъ предложены эти вопросы, то учаніи, исходя изъ опредѣленій, что подлежащее есть предметъ (или главный предметъ), о которомъ говорится въ предложении, а сказуемое то, что говорится о предметѣ, подлежащимъ назоветъ к о м е т у, а сказуемымъ — съ хвостомъ. Въ школѣ очень часто приходится встрѣчаться съ подобными отвѣтами, и въ этомъ, конечно, виноваты не учащіеся, отвѣчающіе такъ, какъ требуетъ здравый смыслъ, а составители грамматикъ и учителя, торопящіеся съ синтаксическимъ разборомъ предложеній и дающіе членамъ предложенія логическія, а не грамматическія опредѣленія. Изъ сказаннаго ясно, что изученіе морфологіи непременно должно предшествовать синтаксису.

Что касается фонетики, то, исходя изъ тѣхъ соображеній, изъ коихъ исходили сторонники изученія синтаксиса раньше этимологіи (въ составѣ этимологіи, какъ она обыкновенно понимается составителями грамматикъ, входитъ морфологія и фонетика), должны будемъ дать ей мѣсто послѣ морфологіи.

сѣ на, то учитель могъ бы выйти изъ затрудненія только съ помощью толкованія о зависимыхъ и независимыхъ словахъ, а это толкованіе возможно послѣ изученія этимологіи. Если бы учащійся спросилъ, почему сказуемымъ нужно считать одно слово везетъ, а не цѣлое выраженіе: везетъ возъ сѣ на, то опять таки учителю пришлось бы прибѣгнуть къ помощи этимологіи, ссылаясь на то, что сказуемымъ нужно считать или одинъ личный глаголъ, или личный глаголъ въ связи съ именемъ. Если учащійся спроситъ, почему сѣ на опредѣленіе, а не дополненіе, хотя и отвѣчаетъ на вопросъ чего, то и въ данномъ случаѣ нельзя обойтись безъ ссылки на ту же этимологію. Словомъ, безъ этимологіи не мыслимо объясненіе ни одного изъ членовъ предложенія.

Если же станемъ на ту точку зрѣнія, что звукъ проще слова, что знакомство со звуками и ихъ переходомъ изъ одной группы въ другую необходимо для морфологіи, то должны будемъ признать неизбѣжнымъ изученіе фонетики раньше морфологіи.

Такъ какъ устная рѣчь съ фонетической стороны крайне неустойчива, измѣнчива и не такъ наглядна, какъ письменная, то при обученіи грамматики, особенно въ начальной школѣ должно брать литературную рѣчь въ письменномъ начертаніи. Во многихъ случаяхъ учащіеся только по начертанію и могутъ судить о принадлежности слова къ той или иной группѣ, напр. въ глубь и вглубь, въ даль и вдаль, по тому и потому и т. д.

II.

Способы сообщенія грамматическихъ свѣдѣній.

Въ настоящее время грамматическій матеріалъ обыкновенно сообщается такъ называемыми концентрическими кругами (см. методику Д. Тихомирова). На первомъ году учащіеся слышатъ, и сами говорятъ, что столъ — предметъ, красивый — качество, писать — дѣйствіе. Въ слѣдующемъ году ихъ уже заставляютъ говорить, что столъ — имя существительное, красивый — имя прилагательное, писать — глаголъ. Еще черезъ годъ со словъ учителя и по грамматикѣ они учатъ, что „имя существительное есть названіе всякаго предмета, существующаго въ мірѣ дѣйствительномъ и умственномъ“ (этимологія Говорова); что „имя прилагательное есть такая часть рѣчи, которая показываетъ различные признаки предмета, какъ-то: качество его или принадлежность его другому предмету“ и т. д. (тамъ же).

Въ своемъ расположеніи грамматическаго матеріала я не придерживался концентрическихъ круговъ. Беру тотъ (грам-

матическій) матеріалъ, усвоеніе котораго нахожу наиболѣе необходимымъ, и располагаю его по поступательному методу.

Въ прежнее время, да и теперь еще въ большинствѣ случаевъ свѣдѣнія по грамматикѣ сообщаются такъ: учитель разясняетъ грамматическое правило и заставляетъ заучить его по учебнику. Поступали и постунаютъ такъ потому, что это самый простой и легкій для учителя способъ преподаванія грамматики. Кромѣ того, думали, что „отъ разумнаго и яснаго толкованія правилъ самый разумъ учениковъ изошрется и не чувствительно готовится къ воспріятію высшихъ словесныхъ наукъ“.

Въ настоящее время съ грамматической стороны языка стараются знакомить не по учебнику, а посредствомъ наблюденія надъ самимъ языкомъ. Такой способъ (индуктивный) изученія грамматики, лучше сказать, такое с о с т а в л е н і е г р а м м а т и к и рациональнѣе дедуктивнаго. При индуктивномъ методѣ дѣти, съ помощью учителя, наблюдаютъ грамматическую сторону языка, дѣлаютъ выводы. Подобные выводы постепенно развиваютъ способность къ отвлеченіямъ, способность весьма важную при изученіи наукъ и въ жизни, и, такъ какъ эти отвлеченія дѣлаются изъ весьма ограниченного круга примѣровъ, то они въ то же время тѣсно связаны съ ними, а потому, такъ сказать, конкретны. Вслѣдствіе этого нѣтъ основанія опасаться за преждевременное развитіе отвлеченнаго мышленія у дѣтей, какъ опасались Я. Гримъ, Вурстъ и ихъ послѣдователи. И потомъ, вредно ли, въ самомъ дѣлѣ, преждевременное развитіе отвлеченнаго мышленія? Безъ него, вѣдь, невозможны занятія ни однимъ учебнымъ предметомъ. Развить его — важнѣйшая задача школы.

При индуктивномъ методѣ преподаванія грамматики печатнымъ учебникомъ или совсѣмъ можно не пользоваться или же допустить его, какъ пособіе для повторенія того, что сдѣлано въ классѣ подъ руководствомъ учителя.

Совсѣмъ не пользоваться печатнымъ учебникомъ грамматики можно въ томъ случаѣ, когда есть возможность не

только обработать грамматическій матеріалъ въ классѣ, но и записать его ¹⁾. Въ противномъ случаѣ разработанный въ классѣ матеріалъ усваивается и повторяется учащимися по учебнику ²⁾.

Къ сожалѣнію, индуктивный способъ преподаванія грамматики (составленія грамматики) чрезвычайно труденъ и требуетъ со стороны учащаго и серьезныхъ знаній, и большого искусства, иначе онъ окажется менѣе полезнымъ.

Хотя преимущество индуктивнаго метода передъ дедуктивнымъ вполне очевидно, но и при благопріятныхъ условіяхъ не всегда имъ можно пользоваться. Нужно замѣтить, что преподаваніе по индуктивному методу не только труднѣе для учителя, но и отнимаетъ больше времени. Между тѣмъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ грамматическія положенія таковы, что ихъ или трудно вывести, или нѣтъ надобности терять на нихъ много времени. Въ такихъ случаяхъ слѣдуетъ отдавать предпочтеніе дедуктивному методу.

Граматику нужно преподавать такъ, чтобы учащіеся сознавали необходимость изученія ея, чтобы они видѣли, что безъ нея обойтись нельзя. Такъ, напримѣръ, послѣ труднаго и скучнаго усвоенія дѣленія звуковъ на группы на урокъ

1) Само собой разумѣется, что подобный способъ изученія грамматики языка допустимъ въ рѣдкихъ случаяхъ и можетъ быть приведенъ въ исполненіе лишь опытнымъ и хорошо знающимъ свой предметъ учителемъ русскаго языка. Только такому учителю возможно составить совмѣстно съ учениками письменный учебникъ, который ничѣмъ не долженъ отличаться отъ продуманнаго и систематическаго печатнаго учебника. Если же учитель не можетъ этого достигнуть, то лучше, конечно, пусть и не берется.

2) Нашъ извѣстный языковѣдъ Срезневскій совершенно изгонялъ изъ низшей школы учебники, особенно учебникъ по грамматикѣ, потому что въ послѣднемъ больше непонятнаго для дѣтей, чѣмъ въ другихъ учебникахъ. Учебникъ по грамматикѣ не будетъ непонятенъ для дѣтей, если его положенія предварительно вывести изъ наблюденія надъ языкомъ. Усвоеніе же грамматики языка безъ печатнаго или записаннаго учебника должно быть въ концѣ-концовъ болѣе шаткимъ и неопредѣленнымъ, чѣмъ усвоеніе какого-либо другого предмета, по причинѣ весьма понятной.

грамматики, на урокахъ чтенія нужно показать, какъ важно это знаніе для правильнаго чтенія, на урокахъ письма для правописанія. При соблюденіи этого условія учащіеся будутъ ясно видѣть и понимать то, чего теперь не видятъ и не понимаютъ тѣ, которые отрицаютъ необходимость изученія грамматики, подвергая ее незаслуженному ostracismu.

Твердо нужно помнитъ, что преподаваніе грамматики можетъ быть полезнымъ только въ томъ случаѣ, когда содержаніе для нея берется изъ самого языка, когда ея обобщенія (правила) служатъ строго логическимъ выводомъ изъ наблюдений надъ языкомъ, надъ его формами и ихъ значеніемъ, когда она, гдѣ только можно, сообщается не какъ готовая наука по учебнику, а выводится учащимися изъ наблюдений надъ языкомъ.

Для уроковъ грамматики необходимо завести двѣ сшитыя вмѣстѣ тетради. Въ одной изъ нихъ дѣлаются разнаго рода грамматическія упражненія, въ другой записываются примѣры и выведенныя изъ нихъ правила. Словомъ, во второй тетради записывается то, что должно быть усвоено на память.

Каждый урокъ грамматики долженъ состоять изъ слѣдующихъ частей: 1) повторенія предыдущаго урока, 2) разработки новаго матеріала и 3) записи тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли на урокѣ.

Какъ вести разработку новаго матеріала, какъ вести записи выводовъ, видно будетъ изъ примѣрныхъ уроковъ, которые помѣщены ниже.

Для грамматическихъ выводовъ слѣдуетъ дать примѣры изъ прочитанныхъ статей, чтобы не было надобности останавливаться на объясненіи ихъ и этимъ отвлекать вниманіе учащихся отъ главной задачи урока (сдѣлать грамматическій выводъ).

Еще одинъ вопросъ: можно ли давать грамматическіе разборы для письменныхъ упражненій? Подобныя упражненія въ большомъ ходу и у насъ, и за границей. Во француз-

скихъ нѣкогдахъ уже семилѣтнія дѣти пишутъ такой разборъ:
 Ле — членъ простой, муж. рода, единств. числа; мальчикъ —
 имя нарицательное, муж. рода, единств. числа; храбрый —
 прилагательное, качественное, муж. рода, единств. числа.

У насъ воспитанниковъ второго класса учительской семинаріи заставляютъ писать слѣдующіе разборы:

Государева коляска остановилась у дворца Царицына сада.

Государева коляска

(логическое подлежащее: что?)

Коляска

(граммат. подлежащее: что?)

Государева

(объяснит. слово: чья?)

Остановилась у дворца Царицына сада

(логическое сказ.: что сдѣлала?)

У дворца

(объяснительное слово первой степени: гдѣ?)

Царицына сада

(объяснительныя слова 2 и 3 степени: какого?)¹⁾

Къ чему приводятъ подобныя грамматическія упражненія? — Къ напрасной потерѣ времени учащимися и учащимъ; къ развитію отвращенія — у первыхъ писать, у второго исправлять, и къ навыку дѣлать орфографическія ошибки²⁾.

Грамматическіе разборы должны быть устными, но никакъ не письменными. Да и устными нельзя злоупотреблять, особенно они излишни въ школахъ, гдѣ не изучаются иностранные языки. Злоупотребленіе грамматическими разборами ве-

1) Этотъ разборъ представляетъ точную копію, снятую мною изъ тетради воспитанника второго класса Трофимова, представленной Иркутской учительской семинаріей на Парижскую выставку 1900 г.

2) Шереметевскій приводитъ такой образчикъ письменнаго грамматическаго разбора: рѣбенокъ при оду му ро иди чес. Это обозначаетъ: ребенокъ — предметъ одушевленный, мужескаго рода, единственнаго числа.

детъ къ тому, что дѣти дѣлають ихъ, не думая, а потому говорятъ нелѣпости.

Кто согласенъ съ тѣмъ, что грамматику нужно преподавать такъ, чтобы учащіеся сознавали необходимость того, что они учатъ, тотъ согласится, что грамматическіе разборы болѣе умѣстны на урокахъ иностранныхъ языковъ. Тутъ дѣти сразу видятъ, почему отъ нихъ требуютъ разборъ, и дѣлають практическое примѣненіе разобранному.

III.

Что и какъ должно быть сообщено по грамматикѣ.

Въ своей брошюрѣ: „Обученіе грамматикѣ русскаго литературнаго языка“ я доказывалъ, что при начальномъ обученіи грамматикѣ нужно различать не тотъ звуковой составъ словъ, который распознается слухомъ, а тотъ, который обозначенъ буквами общепринятаго письма, и что поѣтому крайне неудобно говорить о звукахъ отдѣльно отъ ихъ письменныхъ знаковъ; что, такъ какъ у грамотныхъ людей звуки и ихъ письменныя обозначенія тѣсно и неразрывно связаны, то и не слѣдуетъ заботиться о томъ, чтобы эта связь была разорвана; что волей-неволей нужно мириться съ тѣмъ, чтобы школьная грамматика была наукой о формахъ языка не въ томъ видѣ, въ какомъ онѣ представляются нашему слуху, а въ томъ, въ какомъ закрѣплены на письмѣ. Такой взглядъ былъ высказанъ подъ вліяніемъ слѣдующихъ соображеній.

1) Звуковой составъ словъ даже въ общепринятомъ литературномъ произношеніи крайне неустойчивъ и трудно уловимъ слухомъ ¹⁾.

1) Профессоръ Брандтъ находитъ, что въ литературномъ русскомъ языкѣ каждый согласный звукъ имѣетъ троякое произношеніе: твердое, среднее и мягкое, напримѣръ, звукъ *р* въ словѣ *ровъ* имѣетъ твердое произношеніе; словѣ *рви* — среднее; въ

2) Дальше. Если при прохожденіи грамматики имѣть въ виду звуковой составъ устныхъ словъ, то нужно очень многое совершенно измѣнить и передѣлать. Такъ, напримѣръ, пришлось бы говорить, что существительныя мужескаго рода оканчиваются не на *ъ* и *ь*, а на согласные: *н*, *к*, *х*, *ш*, *с*, *ф* и другіе: *ноги* (ножъ), *лоп* (лобъ), *крофъ* (кровь), *глас* (глазъ) и т. п., а слова женскаго рода на *а*: *вода*, *пулба* и на мягкіе согласные звуки: *костъ*, *дочъ*, *дверъ* и т. д. Слѣдовательно, постоянно нужно было бы держать въ головѣ и звуковой составъ слова и буквенный, часто совершенно не совпадающій съ звуковымъ. Кромѣ того, нужно было бы говорить, что именительный и звательный падежи единственнаго числа не имѣютъ окончанія и представляютъ собой одну лишь основу.

Высказанный взглядъ я измѣнилъ. 1) Хотя несоотвѣтствіе между звуковымъ составомъ словъ и ихъ орфографіей, дѣйствительно, представляетъ затрудненія и неудобства, но изъ-за этого не слѣдуетъ жертвовать сообщеніемъ настоящихъ грамматическихъ свѣдѣній объ языкѣ. 2) Раньше, въ силу господствующаго возрѣнія, я считалъ необходимымъ торопиться съ изученіемъ грамматики, чтобы съ ея помощью облегчить трудное усвоеніе орфографіи. Теперь въ „Методикѣ письма“, я указалъ, какъ обучать орфографіи безъ помощи грамматики на первыхъ ступеняхъ обученія, и что нужно

словъ *ревень* — мягкое. Звукъ *а* въ словѣ *даръ* отличается отъ звука *а* въ словѣ *дань*: въ первомъ онъ широкъ, потому что за нимъ слѣдуетъ твердый согласный *р*^о; во второмъ узокъ, потому что за нимъ слѣдуетъ мягкій согласный *н*^ь.

Въ противоположность мнѣнію Брандта, видящаго въ словахъ рѣзкое различіе между звуковымъ и буквеннымъ составомъ ихъ, въ послѣднее время высказывается взглядъ о близости звуковъ нашего языка къ нашей азбукѣ. По этому возрѣнію, буквы: **я, е, ѣ, ё, ю, и** (**і**), **ц, ч, щ** не обозначаютъ звуковъ: *ѣа, ѣэ, ѣз, ѣо, ѣу, ѣи, тс, тши, штъш*, — это есть особые неразложимые звуки; если и можно допустить, что буквы: **я, е, ѣ, ё, ю** въ началѣ слога обозначаютъ звуки, близкіе звукамъ *ѣа, ѣэ* и т. д., то ни въ какомъ случаѣ нельзя говорить, что эти буквы послѣ согласныхъ обозначаютъ звуки: *а, э, о, у*.

сообщить изъ области грамматики, чтобы закончить весь курсъ обученія орфографіи. Такъ какъ „Методика письма“ устраняетъ главнѣйшую причину, изъ-за которой очень рано приступаютъ къ изученію грамматики, то есть полная возможность отодвинуть изученіе ея какъ можно дальше, къ тому времени, когда учащіеся вполне уже владѣютъ орфографіей, когда сдѣлаются способными къ воспріятію грамматическихъ свѣдѣній. Это можетъ быть на 4 или 5 году ученія, т. е. тогда, когда можно уже будетъ знакомить съ грамматической стороной языка безъ всякаго отношенія его къ орфографической.

Теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію вопроса, что и какъ сообщать по грамматикѣ.

Чтобы у учащихся составилось вполне ясное представленіе о звукахъ, о раздѣленіи ихъ на группы и объ отношеніи звуковъ русскаго литературнаго языка къ азбукѣ, учитель поступаетъ такъ: заставляетъ учащихся записать въ тетрадяхъ рѣчь, въ которой были бы все звуки русскаго литературнаго языка.

Платонъ Вулынъ, Эмма Вязева, Людовикъ Іосифовичъ Сергѣевскій ѣхали въ фаятонѣ, въ который была запряжена пара бѣлыхъ лошадей. На Вулынѣ былъ высокій чѣрный цилиндръ; на Эммѣ широкая шляпа съ голубыми и фіолетовыми цвѣтами; на Сергѣевскомъ кожаный картузь. Ихъ кучеръ Оѣдоръ Елкинъ повернулъ въ тѣсный переулокъ. Вдругъ щѣки у него сильно покраснѣли, когда имъ встрѣтился убогій и хилый старичокъ Оома Юдинъ, несшій въ цыновкѣ огромную шуку.

Прежде чѣмъ заставить учащихся разложить слова на звуки, учитель говоритъ, что звуки, которые произносятся такъ: *пз*, *лз* и т. д., онъ будетъ обозначать одной буквой *п*, *л* и т. д.; тѣ же звуки, которые произносятся такъ: *пъ*, *лъ* и т. д., онъ будетъ обозначать такимъ образомъ: *п^в*, *л^в* и т. д.

Послѣ этого ученики разлагаютъ слова на звуки, учи-

тель обозначаетъ ихъ буквами; на доскѣ должно получиться слѣдующее ¹⁾):

n, л, а, т, о, н, в, у, ъ, э, м,
и *о*
в', я, з', ё, л', ю, д, у, к, с', ф
б', з, е, р', г', к', й, х, н'
р, б, з, ж', ш, д', с, т', ц', м', ш',
о'
г, ф', ж, т', н', ш', h, h', x', y, y.

Послѣ этого учителя заставляетъ учащихся произносить звуки, записанные на доскѣ, и обращать вниманіе, какъ каждый изъ нихъ произносится: тѣ звуки, которые произносятся открытіемъ одного лишь рта, безъ участія губъ и языка, онъ записываетъ въ одной строкѣ; тѣ, которые съ помощью губъ, въ другой, и тѣ, которые съ помощью языка, — въ третьей.

На доскѣ получится:

- 1) а, о, у, ъ, э, я, ё, ю, и (і), е (ѣ)
- 2) н, в, м, ѿ, ф (ѳ), ѿ, ѿ, м', ф' (ѳ'), н'
- 3) л, т, к, э', л', д, к, с', з, р', з', к'
ѡ, х, н', р, з, ж', ш, ѿ', с, з', ѡ', ш',
з, ж, м', ѡ', л, л', х' ѡ, ѡ.

Учитель говорит, ученики записывают: звуки, произносимые съ помощью одного лишь раскрытаго рта, называются *гласными*, съ помощью губъ или языка *согласными*.

1) Если попадаетъ буква, обозначающая уже встрѣтившійся звукъ, то учитель пишетъ ее надъ первой. При встрѣчѣ со слогами: *йа, йо, йу, йи, йэ* учитель показываетъ учащимся, что они обозначаются тѣми же буквами, что и звуки: *я, е, ю, и, е*, и выписываетъ ихъ въ сторонѣ, такъ какъ ихъ нельзя считать звуками: это скорѣе слоги, состоящіе изъ согласнаго *й* и гласныхъ *а, о, у, и, э*. Когда учащіеся дойдутъ до разложенія словъ: *когда* и *убойнѣ*, учитель указываетъ, что въ русской азбукѣ нѣтъ буквы, соотвѣтствующей звуку, обозначаемому въ латинскомъ алфавитѣ буквой **h**, что этотъ звукъ обозначается тою же буквою, что и звукъ *г* (приносится, какъ греческое *γ*).

Обращая вниманіе на ротъ учителя, произносящаго отчётливо фразу: „На-дя Ко-нёва позвала Му-сю Ры-си-ну и Элеонору Зыбину“, учащіеся должны прійти къ выводу, что звуки: *а, о, у, ы, э* произносятся широкимъ раскрытіемъ рта, а звуки *я, ё, ю, и (і), е (ѣ)* узкимъ.

Учитель говоритъ, ученики записываютъ: гласные, произносимые широкимъ раскрытіемъ рта, называются широкими гласными, узкимъ — узкими, но по установившемуся обычаю, первые называются твердыми, потому что сочетаются съ твердыми согласными, а вторые мягкими, потому что сочетаются съ мягкими согласными. Изъ мягкихъ гласныхъ только звуки: *е, и (і)* начинаютъ слова: имя, ива, Іоаннъ, Іосифъ, еретикъ, эпиграмма (произноси *е* какъ узкое *э*). Мягкіе звуки *я, ё, ю, е (ѣ)* въ русскихъ словахъ всегда сочетаются съ согласнымъ *й*, если почему либо не могутъ сочетаться съ другимъ согласнымъ; въ этомъ случаѣ они изъ узкихъ обращаются въ широкіе: *яма-йама, ёлка-йолка, юла-йула, ели-йэли, знаніе-знанійэ, шью-шійу*. Напротивъ мягкій *и* рѣдко встрѣчается съ предшествующимъ *й*: *ихъ-йихъ, имъ-йимъ*.

Переходя къ губнымъ согласнымъ, учитель замѣчаетъ, что всѣ они могутъ произноситься твердо и мягко, чего нельзя сказать про язычные, изъ которыхъ *й* имѣетъ одно лишь произношеніе, кромѣ того въ звукахъ: *ц, ж, з, ш, щ* трудно различается твердость и мягкость, — *ц, ж, ш* болѣе склоняются къ твердымъ, а *з* и *щ* къ мягкимъ. На твердость и мягкость этихъ звуковъ слѣдуетъ указать потому, что въ письмѣ они сочетаются съ твердыми и мягкими гласными. Если не по своей природѣ, то подъ вліяніемъ аналогій они кажутся намъ то твердыми, то мягкими.

Заставляя учащихся произносить язычные звуки, учитель приводитъ ихъ къ сознанію, что при произнесеніи однихъ¹⁾

1) Когда учащіеся дойдутъ до звуковъ *р* и *р'*, учитель говоритъ, что это особые звуки, произносимые дрожаніемъ кончика языка.

(*н, н', л, л', д, д', т, т', з, з', с, с', ц, ц'*) языкъ направляется къ зубамъ, другихъ — (*й, ж, ж', г, г', ш, ш', щ, щ'*) къ небу, третьихъ (*х, х', г, г', к, к'*) къ гортани, почему первые называются *зубными*, вторые — *небными*, третьи — *гортанными*. Есть для нихъ еще разныя другія названія (*передне-язычные* или *передне-небные*, *средне-язычные* или *средне-небные*, *задне-язычные* или *задне-небные*), но приведенныя самыя удобныя, такъ какъ они кратки и общеприняты.

Произнося звуки: *б—п, в—ф, д—т, з—с, ж—ш* учащiеся должны прiйти къ заключенiю, что одни изъ нихъ *б, в, д, з, ж* должны быть названы *звонкими*, а *п, ф, т, с, ш* — *глухими*.

Знанiе, какiе изъ согласныхъ могутъ быть произносимы протяжно, какiе мгновенно, практическаго значенiя для учащiхся не имѣетъ, а потому и не стоитъ давать его.

Говорить о сложности *ц, г, щ* тоже не стоитъ въ виду того, что вопросъ споренъ; разложить ихъ на простые звуки мы не можемъ: нельзя утверждать, какъ это дѣлаютъ, будто *ц = тс, ч = т'ш, щ = шт'ш*. Подобнымъ образомъ можетъ разлагать эти звуки только тотъ, у кого на родномъ языкѣ нѣтъ ихъ. Иностранные ученые разложили ихъ, а русскiе некстати послѣдовали за ними. Нужно также сказать, что звуки: *ж, г, ш, щ* называются *шипящими*, *з, с, ц* — *свистящими*, *м* и *н* — *носовыми*, *р* — *дрожательнымъ*. Изученiе звуковъ можно закончить подсчетомъ ихъ. Изъ подсчета должно оказаться, что всѣхъ звуковъ въ русскомъ языкѣ болѣе или менѣе явственно распознаваемыхъ нашимъ слухомъ 53; изъ нихъ гласныхъ 10, согласныхъ 43 (губныхъ 10, язычныхъ 33). Изъ губныхъ всѣ парные, т. е. могутъ произноситься твердо или мягко; изъ язычныхъ 16 парныхъ, 1 непарный.

Подсчетъ звуковъ естественнымъ образомъ долженъ заинтересовать учащiхся, какимъ образомъ для обозначенiя ихъ

на письмѣ мы обходимся гораздо меньшимъ числомъ буквъ (всего 31, такъ какъ **ѣ** и **ѥ** звуковъ не обозначаютъ, а буквы: **і**, **ѳ**, **ѳ** обозначаютъ тѣ же звуки, что и буквы: **и**, **ѣ**, **ѳ**).

Если учащіеся сами не догадаются, учитель объясняетъ, что посредствомъ 31 буквы и 2 знаковъ — твердаго и мягкаго (**ѣ**, **ѥ**) обозначаются 54 звука въ виду слѣдующаго: такъ какъ въ нашемъ языкѣ согласные твердые сочетаются только съ твердыми гласными, а мягкіе только съ мягкими, то по гласной буквѣ можно узнать, какъ должно прочесть согласную букву — твердо или мягко (Надя). Поэтому для 43 согласныхъ, изъ которыхъ 42 парныхъ и 1 непарный нужно всего 22 буквы (21 для парныхъ и 1 для непарнаго **й**), но такъ какъ для парнаго звука **h** въ нашей азбукѣ нѣтъ особой буквы, то мы ограничиваемся 21 буквой. Если нельзя обозначить твердаго или мягкаго произношенія согласной посредствомъ гласной, тогда пользуются знаками: **ѣ** и **ѥ** (конь, законъ, даръ, царь, объяснить, объёмъ, лью, бью, пью). Пять согласныхъ звуковъ съ предшествующимъ **й** обозначаются тѣми же пятью буквами, которыя служатъ для обозначенія пяти мягкихъ. Такимъ образомъ, 31 буквой и 2 знаками, не имѣющими звукового значенія, мы обозначаемъ 54 звука. Лишними для нашего языка являются лишь буквы: **і**, **ѣ**, **ѳ**.

Послѣ того учащіеся сами должны быть въ состояніи указать, какое значеніе имѣетъ каждая буква (а именно: каждая согласная, кромѣ **й**, обозначаетъ по два звука — твердый и мягкій; каждая гласная, послѣ согласной, кромѣ своего звукового значенія, указываетъ еще, какъ должно произнести согласную; мягкія гласныя, кромѣ того, могутъ обозначать йотованные звуки: **йа**, **йо**, **йу**, **йи**, **йэ**; знаки: **ѣ**, **ѥ** обозначаютъ твердое или мягкое произношеніе согласной; буквы: **и** и **і**, **ѳ** и **ѣ**, **ѣ** и **ѳ** имѣютъ по одному значенію, напротивъ буква **г** — четыре: **г**, **г'**, **h**, **h'**).

Чтобы учащимся стало понятнымъ, почему **ѣ** и **ѥ** употребляются для обозначенія твердаго или мягкаго произноше-

нія согласныхъ, почему существуютъ въ нашей азбукѣ буквы ненужныя для нашего языка, почему въ нѣкоторыхъ словахъ (ротъ, лобъ, пень, день) могутъ исчезать гласные звуки, почему на мѣстѣ нѣкоторыхъ гласныхъ появляются носовые согласные (на-**ду**-тый, на-**дм**-енный, за-**пя**-тая, за-**пн**-уться) почему одни и тѣ же слова (напримѣръ языкъ, руки, дубъ, вѣра, лѣсъ) въ славянскихъ языкахъ и нарѣчiяхъ произносятся различно, необходимо познакомить ихъ съ древне-цер.-слав. азбукой. Изъ этого ознакомленiя они должны вывести: 1) **ѣ** употребляется для обозначенiя твердости согласныхъ потому, что въ др.-цер.-сл. азбукѣ онъ обозначалъ твердый гласный, а **ѣ** употребляется для обозначенiя мягкости потому, что онъ обозначалъ мягкiй гласный; 2) буквы: **і**, **ѣ**, **ѳ** употребляются изъ слѣпного иодражанiя др.-ц.-сл. азбукѣ (учитель дополняетъ, что въ эту азбуку буквы: **і** и **ѳ** внесены изъ подражанiя греческой, а буква **ѣ**, вѣроятно, обозначала иной звукъ, чѣмъ **е**); 3) въ словахъ: ротъ, лобъ, день и т. п. могутъ выпадать гласные потому, что въ др.-ц.-сл. языкѣ въ нихъ находились глухіе гласные **ѣ**, **ѣ**; 4) на мѣстѣ нѣкоторыхъ гласныхъ появляются носовые согласные потому, что въ томъ языкѣ, отъ котораго произошли славянскіе языки, были носовые гласные: *ом* или *он*, *ем* или *ен* (читай *е* безъ *й*); въ словахъ: дуть, языкъ, дубъ, звукъ, рука, время, сѣмя, запятая, начало и т. п. были эти носовые звуки; въ немногихъ словахъ русскаго языка они сохранились и до настоящаго времени: сѣмени, стремени, имени, запнуться, запонка, начинать, звонъ, а польскiй языкъ сохранилъ ихъ почти цѣликомъ, почему въ немъ: ензыкъ, домбъ, зомбъ, ренка и т. п. 5) Буква **ѣ** когда-то имѣла особое значенiе, чѣмъ буква **ѳ**, — это видно изъ того, что слова съ нею въ славянскихъ языкахъ произносятся различно (вѣра въ великорусскомъ, віра въ малорус., вяра въ польскомъ).

Чтобы у учащихся лучше сохранилось въ памяти представленiе о различiи между гласными русскаго и др.-ц.-сл. языковъ, учитель заставляетъ записать табличку тѣхъ и другихъ:

русскія гласныя
а, о, у, ы, э
я, ё, ю, и (і), е (ѣ)

др.-ц.-слав. гласныя
а, о, у, ы, ; ъ, ѣ, а
ѡ, —, ю, и, э (ѣ); ѣ, ѡ, ѡ

Въ русскомъ языкѣ сравнительно съ др.-ц.-сл. нѣтъ 2 глухихъ гласныхъ и 4 носовыхъ, а въ др.-ц.-слав. сравнительно съ русскимъ нѣтъ мягкаго ё и твердаго э. Остальные гласные одинаковы.

Ученіе о звукахъ можно закончить указаніемъ на разницу между названіемъ буквы и ея звуковымъ значеніемъ, такъ, напр., буква **б** въ русск. языкѣ называется **бе**, въ др.-ц.-сл. **буки**, но въ томъ и другомъ она обозначала два звука: или бъ или бь. Слѣдуетъ приучать учащихся называть буквы по ихъ звуковому значенію: *б, в, г, д* и т. д., при чемъ названія должны быть средними между твердымъ и мягкимъ произношеніями.

Для закрѣпленія полученныхъ о звукахъ свѣдѣній нужно дать учащимся переписать какую-нибудь статейку и заставить ихъ выписать подъ цифрами: 1) гласные твердые, 2) гласные мягкіе, 3) зубные твердые, 4) губные мягкіе, 5) зубные твердые и 6) зубные мягкіе, 7) небные твердые и 8) небные мягкіе, 9) гортанные твердые, 10) гортанные мягкіе, 11) звонкіе, 12) глухіе.

Отъ звуковъ нужно перейти къ словамъ. Чтобы учащіеся уяснили себѣ разницу между звукомъ и словомъ, учитель съ одной стороны доски пиньетъ такіе звуки и звуко-сочетанія, съ которыми мы не соединяемъ никакого значенія, никакого представленія; съ другой такіе звуки и звуко-сочетанія, съ которыми соединяемъ извѣстное представленіе:

ы, ю,
батра, шатъло

Я (пину), Э (название одного изъ фран-
цузскихъ городовъ), труба, лошадь.

Звуки или звуко-сочетанія, съ которыми мы соединяемъ какое либо представленіе, перестаютъ быть для насъ простыми звуками и становятся с л о в а м и.

Учитель заставляетъ сказать нѣсколько словъ, записать

ихъ на доскѣ и въ тетрадяхъ, обратить вниманіе, сколько требуется выдыханій для произнесенія каждаго слова; каждую часть слова, произнесенную однимъ выдыханіемъ, отдѣлить вертикальной чертой. Послѣ этого учащіеся должны сдѣлать выводъ, что часть слова, произнесенная однимъ выдыханіемъ, состоитъ или изъ одного гласнаго звука или же сложена изъ двухъ или нѣсколькихъ звуковъ, почему и называется слогомъ, складомъ. Учитель заставляетъ обратить вниманіе, какое мѣсто занимаетъ гласный звукъ въ слогѣ по отношенію къ согласнымъ. Послѣ этого записывается: если слогъ кончается гласнымъ звукомъ, то называется открытымъ, если согласнымъ, то закрытымъ.

Дальше учитель требуетъ прислушаться, съ одинаковымъ ли напряженіемъ мы произносимъ слоги въ словахъ. Легко замѣтить, что одинъ изъ слоговъ произносится съ большимъ напряженіемъ. Слогъ, произносимый съ большимъ напряженіемъ голоса, называется ударнымъ, съ меньшимъ — неударнымъ.

Учитель записываетъ слова на доскѣ и требуетъ указать ихъ значеніе:

замѡкъ — замо́къ
 му́ка — мука́
 хлѣ́ба — хлѣба́
 го́ловы — головы́
 бо́роны — бороны́
 бо́роды — боро́ды

На основаніи приведенныхъ примѣровъ дѣлается выводъ, что благодаря перемѣнѣ ударенія можно мѣнять значеніе слова.

Изъ примѣровъ: во́лосъ, волоса́, вода́, во́ды, часть, часы́,
 е яйцо́, и яйца, перья́, перо́ и т. п., учащіеся должны сдѣлать выводъ, что неударные гласные могутъ переходить въ другіе гласные, близкіе къ нимъ по произношенію.

Послѣ этого необходимо заставить учащихся переписать статью, раздѣлить въ ней слова на слоги, обозначить ударные слоги, указать подвергнушіеся измѣненію гласные вслѣдствіе того, что на нихъ не падаетъ удареніе.

Потомъ необходимо привести примѣры, на основаніи коихъ учащіеся пришли бы къ заключенію, что при стеченіи согласныхъ, твердые согласные уподобляются твердымъ, мягкіе — мягкимъ, звонкіе — глухимъ, глухіе — звонкимъ, что звонкіе въ концѣ словъ переходятъ въ глухіе¹⁾, что гортанные и зубные (д, т, з, с, ц) могутъ переходить въ небные (Богъ — Боже, другъ — друзья, человѣкъ — человѣческій, духъ — душа, грѣхъ — грѣшный, свѣтитъ — свѣча, судить — сужу, мазать — мажу, отецъ — отеческій, писать — пишу).

Въ переписанной статьѣ учащіеся должны отмѣтить всѣ эти фонетическія явленія.

За ученіемъ о звуковомъ значеніи буквъ въ старыхъ грамматикахъ, о звукахъ въ новыхъ, слѣдуетъ ученіе о частяхъ рѣчи. Восьми-девятилѣтнимъ дѣтямъ говорятъ, что въ русскомъ языкѣ есть девять частей рѣчи: имя существительное, имя прилагательное и т. д., что имя существительное есть названіе всякаго предмета, существующаго въ мірѣ дѣйствительномъ и умственномъ, и что оно (имя существительное) измѣняется по числамъ и падежамъ, что имена существительныя бываютъ чувственные и умственные, общія и частныя, а общія въ свою очередь бываютъ собирательныя и вещественныя (см. грамматику Говорова). Въмѣсто того, чтобы говорить дѣтямъ объ этомъ и заставлять ихъ учить то, о чемъ у самихъ составителей школьныхъ грамматикъ крайне смутныя и сбивчивыя понятія, гораздо лучше знакомить ихъ съ той стороною языка, которая подлежитъ конкретному наблюденію, которая вводитъ въ пониманіе его строя и значенія каждой составной его части.

1) См. объ этомъ въ „Методику чтенія“, стр. 40.

На первых порахъ наиболѣе легко и доступно изъ области морфологіи то, что дано въ моей „Методикѣ письма“; при систематическомъ прохожденіи грамматики о томъ же (т. е. о морфологическихъ частяхъ словъ) ¹⁾ остается сказать подробнѣе.

На морфемахъ и ихъ значеніи нужно остановиться какъ можно долѣе, потому что въ этомъ главнымъ образомъ и состоитъ задача той части грамматики, которая называется морфологіей. Это вводитъ въ пониманіе строя словъ и избавляетъ учителя отъ излишнихъ толкованій и остановокъ при объяснительномъ чтеніи. Чѣмъ меньше учитель останавливается на объясненіяхъ отдѣльных словъ, выраженій, предложений, тѣмъ лучше, тѣмъ успѣшнѣе онъ можетъ достигать другихъ цѣлей, которыя неотдѣлимы отъ сознательнаго чтенія, почему разумное изученіе грамматики можетъ оказать большую услугу сознательному чтенію.

Изученіе морфемъ должно начать съ корня. Учитель даетъ нѣсколько корней и заставляетъ образовать отъ нихъ слова :

<i>лѣс,</i>	<i>вѣс,</i>	<i>гроз,</i>	<i>торг</i>
лѣсъ	вѣсы	гроза	торгъ
лѣсной	вѣсовщикъ	грозовой	торговать
лѣсничій	вѣситъ	грозить	торговецъ
лѣсистый	повѣситъ	грозный	торговля
лѣсникъ	подвѣситъ		торговый
лѣсниковъ	перевѣситъ		
	вѣситься		
	повѣситься		

Дальше пишутся слова съ измѣненнымъ нѣсколько корнемъ :

лѣпшій	вѣшать	угрожать	торжище
	вѣшалка		

1) Того, что сказано въ „Методикѣ письма“ объ измѣняемыхъ и неизмѣняемыхъ словахъ, объ един. и множ. числахъ, о муж., сред. и женск. родахъ, — вполне достаточно.

Учитель предлагаетъ образовывать слова отъ такихъ корней, которые подвергаются очень большимъ измѣненіямъ при образованіи отъ нихъ словъ:

зов (зыв, зв)	гиб (гб, г)	соп (сп, со)	ход (хож, хаж,
зову	сгибать	сопѣть	шес изъ шед, шед
звать	согбенный	спать	изъ хед, шѣ, ш)
призывать	согнуть	сонъ (изъ соннѣ)	ходить
			хожу
			хаживать
			шествіе
			шѣль
			шла

Послѣ этого записываются слова, у которыхъ корни созвучны, но значеніе ихъ совершенно различно:

гор - а, гор - е, гор - ло, гор - ѣть.

Изъ разсмотрѣнныхъ примѣровъ учащіеся должны сдѣлать выводъ: 1) корень есть такая морфема, которая заключаетъ въ себѣ главное значеніе слова, его суть; 2) слова, образованныя отъ одного и того же корня, сохраняютъ смысловую связь съ однокоренными; 3) какимъ бы рѣзкимъ измѣненіямъ корень ни подвергся, но между словами, происходящими отъ него, смысловая связь остается (ходить, шла); 4) напротивъ полное созвучіе корней въ словахъ, разныхъ по значенію, не можетъ служить указаніемъ, что они происходятъ отъ одного и того же корня.

Тутъ можно сдѣлать слѣдующее примѣчаніе: такъ какъ различавшіеся раньше по произношенію звуки е и ѣ теперь отождествились, то нѣкоторые корни сдѣлались созвучными (лѣто — летать, мѣль — мелкій, вѣра — веревка, вѣсть — вести).

Учитель заставляетъ писать слова: бѣглець, ѣда, иго, иг-ла, ива, адъ, гоню, гнать, разносчикъ, извозчикъ,

столкновеніе, страхъ, встрѣча; бить, бью, пить, пью, лить, шить, сѣять, вѣять, рѣять, бой, рой, лой, слой, клей; городъ, золото, голова, борона, борода, солома, хворостъ; молоко, серебро, берегъ, пелена.

Въ этихъ словахъ отыскиваются корни, подчеркиваются, и дѣлается выводъ: корни большею частью состоятъ изъ одного слога (закрытаго или открытаго) при чемъ гласный звукъ сопровождается однимъ или нѣсколькими согласными, но не болѣе, чѣмъ 5; иногда гласный звукъ выпадаетъ и корень становится безгласнымъ; рѣдко корни бываютъ *двусложными*, въ послѣднемъ случаѣ въ нихъ по обѣимъ сторонамъ звуковъ *р* и *л* находятся гласные *о* или *е* (городъ, голодъ, золото, серебро и др.).

При этомъ не мѣшаетъ добавить, что русскимъ *оро, оло, ере, еле* между двумя согласными въ др.-ц.-слав. языкѣ соотвѣтствуютъ *ра, ла, рѣ, лѣ* (при чемъ *лѣ* иногда встрѣчается вм. *оло*), вслѣдствіе чего русскія слова съ двусложнымъ корнемъ обращаются въ др.-ц.-сл. въ слова съ односложнымъ корнемъ: градъ, злато, глава, брада хвастъ, млѣко, срѣбро, брѣгъ, плѣна. Изъ того, что въ нашемъ языкѣ есть слова: голова — глава, сторона — страна, борозды — бразды (правле-пія), волочить — влачить, голосъ — гласъ, голосить — гласить, ворота — врата, дерево — древо, здоровье — здравіе, горожанинъ — гражданинъ, сторожъ — стражъ, сторонникъ — странникъ, хоромы — храмы, волость — власть, вередъ — вредъ, норовъ — нравъ, учащіеся должны сдѣлать заключеніе, что слова эти употребляются нами въ русской и др.-ц.-сл. формахъ, но съ различіемъ въ значеніи (нужно указать какимъ). Нѣкоторые слова употребляются только въ др.-ц.-слав. формѣ: Владимиръ, владыка, владычествовать, властвовать, владѣть, властелинъ, властитель, власяница, возбранять, брань (война), возвратить, главный, гласный, глашатай, злонравіе, храбрый.

Ученіе о корнѣ учитель долженъ закончить требованіемъ выбрать изъ переписанной статьи: 1) односложные корни

2) корни съ выпавшимъ гласнымъ звукомъ, 3) двусложные корни ¹⁾).

Дальше слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію остальныхъ морфемъ: суффикса, префикса и окончанія; но этого нельзя сдѣлать, потому что въ словѣ они имѣютъ иное значеніе, чѣмъ корень. Корень есть лишь зачатокъ, зародышъ слова; корень есть нѣчто безформенное, неизвѣстно что называющее — предметъ, признакъ или дѣйствіе. Только суффиксъ и окончаніе придаютъ слову вполне опредѣленный обликъ — дѣлаютъ его или существительнымъ (т. е. словомъ, называющимъ предметъ), или прилагательнымъ (т. е. словомъ, называющимъ признакъ), или глаголомъ (т. е. словомъ, называющимъ дѣйствіе). Исключеній, когда по суффиксу и окончанію нельзя опредѣлить, къ какой изъ указанныхъ категорій нужно отнести слово (течь, печь, знать, столовая и т. п.), не слѣдуетъ принимать въ расчетъ. Префиксы приставляются только къ словамъ, вполне уже оформившимся. Въ виду указаннаго обстоятельства считаю цѣлесообразнымъ, прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію суффиксовъ, префиксовъ и окончаній, дать понятіе о словахъ, называющихъ предметы (существительныхъ), о словахъ, называющихъ числа (числительныхъ), о словахъ называющихъ признаки (прилагательныхъ), о словахъ, называющихъ дѣйствія (глаголахъ), а также и о словахъ, называющихъ признаки качества и дѣйствія (нарѣчіяхъ), оставляя пока въ сторонѣ мѣстоименія и мѣстоименія, такъ какъ они составляютъ особую группу словъ, а тѣмъ болѣе предлогъ, союзъ и междометіе, мѣсто которыхъ въ свое время будетъ указано.

Преподавателю заблаговременно нужно позаботиться, чтобы возможно лучше разобраться въ этомъ крайне трудномъ и запутанномъ вопросѣ. Одни требуютъ, при опредѣленіи частей рѣчи, принимать во вниманіе лишь внѣшніе признаки,

Нахожденію корней въ словахъ можетъ помочь „Сравнительный словарь“ Гориева.

другіе одно только значеніе ихъ, третьи и то и другое. — Въ своей статьѣ „Обученіе граматикѣ рус. литер. яз.“, напечатанной въ „Рус. шк.“ за 1902 г. № 10, стр. 222, я говорилъ о необходимости раздѣленія измѣняемыхъ частей рѣчи на основаніи ихъ окончаній и значенія, а неизмѣняемыхъ на основаніи одного только значенія. Проф. Богородицкій, исходя изъ того соображенія, что существительныя, управляемыя другимъ существительнымъ (напр., книга въ переплетѣ), выполняютъ при немъ функцію прилагательнаго, думаетъ, что „при опредѣленіи частей рѣчи нельзя ограничиваться одной семасіологической стороною, необходимо указать и на формальныя особенности“ („Очерки,“ стр. 279). Это вѣрно. Съ другой же стороны, о принадлежности словъ: долгорукій, гладкій, безухій, петровъ, сидоровъ, течь, печь, знать, тепло, право, добро и др. къ той или иной части рѣчи мы заключаемъ не по формальнымъ особенностямъ, а по одному лишь значенію. Слова: долгорукій, гладкій, безухій, петровъ, сидоровъ и т. п. мыслятся то существительными, то прилагательными; слова: течь, печь, знать и др. употребляются то какъ существительныя, то какъ глаголы; слова: тепло, право, добро употребляются въ значеніи существительнаго, прилагательнаго и нарѣчія. Слова: лобъ, конь, мохъ, пень и т. п. не имѣютъ никакихъ формальныхъ особенностей, однако мы, не колеблясь, считаемъ ихъ существительными на основаніи одного лишь значенія. Прибавимъ къ сказанному, что мнѣніе проф. Богородицкаго остается въ силѣ, если брать слова въ сочетаніяхъ, а не въ отдѣльности. Въ виду приведенныхъ соображеній, не лучше ли опредѣлять части рѣчи на основаніи одного лишь ихъ значенія.

Относительно односторонности указанія на одно лишь значеніе можно еще сказать, что, напр., слова: строганіе, хожденіе обозначаютъ дѣйствіе и состояніе, однако они существительныя, а не глаголы. Но и это возраженіе едва-ли можно признать основательнымъ, потому что слова: строганіе, хожденіе мыслятся нами не какъ дѣйствіе и состояніе,

а какъ отвлеченіе, какъ отвлеченный предметъ. То же самое нужно сказать и про слова, подобныя словамъ: красота, высота, — они служатъ названіемъ отвлеченныхъ предметовъ, а не качествъ.

Если учитель рѣшитъ дать опредѣленіе названнымъ частямъ рѣчи по ихъ значенію, то предварительно нужно дать понятіе о предметѣ, признакѣ (понимаю это слово въ значеніи: качество, свойство, принадлежность ¹⁾ и т. п.), числѣ, дѣйствіи (въ широкомъ значеніи какъ дѣйствіе, состояніе, страданіе), признакѣ качества и дѣйствія.

Положивъ передъ учащимися нѣсколько предметовъ (напримѣръ, горошину, камушекъ, кусокъ мѣла, голубой платокъ) и указывая на нихъ, учитель говоритъ: „Это предметы, вещи, существа. Названіе этого предмета (указывая на горошину), имя этого существа — горошина и т. д. Названіе предмета, имя существа въ грамматикѣ принято называть именемъ существительнымъ“.

Послѣ этого учитель заставляетъ одного изъ учащихся указывать рукой (дотрогиваться рукой) предметы, находящіеся въ классѣ; другой учащійся долженъ называть предметъ, третій записываетъ на доскѣ названія. Дальше учащіеся называютъ предметы, „существа“, находящіеся во дворѣ, на полѣ, въ лѣсу и т. д.

Чтобы дать понятіе о качествѣ предмета, учитель беретъ однородные предметы, различающіеся или по цвѣту, или по формѣ, или по величинѣ и т. п., напримѣръ, четырехугольный листикъ бѣлой бумаги, треугольный и круглый, два платка разнаго цвѣта, двѣ палки разной длины или толщины и т. п. и заставляетъ указать, чѣмъ отличаются эти предметы, одинъ отъ другого по формѣ, цвѣту и т. п. Учитель говоритъ, что слова: четырехугольный, треугольный и т. п. показываютъ качество предмета. Дальше учитель требуетъ назвать каче-

1) Строго говоря, только слова, обозначающія качество въ узкомъ значеніи, должны были бы употребляться въ формѣ прилагательныхъ.

ства предметовъ, находящихся въ классѣ, во дворѣ и т. п. Учитель спрашиваетъ, существуютъ ли качества сами по себѣ. Получивъ отрицательный отвѣтъ, учитель говоритъ, что качество само по себѣ существовать не можетъ, что оно всегда заключено въ предметѣ, приложено къ нему, почему слова, обозначающія качества, въ грамматикѣ называются именами прилагательными.

О числѣ и дѣйствіи у учащихся понятіе должно быть, и учитель ограничивается лишь требованіемъ, чтобы они называли числа и дѣйствія какихъ нибудь предметовъ (существъ), напримѣръ, лошади, собаки и т. п., послѣ чего заставляетъ записать: Слова, обозначающія числа, въ грамматикѣ называются числительными; слова, обозначающія дѣйствія, называются глаголами.

Чтобы ученіе о числительныхъ сдѣлать болѣе простымъ и отвѣчающимъ дѣйствительной природѣ ихъ, необходимо числительными считать лишь такъ называемыя количественныя числительныя, такъ какъ порядковыя числительныя и но формѣ, и по значенію совершенно аналогичны прилагательнымъ, а потому должны быть отнесены къ нимъ; дробныя числительныя по формѣ и по управленію падежомъ зависимаго отъ нихъ слова совершенно аналогичны именамъ существительнымъ, напримѣръ, четверть фунта, четвертью фунта и т. д., а потому они и должны быть отнесены къ нимъ. Что касается числительныхъ собирательныхъ, то они по значенію и по употребленію въ рѣчи аналогичны числительнымъ количественнымъ, почему и должны составлять съ ними одну группу.

Строго говоря, и числительныхъ количественныхъ не слѣдовало бы выдѣлять въ особую группу, потому что слова: пять, семь, десять и т. п. показываютъ такія же отвлеченныя понятія, какъ существительныя: красота, длина, бѣдность, занятіе. Но названія чиселъ, будучи совершенно подобны отвлеченнымъ существительнымъ по психологическому образованію, отличаются отъ нихъ по употребленію въ рѣчи: числительныя (количественныя) въ именительномъ и винитель-

номъ падежахъ управляютъ падежомъ, какъ существительныя, а въ остальныхъ согласуются съ существительными. Исключеніе составляютъ одинъ, которое, подобно прилагательному, согласуется съ существит. въ родѣ, числѣ и падежѣ, а тысяча и миллионъ во всемъ сходны съ существительными (и падежомъ управляютъ такъ же, какъ и существительныя: тысяча человѣкъ, тысячи человѣкъ, тысячъ человѣкъ и т. д.). Въ виду указанныхъ особенностей числительныхъ, ихъ слѣдуетъ выѣлить въ особую группу.

Дальше учитель долженъ объяснить, что качества и дѣйствія имѣютъ свои признаки, такъ напримѣръ, идти можно медленно, быстро; писать можно красиво, безобразно, скоро, медленно, торопливо; мы говоримъ: весьма бѣлый, немного бѣлый, ослѣпительно бѣлый. Слова, обозначающія признаки качества или дѣйствія, въ грамматикѣ называются нарѣчіями. На другой признакъ нарѣчія будетъ обращено вниманіе при изученіи этой части рѣчи. Однако теперь же необходимо предупредить, что изученіе нарѣчія представляетъ въ школѣ почти непреодолимая трудности, ни объ одной части рѣчи не говорятъ столько несообразностей, какъ о нарѣчіи; о немъ не только въ школьныхъ, но и въ научныхъ грамматикахъ нѣтъ вполне установленнаго воззрѣнія. Наибольшее недоразумѣніе состоитъ въ томъ, что рядомъ съ настоящими, дѣйствительными нарѣчіями, (т. е. словами, обозначающими признаки качествъ и дѣйствій) приходится говорить и о такихъ словахъ, которыя обозначаютъ отношеніе дѣйствія къ времени, мѣсту и т. п. и даже о тѣхъ неизмѣняемыхъ словахъ, которыя образовались отъ мѣстоименій. Съ первыми можно примириться потому, что они по своей формѣ и значенію аналогичны дѣйствительнымъ нарѣчіямъ. Вторые же по значенію совершенно отличаются отъ первыхъ, и потому ихъ никакъ нельзя поставить на одно мѣсто съ нарѣчіями. Ихъ можно назвать мѣстоименными нарѣчіями, но никакъ не нарѣчіями. Нарѣчія, какъ было указано, обозначаютъ признаки качествъ и дѣйствій, а мѣсто-

нарѣчія употребляются въ томъ же значеніи, что и мѣстоименія, только не въ качествѣ подлежащихъ, опредѣлений и дополненій, а въ качествѣ обстоятельствъ (о значеніи мѣстоименій будетъ сказано ниже.).

Сообщеннаго вполне достаточно, чтобы можно было перейти къ разсмотрѣнію суффиксовъ и префиксовъ и показать, каково ихъ значеніе въ словахъ.

При обученіи орфографіи учащимся уже было дано понятіе о суффиксѣ, какъ такой части слова (морфемѣ), которая находится между корнемъ и окончаніемъ. Теперь это понятіе нужно дополнить указаніемъ, что суффиксъ способствуетъ образованію словъ, что онъ намѣчаетъ, чѣмъ быть корню — существительнымъ, прилагательнымъ или глаголомъ (бѣг-л-ый, бѣг-лецъ, бѣг-а-ть).

Чтобы учащіеся сами дошли до пониманія такого значенія суффикса, учитель даетъ нѣсколько корней вмѣстѣ съ суффиксами и спрашиваетъ, можно ли по корню и суффиксу судить, какой частью рѣчи будетъ ихъ сочетаніе, если къ нимъ прибавить еще окончаніе: горбат, толкну, бабушк, смотрител, бѣленьк, купец, ручк, ручн, спрашива, ссори, видѣ и т. п.

На приведенныхъ примѣрахъ учащіеся видятъ, что по корню и суффиксу можно уже судить, какой частью рѣчи должно быть ихъ сочетаніе, если къ нимъ прибавить окончаніе. Чтобы еще больше убѣдить учащихся, насколько важную роль играетъ суффиксъ въ образованіи существительныхъ, прилагательныхъ и глаголовъ, учитель заставляетъ образовать отъ горбат, бѣленьк, ручн съ помощью окончаній существительныя или глаголы, а отъ бабушк, смотрител, купец, ручк прилагательныя и т. д. Послѣ испытанной неудачи, учитель предлагаетъ образовывать прилагательныя, присоединяя суффиксы ат, енък, н къ корнямъ (бород, нос, горб, волос, косм, черн, желт, голуб, бѣд, кон, нож, бумаж и т. д.). То же продѣлывается съ суффиксами: ушк, тел, ец, к; ну, ива, и, ѣ.

Въ прочитанной статьѣ учитель предлагаетъ устно или письменно указать: 1) суффиксы существительныхъ, 2) прилагательныхъ, 3) суффиксы глаголовъ.

Дальше учитель долженъ обратить вниманіе учащихся, что суффиксы не только способствуютъ образованію частей рѣчи, но многіе изъ нихъ придаютъ существительнымъ, прилагательнымъ и глаголамъ особые оттѣнки значенія. Каковы эти оттѣнки, учащіеся сами обязаны вывести изъ примѣровъ:

домикъ, домище, домишко;
самоварикъ, самоварище, самоваришко;
возикъ, возище, возишко;
садикъ, садище, садишко;
рука, ручка, ручонка, рученька, ручища;
нога, ножка, ножонка, ноженька, ножища;
серебристый, синеватый, бѣлѣхонькій
золотистый, вороватый, чернѣхонькій
голосистый, бѣловатый, синѣхонькій
колосистый, бѣсноватый, смиренѣхонькій
стукнуть, постукивать
свиснуть, посвистывать
глянуть, поглядывать
крикнуть, покрикивать.

Разсмотрѣніемъ суффиксовъ, придающихъ корнямъ словъ особый какой-нибудь оттѣнокъ, и нужно ограничиться, — входить въ подробное изученіе ихъ нѣтъ никакой надобности. Въ нѣкоторыхъ грамматикахъ приводятся даже суффиксы существительныхъ одушевленныхъ и неодушевленныхъ. Этого не слѣдуетъ дѣлать, такъ какъ одни и тѣ же суффиксы образуютъ какъ одушев., такъ и неодушев. существ. Рядомъ со словами: владѣтель, писатель и т. п. слова: добродѣтель, дѣлитель и т. п.; на ряду съ творецъ, боецъ и т. п. конецъ, вѣнецъ и т. п.

Чтобы покончить съ суффиксами, нужно еще разсмотрѣть, что они могутъ — 1) подвергаться звуковымъ измѣненіямъ, 2) образовываться изъ окончаній, 3) обращаться изъ суф-

фиксовъ одной части рѣчи въ суффиксы другой, 4) соединяться одинъ съ другимъ, 5) сростаться съ корнемъ. Все это учащиеся могутъ, съ помощью учителя, подмѣтить сами.

- 1) рубецъ, рубца; колышекъ, колышка; ученикъ, ученица; столикъ, столица; посадникъ, посадница; бѣлѣшенекъ. бѣлѣшенька.
- 2) спѣлый, зрѣлый, горѣлый, окоченѣлый и т. п. (суффиксъ **ѣл** представляетъ собой окончаніе глагола: спѣлъ, зрѣлъ, горѣлъ . . .).
- 3) рученька, ноженька — суффиксъ **еньк** обратился въ суффиксъ существительнаго изъ суффикса прилагательнаго.
- 4) голубокъ, зятёкъ, голубочекъ (звукъ *ж* передъ *е* перенелъ въ *з*); ножикъ, ножичекъ, старикъ, старичёкъ, точильщикъ, носильщикъ (**и-ль-щик**); глуповатый (**ов-ат**), размалёвывать (**ев-ыва**)
- 5) да-ть, даръ (въ словѣ даръ первоначальный корень **да**, но теперь мы считаемъ звукъ *р* приросшимъ къ корню; отъ корня **да** образуется одна семья словъ: даваніе, подаваніе, давать, податель и др., отъ **дар** — другая: дарить, подарокъ, дарственная, даровой и др.). То же самое замѣчаемъ въ словахъ: сонъ, иду и многихъ другихъ.

Теперь можно потребовать отъ учащихся, чтобы они свели все извѣстное имъ о суффиксѣ. Должно получиться: суффиксъ есть часть слова, находящаяся позади корня, суффиксъ способствуетъ образованію частей рѣчи, можетъ, кромѣ того, придать особый оттѣнокъ значенію; суффиксъ можетъ подвергаться измѣненію, обращаться изъ суффикса одной части рѣчи въ суффиксъ другой, приростать къ корню.

Учитель даетъ суффиксы и заставляеть съ помощью ихъ и придуманныхъ корней образовывать существительныя, прилагательныя, глаголы; даетъ корни и заставляеть отъ однихъ и тѣхъ же корней съ помощью разныхъ суффиксовъ

образовать существительныя и глаголы, напр. отъ корней: бѣс, глун, ход, город, воз, нос, крик, бѣг и т. п.

Переходя къ префиксу, учитель долженъ дать примѣры, изъ которыхъ учащіеся вывели бы: 1) понятіе о префиксѣ, 2) объ употребленіи одного и того же префикса съ разными словами 3) и, наоборотъ, объ употребленіи одного и того же слова съ разными префиксами, 4) о составѣ префиксовъ, 5) объ измѣненіи звуковъ въ префиксахъ.

1) Изъ примѣровъ: **прадѣдъ**, **правнукъ**, **праматерь** (очень отдаленное по нисходящей и восходящей линіи родство), **пасынокъ**, **падчерица** (не то, что сынъ или дочь), **убытокъ**, **уронъ**, **наилучшій**, **наибольшій**, **чрезмѣрный**, **безпокойный**, **внести**, **вынести**, **перенести**, **принести**, **поднести** и т. п., учащіеся должны сдѣлать выводъ, что префиксѣ, не измѣняя принадлежности слова къ части рѣчи, придаетъ ему особое значеніе. Такъ, напримѣръ, глаголъ нести показываетъ извѣстное дѣйствіе безъ опредѣленнаго направленія, — префиксѣ **в** показываетъ направленіе дѣйствія внутрь чего-либо, а **вы** наоборотъ.

Учитель предлагаетъ учащимся изъ нѣсколькихъ статей выписать слова съ префиксами, подчеркнуть префиксы и потомъ выписать отдѣльно.

2) Изъ примѣровъ: **входитъ**, **въѣзжать**, **влѣзать**, **вбивать**, **вколачивать**, **всасывать**, **втягивать**, **вступленіе**, **втискиваніе**, **входной** и т. п. дѣлается выводъ, что одинъ и тотъ же префиксѣ можетъ соединяться со словами, происходящими отъ разныхъ корней, и объединять ихъ своимъ значеніемъ.

При этомъ можно сдѣлать слѣдующее примѣчаніе: 1) префиксы: **пра** и **па** употребляются только съ существительными и образованными отъ нихъ прилагательными: **прадѣдъ**, **прадѣдовскій**, **пращуръ**, **праотецъ**, **прабабушка**, **праматерь**, **правнукъ**, **правнучка**, **пасынокъ**, **падчерица** и др.; 2) префиксы: **наи** и **чрез** употребляются только съ прилагательными: **наименьшій**, **наинизшій**, **наисильнѣйшій**, **наибогатѣйшій**; **чрезмѣрный**, **чрезвычайный** и др.; 3) префиксѣ **через** встрѣ-

чается въ существительныхъ : черезполосица, черезсѣдѣльникъ ;

4) префиксы : **нѣ**, **ни** соединяются лишь съ мѣстоименіями и образованными отъ нихъ мѣстонарѣчіями : **нѣкто**, **нѣчто**, **нѣкій**, **нѣкоторый**, **нѣсколько**, **нѣкогда** ; **никто**, **ничто**, **никакой**, **никогда**, **нигдѣ**.

3) Изъ примѣровъ :

в	}	про	}	при	}
с		пере		ис	
у		вс (вос)		об	
на		нис		от	
за		иод		по	
до				вы	
ходить		ходить		ходить	

дѣлается заключеніе, что одно и то же слово можетъ соединяться съ очень многими префиксами, измѣняя при этомъ свое значеніе.

4) Изъ всѣхъ приведенныхъ раньше примѣровъ и изъ слѣдующихъ : **пре** проводить, **пре** восходный, **раз** спрашивать, **раз** сказывать, **вы** спрашивать, **вы** сказывать, **по** дозрѣіе, **за по** дозрѣвать (да изъ до) дѣлается выводъ, что префиксы чаще всего бываютъ одиночные, рѣже двойные и очень рѣдко тройные.

5) Изъ примѣровъ : **втиснуть**, **въѣхать**, **воткнуть** ; **подзрѣіе** и **заподазривать**, **всходить** и **восходить**, **развернуть** и **расправить** дѣлается выводъ объ измѣненіи звуковъ въ префиксахъ. Не мѣшаетъ указать, какимъ рѣзкимъ измѣненіямъ подвергся префиксъ **в**. Первоначальное произношеніе его было *о* или *у* (малороссы, бѣлоруссы, болгары и теперь употребляется вмѣсто *въ* — *у*, *у* городъ) ; въ этомъ видѣ онъ сохранился лишь въ словѣ **онуча** (н вставной звукъ, корень *у*, то же что въ словѣ *обувь*) ; къ гласному звуку приросъ согласный **в**, гласный изъ яснаго сдѣлался глухимъ, а потомъ и совсѣмъ сталъ исчезать, появляясь лишь въ рѣдкихъ случаяхъ, уступивъ мѣсто присосавшемуся къ нему звуку **в**.

О томъ, что префиксы могутъ сростаться съ корнемъ, нѣтъ надобности говорить.

Сводъ всего сказаннаго о префиксѣ долженъ дать слѣдующее: префиксъ есть часть слова, находящаяся передъ корнемъ; каждый изъ префиксовъ, не измѣняя слова, какъ части рѣчи, придаетъ ему особое значеніе; одинъ и тотъ же префиксъ можетъ соединяться съ самыми разнообразными словами и, наоборотъ, съ однимъ и тѣмъ же словомъ могутъ соединяться нѣсколько разныхъ префиксовъ; префиксы могутъ подвергаться звуковымъ измѣненіямъ.

Чтобы рѣзче отѣнить, что каждый префиксъ, дѣйствительно, имѣетъ вполнѣ опредѣленное значеніе, учитель сейчасъ же отъ разсмотрѣнія префиксовъ долженъ перейти къ разсмотрѣнію звуковъ, которые приставляются къ слову для одного линіи благозвучія.

Изъ примѣровъ: Гомеръ (Омиръ), вострый (вм. острый), вотчина (отчина), воспа (оспа), восемь (осемь), Е(йэ)лена (Элена), Е(йэ)вропа (Эвропа), аржаной (ржаной), агромадный (громадный) — видно, что звуки: *г, в, й, а* являются простыми звуками, не оказываютъ на значеніе слова никакого воздѣйствія и рѣзко поэтому отличаются отъ префиксовъ.

Дальше слѣдуетъ указать, что съ тою же цѣлью (т. е. только съ цѣлью благозвучія) въ слова иногда вставляются согласные звуки: *в, й, н, ѓ, т*: дать, да-**в**-ать, да-**й**-аніе, (да-я-ніе) и-**д**-ти, по др.-ц.-сл. и-ти, ноз-**д**-ри изъ нос-ри (со вставкой *ѓ*, глухой звукъ *с* передъ звонкимъ *ѓ* измѣнился въ *з*), пес-**т**-рый отъ корня **пес** (пѣс, пис) — пестрый — расписанный; срѣтеніе, стрѣтеніе, **встрѣ**титъ (корень **встрѣт** образовался изъ первоначальнаго **рѣ**, потомъ онъ присосалъ къ себѣ звуки: *в, с, т* и всосалъ вставной *т*; въ корнѣ **пестр** всосаннымъ является *т*, присосаннымъ *р*); въ словахъ вз-**н**-уздать, в-**н**-унить, в-**н**-имать, с-**н**-ѣдь, по-**н**-имать, при-**н**-имать, пере-**н**-имать — вставной звукъ *н*.

Дальше слѣдовало бы перейти къ разсмотрѣнію основъ и окончаній по тому же методу, какого мы держались при

изученіи остальных морфемъ. Но основъ и окончаній такое множество и значеніе ихъ столь разнообразно, что разсматривать ихъ съ общей точки зрѣнія, безъ раздѣленія ихъ по тѣмъ же группамъ, на какія дѣлятся измѣняемыя (т. е. имѣющія окончанія) слова, почти нѣтъ возможности, особенно съ тѣми учащимися, какіе имѣются въ виду. Поэтому нужно заняться разсмотрѣніемъ основъ и окончаній сначала именъ (существ., числит. и прилаг.) и глаголовъ, потомъ основъ и окончаній мѣстоименій и, наконецъ, перейти къ разсмотрѣнію этимологическаго состава неизмѣняемыхъ словъ (нарѣчій, мѣстонарѣчій, союзовъ, предлоговъ, междометій, звукоподражаній, звукоподражательныхъ словъ).

Этимологическое изученіе словъ обыкновенно начинаютъ съ имени существительнаго. По изложеннымъ ниже соображеніямъ этого не слѣдуетъ дѣлать. Имена существительныя представляютъ самую многочисленную группу словъ со множествомъ самыхъ разнообразныхъ основъ и окончаній, со многими уклоненіями въ основахъ и окончаніяхъ. Объ изученіи числительныхъ и прилагательныхъ до изученія именъ существительныхъ, конечно, не можетъ быть рѣчи, такъ какъ измѣнять (склонять) прилагательныя и числительныя безъ существительнаго не удобно, въ виду того, что безъ него они не имѣютъ опредѣленнаго значенія. Глаголь съ его личными, неопредѣленными, причастными и дѣепричастными формами представляетъ еще большіе затрудненія. И, дѣйствительно, если внимательно присмотрѣться ко всѣмъ весьма разнообразнымъ формамъ глагола, то окажется, что личный глаголь нужно считать рѣчью, а не частью рѣчи, потому что онъ можетъ быть предложеніемъ, — предложеніе есть рѣчь. Неопредѣленное наклоненіе скорѣе есть что-то среднее между именемъ существительнымъ и глаголомъ, почему нѣкоторые и называютъ его именно - глагольной формой. Причастіе по синтаксическому значенію и формъ ничѣмъ не отличается отъ прилагательнаго, а дѣепричастіе отъ нарѣчія. Такимъ образомъ, изъ измѣняемыхъ частей рѣчи остается

мѣстоименіе, но какъ говорить о мѣстоименіяхъ, считаемыхъ замѣстителями именъ (существ., ирилаг. и числит.) до разсмотрѣнія самихъ именъ. Если считать мѣстоименія замѣстителями именъ, то, дѣйствительно, неудобно; если же на мѣстоименія смотрѣть, какъ на самостоятельныя слова, не служащія замѣной другихъ, тогда никакого неудобства не будетъ, напротивъ, ознакомленіе съ мѣстоименіями и ихъ окончаніями пригодится при изученіи прилагательныхъ, числительныхъ и глаголовъ. Кромѣ того, на мѣстоименіяхъ ярче сказывается сущность понятій о падежахъ, склоненіи и согласованіи. Съ другой стороны нельзя сказать, что и изученіе мѣстоименія не представляетъ большихъ затрудненій. Поэтому не рѣшаюсь давать категорическаго совѣта, съ какой измѣняемой части рѣчи начинать. Пусть преподаватель по своему усмотрѣнію дѣлаетъ выборъ. Я постараюсь лишь дать указанія, какъ изучать каждую изъ частей рѣчи.

Такъ какъ мѣстоименій очень немного, то прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію ихъ основъ и окончаній, слѣдуетъ перечислить всѣ мѣстоименія. А чтобы легче было удерживать ихъ въ памяти, нужно разгруппировать ихъ по значенію.

Учитель заставляетъ записать ихъ сначала въ безпорядкѣ: онъ, кто, никто, всякій, кто-то, который, нѣкоторый, ты, я, мой, тотъ, самъ, какой, чей, каковъ, таковъ, нѣкто, нѣчто, самый, сколько, нѣсколько, тотъ, этотъ, кто-нибудь, что-либо, никакой, ничто, весь, каждый, что-то, ничей, нѣкій, какой-то, этотъ, твой, свой, нашъ, ванъ, кое-что, такой, что-то, что-нибудь, кто-либо, какой-либо, некого, иной, другой, нечего, нисколько, сей, оный (мало употребительно).

Чтобы привести учащихся къ сознанію, что мѣстоименія: я, ты, онъ, тотъ и т. п. указательныя мѣстоименія, учитель заставляетъ одного ученика стоять возлѣ доски, другого держать мѣлъ, третьяго книгу, самъ держитъ ручку; указывая на перваго, говоритъ: „онъ стоитъ возлѣ доски“; — на второго — „ты держишь мѣлъ“; на третьяго — „этотъ держитъ

книгу“; на себя — „я держу ручку“. — Какъ можно называть мѣстоименія: онъ, ты, этотъ, я? — Указательными.

Опредѣленіе значенія остальныхъ мѣстоименій не можетъ представлять особыхъ затрудненій. Слѣдующіе вопросы и отвѣты могутъ помочь этому. — Кто пришелъ? — „Никто“. Ясно, что первое мѣстоименіе вопросительное, второе — отрицательное. — Кто ѣздилъ по этой дорогѣ? — „Всякій, т. е. желающіе, кто бы они ни были“. — Кто положилъ эту вещь? — „Кто-то принялъ, положилъ ее и сейчасъ же ушелъ. Я даже не успѣлъ спросить его, кто онъ такой“. Изъ послѣднихъ вопросовъ и отвѣтовъ должно быть видно, что мѣстоименіе всякій есть опредѣлительное, кто-то — неопредѣленное. Мѣстоименія: мой, твой, свой, нашъ, ванъ называются притяжательными; но лучше и ихъ считать указательными.

Послѣ этого читаются мѣстоименія, опредѣляется ихъ значеніе, на доскѣ и въ тетрадяхъ записывается:

Раздѣленіе мѣстоименій по значенію:

1) Указательныя: я, ты, онъ, тотъ, такой, таковъ, этакій, сей, оный, этотъ, мой, твой, свой, нашъ вашъ.

2) Вопросительныя: кто, что, чей, какой, каковъ, который, сколько.

3) Отрицательныя: никто, ничто, некого, нечего никакой, нисколько, ничей.

4) Опредѣлительныя: весь, всякій (по качеству), каждый (по количеству), самъ, самый.

5) Неопредѣленныя: нѣкто, нѣчто, кто-то, что-то, кто-нибудь, что-нибудь, кто-либо, что-либо, какой-то, какой-нибудь, какой-либо, нѣсколько, кой-кто, кое-что, кой-какой.

Къ сообщенному нужно прибавить, что изъ указательныхъ — мѣстоименія: я, ты, онъ, называются личными, а мой, твой, свой, нанъ, вашъ — притяжательными. Кромѣ того, по какому-то странному недоразумѣнію мѣстоименіе *себя* рассматриваютъ, какъ какое-то особое мѣстоименіе — возвратное. Между тѣмъ оно рѣшительно ни чѣмъ по значенію не отличается отъ личныхъ указательныхъ мѣстоименій,

но употребленіе его замѣчательно въ русскомъ языкѣ тѣмъ, что можетъ замѣнять косвенные падежи мѣстоименій: я и ты обоихъ чиселъ (я хочу себѣ вм. мнѣ добра).

О томъ, что вопросительныя мѣстоименія обращаются въ относительныя, когда они употребляются не въ вопросительныхъ предложеніяхъ, должно быть указано, когда будетъ рѣчь о средствахъ сочетанія главнаго предложенія съ придаточнымъ.

Сообщенныя свѣдѣнія о мѣстоименіяхъ слѣдуетъ дополнить еще сообщеніемъ, что одни изъ нихъ употребляются тамъ, гдѣ можно было бы употребить существительное, другія — гдѣ прилагательныя, третьи — гдѣ числительныя, почему первыя кстати назвать мѣстоименіями существительными, вторыя — мѣстоименіями прилагательными и третьи — мѣстоименіями числительными.

Мѣстоименія числительныя: сколько, столько, нѣсколько, нисколько.

Мѣстоименія прилагательныя легко узнаются не только по своему значенію, но и по внѣшнему признаку: они имѣютъ окончанія для мужскаго, женскаго и средняго родовъ. Тутъ же слѣдуетъ познакомить съ особенностями значенія и употребленія въ языкѣ нѣкоторыхъ мѣстоименій. Изъ примѣровъ: пусть дитя само ходитъ, я самъ это сдѣлаю — должно видѣть, что мѣстоименіе **самъ** усиливаетъ значеніе существительнаго и мѣстоименія существительнаго. Съ такимъ же значеніемъ употребляются при существительныхъ мѣстоименія: *какой, сколько, столько, та-кой, что-за* (напр. какой носокъ! Что-за шейка! Сколько денегъ уплачено! Сколько труда понесено!) Изъ примѣровъ: такой славный мальчикъ, какой славный мальчикъ, самый славный мальчикъ пусть учащіеся сами выведутъ, что **какой** и **такой**, подобно словамъ: очень, весьма, показываютъ высокую степень качества, а **самый** — наивысшую, какой у другихъ нѣтъ. Изъ примѣровъ учащіеся должны уяснить разницу между **одинъ**, какъ мѣстоименіемъ опредѣлительнымъ, и **одинъ**, какъ числительнымъ.

Относительно мѣстоименія **кой, кая, кое** дѣлается замѣчаніе, что оно, къ сожалѣнію, почти вышло изъ употребленія нанего языка, но что его очень кстати иногда можно употреблять вмѣсто мѣстоименія **который**. Мѣстоименіе **себя** можно употреблять вмѣсто всѣхъ косвенныхъ падежей единственнаго и множественнаго чиселъ мѣстоименій: **я** и **ты**, а мѣстоименіе **свой** вмѣсто косвенныхъ падежей мѣстоименій **мой, твой, нашъ, вашъ**.

Переходя къ разсмотрѣнію этимологическаго состава мѣстоименій, учитель прежде всего долженъ заставить выдѣлить мѣстоименія съ префиксами (нѣкто, нѣчто, некого, нечего, никто, ничто, кой¹⁾ — кто и др.) и сложныя (кто-то, кто-нибудь, кто-либо и др.), такъ какъ они имѣютъ пѣкоторыя особенности при склоненіи.

Послѣ этихъ предварительныхъ свѣдѣній можно перейти къ разсмотрѣнію основъ и окончаній мѣстоименій, къ такъ называемому склоненію. На мѣстоименіи, между прочимъ, нагляднѣе всего можно показать, что склоненіе есть замѣна въ словѣ однихъ окончаній другими, а иногда и основъ.

Учитель, вызвавъ одного ученика къ доскѣ, говоритъ и записываетъ на доскѣ, а ученики въ тетрадяхъ (мѣстоименія пишутся крупными буквами, глаголы маленькими):

		я		вижу		тебя
		меня		видишь		ты
иди	отъ	меня	иду	отъ		тебя
иди	ко	мнѣ	иду	къ		тебѣ
думаю	обо	мнѣ	думаю	о		тебѣ

Учитель, заставивъ ученика стереть написанное маленькими буквами и сказавъ: „это написано мною (или мной); это стерто тобою (или тобой)“, записываетъ на доскѣ:

МНОЮ (Ѣ) подъ первымъ столбцомъ, **ТОБОЮ (Ѣ)** подъ вторымъ.

1) Мѣстоименіе *кой* можно разсматривать или какъ простой префиксъ, или какъ самостоятельное, не подвергающееся измѣненію слово

Дальше учитель, воспроизводя сказанныя раньше фразы, старается выяснить, что формы слова: я, меня и т. п. употреблены въ единственномъ числѣ такимъ образомъ:

Сколько лицъ видитъ тебя?

Сколько лицъ ты видишь?

Къ сколькимъ лицамъ ты шелъ? и т. п.

Получивъ отвѣты на вопросы, учитель говоритъ: „**я**, **меня** и т. п. формы словъ: **я** и **ты** въ единственномъ числѣ“. Пишетъ надъ словами; я и ты — *единст. число*.

Учитель ставитъ возлѣ себя отвѣчавшаго ученика, а на его мѣсто вызываетъ 3—4 другихъ и продѣлываетъ то же, что раньше.

На доскѣ получится:

		мы	видимъ		васъ
		насъ	видите		вы
идите	отъ	насъ	идемъ	отъ	васъ
идите	къ	намъ	идемъ	къ	вамъ
думайте	о	насъ	думаемъ	о	васъ
		нами			вами

Вверху пишется: *множественное число*.

Пусть не кажется излишнимъ продѣлать все указанное: приведенная бесѣда запечатлѣтся въ памяти дѣтей навсегда, и съ ней у нихъ конкретно будутъ соединяться представленія объ единственномъ и множествомъ числахъ, а также и о падежахъ, о которыхъ сейчасъ же нужно дать понятіе. (Учитель по подсказу учащихся восстанавливаетъ стертые слова: вижу, видишь и т. д.).

Учитель: „Слова: **я**, **ты** отвѣчаютъ на вопросъ **кто** (пишетъ направо отъ слова **ты** слово **кто**?). Если слово отвѣчаетъ на вопросъ *кто*, то говорятъ: оно *стоитъ въ именительномъ падежѣ*, это — *форма именительнаго падежа*, или просто: это — *именительный падежъ*. (Направо отъ *кто* пишетъ *именительный падежъ*).

Дальше указывается, что слова, отвѣчающія на вопросъ **кого** (**на кого**, **въ кого**, **про кого**) послѣ глаголовъ:

видѣть, любить, хвалить, смотрѣть, бить и т. п.) находятся въ формѣ *винительнаго падежа*.

Слова, отвѣчающія на вопросъ **кого** (съ **кого**, у **кого**, **отъ кого**, **возлѣ кого** и т. п.) послѣ глаголовъ: **удаляться, чуждаться, бояться, радоваться** и т. п. стоятъ въ формѣ *родительнаго падежа*.

То же самое продѣлывается и съ остальными формами, послѣ чего указывается, что именительный называется иначе *прямымъ падежомъ*, остальные *косвенными*.

(При склоненіи существительныхъ, когда учащіеся знакомятся еще и со звательнымъ падежомъ, а также съ тѣмъ, что слова, означающія неодушевленные предметы, отвѣчаютъ на вопросы: **что, чего** и т. п., должно сдѣлать подсчетъ падежей и указать, что при словахъ, обозначающихъ одушевленные предметы, нужно ставить вопросъ **кто**, при неодушевленныхъ **что**).

Учитель обращаетъ вниманіе на то, что **я** и **ты** имѣютъ разныя основы, что въ творительномъ падежѣ употребляются двѣ формы: **мною** и **мною** (безъ послѣдняго гласнаго *у*. *мною*).

Дальше на примѣрахъ указывается, что себя не употребляется въ именительномъ падежѣ, что для единственнаго и множественнаго чиселъ однѣ и тѣ же формы.

Относительно мѣстоименія **онъ, она, оно**, нужно сообщить, что оно употребляется лишь въ именит. падежѣ единственнаго и множественнаго чиселъ, а вмѣсто косвенныхъ падежей отъ **онъ** въ русскомъ языкѣ употребляются косвенные падежи отъ исчезнувашаго изъ нашего языка именит. падежа **и, га, ѣ**, весьма употребительнаго въ др.-ц.-сл. языкѣ. При ознакомленіи съ прилагательными мѣстоименіями: **мой, твой, свой**, какой можно указать, что имен. падежъ **и, га, ѣ** въ нѣсколько измѣненномъ видѣ сохранился въ окончаніяхъ имен. падежа, а въ косвенныхъ падежахъ этихъ мѣстоименій косвенные падежи его сохраняются или безъ измѣненія или съ незначительными измѣненіями: **мо-его, мо-ему, мо-имъ** и т. п., **како-го, како-му, как-имъ** и т. п.

Относительно мѣстоименій: кто, что нужно сказать, что основами въ нихъ служатъ **к, ч** (изъ **къ, чь**), что въ имен. падежѣ они приняли слогъ **то**. Послѣ ознакомленія съ склоненіемъ кто и что, учитель путемъ измѣненія мѣстоименій, въ составъ коихъ они входятъ, заставляетъ убѣдиться учащихся, что въ составныхъ мѣстоименіяхъ измѣняются только кто и что (**никого, ничего, некому, нечему, кой-къмъ, кое-чѣмъ, о комъ-нибудь, о чемъ-нибудь, къмъ-либо, кого-то, чего-то** и т. п.).

При этомъ указывается, что мѣстоименія: **нѣкто, нѣчто** употребляются только въ именительномъ падежѣ, а **некого, нечего** только въ косвенныхъ падежахъ; что префиксы: **ни, не, кой** и **кое** отдѣляются отъ мѣстоименія, если ему предшествуютъ слова (предлоги): **у, съ, къ, при, отъ** и т. п. (этого нѣтъ ни у кого, не съ кѣмъ поговорить, кое о чемъ спросилъ и т. п.).

Измѣненія остальныхъ мѣстоименій должны быть рассмотрѣны въ такомъ же порядкѣ:

- 1) мѣстоименія: мой, твой, свой, нашъ, вашъ, кой, нѣкій;
- 2) сей, сія, сіе;
- 3) чей, чья, чье;
- 4) сколько, столько, нѣсколько, нисколько (ни о сколькихъ, ни къ сколькимъ);
- 5) тотъ, эта, это (одинъ, одна, одно);
- 6) самъ, сама, само (самое);
- 7) тотъ, та, то (тѣмъ тв., тѣ, тѣхъ);
- 8) весь, вся, все (всѣмъ тв., всѣ и т. д.).
- 9) Всѣ остальные мѣстоименія.

Относительно мѣстоименій: таковъ, каковъ нужно замѣтить, что они въ имен. и винит. един. и въ имен. множественнаго имѣютъ простыя окончанія, въ остальныхъ падежахъ сложныя (**таковъ, а, о; какового, ой; таковому, ой** и т. д.).

Приступая къ измѣненію мѣстоименій: мой, твой и т. д. учитель долженъ дать понятіе о согласованіи, — пишетъ на доскѣ: мой улей, моя (ѣа) ручка, мое (ѣо) перо, спра-

пиваетъ, какого рода существительныя: улей, ручка, перо; обращаетъ вниманіе на то, что мѣстоименіе, имѣющее основу **мо** (по мнѣнію другихъ **мое**), уподобляетъ свои окончанія окончаніямъ существительныхъ, *согласуется въ родъ съ существительными*.

Учитель составляетъ фразы, въ которыхъ приведенныя выраженія должны быть употреблены во всѣхъ падежахъ единственного и множественнаго чиселъ; на доскѣ записывается: вижу мой улей, мою ручку, мое перо; отойди отъ мо-его улья, мо-ей ручки, мо-его пера; подойду къ мо-ему улью, мо-ей ручкѣ, мо-ему перу; пятно на мо-емъ ульѣ, мо-ей ручкѣ, мо-емъ перѣ; восхищайся мо-имъ ульемъ, мо-ей ручкой, мо-имъ перомъ.

Множественное число.

лежать	мои улы, мои ручки, мои перья
вижу	мои улы, мои ручки, мои перья
отойди отъ	моихъ ульевъ, моихъ ручекъ, моихъ перьевъ

и т. д.

Дѣлается выводъ, что мѣстоименіе мой, моя, мое согласуется съ существительнымъ не только въ родѣ, но и въ падежѣ и числѣ.

Тщательное и подробное изученіе мѣстоименій, какое только что предложено, въ значительной степени должно подготовить умы учащихся къ изученію именъ (существительныхъ, числительныхъ и прилагательныхъ).

Приступая къ именамъ существительнымъ, учитель прежде всего старается привести учащихся къ выводу, что почти всѣ существительныя, за немногими исключеніями, по своимъ окончаніямъ могутъ быть раздѣлены на три склоненія, что основы существительныхъ за рѣдкими исключеніями подвергаются незначительнымъ звуковымъ измѣненіямъ.

Учитель выбираетъ коротенькія существительныя съ неизмѣняющейся или мало измѣняющейся основой и пишетъ ихъ па доскѣ, ученики въ тетрадяхъ въ такомъ порядкѣ:

И. ваза, пуля (л'а), плеть, корабль, сарай, столъ, царство, море, ружьё
рыба няня лань пахарь попугай волъ

Р. — ы , — и , — и , — я , — я , — а , — а , — я , — я

В. — у , — ю , — ь , — ь , — й , — ь , — о , — е , — ё
— у , — ю , — ь , — (я) (я) (а)

Д. — ъ , — ъ , — и , — ю , — ю , — у , — у , — ю , — ю

П. — ъ , — ъ , — и , — ъ , — ъ , — ъ , — ъ , — ъ , — ъ

Тв. — ою , — ею , — ью , — емъ , — емъ , — омъ , — омъ , — емъ , — емъ

И. — ы , — и , — и , — и , — и , — ы , — а , — я , — я

Р. — ь , — ь , — ей , — ей , — евъ , — овъ , — ь , — ей , — ей

В. — ы , — и , — и , — и , — и , — ы , — а , — я , — я

(ъ) (ь) (ей) (ей) (евъ) (овъ)

Д. — амъ , — ямъ , — ямъ , — ямъ , — ямъ , — амъ , — амъ , — ямъ , — ямъ

П. — ахъ , — яхъ , — яхъ , — яхъ , — яхъ , — ахъ , — ахъ , — яхъ , — яхъ

Тв. — ами , — ями , — ями , — ями , — ями , — ами , — ами , — ями , — ями

(Въ скобкахъ поставлены окончанія одушевлен. им. существительныхъ, несходныя съ окончаніями неодушевлен.)

Учитель заставляетъ учащихся обратить вниманіе на сходство окончаній первыхъ двухъ существительныхъ женскаго рода и на рѣзкое отличіе ихъ отъ окончаній третьяго существительнаго тоже женскаго рода; дальнѣе обращается вниманіе на сходство окончаній остальныхъ существительныхъ въ косвенныхъ падежахъ, хотя они и разныхъ родовъ, и на отличіе этихъ окончаній первыхъ трехъ существительныхъ, особенно въ родительномъ и дательномъ падежахъ единственнаго числа. Послѣ этого учитель отдѣляетъ вертикальной чертой падежныя формы первыхъ двухъ словъ, потомъ третьяго. Такимъ образомъ написанныя слова по сходству своихъ окончаній будутъ раздѣлены на три группы. Учитель говоритъ: „Первыя два слова составляютъ первое склоненіе, третье слово — второе, послѣднія шесть — третье“¹⁾.

1) Въ дѣленіи существительныхъ на склоненія придерживались грамматики Смирновскаго, наиболѣе распространенной въ настоящее время.

Учитель: Какія существительныя относятся къ первому склоненію?

Ученики: Къ первому склоненію относятся существительныя женскаго рода, оканчивающіяся на **а, я**.

Учитель: Какія слова относятся ко второму склоненію?

Ученики: существительныя женскаго рода, оканчивающіяся на мягкій согласный звукъ.

Учитель: Какія существ. Ученики: существительныя мужскаго рода, оканчивающіяся на твердые и мягкіе согласные звуки, а также существительныя средняго рода, оканчивающіяся на гласные: **о, е, ё**.

На звательномъ падежѣ, какъ не имѣющемъ особыхъ окончаній, нѣтъ надобности останавливаться и ставить рядомъ съ другими. Достаточно сказать, что онъ, за исключеніемъ словъ: Боже, Господи, по формѣ совершенно похожъ на именительный падежъ и отличается отъ него лишь по произношенію.

Вотъ и все, что нужно сказать о правильныхъ формахъ именъ существительныхъ. Само собой понятно, что учитель дѣлаетъ ихъ лишь предметомъ наблюденія, но никакъ не заучиванія. Заучиваніе окончаній и упражненія въ склоненіи совершенно излишни для владѣющихъ языкомъ. Обычай требовать усвоенія измѣняемыхъ формъ (склоненій и спряженій) возникъ и укрѣпился благодаря изученію языковъ переводнымъ методомъ, получившимъ уродливое направленіе вслѣдствіе изученія мертвыхъ языковъ (латинскаго и греческаго).

Послѣ ознакомленія съ правильно склоняющимися существительными, учитель останавливается на тѣхъ, кои употребляются лишь въ единственномъ числѣ и на тѣхъ, кои употребляются только во множественномъ, указываетъ, какъ узнается родъ послѣднихъ.

Дальше нужно обратить вниманіе на то, что удареніе бываетъ или на основѣ, или на окончаніи, что при склоненіи существительнаго оно не всегда остается на одномъ и томъ же мѣстѣ: то съ основы переходитъ на окончаніе (садъ — садѣ,

мозгъ — мозги), то съ окончанія на основу (зерно — зёрна, пятно — пятна). Послѣ этого нужно остановиться на примѣрахъ, изъ которыхъ было бы видно, что удареніе очень часто оказываетъ вліяніе на окончанія и основы: тѣ и другія подвергаются измѣненіямъ, уклоненіямъ. Такъ, напр., нѣкоторыя существительныя третьяго склоненія съ переходомъ ударенія съ основы на окончаніе мѣняють обычное окончаніе (городъ — города́ в. города, писарь — писаря́ в. писари, волосъ — волоса́, но волосы́, учитель — учителя́, но учителя, годъ — го́ды, года́, домъ — до́мы, но дома́; то́мы, но тома́; профессоръ — профе́ссы, но профессора́). Въ существительныхъ перваго склоненія: жена, сестра, звѣзда, десна, щека, пчела, верста, слеза и существительныхъ третьяго: ведро, весло, бедро, сѣдло, село, стекло, колесо, ремѣсло, рѣшето, веретено, подъ вліяніемъ перехода ударенія съ окончанія на основу, послѣдняя измѣняется: жѣны, щѣки, вѣдра и т. п. Дальше учащіеся изъ наблюденій надъ существительными должны прійти къ заключенію, что въ большей части основъ именъ существительныхъ слышатся одни гласные звуки, если на нихъ не падаетъ удареніе, и другіе, если падаетъ

а а и и

(оса — осы, красота — красоты, перо — перья, яйцо —

е

яйца, часть — часѣ).

Послѣ разсмотрѣнія уклоненій въ основахъ подъ вліяніемъ ударенія нужно перейти къ разсмотрѣнію уклоненій, происходящихъ отъ трудности произношенія и отъ стеченія однихъ согласныхъ съ другими или отъ мѣста нахожденія согласной (въ концѣ слова), напр.: семей в. семей, колдуній в. колдуный, башенъ в. башнь, сестёръ в. сѣстръ; короп(б)ка, но коробокъ, медвѣт(д)ь, но медвѣдя и т. п.

За разсмотрѣніемъ отклоненій въ основахъ и окончаніяхъ, имѣющихъ ту или иную причину, слѣдуетъ перейти къ разсмотрѣнію такихъ уклоненій, которыя происходятъ безъ видимой причины. Все это требуетъ усвоенія памятью и въ какихъ-либо методическихъ указаніяхъ не нуждается, кромѣ

развѣ того, что сначала должны быть рассмотрѣны уклоненія отъ образцовъ перваго склоненія, потомъ второго и, наконецъ, третьяго.

Изученіе существительныхъ должно быть закончено изученіемъ неправильно склоняющихся именъ существительныхъ съ объясненіемъ, въ чемъ именно неправильность. Къ неправильно склоняющимся именамъ существительнымъ могутъ быть отнесены: путь, церковь, дитя, 10 существительныхъ на *мя*, названія дѣтенышей съ суффиксомъ *енок* и существительныя съ суффиксомъ *анин* (*янин*).

За изученіемъ имени существительнаго обыкновенно приступаютъ къ изученію имени прилагательнаго. Цѣлесообразнѣе приступить къ числительному по слѣдующимъ соображеніямъ: 1) названія чиселъ, какъ уже раньше было сказано, есть такіе же отвлеченные предметы, какъ названія качествъ (красота, длина и т. п.) и дѣйствій (знаніе, ученіе и т. п.), слѣдовательно, имена числительныя есть лишь особая группа именъ существительныхъ; 2) числительныя: пять, шесть и т. п. склоняются по образцу существительныхъ: кость, пасть.

Послѣ ознакомленія съ окончаніями мѣстоименій и существительныхъ, изученіе окончаній числительныхъ не представляетъ затрудненій: нужно лишь остановиться на числительныхъ: два, три, четыре, сорокъ, сто. Особое вниманіе должно быть обращено на составъ основъ числительныхъ, который довольно прозраченъ, почему учащіеся сами, безъ помощи учителя, могутъ указать его. Затрудненіе можетъ представлять *дцать*, образовавшееся изъ *десять*. Слѣдуетъ объяснить происхожденіе числительнаго *дев'яносто* вм. *девятьдесятъ*, принявшаго такую форму потому, что ему предшествуетъ *сто* (Малорусскій и бѣлорусскій языки употребляютъ *дев'ятьдесятъ*, а не *дев'яносто*).

При изученіи прилагательныхъ прежде всего нужно сдѣлать наблюденіе, что они подобно мѣстоименіямъ прилагательнымъ, имѣютъ окончанія для всѣхъ трехъ родовъ, и что эти окончанія бываютъ простыми и сложными. Ознако-

мленіе должно начинать съ прилагательныхъ съ простыми окончаніями, во первыхъ, потому, что въ языкѣ они появились раньше, во-вторыхъ, потому, что своими окончаніями они ближе къ существительнымъ; въ третьихъ, потому, что сложные окончанія прилагательныхъ образовались черезъ присоединеніе мѣстоименія **и, га, ѣ** къ простымъ окончаніямъ, какъ и у мѣстоименій со сложными окончаніями. Учитель заставляетъ записать, что прилагательныя съ простыми окончаніями называются **к р а т к и м и**, а съ сложными — **п о л н ы м и**. Необходимо указать, что прилагат. съ краткими окончаніями употребляются только въ им. п. един. и множ. чиселъ, но въ народномъ языкѣ и въ другихъ падежахъ: чиста поля, чисту полю и т. д. Дальше даются прилагательныя (положимъ, добръ, а, о; синь, я е; добрый, ая, ое; синій, яя, ее) и дѣлается выводъ, что основы у прилагательныхъ кончаются на твердые и на мягкіе согласные звуки, т. е. основа у прилаг., какъ и у существительныхъ бываетъ **т в е р д а я** и **м я г к а я**. Берется краткое прилагательное съ твердой основой вмѣстѣ съ существительными трехъ родовъ съ такими же основами, на доскѣ записываются окончанія:

И.	Сестринъ	носъ,	сестрина	десна,	сестрино	горло
Р.	—	а	—а,	— ой	—ы,	— а — а
В.	—	—	,	— у	—у,	— —

Подчеркиваются сходныя окончанія.

То же продѣлывается съ краткимъ прилагательнымъ мягкой основы: Господень день, Господня воля, Господне твореніе.

Записывается примѣчаніе, что въ др.-ц. сл. языкѣ, отчасти въ др.-р. краткія прилагат. во всѣхъ падежахъ сходны были по окончаніямъ съ существительными, но въ послѣдствіи краткія окончанія смѣшались съ полными, какъ это видно изъ приведенныхъ примѣровъ.

Дальше рассматриваются окончанія полныхъ прилагательныхъ съ твердой и мягкой основами, обращается вниманіе на то, какое вліяніе оказываетъ удареніе на окончанія имен. и

род. падежей (слѣпой, ого вм. слѣпый, аго; окружный и окружной; само собою разумѣется, что при этомъ указывается общепринятое произношеніе окончаній: аго и ого, ые и ыя). Учитель указываетъ на своеобразность склоненія прилагательнаго третій, ья, ье и всѣхъ тѣхъ прилагательныхъ, кои образовались отъ названій животныхъ и птицъ (лисій, ья ье, вороній, ья, ье и т. п.), а также на то, что по образцу краткихъ прилагательныхъ склоняются фамиліи, названія мѣстностей съ тѣмъ лишь отличіемъ, что въ фамиліяхъ мужескаго рода предложный падежъ кончается на Ѣ вм. омъ, а названія мѣстностей въ творит. имѣютъ окончаніе омъ вм. ымъ.

Изъ примѣровъ учащіеся должны вывести, что одни прилагательныя употребляются въ языкѣ съ простыми и сложными окончаніями, другія или только съ простыми, или только со сложными. Указывать при этомъ, что съ двоякими окончаніями употребляются качественныя прилагательныя, а съ однимъ относительныя, едва ли нужно, потому что раздѣленіе прилагательныхъ на качественныя и относительныя представляетъ большія затрудненія; не всѣ качественныя употребляются съ двоякими окончаніями, хотя бы, напр., голубой.

Остается еще на примѣрахъ показать, что нѣкоторыя прилагательныя окончаніями могутъ выражать разныя степени качества. Изъ примѣровъ: длинная веревка, длиннѣйшая веревка; высокое дерево, высочайшее дерево; глубокій колодезь, глубочайшій колодезь; отличный чай, отличнѣйшій чай легко видѣть, что окончанія: ый, ая, ое; ій, яя, ее выражаютъ обыкновенную, *положительную*, какъ принято говорить, степень качества, а окончанія: ѣйшій, ая, ее, айшій, ая, ее — чрезвычайную, *превосходную*, какъ говорятъ, степень его.

Изъ примѣровъ: моя книга тяжелѣе(й) твоей; это полѣннѣе того; эта башня выше всѣхъ (башенъ, домовъ и т. п.), выше всего — видно, что окончанія: ѣе (ѣй, ѣ), е выражаютъ, что въ одномъ

предметъ качества больше, чѣмъ въ другомъ, если сравниваются только два предмета, или что въ одномъ предметѣ качества больше, чѣмъ во всѣхъ другихъ, если дѣлается сравненіе трехъ или многихъ предметовъ.

Примѣчаніе. Въ послѣднемъ случаѣ сравнительную степень называютъ превосходной, но это неосновательно по слѣдующему соображенію: сравнивая, положимъ, нѣсколько горошинъ и найдя, что одна изъ нихъ больше другихъ, скажемъ: эта горошина больше всѣхъ горошинъ, но это еще не значитъ, что эта горошина величайшая. Выраженіе *величайшая горошина* рисуетъ въ нашемъ воображеніи горошину необыкновенной величины. Слѣдуетъ различать сравнительную степень качества двухъ предметовъ и сравнит. степень качества многихъ.

Нельзя не посовѣтовать преподавателямъ отказаться отъ сообщеній, что качественныя прилагательныя имѣютъ степени сравненія; что по степенямъ сравненія можно узнавать, качественное или относительное прилагательное. Эти сообщенія совершенно бесполезны, такъ какъ они по одному неизвѣстному требуютъ находить другое неизвѣстное: встрѣчаются, на примѣръ, прилагательныя: *голенастый*, *железистый* (отъ железа), учащійся не знаетъ, качественныя они или относительныя, а потому не знаетъ, можно ли образовать отъ нихъ степени сравненія или нѣтъ; не знаетъ также, употребляется ли отъ нихъ сравнительная степень или нѣтъ, а потому не можетъ опредѣлить, качественными или относительными ихъ считать. Языкъ — явленіе довольно прихотливое, создающееся не только подъ воздѣйствіемъ строгихъ логическихъ законовъ, но и капризныхъ психическихъ воздѣйствій, почему языковыя явленія не всегда согласуются съ логическими категоріями. Такъ, на примѣръ, прилагат. *сѣверный*, *южный*, *восточный*, *западный*, *близкій*, *дальній* принадлежатъ къ группѣ относительныхъ прилагательныхъ, однако языкъ, вопреки наставленіямъ грамматики, употребляетъ сравнительную степень, а отъ прилагательнаго *глубокой*, до очевидности качественного, нѣтъ. Поэтому при

изученіи грамматики должно обращать вниманіе не столько на логическія категоріи, сколько на явленія языка, а это дается тщательнымъ изученіемъ его.

Изъ измѣняемыхъ частей рѣчи остается труднѣйшая глаголѣ. Изученіе глаголовъ начинаютъ съ раздѣленія ихъ на залого. Раньше дѣлили глаголы на шесть залоговъ (дѣйств., страд., средній, возвратный, взаимный и общій). Общій залогъ оставили и пріюбщили немногіе глаголы этого залога къ среднему залогоу. Министерскія програмы 1890 года рекомендуютъ различать всего лишь 4 залога (дѣйствительный, страдат., средній и возвратный). Какая невообразимая путаница существуетъ въ грамматикахъ русскихъ, латинскихъ и греческихъ въ ученіи о залогахъ, говорится въ моей статьѣ: „Опредѣленіе залоговъ“ Фил. записк. за 1896 г. Съ видами нашего глагола обстоитъ не лучше, чѣмъ съ залогами: кто различаетъ 2 вида: (соверш. и несовер.), кто три (присоединяя многократ.), а кто и 4 (прибав. къ тремъ названнымъ однократ.).

При изученіи формъ глагола рѣшительно нѣтъ надобности говорить о залогахъ, такъ какъ залоговыя понятія не связаны съ опредѣленными формами. О залогахъ можно сказать при изученіи членовъ предложенія, и то достаточно ограничиться указаніемъ, что одни глаголы (дѣйствительные) могутъ имѣть при себѣ прямое дополненіе (вин. безъ предлога), что эти же глаголы, при обращеніи прямого дополненія въ подлежащее, могутъ измѣнять дѣйствительную форму въ страдательную; другіе могутъ имѣть при себѣ косвенное дополненіе (заботиться о комъ либо); третьи — только обстоят. слово.

Видовыя отличія глаголовъ связаны съ основами ихъ, а потому о видахъ глаголовъ можно и даже должно говорить при разсмотрѣніи глагольныхъ основъ.

Изученіе глаголовъ должно начинать съ разсмотрѣнія основъ. Такъ какъ въ глаголѣ имѣетъ значеніе, состоитъ ли основа изъ одного корня, или корня съ суффиксомъ, или изъ корня съ префиксомъ, то и нужно раздѣлить глаголы по ос-

новамъ корневымъ, суффикснымъ и префикснымъ. Наблюденіе надъ корневыми основами (ѣс-ть, пи-ть, ли-ть, вес-ти, плес-ти, вез-ти и т. п., ле-чь, сѣс-ть, пас-ть) приводитъ къ заключенію, что они выражаютъ обыкновенно продолжающееся дѣйствіе, рѣдко оконченное.

Изъ наблюденія надъ суффиксными основами (шумѣ-ть, гремѣ-ть, имѣ-ть, владѣ-ть, крича-ть, стуча-ть, дыша-ть, стоя-ть, ковыря-ть, сохну-ть, вяну-ть, — но броси-ть, велѣ-ть, стукну-ть) вытекаетъ, что онѣ выражаютъ продолжающееся дѣйствіе въ большинствѣ случаевъ и оконченное въ меньшинствѣ.

Изъ наблюденія надъ префиксными основами (вынес-ти, запища-ть, покури-ть, расхажива-ть, отходи-ть, перенравля-ться) видно, что однѣ изъ нихъ въ большинствѣ случаевъ обозначаютъ оконченное дѣйствіе, въ меньшинствѣ — продолжающееся.

Послѣ приведенныхъ выводовъ дѣлается указаніе, что глаголы, коихъ основы выражаютъ продолжающееся дѣйствіе, называются глаголами *несовершеннаго вида*, а глаголы, основы коихъ выражаютъ оконченное дѣйствіе, называются глаголами *совершеннаго вида*. Дальше можно обратить вниманіе учащихся, что нѣкоторыя изъ основъ несовершеннаго вида обозначаютъ частую повторяемость дѣйствія — *многократность* (сижива-ть, хажива-ть и т. п.), а нѣкоторыя изъ основъ совершеннаго вида обозначаютъ *однократность* дѣйствія (ковырнуть).

Дѣлается общее заключеніе о глагольныхъ основахъ: по одному внѣшнему виду основъ нельзя судить о видѣ глагола, — необходимо обращать вниманіе на самое значеніе его; однѣ основы (корневая и суффиксная) въ большинствѣ случаевъ обозначаютъ несовершенный видъ, другія (префиксная) въ большинствѣ случаевъ совершенный.

Дальше должно сдѣлать наблюденіе надъ основами несоверш. вида, обращающимися въ основы совершен., вслѣдствіе приставки префикса (ѣсть, съѣсть, нести, унести и т. и.) Но основы, означающія многократность дѣйствія, а также основы со сложными суффиксами: **ѣ-ва, ов-ыва, ев-ыва** остаются

основами несоверш. в. и въ соединеніи съ префиксомъ (хаживать — расхаживать, сиживать — пересиживать, заболѣвать, образовывать).

Хотя основы выражаютъ разные оттѣнки дѣйствій (продолжительность, многократность, однократность, начало дѣйствія и т. п.), но практически необходимо различать лишь два вида основъ — несовершенный и совершенный.

Покончивъ съ глагольными основами, учитель приступаетъ къ глагольнымъ окончаніямъ. Берется какойнибудь глаголъ съ присущими ему окончаніями:

I.	II.	III.	IV.
я чита-ю, ты чита-й	чита-ть	читаю-щій	чита-я
ты чита-ешь, вы чита-йте	же-чь	чита-вшій	чита-въ
онъ чита-етъ	нес-ти		(чита-вши)
мы чита-емъ	учи-ться		
вы чита-ете	же-чься		
они чита-ютъ			

Относительно нервыхъ окончаній учитель говоритъ, что они называются личными, потому что обозначаютъ лицо, отъ котораго происходитъ дѣйствіе; окончанія: **ть, чь, ти, ться, чься** называются неопредѣленными, такъ какъ не обозначаютъ лица; окончанія: **щій, вшій** — причастными; окончанія: **я, въ (вши)** — дѣепричастными.

Дѣлается подробное разсмотрѣніе личныхъ окончаній съ основами несовершеннаго и совершеннаго видовъ:

вян-у	жм-у	дѣла-ю	суш-у	говор-ю
— ешь	— ёшь	— ешь	— ишь	— ишь
— етъ	— ётъ	— етъ	— итъ	— итъ
— емъ	— ёмъ	— емъ	— имъ	— имъ
— ете	— ёте	— ете	— ите	— ите
— утъ	— утъ	— ютъ	— атъ	— ятъ
вян-ь	жм-и	дѣла-й	суш-и	говор-и
— ьте	— ите	— йте	— ите	— ите

завян-у	пожм-у	вдѣла-ю	засуш-у	переговор-ю
— ешь	— ёшь	— ешь	— ишь	— ишь
и. т. д.	и. т. д.	и. т. д.	и. т. д.	и. т. д.
завян-ѣ	пожм-и	вдѣла-й	засуш-и	переговор-и
— ьте	— ите	— йте	— ите	— ите

Дѣлаются выводы о значеніи окончаній и ихъ различіи по произношенію : окончаніе указываетъ лицо (1-е, 2-е и 3-е ед. и мн. чиселъ), наклоненіе (изъявительное, когда лицо заявляетъ о дѣйстви; повелительное, когда лицо приказываетъ, чтобы дѣвствіе было), время (настоящее въ соединеніи съ основами несовершеннаго вида, будущее въ соединеніи съ основами совершеннаго вида). По внѣшнему виду окончанія различаются: **ешь** (**ёшь** подъ удареніемъ), **утъ**, **ютъ** съ одной стороны, **ишь**, **атъ**, **атъ** съ другой; окончанія съ гласными звуками **е** (**ё**), **у**, **ю** называются окончаніями 1-го спряженія, окончанія съ гласными звуками **и**, **а**, **я** 2-го спряженія.

Берутся глаголы 1-го и 2-го спряженій съ окончаніями : **лѣ, ла, ло, ли** :

Я писалъ, а, о	Я судилъ, а, о
ты —	ты —
онъ —	онъ —
мы писали	мы судили
вы —	вы —
они —	они —

Окончанія : **лѣ, ла, ло, ли** показываютъ : 1) время прошедшее, 2) роды м., ж. и ср. въ единственномъ числѣ, 3) число единственное и множественное, но не лица, хотя эти окончанія и называются личными. Необходимо объяснить особенность этихъ окончаній. Въ др.-с.-сл. языкѣ это были окончанія несклоняемаго причастія; вмѣстѣ съ вспомогательнымъ глаголомъ наст. вр. (есмь, еси, есть, есмы, есте, суть) оно служило для выраженія прошедшаго времени. Съ теченіемъ времени вспомогательный глаголѣ

отпаль, и несклоняемое причастіе одно, безъ его помощи, стало выражать прошедшее время. Въ виду того, что окончанія: **лѣ, ла, ло, ли** не обозначаютъ лицъ, необходимо пользоваться личными мѣстоименіями: я лилѣ, ты лилѣ, онѣ лилѣ.

Изъ примѣровъ: бросалѣ, бросилѣ, нѣсѣ (вм. нѣслѣ) и т. п. должно слѣдовать, что окончанія: **лѣ, ла, ло** соединяются съ основами несовершеннаго и совершеннаго видовъ, что при корневыхъ основахъ **л** выпадаетъ, если за нимъ не слѣдуетъ гласный звукъ.

Остается еще указать, что окончанія **лѣ, ла, ло** въ соединеніи съ **бы** выражаютъ условное наклоненіе (я читалѣ бы... при извѣстномъ условіи).

Наблюденіе надъ окончаніями неопредѣленнаго наклоненія (**тѣ, чѣ, тѣся, чѣся**) приводитъ къ заключенію, что одни изъ нихъ (**тѣ, чѣ**) простыя, другія (**тѣся, чѣся**) сложныя. При этомъ должно указать, что **ся** есть сокращенная форма винит. над. **себя**, что это мѣстоименіе чувствуется въ такъ называемыхъ возвратныхъ глаголахъ: умываться (= умывать-себя), одѣваться и т. п., въ другихъ глаголахъ съ **ся** уже не соединяется такого значенія: смѣяться, издѣваться.

Учитель приводитъ глаголы съ причастными окончаніями: пишущій, пившій, несшій, любимый, игранный, убитый и говоритъ: иричастія съ окончаніями на **шій, вшій, шій** называются дѣйствительными; на **мый, нный, тый** — страдательными. Дальше учитель заставляетъ учащихся самихъ путемъ склоненія причастій прійти къ выводу, что причастія по согласованію и склоненію совершенно сходны съ прилагательными, почему и называются отглагольными прилагательными, при этомъ указывается разница причастій отъ прилагательныхъ — способность обозначать время. Нужно сопоставить формы: сидящій — сидячій, зрящій — зрячій, горящій и горючій, лежащій — лежачій, болящій — болячій. Тутъ же кстати указать, что отъ склоняемаго причастія на **лѣ, ла, ло** и отъ страдательныхъ иричастій образуются прилагательныя: зрѣлый, спѣлый, оконченный, вареный, жареный и т. п.

Дальше нужно указать, что причастія дѣйствительныя и страдательныя могутъ обозначать времена — настоящее и прошедшее, что страдательныя причастія могутъ имѣть не только сложное окончаніе, но и простое: **любимъ**, **читаемъ**, **убить**.

Разсмотрѣніе глагольныхъ окончаній учитель долженъ закончить сообщеніемъ, что присоединеніемъ глагольныхъ окончаній къ глагольнымъ основамъ образуются простыя формы глагольныя, что каждая такая форма можетъ принять частицу **ся** — въ однихъ случаяхъ имѣющую значеніе мѣстоименія, въ другихъ не имѣющую этого значенія. Частица **ся**, будучи присоединена къ дѣйствительному глаголу, обращаетъ его или въ страдательный (прислуга бьетъ посуду, посуда бьется прислугой), или въ возвратный (онъ моетъ, онъ моется), или въ взаимный (онъ бранилъ его, онъ бранился съ нимъ).

При разсмотрѣніи нарѣчій нужно будетъ замѣтить, что глагольныя формы: **недоумѣвающе**, **вызывающе** должно разсматривать, какъ нарѣчія (она недоумѣвающе посмотрѣла на меня).

Послѣ этого учитель переходитъ къ сложнымъ глагольнымъ формамъ, разсмотрѣніемъ коихъ и кончается изученіе измѣняемыхъ частей рѣчи, и дѣлается переходъ къ изученію неизмѣняемыхъ. Изъ неизмѣняемыхъ частей рѣчи на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено нарѣчіе, во первыхъ, потому, что оно, подобно измѣняемымъ, имѣетъ знаменательное значеніе въ рѣчи, обозначаетъ признаки качествъ и дѣйствій; во вторыхъ, потому, что оно по своему происхожденію представляетъ не что иное, какъ какую-либо оконченную форму измѣняемой части рѣчи. Поэтому при изученіи нарѣчій должно обращать вниманіе, отъ какой формы измѣняемаго слова они образовались [вчернѣ = въ чернѣ, справа = съ права, наружу = на ружу (ружа — слово, вышедшее изъ употребленія)]. Нельзя говорить, что нарѣчіе измѣняется по степенямъ сравненія. По степенямъ сравненія измѣняется прилагательное, которое и обращается въ нарѣчіе, когда служитъ въ предло-

женіи обстоятельствомъ словомъ. Написать: толкнуть коня въ бокъ значить — толкнуть коня въ ту часть тѣла, которая называется бокомъ. Написать: толкнуть коня въ бокъ значить -- толкнуть коня въ сторону. Въ первомъ выраженіи въ бокъ измѣняемое слово и зависитъ отъ глагола толкнуть; во второмъ въ бокъ — неизмѣняемое и независимое слово. Пишутъ (напримѣръ, Грибоѣдовъ): она на дняхъ расшиблась въ пухъ. Написать такъ, значить нужно понимать слово пухъ въ его прямомъ значеніи и поставить въ зависимость отъ глагола расшиблась, что невозможно. Слѣдуетъ писать: расшиблась впухъ, т.-е. ея части разлетѣлись какъ пухъ, или стала мягка, какъ пухъ. Исходя отъ значенія этихъ словъ, легче будетъ разобраться въ ихъ орѳографіи¹⁾. Изъ приведенныхъ примѣровъ видно, что нарѣчіе можно изучать до знакомства съ предложеніемъ, потому что оно, какъ обстоятельное слово, можетъ быть разсматриваемо не только въ предложеніи, но и въ тѣхъ выраженіяхъ, которыя служатъ обозначеніемъ понятій, напримѣръ, выучить наизусть, красиво написать, подняться вверхъ, весьма богатый и. т. д.

Мѣстонарѣчія, какъ замѣстители нарѣчій, должны быть изучаемы послѣ нарѣчій. Болѣе подробное изученіе мѣстонарѣчія возможно тогда, когда пройдено такъ называемое сложное нредложеніе (сочетаніе предложеній). Здѣсь же нужно ограничиться указаніемъ, что мѣстонарѣчія употребляются не только для замѣны нарѣчій, но что они служатъ также словами, соединяющими предложенія.

Что касается союзовъ, присловіи²⁾ и частицъ (привѣ-

1) Къ сожалѣнію, Гротъ въ своемъ „Словарѣ“ не помѣстилъ многихъ словъ, употребляемыхъ въ значеніи нарѣчій, и преподаватели не рѣшаются писать ихъ вмѣстѣ съ предлогами. Такъ, напримѣръ, нѣтъ нарѣчій: вразрѣзъ, вмѣру, вбродъ, ввысь и т. д., а потому и пишутъ ихъ раздѣльно съ предлогомъ, вопреки принятому обычаю писать нарѣчія вмѣстѣ съ предлогомъ.

2) Присловіями считаю звукосочетанія: молъ, де, дескать, вишь и др.

сковъ ¹⁾ — по Миклошичу) какъ матеріала, не представляющаго интереса въ морфологическомъ отношеніи, то о нихъ нужно дать только понятіе. Полное выясненіе значенія союзовъ возможно послѣ ознакомленія съ предложеніемъ и сочетаніемъ предложеній.

Рядомъ съ этимъ слѣдуетъ дать понятіе о сложныхъ словахъ ²⁾.

Дать дѣтямъ надлежащее понятіе о междометіи почти невозможно, потому что слова, извѣстныя у насъ подъ именемъ междометій, и по своему происхожденію, и по значенію весьма разнообразны. Одни изъ нихъ (междометій) есть звуки, произвольно издаваемые человѣкомъ, когда имъ овладѣетъ какое-либо чувство — гнѣва, радости, удивленія, негодованія, отвращенія и др. Эти звуки не могутъ быть названы словами, потому что словомъ мы называемъ такое звукосочетаніе, съ которымъ ассоціировано какое либо представленіе или понятіе; нельзя также считать ихъ неразвитыми предложеніями, какъ думаютъ нѣкоторые (Баталинъ, напримѣръ), потому что между междометіемъ, какъ воплощеніемъ чувства, и предложеніемъ, какъ словеснымъ выраженіемъ мысли, нѣтъ ничего общаго.

Для выраженія спокойныхъ чувствъ, напримѣръ, чувства благодарности, привѣтствія, пожеланія мы пользуемся словами и даже предложеніями: Спасибо! (= Спаси Богъ) благодарствуйте! (= благодарствую тебѣ). Такъ какъ эти звуко-

1) Къ привѣскамъ относятся: ста, отъ, ко, ка, то и др. (пожалуй-ста, можно-ста. мостъ-отъ нашъ каковъ, глядитъ-ко, смотри-ка. Эти частицы рѣзко отличаются отъ частицы *ся*, *себя* и частицы: *то*, *либо*, *нибудь*, присоединяемыхъ къ мѣстоименіямъ. На привѣски: *тѣ*, *то* при существительныхъ можно смотрѣть, какъ на остатокъ исчезнушаго изъ нашего языка опредѣленнаго члена.

2) Едва-ли основательно говорить о первообразныхъ и производныхъ словахъ. Почти всѣ слова, за исключеніемъ нѣкоторыхъ междометій, предлоговъ и мѣстоименій, производныя. Слова, имѣющія флексіи, есть уже производныя. (Флексіи, какъ извѣстно, тѣ же суффиксы, но суффиксы, кромѣ своего спеціальнаго значенія, обозначающіе еще родъ, число, падежъ, лицо.)

четанія выражаютъ не мысли, а чувства, то мы несмотря на ихъ происхожденіе изъ словъ, считаемъ междометіями.

Если мы только подражаемъ услышаннымъ звукамъ и не соединяемъ съ ними никакого представленія, то это будутъ *звукоподражанія*. Но когда мы начинаемъ соединять съ ними понятія, они становятся *звукоподражательными словами*. Такъ, напримѣръ, когда мы произносимъ *ахъ* и думаемъ, что оно служитъ выраженіемъ удивленія, тогда *ахъ* — звукоподражательное слово¹⁾.

Итакъ, нужно различать междометіе, звукоподражаніе и звукоподражательное слово. Звукоподражательныя слова, подобно знаменательнымъ словамъ, могутъ служить членами предложенія — подлежащимъ, дополненіемъ, сказуемымъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что междометіе и звукоподражаніе нельзя относить къ частямъ рѣчи; что звукоподражательное слово есть часть рѣчи, что оно по значенію можетъ быть сходно съ именемъ существительнымъ или съ глаголомъ, но не имѣетъ ни суффиксовъ, ни флексій. Впрочемъ, въ настоящее время и въ литературномъ языкѣ попадаются слова: *охи, ахи*.

Въ виду указанныхъ затрудненій, представляемыхъ междометіемъ, звукоподражаніемъ и звукоподражательнымъ словомъ, необходимо отложить ознакомленіе съ ними подъ конецъ изученія грамматики. Рядомъ съ ними умѣстно будетъ дать понятіе о такихъ выраженіяхъ, какъ *Пожаръ! Сюда! Молчать!*

Послѣ ознакомленія учащихся съ указанными выше морфологическими и семасіологическими понятіями, нужно перейти къ понятіямъ синтаксическимъ. Задача синтаксиса, какъ из-

1) Звукоподражательнымъ словомъ я считаю только то знаменательное звукоподражаніе, которое употребляется безъ суффиксовъ и флексій, напримѣръ, *ахъ, му-у, бу-у, ку-ку, мяу* и т. п. Когда звукоподражательное слово соединяется съ суффиксами и флексіями, оно теряетъ свою звукоподражательность и переходитъ въ разрядъ обыкновенныхъ словъ: *быкъ, уододъ, квакушка, мяукать, мычать* и т. п.

вѣстно, состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть *предложеніе само по себѣ*, безъ соединенія съ другими (такъ называемое простое предложеніе) и *разные способы согтанія предложеній* (сложное предложеніе и періодъ).

Ученію о предложеніи должно предшествовать ученіе о представленіи и сужденіи (или мысли), звуковомъ обозначеніи (или звуковомъ знакѣ, словѣ, словесномъ выраженіи. Въ противномъ случаѣ придется одно неизвѣстное опредѣлять другимъ.

Чтобы дать понятіе о представленіи, учитель показываетъ учащимся какой-либо незнакомый имъ предметъ, заставляетъ ихъ присмотрѣться къ нему. Когда они хорошо присмотрятся къ показываемому предмету, учитель прячетъ его и говоритъ: „предметъ спрятанъ, вы его не видите глазами, но все-таки онъ представляется вамъ умственно, вы какъ-будто видите его стоящимъ иредъ вашими глазами“. Точно такимъ же образомъ нужно привести дѣтей къ сознанію, что можно представлять какое-либо качество (голубой, синій, красный и т. п.), дѣйствіе (бѣжать, писать, махать, прыгать и т. п.); признаковъ качества и дѣйствія (быстро итти, медленно итти, согнувшись итти, гордо итти и т. п.).

Послѣ этого учитель заставляетъ учащихся, чтобы они припомнили иредставленія о предметахъ, находящихся дома; иредставленія о дѣйствіяхъ какого-либо предмета; представленія о качествахъ этого предмета. Когда дѣти станутъ удовлетворительно отвѣчать на всѣ эти вопросы, можно перейти хотя бы къ такому опредѣленію представленія: *представленіе есть то, что кажется намъ какъ бы стоящимъ иредъ нами; образъ того, чего въ дѣйствительности нѣтъ иредъ нами.*

Понятіе о мысли учитель даетъ такимъ образомъ: называетъ какой-либо предметъ, положимъ, *наша доска* и говоритъ учащимся: „Подумайте что-нибудь о ней, мыслите о ней! Скажите мнѣ ваши мысли о ней! Мыслите теперь о *гернилахъ, потолокъ* и т. п.! Скажите свои мысли о чернилахъ, потолокъ!“

Дальше учитель разъясняетъ, что человѣкъ свои представленія и мысли передаетъ разными средствами: рисунками, жестами, звуками. Поступаетъ онъ въ этомъ случаѣ такъ: „Знаете-ли вы, что я теперь представляю?“ Получивъ отрицательный отвѣтъ, учитель рисуетъ на доскѣ крестъ и спрашиваетъ: „Теперь знаете, что я представляю? — „Какимъ средствомъ я сообщилъ вамъ свое представленіе? Какъ нѣмой, не умѣющій рисовать, сообщилъ бы свое представленіе о крестѣ, о кольцѣ? — Удобно-ли сообщать другимъ о своихъ представленіяхъ посредствомъ рисунковъ, жестовъ? — Получивъ отрицательный отвѣтъ, учитель говоритъ: „Въ глубокую древность люди обозначали свои представленія жестами. Жестовъ не хватало для обозначенія всѣхъ представленій, и потому они на ряду съ жестами стали пользоваться звуками. Человѣкъ слышалъ крикъ животнаго и старался подражать ему. Произнося, напримѣръ, *ку-ку*, онъ въ то же время представлялъ и птицу, произносящую это *куку*. Звукоподражанія привели къ убѣжденію, что ими весьма удобно пользоваться для обозначенія представленій¹⁾. Мало-помалу онъ всѣ рѣшительно представленія и сужденія обозначилъ звуками, и получилось такимъ образомъ звуковое обозначеніе всего того, что думаетъ человѣкъ, — языкъ.

Дальше учитель старается объяснить учащимся, что и для представленій, и для мыслей есть особые звуки обозначенія, а именно: для представленій — слова и словесныя выраженія; для мыслей — предположенія. Выясненіе должно идти такъ. Учитель пишетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ: медъ, вода, голубой; медъ шмелей, морская вода, голубой цвѣтокъ; медъ шмелей очень сладокъ, морская вода горькосоленая, голубой цвѣтокъ завялъ.

Учитель говоритъ: „Прочтите, обозначьте звуками то, что

1) Захотѣлъ сообщить о нихъ впотѣмахъ — и впотѣмахъ можно; на далекомъ разстояніи — тоже можно, стоитъ только повысить голосъ. Словомъ, обозначеніе представленій звуками оказалось самымъ удобнымъ изъ всѣхъ средствъ обозначенія ихъ, почему оно наиболѣе совершенствовалось.

написано буквами“. Ученики обозначаютъ. Слѣдовательно, заключаетъ учитель, все это звуковыя обозначенія представленій и мыслей.

Далѣе, по требованію учителя, ученики перечисляютъ звуковыя обозначенія представленій, а онъ въ это время каждое изъ нихъ подчеркиваетъ прямой чертой; потомъ перечисляютъ звуковыя обозначенія мыслей, учитель каждое изъ нихъ подчеркиваетъ зигзагомъ.

Учитель говоритъ, а ученики записываютъ: „Звуковое обозначеніе представленія называется *словомъ*, если состоитъ изъ сочетанія звуковъ, и *словеснымъ выраженіемъ*, если состоитъ изъ сочетанія словъ. Словесное обозначеніе мысли называется *предложеніемъ*. — Учитель называетъ звуковыя обозначенія и требуетъ опредѣлить ихъ. Ученики сами придумываютъ слова, словесныя выраженія и предложенія.

При изученіи синтаксиса, самое важное значеніе должно имѣть знаніе взаимнаго отношенія между словами въ словесномъ выраженіи и предложеніи, а также знаніе взаимнаго отношенія между предложеніями. Поэтому на выясненіи этихъ вопросовъ нужно остановиться возможно дольше. Взаимное отношеніе словъ разсматривается только въ предложеніи. Между тѣмъ изученіе его въ словесномъ выраженіи легче. Въ словесномъ выраженіи можно ознакомиться съ положеніемъ словъ — самостоятельностью, согласованіемъ, управленіемъ и примыканіемъ. Изъ примѣровъ, хотя бы такихъ: всегда славный подвигами полководецъ; всюду проникающій глазъ; радостно встрѣтившій царя народъ; сдуру надѣвшій волчью шкуру ягненокъ; зачѣмъ трудиться — ученики дѣлаютъ выводъ, что въ словесныхъ выраженіяхъ одни слова отвѣчаютъ на вопросы именительнаго падежа, другія на вопросы косвенныхъ падежей, третьи на вопросы: *какой, гдѣ*; четвертые на вопросы: *когда, гдѣ, какъ, почему, для чего*. Послѣ этого учащіяся подѣ диктовку учителя должны записать:

1) Слово, отвѣчающее на вопросъ именительнаго падежа, есть *самостоятельное*.

2) Слово, отвѣчающее на вопросъ косвеннаго падежа, есть *управляемое*.

3) Слово, отвѣчающее на одинъ изъ вопросовъ: какой, каковъ, который, есть *согласуемое*.

4) Слово, отвѣчающее на одинъ изъ вопросовъ: когда, гдѣ, какъ, почему, для чего, есть *примыкающее*.

Чтобы у учащихся сложилось ясное представленіе о взаимномъ отношеніи между словами въ словесномъ выраженіи, слѣдуетъ при разборѣ пользоваться діаграммами, напримѣръ, словесныя выраженія: славный подвигами полководецъ, радостно встрѣченный народомъ царь — располагаются по такимъ діаграммамъ ¹⁾:

полководецъ
|
славный
||
подвигами.

царь
|
встрѣченный
||| ||
радостно народомъ.

При переходѣ къ предложенію останется только *сказуемость*. Понимая другіе виды отношеній, учащіеся теперь лучше поймутъ значеніе сказуемости, которая дѣлаетъ словесное выраженіе *предложеніемъ*.

Когда учащіеся научатся находить сказуемое и поймутъ его значеніе, какъ слова, показывающаго возникновеніе признака, учитель старается выяснитъ значеніе въ предложеніи словъ — самостоятельнаго, согласуемаго, управляемаго и примыкающаго.

На разборѣ многихъ предложеній учащіеся должны убѣдиться, что самостоятельному слову приписывается какой-нибудь признакъ (качество или дѣйствіе) что согласуемое показываетъ покойный признакъ; управляемое обозначаетъ предметъ, находящійся въ какомъ-либо отношеніи къ другому предмету или къ его признаку; примыкающее обозначаетъ

1) Предварительно учащіеся должны замѣтить, что атрибутивность (согласованіе въ падежѣ) обозначается одной вертикальной чертой | управленіе двумя ||, примыканіе тремя |||.

какое-либо обстоятельство возникновенія признака: время, мѣсто, образность, причину, цѣль.

Только послѣ того какъ все сказанное о взаимномъ отношеніи словъ въ предложеніи и ихъ значеніи усвоено и понятно учащимися, можетъ имѣть смыслъ бесѣда о членахъ предложенія, обращеніи, вводномъ словѣ и вспомогательныхъ словцахъ. Только теперь учащіеся могутъ понять, почему одни слова считаются членами предложенія, другія — обращеніемъ, третьи — вводнымъ словомъ, четвертыя — вспомогательными словами. Возьмемъ хотя бы такіе примѣры:

Чтобы стало яснымъ значеніе въ предложеніи членовъ предложенія, добавочныхъ словъ, вспомогательныхъ частицъ, нужно слѣдующимъ образомъ рассмотреть примѣры:

1) Чиста моя вѣра. — 2) Спаситель! чиста моя вѣра.

Въ первомъ примѣрѣ: *чиста* — сказуемое слово; *вѣра* — самостоятельное слово, которому приписывается сказуемое; *моя* — согласуемое, показывающее признакъ (принадлежность).

Во второмъ, кромѣ рассмотрѣнныхъ словъ, есть еще слово *Спаситель!* Оно тоже самостоятельное, но ему не приписывается сказуемое; оно показываетъ, къ кому обращаются. Это *обращеніе*, или *звательное слово*.

1) Мы ужъ поладимъ. — 2) Мы, вѣрно, ужъ поладимъ.

Въ первомъ примѣрѣ *мы* — самостоятельное слово, которому приписывается сказуемое; *ужъ* — примыкающее, показывающее время; *поладимъ* — сказуемое. Во второмъ слово *вѣрно* не можетъ быть отнесено ни къ одному изъ рассмотрѣнныхъ видовъ. Если считать его примыкающимъ къ слову *поладимъ*, тогда получится непонятное выраженіе. Если же разсматривать его внѣ связи со словами, то оно получаетъ свой собственный смыслъ и значеніе: придаетъ выражаемой мысли оттѣнокъ большей увѣренности. Это такъ называемое *вводное слово*.

1) Онъ наступилъ на ногу прохожаго. — 2) Я получилъ книгу въ переплетѣ. — 3) Я получилъ письмо отъ матери.

Ученики называютъ, учитель подчеркиваетъ управляемые слова: ногу, прохожаго, книгу, переплетѣ, письмо, матери. Учитель спрашиваетъ, нѣтъ ли разницы между управляемыми словами: ногу, переплетѣ, матери и управляемыми: прохожаго, книгу, письмо. Учащіеся должны отвѣтить, что первыя управляются не прямо, а *съ помощью предлоговъ*; вторыя управляются безъ предлоговъ, прямо, непосредственно. Поэтому первый видъ управленія, говоритъ учитель, принято называть *посредственнымъ*, второю *непосредственнымъ*.

На основаніи сказаннаго учащіеся приходятъ къ заключенію, что предлоги въ нѣкоторыхъ случаяхъ *помогаютъ* выразить управленіе одного слова другимъ, что они *вспомогательныя слова*.

Были приняты рѣшительно всѣ мѣры, однако наше предпріятіе не удалось. Расположимъ эти два предложенія по діаграммѣ:

Были приняты мѣры всѣ рѣшительно	предпріятіе не удалось наше
--	-------------------------------------

Учащіеся наглядно видятъ, что союза однако нельзя поставить въ связь съ другими словами, что онъ не можетъ быть отнесенъ къ членамъ предложенія. Чтобы стало яснымъ его значеніе въ предложеніи, нужно взять разматриваемыя предложенія безъ него:

Были приняты рѣшительно всѣ мѣры — наше предпріятіе не удалось. Тутъ связь между предложеніями не такъ очевидна и понятна: союзъ однако дѣлаетъ связь между предложеніями болѣе очевидной и понятной. Значитъ, союзъ, какъ и предлогъ, имѣетъ значеніе *вспомогательнаго слова*. Предлогъ помогаетъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ выражать управленіе, союзъ отношеніе одного предложенія къ другому.

Теперь посмотримъ, какъ дать понятіе о каждомъ членѣ предложенія. Начинать слѣдуетъ не съ подлежащаго, какъ это обыкновенно дѣлаютъ, а со сказуемаго. Когда найдено сказуемое — этотъ главнѣйшій членъ предложенія, тогда нахожденіе остальныхъ членовъ будетъ легче и осмысленнѣе. Возьмемъ примѣры, въ которыхъ сказуемое встрѣчается въ разныхъ формахъ.

Катятся ядра, свищутъ пули. — Провожать тебя я выйду, ты махнешь рукой. — Старикъ ловилъ неведомъ рыбу, старуха пряла свою пряжу. — Медвѣдь есть звѣрь. — Смирно сидѣть. — Мартышка тихохонько медвѣдя толкъ ногой. Дроздъ горевать, дроздъ тосковать, какъ лису ему вынимать.

Учитель требуетъ указать въ каждомъ предложеніи тотъ членъ, который выражаетъ возникновеніе признака — сказуемость. Ученики называютъ, онъ подчеркиваетъ: *катятся, свищутъ, выйду, махнешь, ловилъ, пряла*¹⁾, *есть* (звѣрь), *сидѣть, толкъ, горевать*.

Послѣ этого остается сдѣлать выводъ: сказуемое есть членъ предложенія, показывающій возникновеніе признака; сказуемое чаще всего выражается личнымъ глаголомъ однимъ или въ соединеніи съ именемъ; рѣже оно обозначается неопредѣленнымъ наклоненіемъ или отглагольнымъ нарѣчіемъ.

Дать понятіе о простомъ и составномъ сказуемомъ не трудно, а потому на этомъ не будемъ останавливаться. Разсмотримъ примѣры, въ которыхъ подлежащее встрѣчалось бы въ разныхъ видахъ.

Ужъ небо осенью дышало; Ужъ рѣже солнышко блистало. — Провожать тебя я выйду, ты махнешь рукой. — Семеро одного не ждутъ. — Первые будутъ послѣдними, по-

1) *Ловилъ* и *пряла* тоже должно считать личными глаголами, хотя сами по себѣ они не обозначаютъ лицъ. Личными они ставятся въ соединеніи съ подлежащимъ, выраженнымъ или личнымъ мѣстоименіемъ, или именемъ существительнымъ. Считать ихъ личными позволяетъ еще и то, что въ настоящее время оно уже не мыслится несклоняемымъ причастіемъ, какъ это было въ др.-ц.-слав. языкѣ.

слѣдніе первыми. — Умереть за отечество пріятно. — Далече грянуло „ура“. — „Авось“ и „какъ-нибудь“ никогда до добра не доведутъ.

Учитель требуетъ назвать въ каждомъ предложеніи независимый членъ предложенія и говоритъ, что его можно найти по вопросамъ именительнаго падежа. Ученики называютъ: *небо, солнышко, я, ты, семеро, первые, послѣдніе, умереть, ура, авось, какъ-нибудь*. Названные слова учитель подчеркиваетъ и спрашиваетъ, на какіе вопросы они отвѣчаютъ въ предложеніи. Долженъ послѣдовать отвѣтъ: на вопросы — кто? что? т. е. на вопросы именительнаго падежа.

Независимый членъ предложенія называется подлежащимъ; подлежащее узнается по вопросамъ именительнаго падежа; подлежащему приписывается сказуемое; подлежащее чаще всего выражается именительнымъ падежомъ имени существительнаго.

Примѣры для вывода понятія объ опредѣленіи:

Румяной зарею покрылся востокъ. — Первый мѣсяцъ года — январь. — Наша обязанность — помогать другъ другу. — Рѣка Донъ впадаетъ въ Азовское море.

Учитель требуетъ указать въ каждомъ предложеніи членъ, согласованный безъ связи съ глаголомъ въ родѣ, числѣ и падежѣ или только въ одномъ падежѣ. Учащіеся называютъ, а онъ подчеркиваетъ: *румяной, первый, наша, Донъ, Азовское*.

Членъ предложенія, согласованный съ другимъ безъ связи съ глаголомъ въ родѣ, числѣ и падежѣ или въ одномъ только падежѣ, называется *опредѣленіемъ*. Опредѣленіе обозначаетъ признакъ, заключенный въ предметъ; опредѣленіе обыкновенно выражается именемъ прилагательнымъ.

Примѣры для вывода понятія о дополненіи:

Славный подвигами полководецъ радушно былъ встрѣченъ всѣмъ народомъ. — Къ мѣсту назначенія прибылъ третій изъ посланныхъ. — Любить отечество — долгъ каждаго. — Кто изъ васъ сдѣлалъ это? — Сколько головъ, столько умовъ. — Погибло пять человекъ. — И воля губить у меча отнята. — Надежда на авось не всегда спасаетъ.

Учитель требуетъ указать въ каждомъ предложеніи тотъ его членъ, который управляется другимъ членомъ, и говорить, что его можно найти по вопросамъ косвенныхъ падежей. Учащіеся называютъ, а онъ подчеркиваетъ: *подвигами, народомъ, назначенія, изъ посланныхъ, отечество, каждого, изъ васъ, это, головъ, умовъ, человекъ, убить, у межа, на авось.*

Членъ предложенія, управляемый другимъ, называется *дополненіемъ*; дополненіе легко найти по вопросамъ косвенныхъ падежей; чаще всего оно выражается косвеннымъ падежомъ имени существительнаго.

Примѣчаніе. Изложенная точка зрѣнія на опредѣленіе и дополненіе отличается отъ общепринятой въ школьныхъ учебникахъ, считающихъ опредѣленіемъ тотъ членъ предложенія, который находится въ зависимости (согласованіи или управленіи) отъ имени существительнаго; дополненіемъ тотъ, который управляется глаголомъ. Въ виду того, что въ школьныхъ учебникахъ говорится объ этомъ неясно и неполно, привожу методическія указанія, какъ поступить въ данномъ случаѣ, если кто вынужденъ слѣдовать изложенной въ нихъ точкѣ зрѣнія.

Примѣры на опредѣленіе: Великое свѣтило послѣдними лучами озарило полужаснувшій міръ. — И воля губить у меча отнята. — Кто изъ васъ сдѣлалъ это? — Сколько головъ, столько умовъ. — Погибло пять человекъ. — Надежда на авось не всегда спасаетъ.

Учитель заставляетъ учениковъ назвать слова, относящіеся къ существительнымъ, числительнымъ, мѣстоименіямъ (существительнымъ и числительнымъ). Ученики называютъ; онъ подчеркиваетъ: *великое, послѣдними, полужаснувшій, губить, изъ васъ, головъ, умовъ, человекъ, на авось.*

Членъ предложенія, относящійся къ существительному, числительному и мѣстоименію (существительному и числительному), называется *опредѣленіемъ*. Опредѣленіе можно подраздѣлить на *согласуемое* и *несогласуемое*.

Примѣры на дополненіе: Славный подвигами полководецъ радушно былъ встрѣченъ всѣмъ народомъ. — Къ мѣсту назначенія прибылъ третій изъ посланныхъ. — Любить отечество — долгъ каждого.

По требованію учителя, ученики указываютъ слова, на-

ходящіяся въ зависимости отъ глаголовъ, прилагательныхъ и мѣстоименій прилагательныхъ: *подвигами, народомъ, изъ посланныхъ, отечество.*

Членъ предложенія, зависящій отъ глагола, прилагательнаго, мѣстоименія прилагательнаго, называется *дополненіемъ*.

За такое воззрѣніе на опредѣленіе и дополненіе есть сильныя данныя — значеніе словъ, къ которымъ они относятся. Въ самомъ дѣлѣ, существительное, числительное (количественное), мѣстоименіе существительное составляютъ одну категорію по своему смысловому значенію, а потому и слова, зависящія отъ нихъ, мыслятся нами, какъ опредѣленія. То же нужно сказать и относительно глагола, прилагательнаго, мѣстоименія прилагательнаго: они составляютъ одну общую категорію, почему и слова, зависящія отъ нихъ, понимаются, какъ дополненія.

Разсмотрѣнное воззрѣніе на опредѣленіе и дополненіе важно, между прочимъ, потому, что ученикъ, называя ихъ, этимъ самымъ доказываетъ, что онъ не только понимаетъ взаимное отношеніе между членами предложенія, но также и то, къ какой части рѣчи относится каждый изъ нихъ. Такой разборъ требуетъ большого умственного напряженія.

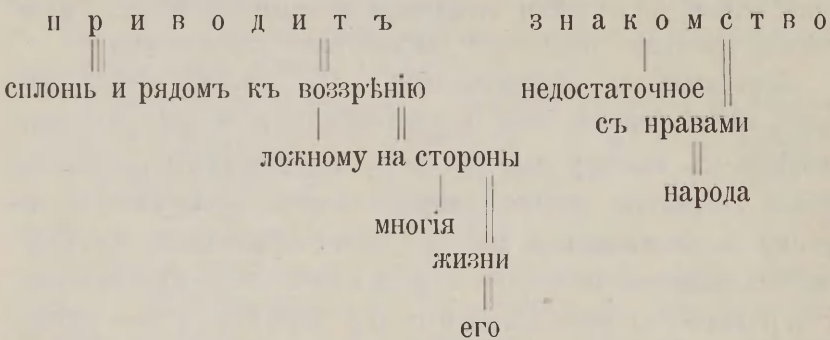
Перейдемъ къ обстоятельству. Изъ разсмотрѣнія примѣровъ легко вывести, что обстоятельствами называются примыкающіе къ глаголу или прилагательному нарѣчія, мѣстонарѣчія и косвенные падежи; короче, слово, примыкающее къ другому и обозначающее мѣсто, время, образность, причину, цѣль, называется обстоятельствомъ. Въ предложеніи: не пришелъ въ классъ по болѣзни — слова: въ классъ и по болѣзни — примыкающія слова, т. е. такія слова, которыя не зависятъ отъ глагола, не управляются имъ. Въ предложеніи: онъ восхищается звѣздной ночью — ночью нужно считать дополненіемъ, потому что отвѣчаетъ на вопросъ творительнаго падежа и стоитъ въ зависимости отъ глагола восхищается. Въ предложеніи: онъ любитъ гулять ночью — ночью служить обстоятельствомъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ твор. падежъ самъ по себѣ выражаетъ время, не находится въ зависимости отъ глагола гулять, а только примыкаетъ къ нему.

Лукерья говорила, что звонъ шель „сверху“. — Русский солдатъ любить читать „про божественное“. — Любить онъ читать и историческія повѣствованія; но повѣстей и разсказовъ не любить, ибо тамъ все „выдуманно“.

Приведенными примѣрами учитель пользуется для того, чтобы дать понятіе о вносномъ словѣ, а именно: вносное есть такое слово, которое внесено говорящимъ въ свою рѣчь изъ рѣчи другого лица; въ предложеніи вносное слово имѣетъ значеніе какого-нибудь члена предложенія.

Понятіе о членахъ предложенія слѣдуетъ закрѣпить разборомъ предложенія по діаграммамъ такимъ образомъ: дать примѣръ, выдѣлить сначала сказуемое и подлежащее, а остальные члены предложенія распредѣлить между тѣмъ и другимъ, смотря потому, куда какой относится:

Недостаточное знакомство съ нравами народа сплошь и рядомъ приводитъ къ ложному воззрѣнію на многія стороны его жизни.

Въ моей статьѣ: „Параллели къ параллелямъ Брайловскаго“ выражена нѣсколько иная точка зрѣнія на члены предложенія и даны имъ такія опредѣленія. Сказуемое есть членъ предложенія, выраженный или одной личной формой глагола или въ связи съ именемъ въ именительномъ падежѣ. Подлежащее есть членъ предложенія, выраженный именительнымъ независимымъ падежомъ, къ которому относится сказуемое. Опредѣленіе есть членъ предложенія, согласованный въ родѣ, числѣ и падежѣ или въ одномъ только падежѣ. Дополненіе есть членъ предложенія, выраженный зависимымъ

(управляемымъ) косвеннымъ падежомъ. Обстоятельство есть членъ предложія, выраженный примыкающимъ словомъ: нарѣчіемъ, мѣстонарѣчіемъ, независимымъ падежомъ, отвѣчающимъ на вопросы обстоятельствъ. Эта точка зрѣнія на члены предложія близка къ Потебневской, высказанная выше — къ общепринятой въ учебникахъ грамматики.

Послѣ того, какъ дано о членахъ предложія общее понятіе, указывающее внѣшніе признаки и внутреннее значеніе, необходимо подробнѣе остановиться на важнѣйшихъ особенностяхъ нѣкоторыхъ членовъ предложія.

Такъ, напримѣръ, сказуемое, выраженное однимъ личнымъ глаголомъ, нужно разсмотрѣть со стороны залога, вида, времени и наклоненія, а составное со стороны падежныхъ формъ и ихъ значенія.

Подъ терминъ „дополненіе“ подведено безчисленное множество самыхъ разнообразныхъ отношеній одного предмета къ другому; нужно научить разбираться и понимать эти отношенія; особенно важно выяснить разницу родительнаго падежа *его* и *ея*: *его* ученіе никуда не годится; ученіе *его* стоитъ дорого. Въ первомъ примѣрѣ *его* вмѣсто ирительнаго мѣстоименія: это — субъективное дополненіе: кого-то онъ учить; во второмъ *его* — дополненіе объективное: кто-то его учить.

Слѣдуетъ указать общія правила согласованія опредѣленія и сказуемаго и уклоненія отъ нихъ, а также важнѣйшіе случаи управленія, но не нужно вдаваться въ подробности: это будетъ совершенно бесполезно для пониманія рѣчи. Вводятся эти правила въ грамматику родного языка изъ подражанія грамматикамъ иностранныхъ языковъ, гдѣ они умѣстны, если чужой языкъ преподается не по натуральному методу.

Относительно примыкающихъ словъ необходимо сказать, что они не всегда находятся при томъ словѣ, къ которому относятся, но мыслятся непремѣнно при немъ, напр., въ предложеніи: „Ужъ небо осенью дышало“ какъ ни далеко стоитъ примыкающее слово *ужъ* отъ слова *дышало*, однако мы мыслимъ его (ужъ) при немъ (дышало).

То же самое можно сказать и относительно согласуемыхъ (опредѣлительныхъ) и управляемыхъ словъ: они далеко не всегда находятся при тѣхъ словахъ, къ которымъ относятся, напр.: „звонковъ раздавались нестройные звуки“. Первое *звонковъ* зависитъ отъ послѣдняго *звуки*.

Послѣ разсмотрѣнія членовъ предложія и ихъ особенностей нужно подробнѣе остановиться на обращеніи и вводномъ словѣ.

Обращеніе не должно считать членомъ предложія, какъ это нѣкоторые дѣлаютъ. Оно есть только слово, обозначающее тотъ предметъ, къ которому обращено предложіе: Спаситель, Спаситель! чиста моя вѣра.

Въ другихъ случаяхъ оно, кромѣ того, служитъ приложеніемъ къ какому-либо члену предложія: Унеси Ты, Боже, тучу градовую! Къ Тебѣ, Господи, прибѣгаю!

Чтобы у учащихся составилось возможно болѣе ясное и точное понятіе о вводномъ словѣ, нужно разсмотрѣть нѣсколько предложеній съ вводнымъ словомъ и безъ него:

- 1) Онъ пришелъ. — Онъ, можетъ быть, пришелъ.
- 2) Вы вѣрно прочли это стихотвореніе. — Вы, вѣрно, читали про этотъ случай.
- 3) Пожаръ много способствовалъ Москвѣ къ украшенію. — По моему сужденію, пожаръ способствовалъ ей (Москвѣ) много къ украшенію.
- 4) Человѣкъ можетъ спастись только при помощи благодати Божіей. — Человѣкъ, по словамъ Священнаго писанія, можетъ спастись только при помощи благодати Божіей.
- 5) Ну, такъ, какъ жаръ, его поставить хочеть. — Ну, словомъ, такъ, какъ жаръ, его поставить хочеть.
- 6) Вотъ въ Римѣ я видѣлъ огурецъ! — Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ!
- 7) Ну, былъ онъ съ гору! — Ну, право, былъ онъ съ гору!
- 8) Ушица на славу сварена. — Ушица, ей-же-ей, на славу сварена.

На основаніи приведенныхъ примѣровъ учащіеся должны сдѣлать заключеніе, что одни вводныя слова показываютъ от-

ношеніе говорящаго къ своей мысли; другія показываютъ источникъ высказанной мысли; третьи приведены въ предложеніи между прочимъ и свободно могутъ быть опущены; четвертыя вставлены въ предложеніе для большей убѣдительности въ справедливости высказанной мысли.

Чтобы учащіеся лучше поняли отличіе вводнаго слова отъ членовъ предложенія, нужно взять предложенія, въ которыхъ одни и тѣ же слова были бы вводными словами и членами предложенія, напр.:

1) Она можетъ быть хорошей ученицей. — Она, можетъ быть, уѣхала.

2) Дѣло право, — гляди прямо. — Право, я этого дѣла не знаю.

Примѣчаніе. Къ вводнымъ словамъ нѣкоторые составители грамматикъ относятъ и междометія. Если принять въ соображеніе значеніе междометія и вводнаго слова, то придется признать такое воззрѣніе совершенно ложнымъ. Междометіе въ предложеніи имѣетъ свое особое значеніе (См. мою ст. въ Пед. Сб. 1905 г. № 7, стр. 22).

Не мѣшаетъ также рассмотреть видовыя различія предложений относительно членовъ предложенія и научить учащихся понимать разницу между предложеніями полнымъ и неполнымъ, утвердительнымъ и отрицательнымъ, краткимъ и распространеннымъ¹⁾.

Дальше должно слѣдовать ученіе о сочетаніи предложений. Но ему нужно предпослать нѣсколько словъ о средствахъ соединенія предложений.

На приведенныхъ ниже четырехъ примѣрахъ учитель можетъ привести учащихся къ сознанію, что предложенія сочетаются посредствомъ мѣстоименій, мѣстонарѣчій, союзовъ и интонаціи голоса.

1) Кто спѣшитъ, тотъ людей смѣшитъ. — 2) Куда конь съ копытомъ, туда и ракъ съ клешней. — 3) Ужъ сколько

1) См. мою статью, „Записки по русской грамматикѣ“. „Пед. Сбор.“ 1903 г. № 11.

разъ твердили міру, что лѣсть гнусна, вредна. — 4) Проголодаешься, такъ хлѣба достать догадаешься.

Послѣ этого можно приступить къ разсмотрѣнію простаго и сложнаго сочетанія предложеній.

Въ силу высказанныхъ мной соображеній въ ст. „Параллели къ параллелямъ Брайловскаго“ (Пед. Сб. 1905 г. № 12) настоятельно рекомендую учащимъ не вводить учащихся въ хаосъ понятій о сочиненіи и подчиненіи предложеній и подробно познакомить съ тѣми лишь видами сочетаній предложеній, которыя указаны въ моей „Методикѣ письма“ (ст. 92 и слѣд.)

Тѣмъ же преподавателямъ, которые по какимъ-либо соображеніямъ (чаще всего практическимъ напр., при подготовкѣ учащихся въ учебныя заведенія должны считаться съ общепринятыми воззрѣніями), предлагаю методическую разработку вопроса о сочиненіи предложеній въ болѣе или менѣе близкомъ къ общепринятому ученію и стараюсь сколько нибудь помочь разобраться въ наиболѣе запутанныхъ и неопредѣленныхъ вопросахъ. Такъ, напримѣръ, придаточныя предложенія въ учебникахъ разсматриваются съ разныхъ точекъ зрѣнія, а чаще всего авторъ не представляетъ даже отправной точки зрѣнія, вслѣдствіе чего высказываетъ много несообразностей (см. мою статью „О сложномъ предложеніи“ въ Филол. Зап. за 1897).

При ознакомленіи учащихся съ придаточными предложеніями, прежде всего слѣдуетъ разъяснить, что они или служатъ придаткомъ къ главному, или поясняютъ какой-либо членъ главнаго, выраженный указательными мѣстоименіемъ, мѣстонарѣчіемъ, или же замѣняютъ какой либо членъ главнаго (кромя, конечно, сказуемаго).

Въ виду того, что придаточныя отъ соединительныхъ словъ получаютъ рѣзкіе оттѣнки въ значеніи, не слѣдуетъ говорить, какъ это обыкновенно дѣлають, что мѣстоименія, положимъ, который, какой, могутъ быть замѣнены мѣстоименіями: кто, что, чей; мѣстонарѣчіями: гдѣ, куда, откуда, когда, какъ; союзами: что, чтобы. Еще

болѣ неосновательно утвержденіе нѣкоторыхъ составителей грамматикъ (напримѣръ, Барышниковъ), будто мѣстоименіе который замѣняется мѣстоименіями: кто, что, чей, когда оно стоитъ *безъ предлога*; мѣстонарѣчіями: гдѣ, куда, откуда, когда, какъ и союзами: что, чтобы, когда стоитъ *съ предлогомъ*. Этого правила не слѣдуетъ давать, потому что оно не исполнѣ основательно, доказательствомъ чего могутъ служить слѣдующіе примѣры: Сыщи ей жениха, чтобъ (который бы) былъ красивъ, уменъ. — Какъ часто мимо насъ проходитъ человѣкъ, надъ кѣмъ (надъ которымъ) ругается слѣпой и буйный вѣкъ, но сей высокій ликъ въ грядущемъ поколѣньи поэта приведетъ въ восторгъ и умиленіе (Пушк.). Въ первомъ примѣрѣ союзъ чтобъ замѣняетъ мѣстоименіе который безъ предлога, а во второмъ мѣстоименіе *кто* замѣняетъ *который* съ предлогомъ. Въ томъ и другомъ случаѣ полное противорѣчіе данному правилу.

При изученіи разныхъ видовъ сочетанія предложеній слѣдуетъ обращать вниманіе не столько на ихъ внѣшнюю форму, сколько на то, въ какомъ отношеніи находится одно предложеніе къ другому, почему они находятся въ такомъ соотношеніи. Поэтому совершенно излишне требовать, чтобы учащіеся заучивали какими соединительными словами связываются предложенія тѣмъ болѣе потому, что придаточныя разныхъ видовъ могутъ соединяться съ главнымъ одними и тѣми же соединительными словами. Такъ, напримѣръ, въ „Элементарномъ синтаксисѣ“ Смирновскаго на одной страницѣ учащійся заучиваетъ: „Дополнительныя предложенія связываются съ главнымъ или союзомъ *что либо чтобы*; или мѣстоименіемъ либо нарѣчіемъ, либо союзомъ *изъ тѣхъ*, которые употребляются въ вопросѣ, каковы, напримѣръ: *кто, что, какой, гдѣ, куда, откуда, какъ, ли и т. п.*“¹⁾, на слѣдующей страницѣ: „Придаточныя опредѣлительныя связываются съ главнымъ предложеніемъ относительными мѣстоименіями: *какой, который, кто, что, чей*; на-

1) Привожу подлинныя слова учебника Смирновскаго.

рѣчіями: гдѣ, куда, откуда, когда, какъ; союзами: что, чтобы“; еще черезъ страницу учить: „Придаточныя обстоятельственныя связываются съ главнымъ парѣчіями: гдѣ, куда, откуда“; дальше учить: „Союзами: что и чтобы связываются съ главнымъ обстоятельственнымъ образомъ“. При изученіи обстоятельственныхъ цѣли, его снова преслѣдуетъ союзъ чтобы, а при изученіи обстоятельственныхъ причины союзъ что. Однимъ словомъ, всѣ придаточныя могутъ связываться съ главнымъ союзомъ что, и почти всѣ союзомъ чтобы. Мало-мальски наблюдательный преподаватель согласится съ тѣмъ, заучиваніе приведенныхъ словъ ведетъ учащихся только къ путаницѣ и къ навыку обращать вниманіе на соединительныя слова, а не на взаимное отношеніе между предложеніями. По тѣмъ же соображеніямъ не слѣдуетъ заставлять заучивать, какими союзами соединяются предложенія — согласныя, иротивоположныя и раздѣлительныя.

Приступая къ разсмотрѣнію сочетаній предложеній, прежде всего нужно остановиться на сочетаніи придаточнаго поясняющаго предложенія съ главнымъ, такъ какъ ученіе о немъ наиболѣе тѣсно связано съ ученіемъ о членахъ предложенія.

Чтобы у учащихся составилось вполне ясное понятіе о главномъ и придаточномъ поясняющемъ, а также объ ихъ взаимномъ отношеніи, нужно поступить такъ: учитель пишетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ такимъ образомъ:

- 1) Счастливъ тотъ . . .
- 2) Онъ такой же . . .
- 3) Не поидетъ въ прокъ то богатство . . .
- 4) Тяжело тому . . .
- 5) Солнечное затменіе бываетъ тогда . . .
- 6) Хорошо тамъ . . .
- 7) Должно поступать такъ . . .
- 8) Земля потрескалась оттого . . .
- 9) Природа надѣляетъ насъ силой для того . . .

Учитель спрашиваетъ: „Какія слова въ приведенныхъ примѣрахъ нужно пояснить, такъ какъ они непонятны“? — Одинъ изъ учениковъ называетъ. Учитель на доскѣ, учащіеся въ тетрадяхъ подчеркиваютъ: *тотъ, такой же, то* и т. д. Подчеркнутыя слова поясняются предложеніями и записываются полученныя сочетанія предложеній:

- 1) Счастливъ тотъ, кто всѣмъ доволенъ. —
- 2) Онъ такой

же, какой и былъ. — 3) Не пойдетъ въ прокъ то богатство, которое нечестно нажито. — 4) Тяжело тому, кто не дѣлаетъ добра никому. — 5) Солнечное затменіе бываетъ тогда, когда луна становится между солнцемъ и землей. — 6) Хороню тамъ, гдѣ насъ нѣтъ. — 7) Должно поступать такъ, какъ долгъ велитъ. — 8) Земля потрескалась оттого, что долго не было дождя. — 9) Природа надѣляетъ насъ силой для того, чтобы мы разумно пользовались ею.

Учитель заставляетъ прочесть и подчеркнуть зигзагомъ предложенія, которыя поясняютъ подлежащія и т. п. Учитель говоритъ, ученики повторяютъ: „Предложеніе, членъ котораго поясняется, называется *главнымъ*; предложеніе, которое поясняетъ членъ главнаго, называется *поясняющимъ*.“

Учитель требуетъ назвать и надписать, какіе члены главнаго поясняются. Получивъ отвѣтъ, онъ на доскѣ, а ученики въ тетрадяхъ надъ словомъ *тотъ* пишутъ *под.*, надъ словомъ такой же — *ск.* и т. д. Послѣ этого дѣлается выводъ, что поясняющее предложеніе можетъ пояснять подлежащее, сказуемое и т. д., словомъ, всѣ члены предложенія. Дальше учитель заставляетъ учащихся сдѣлать наблюденіе, какими частями рѣчи выражается поясняемый членъ главнаго (указательнымъ мѣстоименіемъ и указательнымъ мѣстонарѣчіемъ) и какія части рѣчи служатъ соединительными словами (относительное мѣстоименіе, относительное мѣстонарѣчіе и союзъ), иначе, какія части рѣчи соотвѣтствуютъ поясняемому члену. Учитель беретъ въ скобки поясняемые члены, заставляетъ прочесть примѣры безъ нихъ и такимъ образомъ приводитъ учащихся къ сознанію, что поясняемые члены могутъ быть опущены; беретъ въ скобки соединительныя слова, заставляетъ прочесть примѣры безъ нихъ и приводитъ къ сознанію, что безъ нихъ обойтись нельзя. Не мѣшаетъ также показать учащимся, что поясняющее предложеніе по отношенію къ главному можетъ занимать какое-угодно мѣсто: быть впереди его, позади, въ серединѣ.

Кто всѣмъ доволенъ, тотъ счастливъ. Тотъ, кто всѣмъ доволенъ, счастливъ. Счастливъ тотъ, кто всѣмъ доволенъ.

Учитель требуетъ, чтобы то же самое ученики опредѣляли съ другими примѣрами. Наконецъ, дѣлается и записывается сводъ всего сказаннаго о сочетаніи поясняющаго съ главнымъ. Предложеніе, членъ котораго поясняется, называется главнымъ; предложеніе, которое поясняетъ членъ главнаго, называется поясняющимъ. Поясняющее можетъ пояснять подлежащее, сказуемое, опредѣленіе и т. д. Поясняемый членъ главнаго выражается или указательнымъ мѣстоименіемъ (тотъ, такой) или указательнымъ мѣстонарѣчіемъ (тогда, тамъ, такъ и др.); въ поясняющемъ ему соотвѣтствуетъ или относительное мѣстоименіе, или относительное мѣстонарѣчіе, или союзъ. Въ главномъ поясняемый членъ можетъ находиться на лицо или подразумѣваться; въ поясняющемъ соотвѣтствующее ему слово непременно должно быть. По отношенію къ главному поясняющее можетъ занимать какое-угодно мѣсто.

Чтобы дать понятіе о главномъ и придаточномъ замѣняющемъ предложеніяхъ и ихъ взаимномъ отношеніи, слѣдуетъ поступить такъ: учитель пишетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ:

1) Снится матери . . (что?) 2) Вижу . . . (что?) — 3) Исполнилось великаго мужа желаніе . . . (какое?) — 4) У насъ случился пожаръ . . . (когда?) — 5) Онъ жнетъ . . . (гдѣ?) — 6) У нѣкоторыхъ перепеловъ голосъ звученъ . . . (насколько?) — 7) Онъ заболѣлъ . . (отчего?) — 8) Она собирала ягоды . . (для чего?)

Учитель спрашиваетъ: „Какого члена предложенія не достаетъ предложеніямъ первому, второму“ и т. д.

Получивъ отвѣтъ, учитель спрашиваетъ: „Можно-ли выразить однимъ словомъ каждое изъ слѣдующихъ предложеній: сынъ ея тонетъ; кто-то мчится на конѣ; народъ собирается на священной могилѣ его“ и т. д. Попробуемъ замѣнить недостающіе для этихъ предложеній члены цѣлыми предложеніями. Учитель пишетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ:

1) Снится матери, — сынъ ея тонетъ. — 2) Вижу, — кто-то мчится на конѣ. 3) Исполнилось великаго мужа желаніе: народъ собирается на священной могилѣ его. 4) У насъ случился пожаръ, тогда какъ ты былъ заграницей. 5) Онъ жнетъ, тамъ гдѣ не сѣялъ. 6) У нѣкоторыхъ перепеловъ го-

лось звученъ, настолько что ¹⁾ слышенъ за версту. 7) Онъ заболѣлъ, оттого что простудился. 8) Она собирала ягоды, для того чтобы сварить изъ нихъ варенье.

Учитель заставляетъ прочесть и зигзагомъ подчеркнуть то предложеніе, которое замѣняетъ собой: подлежащее, опредѣленіе, дополненіе, обстоятельства и т. д. Учитель говоритъ, ученики записываютъ: „Предложеніе, для котораго другое предложеніе замѣняетъ какой-либо членъ, называется *главнымъ*, а предложеніе, которое замѣняетъ собой членъ для главнаго, называется придаточнымъ *замѣняющимъ*“. Учитель требуетъ сказать и сверху замѣняющихъ предложеній надписать, какіе члены они замѣняютъ. Послѣ этого дѣлается выводъ: замѣняющее можетъ замѣнять для главнаго подлежащее, опредѣленіе, дополненіе и обстоятельства. Дальше учитель спрашиваетъ, какими соединительными словами соединяется замѣняющее съ главнымъ (интонаціей голоса и сложными союзами), и какое мѣсто оно можетъ занимать по отношенію къ нему. Послѣ этого дѣлается и записывается сводъ всего сказаннаго о сочетаніи предложеній — придаточнаго замѣняющаго и главнаго. Предложеніе, для котораго другое замѣняетъ какой-либо членъ, называется главнымъ, а то, которое замѣняетъ собой какой-либо членъ, называется придаточнымъ замѣняющимъ. Придаточное замѣняющее еможетъ замѣнять подлежащее, опредѣленіе, дополненіе и обстоятельства. Придаточное замѣняющее можетъ соединяться съ главнымъ интонаціей голоса и сложными союзами.

На слѣдующихъ примѣрахъ нужно пояснить, что придаточныя, замѣняющія обстоятельства образности и причины могутъ быть бессоюзными:

1) Мартышка вздумала трудиться: нашла чурбанъ и ну надъ нимъ возиться. — 2) Волки никогда костей не разбираютъ: они жадны.

Учитель спрашиваетъ: „Почему нѣтъ придаточнаго, за-

1) Признаемъ союзы: тамъ гдѣ, насколько что сложными, какъ союзъ потому что и т. п.

мѣняющаго сказуемое?“ — Потому что безъ сказуемаго невозможно предложеніе.

Чтобы у учащихся составилось возможно болѣе ясное представленіе о придаточныхъ, поясняющихъ и замѣняющихъ, предложенійхъ, а также объ ихъ отношеніи къ главному, необходимо сравнить ихъ.

Раздѣливъ чертой доску на двѣ равныя половины, учитель пишетъ на ней, учащіеся въ тетрадяхъ.

1) Извѣстно (то), что слоны въ диковинку у насъ.

2) Думаю (о томъ), что будешь скучать ты въ чужомъ краю.

3) Онъ пріѣхалъ тогда, какъ насъ не было дома.

4) Собираетъ тамъ, гдѣ не разсыпалъ.

5) Трудился такъ крестьянинъ мой, что градомъ потъ съ него катился.

6) Любите другъ друга потому, что вы братья.

7) Я хотѣлъ собирать гусеницъ для того, чтобы бабочки выводились у меня дома.

1) Извѣстно — слоны въ диковинку у насъ.

2) Думаю — будешь скучать ты въ чужомъ краю.

3) Онъ пріѣхалъ, тогда какъ насъ не было дома.

4) Собираетъ, тамъ гдѣ не разсыпалъ.

5) Трудился крестьянинъ мой, такъ что градомъ потъ съ него катился.

6) Любите другъ друга, потому что вы братья.

7) Я хотѣлъ собирать гусеницъ, для того чтобы бабочки выводились у меня дома.

Сравненіе придаточныхъ поясняющихъ съ придаточными замѣняющими должно привести къ заключенію, что первыя болѣе тѣсно связаны съ главнымъ, чѣмъ вторыя, что замѣняющія нѣсколько самостоятельныѣе и что на нихъ вниманіе болѣе сосредоточивается, чѣмъ на поясняющихъ.

Когда у учащихся составится ясное понятіе о придаточныхъ, поясняющихъ и замѣняющихъ, предложенійхъ, нужно сказать, что оба эти вида придаточныхъ предложеній принято разсматривать, какъ одинъ видъ *придаточныхъ* предложеній.

Изученіе придаточныхъ (поясняющихъ и замѣняющихъ) можно ограничить тѣмъ, что о нихъ сказано. Тѣмъ, кто находитъ нужнымъ изучать ихъ болѣе подробно, предлагаю для образца методическую разработку придаточнаго опредѣлительнаго, какъ поясняющаго, такъ и замѣняющаго ¹⁾.

1) Вѣроятно, будутъ рѣзкія возраженія противъ того, что я

Возьмемъ примѣры:

- 1) Рыбы поймали такое множество, какого не ожидали.
- 2) Мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору.
- 3) Деревня, что стояла на берегу озера, давно уже сгорѣла.
- 4) Деревня, гдѣ скучалъ Евгений, была прелестный уголокъ.
- 5) Вотъ то гнѣздо, откуда вылетали храбрецы.
- 6) А вѣдь было время, когда Плюшкинъ былъ только бережливымъ хозяиномъ.
- 7) Нѣтъ ужъ дней тѣхъ свѣтлыхъ болѣ, какъ подъ каждымъ ей листкомъ былъ готовъ и столъ и домъ.
- 8) Волка постигла бѣда: онъ костью подавился.

Назовите въ приведенныхъ примѣрахъ главные предложенія ¹⁾! придаточныя! — Какія слова пропущены въ нѣкоторыхъ главныхъ предложеніяхъ? — Напишите сверху, гдѣ слѣдуетъ, пропущенныя слова! — Какія слова главныхъ предложеній поясняются придаточными? (тотъ, такое, такому, ту и т. д.)? — Подчеркните ихъ прямой чертой! — Поняты ли эти слова сами по себѣ? — Какимъ членомъ предложенія служатъ подчеркнутыя слова въ главномъ предложеніи? (опредѣленіемъ). — Какъ назвать придаточное, которое поясняетъ опредѣленіе главнаго? — Какъ опредѣлить придаточное опредѣлительное предложеніе? (придаточное опредѣлительное — такое предложеніе, которое поясняетъ или замѣняетъ опредѣленіе главнаго). — Укажите соединительныя слова придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеній и подчеркните ихъ зигзагомъ! — Не прилагаютъ ли соединительныя слова смыслового различія придаточнымъ опредѣлительнымъ предложеніямъ?

признаю придаточныя опредѣлительныя замѣняющими. Но что же дѣлать съ сочетаніемъ предложеній, подобнымъ слѣдующему: „Исполнилось великаго мужа желаніе: народъ собирается на священной могилѣ его“. Мнѣ кажется, лучше дать этому сочетанію предложеній мѣсто между сочетаніемъ главнаго съ придаточнымъ опредѣлительнымъ, чѣмъ не знать, куда съ нимъ дѣваться.

1) Предполагается, что раньше было дано понятіе о главномъ и придаточномъ.

Дальше долженъ слѣдовать связный сводъ всего сказаннаго о придаточныхъ опредѣлительныхъ предложеніяхъ. Придаточное опредѣлительное поясняетъ или замѣняетъ опредѣленіе главнаго: поясняющее относится къ указательнымъ мѣстоименіямъ: тотъ, такой; замѣняющее служитъ вмѣсто простаго опредѣленія при какомъ-либо членѣ главнаго предложенія. Эти мѣстоименія въ главномъ или находятся на лицо, или подразумеваются. Такъ какъ указательныя мѣстоименія главнаго служатъ опредѣленіемъ къ какому-либо существительному, то можно сказать, что придаточное опредѣлительное вмѣстѣ съ указательнымъ мѣстоименіемъ замѣняетъ знаменательное опредѣлительное слово при существительномъ и потому вмѣстѣ съ главнымъ выражаетъ одно только сужденіе. Придаточными опредѣлительными, въ строгомъ смыслѣ слова, можно назвать только тѣ, которыя соединены относительными мѣстоименіями. Тѣ же придаточныя опредѣлительныя, которыя соединены мѣстопарчїями, по значенію сходны или съ обстоятельственными мѣста (гдѣ, куда, откуда), или съ обстоятельственными времени (когда, какъ); соединенныя союзомъ *чтобы* близки къ обстоятельнымъ цѣли.

При разсмотрѣніи другихъ придаточныхъ предложеній, придется продѣлать то же, что сдѣлано съ придаточными опредѣлительными.

За изученіемъ сочетаній — поясняющаго съ главнымъ и замѣняющаго съ главнымъ, должно слѣдовать изученіе сочетаній — условнаго съ главнымъ и уступительнаго съ главнымъ, если послѣднія два сочетанія не отнесены къ сочетанію придаточнаго замѣняющаго съ главнымъ.

Чтобы у учащихся составилось полное и ясное представленіе объ этихъ сочетаніяхъ, необходимо дать возможно больше примѣровъ. Писать ихъ на доскѣ нѣтъ надобности. Учитель диктуетъ, ученики записываютъ въ тетрадяхъ, положимъ, такіе примѣры.

1) Если есть дѣла Божьи, то есть и Богъ. — 2) Когда въ товарищахъ согласія нѣтъ, на ладъ ихъ дѣло не пойдетъ.

— 3) Я какъ захочу да налечу, такъ царскій, подлинно, кусочекъ подхвачу. — 4) Разъ онъ задумалъ что-либо, непременно сдѣлаетъ. — 5) Мы, вѣрно, ужъ поладимъ, коль рядомъ сядемъ. — 6) Онъ, если дастъ слово, во что бы то ни стало исполнить его. — 7) Проголодаешься, такъ хлѣба достать догадаешься. — 8) Щепотки волосковъ лиса не пожалѣй, остался бъ хвостъ у ней.

Учитель заставляетъ прочесть и подчеркнуть тѣ предложенія, которыя выражаютъ условіе. Предложеніе, которое выражаетъ условіе, называется *условнымъ*; а предложеніе, къ которому относится условное, называется *главнымъ*. Главное выражаетъ слѣдствіе, вытекающее изъ условія. Дальше учитель спрашиваетъ, какъ соединяется условное съ главнымъ, какое мѣсто занимаетъ по отношенію къ нему, какими наклоненіями выражается сказуемое въ условномъ предложеніи. Сводъ сказаннаго о сочетаніи условнаго съ главнымъ: предложеніе, выражающее условіе, называется *условнымъ*; предложеніе, къ которому относится условное, называется *главнымъ*; условное соединяется съ главнымъ или посредствомъ союза, или посредствомъ интонаціи голоса; условное можетъ стоять впереди, позади и въ серединѣ главнаго; сказуемое въ условномъ предложеніи можетъ быть выражено рѣшительно всѣми наклоненіями.

Чтобы дать понятіе о сочетаніи уступительнаго съ главнымъ, учитель диктуетъ примѣры:

1) На улицѣ страшная пыль, но мы пойдемъ гулять. — 2) Какъ бы ты его ни уговаривалъ, онъ все-таки не послушается. — 3) Что бы ты ему ни дѣлалъ, все-равно не поможетъ. — 4) Надъ хвастунами хоть смѣются, а часто въ дѣлѣхъ имъ доли достаются. — 5) Онъ не захотѣлъ ѣхать, несмотря на то, что все уже было приготовлено къ отъѣзду. — 6) Пусть морятъ меня голодомъ, но я не отступлю отъ своего слова. — 7) Хоть вѣкъ его не будь, ничуть не пожалѣю. — 8) Лягушкѣ волонъ не быть, сколько бы воды ни пить.

Учащіеся яснѣе будутъ представлять отношеніе уступительнаго къ главному, когда будетъ сдѣлано сопоставленіе его съ заключительнымъ.

1) На улицѣ страшная пыль, а потому мы не пойдемъ гулять. 2) На улицѣ страшная пыль, но мы пойдемъ гулять.

Учитель заставляетъ прочесть предложенія, выражающія причину. Ученики читаютъ, учитель подчеркиваетъ эти предложенія и заставляетъ прочесть предложенія, выражающія слѣдствіе. — Причины одинаковы? спрашиваетъ учитель. — А слѣдствія одинаковы? — Въ первомъ случаѣ, говоритъ учитель, изъ причины вытекаетъ прямое слѣдствіе, т.-е. такое, какое должно вытекать; во второмъ — противоположное, т.-е. такое, какое не должно вытекать. Предложеніе, выражающее причину, изъ которой вытекаетъ противоположное слѣдствіе, наз. *уступительнымъ*; предложеніе, съ которымъ соединяется уступительное, называется *главнымъ*. Дальше учитель заставляетъ указать въ другихъ примѣрахъ предложенія, выражающія причину, и предложенія, выражающія противоположное причинѣ слѣдствіе. Когда это требованіе будетъ выполнено, пусть учащіеся исполнятъ еще и слѣдующія: прочтите сначала уступительное, а потомъ главное въ первомъ примѣрѣ, во второмъ, въ третьемъ и т. д.; прочтите уступительныя во всѣхъ примѣрахъ; прочтите главныя во всѣхъ примѣрахъ.

Послѣ этого учитель заставляетъ обратить вниманіе на слова, соединяющія уступительное съ главнымъ; на мѣсто, занимаемое имъ по отношенію къ главному; на способы выраженія сказуемаго, и, наконецъ, сдѣлать сводъ всего сказаннаго о сочетаніи уступительнаго съ главнымъ.

Понятіе о *сочетаніи заключительнаго съ главнымъ* можно дать на слѣдующихъ примѣрахъ:

- 1) Въ морѣ вода горько-соленая, потому еѣ нельзя пить. —
- 2) Науки просвѣщаютъ разумъ, поэтому онѣ полезны. —
- 3) Не посмѣлъ я взять съ нея (съ рыбки) выкупъ, такъ пустилъ ее въ синее море. — 4) Я мыслю, слѣдовательно, существую. — Хвалы приманчивы: какъ ихъ не пожелать?

Учитель заставляетъ прочесть сначала предложенія, выражающія причину; потомъ предложенія, выражающія заключеніе; требуетъ, чтобы учащіеся сами дали названіе предложенію, выражающему заключеніе, и предложенію, при которомъ на-

ходится заключительное; чтобы указали средства соединенія заключительнаго предложенія (союзы и интонація голоса) и мѣсто, занимаемое имъ по отношенію къ главному.

Послѣ этого слѣдуетъ устный и письменный сводъ всего сказаннаго о сочетаніи заключительнаго съ главнымъ.

Въ примѣчаніи учащіеся могутъ замѣтить, что форму сочетанія главнаго съ заключительнымъ, не измѣняя взаимнаго отношенія между предложеніями, легко обратить въ форму сочетанія причиннаго съ главнымъ: такъ какъ въ морѣ вода горько-соленая, то ее нельзя пить.

Изученіе сочетаній предложеній — согласныхъ, противоположныхъ и раздѣлительныхъ должно сводиться къ разсмотрѣнію смысловой связи между предложеніями этихъ сочетаній. Понятіе о сочетаніи согласныхъ предложеній учащіеся могутъ составить, разсмотрѣвъ, примѣры:

1) Ужъ небо осенью дышало,	Съ печальнымъ шумомъ обнажалась
Ужъ рѣже солнышко блистало,	Ложился на поля туманъ;
Короче становился день,	Гусей крикливыхъ караванъ
Лѣсовъ таинственная сѣнь	Тянулася къ югу.

2) Владимиръ подѣзжалъ къ деревнѣ; сердце въ немъ сильно билось; черезъ десять минутъ онъ уже былъ въ объятіяхъ родныхъ.

Учитель спрашиваетъ, какая связь между предложеніями въ первомъ примѣрѣ? второмъ? Въ первомъ примѣрѣ всѣ предложенія согласно рисуютъ картину наступленія осени; во второмъ — согласно передаютъ постепенный ходъ событій. Въ сочетаніи согласныхъ предложеній или описывается что-нибудь, или повѣствуется о чемъ-нибудь.

Сочетаніе противоположныхъ предложеній можно пояснить на примѣрахъ:

1) Русскіе гибнутъ — новгородцы богатѣютъ. — 2) Ласточка день начинаетъ, а соловей вечеръ кончаетъ. — 3) Шли два пріятеля вечернею порою и дѣльный разговоръ вели между собою, какъ вдругъ изъ подворотни дворняжка тявкнула на нихъ. — 4) Я съ участіемъ сталъ спрашивать его, но онъ страшно разсердился на меня.

Разборъ приведенныхъ примѣровъ долженъ привести учащихся къ сознанію, что предложенія разсматриваемаго сочетанія соединены для того, чтобы сильнѣе отгѣнить выраженные въ нихъ сужденія.

Понятіе о сочетаніи раздѣлительныхъ предложеній дается разборомъ примѣровъ:

1) Либо панъ, либо пропалъ. — 2) Иль чума меня подцѣпитъ, иль морозъ окостенитъ, иль мнѣ въ лобъ шлагбаумъ влѣпитъ непроторный инвалидъ.

Учащіеся должны выяснить отношеніе между предложеніями перваго и втораго примѣровъ. Если панъ, то не пропалъ; если пропалъ, то не панъ. Если чума подцѣпитъ, то не можетъ окостенить морозъ, или въ лобъ влѣпитъ шлагбаумъ непроторный инвалидъ). Выходитъ, что въ разсматриваемомъ сочетаніи одно предложеніе исключаетъ другія, поэтому его нужно было бы назвать сочетаніемъ исключającychъ предложеній. Но принято называть эти предложенія раздѣлительными. Сочетаніе раздѣлительныхъ предложеній имѣетъ такую особенность: оно не можетъ обойтись, подобно другимъ сочетаніямъ предложеній, безъ союзовъ: либо — либо, или — или, не можетъ и замѣнить ихъ никакими другими. При опущеніи названныхъ союзовъ или замѣнѣ ихъ другими получается или логическая несообразность, или измѣненіе смысла сочетанія. Чтобы эта особенность рѣзко выдѣлилась, учитель заставляетъ учащихся въ записанныхъ раньше примѣрахъ другихъ сочетаній (условныхъ, уступительныхъ, заключительныхъ съ главнымъ, согласныхъ, противоположныхъ) опустить, союзы. Учащіеся исполняютъ требованіе и видятъ, что смысловое отношеніе между предложеніями нисколько не измѣняется. Между тѣмъ опущеніе союзовъ въ сочетаніи раздѣлительныхъ предложеній отражается на ихъ значеніи.

Послѣ того, какъ учащіеся свободно и безошибочно станутъ опредѣлять пройденныя сочетанія предложеній, слѣдуетъ дать для разбора такіе примѣры, въ которыхъ характеръ

сочетанія предложеній трудно опредѣлить, правильнѣе сказать, можетъ быть опредѣляемъ различно, на примѣръ:

Чѣмъ дальше въ лѣсъ, тѣмъ больше дровъ.

Одни ученики, могутъ сказать, что предложеніе: *тѣмъ дальше въ лѣсъ* поясняетъ дополненіе главнаго; другіе станутъ утверждать, что оно поясняетъ обстоятельство причины; третьи назовутъ его поясняющимъ обстоятельство образности; четвертые сравнительнымъ.

Предлагаю выйти изъ затрудненія такимъ образомъ: учитель заставляетъ подъ приведеннымъ предложеніемъ написать въ тетрадяхъ:

Оттого больше дровъ, что дальше въ лѣсъ.

Если данное сочетаніе тождественно по значенію разсмотрѣнному, то скорѣе всего можно согласиться съ тѣми, которые сочли его сочетаніемъ главнаго съ поясняющимъ обстоятельство причины, ибо въ немъ можно видѣть одну изъ многочисленныхъ формъ сочетанія предложеній, изъ которыхъ одно выражаетъ причину, а другое слѣдствіе. Когда мы говоримъ: чѣмъ богаче, тѣмъ скупѣе; чѣмъ проще, тѣмъ лучше, — то мы, дѣйствительно, желаемъ указать, что богатство есть причина скупости, простота — причина лучшаго. Основательны ли эти соображенія или нѣтъ — другой вопросъ.

Переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часть отъ часу чувствительнѣе: лѣса исчезаютъ; холмы сглаживаются; трава густѣетъ и являетъ большую силу растительности.

Баталинъ относитъ этотъ примѣръ къ сочетанію согласныхъ предложеній. Не лучше ли видѣть между этими предложеніями болѣе тѣсную связь, а именно: объясненіе послѣдними четырьмя предложеніями, почему переходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часть отъ часу чувствительнѣе и считать ихъ поѣтому придаточными, замѣняющими обстоятельство причины. Основательность такого воззрѣнія можно подтвердить тѣмъ, что придаточныя, замѣняющія обстоятельство причины, могутъ быть обращены въ поясняющія обстоятельство причины: пере-

ходъ отъ Европы къ Азіи дѣлается часть отъ часу чувствительнѣе потому, что лѣса и т. д.

Послѣ чаю всѣ займутся чѣмъ-нибудь: кто пойдетъ къ рѣчкѣ и тихо бродить по берегу; другой сядетъ къ окну и ловить глазами каждое мимолетное явленіе.

Подобнаго рода сочетанія считаютъ сочетаніемъ согласныхъ предложеній, гдѣ общая мысль поясняется частными. Не лучше ли на предложенія, принимаемыя за частныя, смотрѣть, какъ на поясняющія какой-либо членъ главнаго, въ данномъ случаѣ „чѣмъ нибудь“.

И самъ тонетъ и другихъ топить.

По Баталину, это — сочетание раздѣлительныхъ предложеній. Невѣрно: это не исключаютъ другъ друга предложенія, но согласныя: кто-то настолько золъ, что и самъ тонетъ и другихъ топить. Болѣе сильное выраженіе: не только самъ тонетъ, но и другихъ топить.

То холодно, то очень жарко, то солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.

Обыкновенно подобныя предложенія считаютъ раздѣлительными. Не лучше ли считать ихъ согласными, изображающими картину погоды. Рельефность изображенія происходитъ оттого, что они противоположны: то холодно, то очень жарко, то солнце спрячется, то свѣтитъ слишкомъ ярко.

Послѣ разбора указанныхъ примѣровъ нужно перейти къ сочетанію вводнаго предложенія съ основнымъ. Приведа примѣры ¹⁾, учитель прежде всего заставляетъ учащихся обратить вниманіе на внутреннюю связь между основнымъ и вводнымъ и понять, что въ однихъ случаяхъ она очень тѣсная (вводное предложеніе можетъ быть обращено въ основное — главное), въ другихъ — вводное имѣетъ значеніе

1) Хотя бы такіе: 1) Ты, сказываютъ, пѣтъ великій масте-рище. — 2) Заяцъ провелъ раза два лапками по мордочкѣ, — онъ, должно быть, были мокры отъ росы, — уставилъ уши и покатилъ дальше. — 3) Пріятель твой (Ахъ, какъ жарко здѣсь) низко кланяется тебѣ.

или придаточнаго, или уступительнаго, или противительнаго, или условнаго, въ третьихъ между основнымъ и вводнымъ рѣшительно нѣтъ никакой смысловой связи.

Когда учащіеся ознакомятся съ этимъ, имъ легко будетъ понять, почему одни вводныя отдѣляются отъ основного запятыми, другія запятыми и тире, третьи скобками¹⁾.

Для того, чтобы дать понятіе о сечетаніи вноснаго съ основнымъ, учитель сначала приводитъ нѣсколько такихъ примѣровъ, гдѣ придаточное можетъ быть обращено во вносное предложеніе.

1) Я послалъ ему приказаніе, что-бы онъ пришелъ и взялъ. — 2) Кажется, шепчутъ колосья другъ другу, что скучно имъ слушать осеннюю вьюгу.

Съ помощью наводящихъ вопросовъ учителя, ученики обращаютъ первое придаточное въ предложеніе: „приходи и возьми“, а второе въ предложеніе: „скучно намъ слушать осеннюю вьюгу“. — Подъ приведенными примѣрами учитель пишетъ на доскѣ, ученики въ тетрадяхъ:

1) Я послалъ ему приказаніе: „Приходи и возьми“.

2) Кажется, шепчутъ колосья другъ другу: „Скучно намъ слушать осеннюю вьюгу“.

Предложенія: „приходи и возьми“, „скучно намъ слушать осеннюю вьюгу“ присоединяются къ основному, вносятся въ него въ томъ самомъ видѣ, какъ они были сказаны, почему и называются *вносными*. Чтобы читатель зналъ, что они внесены въ томъ видѣ, какъ были сказаны, принято ставить ихъ въ кавычки. На этихъ же примѣрахъ можно выяснить, что вносное предложеніе выражаетъ или собственную рѣчь говорящаго, или рѣчь другого лица, чужую рѣчь.

1) Запятыми отдѣляются тѣ, которыя наиболѣе тѣсно связаны съ основнымъ и могутъ быть обращены въ основное — главное; запятыми и тире, тѣ, которые имѣютъ значеніе или придаточнаго, или уступительнаго, или условнаго; скобками тѣ, которыя не находятся ни въ какой связи съ основнымъ.

Хорошо было бы все рѣшительно вводныя предложенія ставить въ скобки, чтобы читающій сразу узнавалъ ихъ и читалъ ихъ надлежащей интонаціей.

Послѣ этого, на основаніи примѣровъ¹⁾, учащіеся приходятъ къ заключенію, что вносное предложеніе находится или послѣ главнаго, или впереди его, или, наконецъ, содержитъ его въ себѣ, при чемъ, если вносное стоитъ послѣ основнаго, то отдѣляется отъ него двоеточіемъ, а если впереди, то такимъ знакомъ, какой требуется интонаціей голоса.

О сліяніи предложеній можно говорить или сейчасъ послѣ разсмотрѣнія согласныхъ, противоположныхъ и раздѣлительныхъ предложеній, или же послѣ разсмотрѣнія всѣхъ видовъ сочетанія предложеній. Въ чемъ состоитъ сліяніе предложеній, учащіеся лучше всего поймутъ, если заставитъ ихъ производить сліяніе предложеній.

Учитель приводитъ примѣръ: Дѣдушка старъ, дѣдушка дряхлѣ и спрашиваетъ, какъ можно сказать иначе, но такъ, чтобы мысль была совершенно такая же (Дѣдушка старъ и дряхлѣ). Наблюденіе надъ другими примѣрами должно привести учащихся къ сознанію, что сливаться могутъ не только согласныя предложенія при общемъ подлежащемъ или сказуемомъ, но также противоположныя и раздѣлительныя. Дѣдушка старъ, не работаетъ. — Дѣдушка или (то) работаетъ, или (то) отдыхаетъ.

Наблюденіе надъ согласными, противоположными и раздѣлительными распространенными предложеніями должно привести къ заключенію, что ихъ можно сливать только тогда, когда есть общіе главные члены и однородные второстепенные. Такъ, на примѣръ, предложенія: черное сукно стоитъ дорого; синее сукно стоитъ дорого — сливаются, потому что опредѣленія однородны при общихъ главныхъ членахъ; но предложенія: черное сукно стоитъ дорого,

1) Положимъ, слѣдующихъ: 1) Сказалъ орелъ однажды ей (пчелѣ) съ презрѣніемъ: „Какъ ты, бѣдняжка, мнѣ жалка!“ — 2) „Откуда, умная, бредишь ты, голова?“ лиса спросила у осла. — 3) „Теперь благослови дѣтей своихъ!“ сказалъ Бульба. — 4) „Вѣдь это дереву вредитъ“, ей (свинѣ) съ дуба воронъ говоритъ. — 5) „Не радуйся, мой свѣтъ!“ ей (мыши) крыса говоритъ въ отвѣтъ: „и не надѣйся по пустому.“

хорошее сукно стоит дорого не сливаются, потому что опредѣленія разнородны, хотя главные члены общіе. Если же сказать: хорошее черное сукно стоит дорого, то это просто предложеніе, а не сліяніе предложеній.

Противоположныя предложенія: прошло уже не семь лѣтъ, а прошло уже цѣлыхъ 12-ть лѣтъ — сливаются слѣдующимъ образомъ: прошло уже не семь, а цѣлыхъ 12 лѣтъ.

Раздѣлительныя предложенія: спящій издавалъ свистъ носомъ, спящій издавалъ свистъ ртомъ сливаются такъ: спящій издавалъ свистъ то (или) носомъ, то (или) ртомъ.

Послѣ разсмотрѣнія приведенныхъ примѣровъ учитель указываетъ учащимся, что сліяніе предложеній есть не что иное, какъ сокращенная форма сочетанія или согласныхъ, или противоположныхъ, или раздѣлительныхъ предложеній; что сліяніе предложеній выражаетъ совершенно то же, что и сочетаніе указанныхъ предложеній; что разница, значитъ, между сліяніемъ и сочетаніемъ только внѣшняя.

Послѣ разсмотрѣнія придаточныхъ предложеній, нужно привести учащихся къ сознанію, что и придаточныя поясняющія вмѣстѣ съ поясняемымъ членомъ, и придаточныя замѣняющія могутъ быть замѣнены простымъ членомъ предложенія.

Учитель диктуетъ учащимся хотя бы такіе примѣры:

1) Тѣ, которые остались въ выигрышѣ, ѣли съ большимъ аппетитомъ. — 2) Я тотъ, который взоромъ надежду губить. — 3) Въ то время, какъ товарищъ мой остановился, мелькнула передъ моими глазами большая бабочка. — 4) Конь мчится, какъ стрѣла. — 5) Не могъ онъ сказать ничего положительнаго, потому что ѣхать далѣе побоялся. — 6) Для того, чтобы воздухъ могъ проходить въ коробки, крышки ихъ были исколоты толстой булавкой.

Учитель предлагаетъ учащимся замѣнить придаточныя предложенія членами предложенія такъ, чтобы послѣдніе выражали то же, что и придаточныя. Учащіеся замѣняютъ и надъ соотвѣтствующими цифрами пишутъ:

1) Оставшіеся въ выигрышѣ ѣли съ большимъ аппетитомъ. — 2) Я — взоромъ надежду губящій и т. д.

Сдѣлавъ это, учащіеся сознають, что придаточныя замѣняющія и поясняющія вмѣстѣ съ поясняемымъ членомъ по отношенію къ главному выполняютъ роль его члена, почему главное вмѣстѣ съ придаточнымъ выражаетъ одно сужденіе, а не два.

Дальше учитель диктуетъ примѣры, въ которыхъ придаточное поясняющее съ поясняемымъ членомъ, придаточное замѣняющее, условное и уступительное замѣняется такимъ словеснымъ оборотомъ, который одни называютъ сокращеннымъ предложеніемъ (придаточнымъ, условнымъ, уступительнымъ), другіе приложеніемъ.

Примѣчаніе. Какому изъ этихъ терминовъ отдать предпочтеніе, трудно сказать. Съ одной стороны, называть предложеніемъ такое выраженіе, въ которомъ нѣтъ ни подлежащаго, ни сказуемаго, само собой разумѣется, нелѣпо. Съ другой, терминъ сокращенное предложеніе болѣе пригоденъ и выразителенъ, чѣмъ терминъ приложеніе. Терминъ сокращенное предложеніе сразу указываетъ, что мы имѣемъ дѣло съ такимъ выраженіемъ, которое получено изъ предложенія и которое, слѣдовательно, можно снова обратить въ предложеніе. Чтобы учащимся не казалось страннымъ названіе сокращенное предложеніе такого выраженія, въ которомъ нѣтъ ни подлежащаго, ни сказуемаго, пожалуй можно провести аналогію между этимъ названіемъ и такими названіями, какъ развалившійся домъ срубленное дерево, разбитый горшокъ и т. п. Горшокъ разбивается, остаются отъ него только части, однако мы продолжаемъ называть эти оставшіяся части горшкомъ, правда, разбитымъ. То же самое происходитъ и съ предложеніемъ (придаточнымъ, условнымъ и уступительнымъ): оно теряетъ свойство предложенія (подлежащее и сказуемое), принимаетъ иную форму, но во всякомъ случаѣ такую (причастную или дѣепричастную), которая болѣе кратко выражаетъ то, что выражаютъ подлежащее и сказуемое. Терминъ приложеніе ничего не говоритъ и только сбиваетъ съ толку учащихся.

Чтобы у учащихся составилось понятіе о сокращенномъ

предложеніи, учитель диктуетъ имъ примѣры, въ которыхъ придаточное, условное и уступительное можно было бы замѣнить причастіемъ, дѣепричастіемъ, прилагательнымъ, существительнымъ.

1) Тутъ былъ посланникъ, который говорилъ о государственныхъ дѣлахъ. — 2) Я живу въ городѣ, который полонъ звона и блеска. — 3) Съ этимъ разносчикомъ, который человѣкъ уже пожилой, ѣхало двое товарищей. — 4) Мартышка, когда въ зеркалѣ увидѣла образъ свой, тихохонько медвѣдя толкъ ногой. — 5) Пастухъ подъ тѣнью спалъ, такъ какъ надѣялся на псовъ. — 6) Если не знаешь броду, не суйся въ воду. — 7) Ганнибалъ, хотя и не могъ взять Рима, все-таки надѣлалъ Италіи много вреда.

Учитель предлагаетъ учащимся, чтобы они во всѣхъ придаточныхъ, условныхъ и уступительныхъ предложеніяхъ опустили подлежащее; въ придаточныхъ обстоятельственныхъ, условныхъ и уступительныхъ сказуемое замѣнили дѣепричастіемъ; въ придаточныхъ опредѣлительныхъ — причастіемъ, а гдѣ сказуемое выражено вспомогательнымъ глаголомъ съ прилагательнымъ или существительнымъ — прилагательнымъ или существительнымъ.

Учащіеся, исполняя требованіе учителя, пишутъ:

1) Тутъ былъ посланникъ, говорившій о государственныхъ дѣлахъ. — 2) Я живу въ городѣ, полномъ звона и блеска. — 3) Съ этимъ разносчикомъ, человѣкомъ уже пожилымъ, ѣхало двое товарищей. — 4) Мартышка, въ зеркалѣ увидя образъ свой, тихохонько медвѣдя толкъ ногой и т. д.

Изъ этихъ же примѣровъ учащіеся должны сдѣлать выводъ, что посредствомъ дѣепричастія придаточныя обстоятельственныя, условныя и уступительныя могутъ сокращаться только въ томъ случаѣ, когда въ нихъ и въ главномъ *одно и то же подлежащее*.

Такъ просто, безъ всякихъ лукавыхъ мудрствованій, можно сообщить важнѣйшія грамматическія понятія.

Послѣсловіе.

Методику грамматики русскаго литературнаго языка я закончилъ словами: „Такъ просто, безъ всякихъ лукавыхъ мудрствованій, можно сообщить грамматическія понятія“. Слова эти сказаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ, теперь я не произнесъ бы ихъ, — оставляю же ихъ съ той цѣлью, чтобы они побудили кого-либо вооружиться противъ нихъ и доказать, что и въ моей „Методикѣ“ есть лукавыя мудрствованія, и даже очень много, что далеко не все въ ней такъ просто, какъ утверждаетъ самонадѣянный авторъ; что то-то и то-то нужно изложить проще, яснѣе, лучше, болѣе научно. Дай Богъ, чтобы это кто-нибудь сдѣлалъ! За недостаткомъ времени я не могу исполнить этого и печатаю рукопись въ томъ видѣ, какъ она была составлена нѣсколько лѣтъ назадъ съ незначительными лишь исправленіями тѣхъ недочетовъ, кои любезно были указаны мнѣ П. П. Демидовичемъ и П. Н. Свѣчниковымъ, за что и приношу имъ мою искреннюю благодарность.

На мою „Методику русскаго литературнаго языка“ одни будутъ нападать за то, что она уклоняется отъ такъ называемой логической точки зрѣнія въ ученіи о членахъ предложенья; другіе — за то, что она не придерживается вполне потобневской, признаваемой въ настоящее время большинствомъ ученыхъ единственно правильной. Чѣмъ больше будетъ указано недостатковъ и предложено исправленій, тѣмъ, конечно, лучше. Съ своей стороны прошу только внимательно прочесть указанныя раньше статьи Педаг. Сбор. (1903—1905 г. г.), прежде чѣмъ приступить къ критикѣ ея.

При чтеніи напечатанной уже „Методики“, пришли нѣкоторыя соображенія, которыми считаю нелишнимъ подѣлиться съ читателемъ. Такъ, на примѣръ, нельзя ли наши **ѣ** и **ѥ** считать глухими по слѣдующей причинѣ: это было бы удобно для объясненія, почему въ нѣкоторыхъ словахъ появляются ясные гласные тамъ, гдѣ ихъ не было, или почему они исчезаютъ въ словахъ: лобъ — лба, день — дня, звать — зовъ,

призывъ и другихъ. Хорошо еще считать **ъ** и **ь** глухими гласными и потому, что тогда мы можемъ, не противорѣчая логикѣ, называть ихъ окончаніями въ словахъ: столъ, стулъ, пень, день и т. п. Если считать ихъ только знаками для показанія твердаго или мягкаго произношенія предшествующихъ имъ согласныхъ буквъ, тогда ихъ нельзя называть окончаніями, а это опять создаетъ большія неудобства при изученіи окончаній. Названіе ихъ глухими гласными воскрешаетъ въ памяти ихъ прежнее значеніе и побуждаетъ соединять съ ними хоть самое тусклое звуковое представленіе.

Многіе настаиваютъ на томъ, чтобы различать такія морфемы: корень, префиксъ и окончаніе, а окончаніе разсматривать, какъ соединеніе суффикса съ флексіей. Чтеніе моихъ „Методики письма“ и „Методики грамматики“ должно, повидимому, убѣдить, насколько удобно при обученіи орфографіи и грамматикѣ принятое мной дѣленіе словъ на основу и окончаніе (флексію) и дѣленіе основы на корень, префиксъ и суффиксъ. Кромѣ того, разсматривать окончаніе, какъ соединеніе суффикса и флексіи, неудобно и потому, что многія слова не имѣютъ суффикса.

На 63 стр. „Методики“ говорится: „Указывать, что съ двоякими окончаніями употребляются качественныя прилагательныя, а съ однимъ относительныя, едва ли нужно, потому что раздѣленіе прилагательныхъ на качественныя и относительныя иредставляетъ большія затрудненія“; на 64 стр.: „Нельзя не посовѣтовать преподавателямъ отказаться отъ сообщеній, что качественныя прилагательныя имѣютъ степени сравненія, что по степенямъ сравненія можно узнать, качественное или относительное прилагательное“. Эти мысли могутъ вызвать возраженія. Я противъ приведенныхъ сообщеній по слѣдующей причинѣ: исходя изъ положенія, что грамматика не учитъ языку, а лишь разсматриваетъ его формы, думаю, что и въ данномъ случаѣ достаточно ограничиться однимъ указаніемъ, какія формы прилагательныхъ называются краткими, какія полными; какія ихъ формы но-

казываютъ положительную степень качества, какія сравнительную, какія превосходную. Если мы не будемъ требовать отъ дѣтей, чтобы они образовывали языковыя формы, а только изучали данныя въ читаемыхъ ими литературныхъ статьяхъ, то тогда нѣтъ никакой надобности знать имъ, какое прилагательное качественное, какое относительное.

Сказанное на 65 стр. о залогахъ нахожу неудачнымъ. О залогахъ можно сказать послѣ того, какъ дано понятіе о членахъ предложенія, о прямомъ и косвенномъ дополненіяхъ. Глаголы, при которыхъ можетъ стоять прямое дополненіе, составляютъ группу *дѣйствительныхъ* глаголовъ; глаголы, при которыхъ можетъ стоять косвенное дополненіе или обстоятельство, составляютъ группу *среднихъ* глаголовъ. Если прямое дополненіе, стоящее при сказуемомъ, обратить въ подлежащее, а подлежащее въ твор. пад., тогда дѣйствительный глаголъ обращается въ страдальный и обозначается или причастной формой въ соединеніи съ вспомогательнымъ глаголомъ или присоединеніемъ частицы *ся*, смотря по установившемуся обычаю языка, напримѣръ, дѣйствительный оборотъ предложенія: прислуга бьетъ посуду обращается въ такой страдательный: посуда бьется прислугою, а дѣйствительный: мать любила дочь лучше выразить страдательнымъ: дочь была любима матерью, чѣмъ: дочь любила матерью. Вотъ и все, что слѣдуетъ знать учащимся о такъ называемыхъ залогахъ русскаго языка.

Самое больное мѣсто моей „Методики русскаго литературнаго языка“ — ученіе о членахъ предложенія. Сколько я ни работалъ надъ этимъ вопросомъ, но ни къ чему вполне определенному прійти не могъ. Въ статьяхъ: „Къ вопросу о пересмотрѣ программъ классической гимназіи“, напечатанныхъ въ „Рус. шк.“ за 1900 г., мной на члены предложенія были высказаны одни воззрѣнія, въ „Обученіи грамматикѣ“ — другія, въ „Запискахъ“ — новыя, въ „Параллеляхъ къ параллелямъ Брайловскаго“ — опять иныя, близкія къ взглядамъ Потемни, а въ „Методикѣ“ снова сталъ склоняться къ

тому, что раньше было сказано о нихъ, т. е. уклоняться отъ взглядовъ Потебни. Въ воззрѣніи на значеніе неопредѣленнаго наклоненія въ предложеніи хотѣлось бы послѣдовать за Потебней, что въ предложеніи оно можетъ быть только второстепеннымъ сказуемымъ, но когда станешь читать сказанное мной въ „Запискахъ по грамматикѣ“ (Пед. Сбор. 1903 г. № 12), то становится невозможнымъ признать его мнѣніе справедливымъ. Въ опредѣленіе опредѣленія счелъ нужнымъ вставить слова: безъ связи съ глаголомъ, потому что сказуемое, выраженное именемъ, тоже согласуется въ родѣ, числѣ и падежѣ, или въ одномъ только падежѣ, но въ связи съ глаголомъ.

Убѣдительно прошу обратить серьезное вниманіе на тотъ абзацъ „Методики“, въ коемъ говорится, что не нужно вводить учащихся въ хаосъ понятій о сочиненіи и подчиненіи предложеній, и что достаточно ознакомить ихъ лишь съ тѣми видами сочетаній, кои указаны въ моей „Методикѣ письма“, а именно: 1) съ сочетаніемъ *согласныхъ*, 2) *противоположенныхъ*, 3) *раздѣлительныхъ*, 4) *главнаго съ придаточнымъ*, 5) *основнаго съ вводнымъ*, 6) *основнаго съ вноснымъ*.

Что же касается придаточныхъ, то ихъ, какъ указано въ „Методикѣ письма“, исходя изъ чисто грамматической точки зрѣнія, лучше всего дѣлать на слѣдующіе 4 вида:

1) придаточныя *относительныя*, соединенныя съ главнымъ относительными мѣстоименіями или относительными мѣстонарѣчіями; 2) *иридочныя* *вопросительныя*, соединенныя съ главнымъ вопросительными мѣстоименіями или вопросительными мѣстонарѣчіями; 3) придаточныя *союзныя*, соединенныя съ главнымъ союзами; 4) придаточныя *безсоюзныя*, соединенныя съ главнымъ интонаціей голоса.

Довести до большей простоты ученіе о сочетаніи предложеній едва ли возможно, безъ ущерба для пониманія строя нашей рѣчи и умѣнія на письмѣ отдѣлять предложенія другъ отъ друга въ сочетаніи знаками преинанія. О сочетаніи предложеній подробно говорится въ „Параллеляхъ къ параллелямъ“

Браиловскаго“, а также въ составленной мной, но не напечатанной „Грамматикѣ русскаго литературнаго языка“. Рецензентъ Ученаго Комитета при М. Н. П., разсматривавшій рукопись „Грамматики“, нашелъ, что глава о сочетаніи предложеній написана мной очень хорошо. Говорю это къ тому, чтобы побудить преподавателей держаться указанной мной точки зрѣнія на сочетаніе предложеній, если этому не мѣшаютъ канія-либо соображенія, ничего общаго съ русской грамматикой не имѣющія.

Моя „Методика русскаго литературнаго языка“ должна производить на читателя непріятное впечатлѣніе тѣмъ, что авторъ ея не всегда высказывается рѣшительно, колеблется, а это подрываетъ уваженіе къ его труду. Чтобы хоть сколько-нибудь сгладить это непріятное впечатлѣніе, авторъ долженъ прибѣгнуть къ воззрѣнію другихъ на его трудъ. Особая при Ученомъ Комитетѣ коммиссія по разсмотрѣнію сочиненій, представленныхъ на соисканіе въ 1903 г. преміи Императора Петра В., давъ лестный отзывъ о всей моей „Методикѣ русскаго литературнаго языка“, въ частности о „Методикѣ грамматики“, далеко тогда не такъ обработанной, какъ теперь, сказала: „Разграниченіе задачъ грамматики съ задачами обученія орфографіи, съ одной стороны, — логикѣ и стилистикѣ, съ другой, — правильно и умѣстно. Тростниковъ прекрасно говоритъ о значеніи грамматики, какъ учебнаго предмета. Учебный курсъ грамматики онъ видитъ, главнымъ образомъ, въ систематическомъ усвоеніи формъ языка и въ пониманіи ихъ значенія. Порядокъ статей очень хорошо мотивированъ; совершенно основательно всѣ дѣленія, не имѣющія формальнаго основанія, устранены (даже дѣленіе на нарицательныя и собственные отнесено къ урокамъ орфографіи); залоговыя и видовыя отличія глаголовъ не изучаются, вслѣдствіе ихъ затруднительности. Система Тростникова отличается большой стройностью и заслуживаетъ серьезнаго вниманія“.

М. А. Тростниковъ.

Исторія образованія каноническаго кодекса Греческой церкви отъ начала его возникновенія до эпохи введенія на Руси христіанства.

Съ принятіемъ на Руси христіанства изъ Византіи перешелъ къ намъ отъ нашихъ просвѣтителей и греческій каноническій кодексъ, такъ наз. Номоканонъ. Понятно, поэтому, что вопросъ объ образованіи этого кодекса, съ момента его возникновенія до принятія его Русскою церковью, имѣетъ важное значеніе для всякаго интересующагося наукою церковнаго права Православной церкви.

Основные церковные законы, напр., законы объ исповѣданіи вѣры, о совершеніи таинствъ, о церковной іерархіи, о характерѣ и полномочіяхъ церковной власти, о нравственной жизни вѣрующихъ, даны были церкви Самимъ ея Основателемъ и Его Апостолами. Они заключаются въ Св. Писаніи и Св. Преданіи.

Съ распространеніемъ церкви Христовой по всему міру, когда первые верховные законодатели ея уже оставили свое земное поприще, потребовалось болѣе подробное раскрытіе и дальнѣйшее развитіе оставленныхъ ими церкви законовъ. Потребность эта была удовлетворена правилами, изданными вселенскими и помѣстными соборами, къ которымъ послѣ Апостоловъ перешла законодательная дѣятельность въ церкви.

Вселенскимъ соборомъ называется собраніе представителей церкви, по возможности, отъ всѣхъ помѣстныхъ церквей для совмѣстнаго рѣшенія вопросовъ, касающихся всей церкви. Вселенскіе соборы составлялись экстренно, въ случаяхъ особенной надобности. Исторія свидѣтельствуетъ, что поводомъ къ созванію вселенскихъ соборовъ служило каждый разъ появленіе разногласій въ пониманіи важнѣйшихъ догматовъ вѣры. Но кромѣ устраненія догматическихъ недоразумѣній, кромѣ осужденія возникшихъ ересей и формальнаго установленія обще-церковной вѣры, въ противоположность еретическому ученію, отцы вселенскихъ соборовъ заботились также и объ упорядоченіи церковной дисциплины — къ догматической дѣятельности присоединялись также и дѣла каноническія.

Православная церковь признаетъ семь вселенскихъ соборовъ: Никейскій (325 г.)¹⁾, Константинопольскій (381 г.)²⁾,

1) Изъ 20 правилъ перваго вселенскаго собора заслуживаютъ особаго вниманія пр. 4-е, 5-е и 6-е.

Въ 4-мъ пр. постановлено, чтобы епископы избирались по общему голосу всѣхъ епископовъ, находящихся въ извѣстной провинціи и съ утвержденія митрополита, т. е. епископа главнаго города этой провинціи (сравн. Ап. пр. 34-е).

5-е правило устанавливаетъ, чтобы въ каждой провинціи епископы собирались дважды въ годъ на соборъ для обсужденія текущихъ церковныхъ дѣлъ общаго характера и для разсмотрѣнія жалобъ на дѣйствія епископовъ со стороны подвѣдомаго клира и мірянъ (ср. Ап. пр. 37-е).

Въ 6-мъ пр. подтверждается, на основаніи древняго обычая, власть епископовъ важнѣйшихъ городовъ Византійской имперіи надъ подчиненными имъ епископами.

2) Во 2-мъ и 6-мъ пр. втораго вселенскаго собора, оставившаго всего 7 правилъ, вводится новая инстанція церковнаго управленія и суда, соотвѣтствующая діецеzu въ гражданскомъ управленіи Византійской имперіи, заключающая въ своемъ вѣдѣніи по нѣсколько митрополій. Такихъ церковно-административныхъ округовъ въ Восточной церкви упомянуто въ правилахъ пять: Александрійскій, Антиохійскій, Азійскій, Понтійскій и Фракійскій.

Въ 7-мъ пр. этого собора излагается порядокъ принятія въ Православную церковь кающихся еретиковъ, соблюдавшійся въ Константинопольской церкви; правило указываетъ два способа: крещеніе — для тѣхъ еретиковъ, которые погрѣшаютъ въ ученіи о Св. Троицѣ и совершаютъ крещеніе неправильно, т. е. не въ три по-

Ефесскій (431 г.), Халкидонскій (451 г.)¹⁾, Константинопольскій 2-ой (553 г.), Константинопольскій 3-ій (680 г.), — по-

груженія, и миропомазаніе — для тѣхъ, которые совершаютъ крещеніе правильно.

1) Изъ 30 правилъ четвертаго вселенскаго собора важнѣйшими являются :

пр. 4-е, подчиняющее монаховъ вѣдѣнію мѣстныхъ епископовъ и обязывающее ихъ безотлучно пребывать въ тѣхъ мѣстахъ, въ которыхъ они отреклись отъ міра и запрещающее имъ вмѣшиваться не только въ житейскія, но и церковныя дѣла, безъ особаго позволенія епископа, и то въ случаѣ особой надобности ;

пр. 6-е, запрещающее ставить на священныя степени безъ назначенія къ извѣстной церкви, подъ опасеніемъ недѣйствительности посвященія, совершеннаго вопреки этому правилу ;

пр. 9-е, которымъ запрещается клирикамъ, имѣющимъ тяжбное дѣло противъ клирика же или епископа, обращаться съ жалобой въ свѣтскія судилища ;

пр. 17-е, постановляющее, чтобы распредѣленіе границъ между епископіями и вообще внѣшній распорядокъ ихъ сообразовался съ гражданскимъ административнымъ распорядкомъ ;

пр. 26-е, обязывающее епископа управлять церковнымъ имуществомъ не иначе, какъ при помощи эконома, дабы домоостроительство церковное не безъ свидѣтелей было, „дабы отъ сего не расточалось ея имущество и дабы не падало нареканія на священство“.

Особое значеніе имѣетъ правило 28-е, которымъ опредѣленъ административный и судебный округъ Константинопольскаго патріарха : изъ вниманія къ положенію Константинопольскаго епископа, какъ епископа столицы восточной половины Имперіи, его вѣдѣнію подчинены этимъ правиломъ три гражданскіе діезцеа — Азійскій, Понтійскій и Фракійскій. Послѣ этого образовалось въ Восточной церкви четыре великіе церковно-административные округа, которые потомъ стали называться патріархатами, — Константинопольскій, Александрійскій, Антиохійскій и Іерусалимскій (объ Іерусалимскомъ въ правилахъ не упомянуто, а говорится въ дѣяніяхъ соборныхъ). 28-мъ пр. Константинопольская патріаршая кафедра сравнена также въ своихъ преимуществахъ съ кафедрою древняго Рима : отцы праведно разсудили, „да градъ получившій быти градомъ царя и синклита и имѣющій равныя преимущества съ ветхимъ царственнымъ Римомъ, и въ церковныхъ дѣлахъ возвеличенъ будетъ подобно тому, и будетъ второй по немъ“. (Ср. пр. 17-е, 9-е). Нужно замѣтить, что 28-е пр. собора Халкидонскаго возбудило противъ себя протестъ со стороны римскихъ легатовъ, и римскій папа тоже не призналъ этого правила.

Пр. 29-е запрещаетъ епископовъ низводить на степень пресвитера.

слѣдніе два собора, пятый и шестой, и правилъ, касающихся церковнаго устройства, не составили; этотъ пробѣлъ былъ восполненъ такъ наз. пято-шестымъ или Трулльскимъ соборомъ 692 г.¹⁾; наконецъ, седьмой вселенскій соборъ былъ

1) Соборъ Трулльскій 692 г. былъ созванъ при императорѣ Юстиніанѣ II, чтобы пересмотрѣть дѣйствующія церковныя правила и придать силу и твердость церковной дисциплинѣ, распатанной продолжительными догматическими спорами и смутами и устранить замѣченные безпорядки въ жизни клира и народа. Онъ служилъ какъ бы дополненіемъ къ пятому и шестому вселенскимъ соборамъ, не оставившимъ церковныхъ правилъ и потому называется у Зонары и Вальсамона пято-шестымъ. Ближе же всего онъ служилъ дополненіемъ къ шестому вселенскому собору, бывшему только 11-тью годами ранѣе его. Поэтому въ Восточной церкви принято считать эти правила правилами шестого вселенскаго собора. Такъ они называются въ правилахъ седьмого вселенскаго собора (пр. 6-е) и Константинопольскаго собора 861 года. Трулльскій соборъ въ исторіи права Восточной церкви имѣетъ выдающееся значеніе: на немъ была сдѣлана ревизія дѣйствовавшихъ источниковъ каноническаго права.

Изъ составленныхъ соборомъ 102 правилъ важнѣйшими являются:

правило 2-е, въ которомъ перечислены всѣ тѣ правила, какими должна руководствоваться церковная практика; правило это служить основой при опредѣленіи состава правилъ древней церкви;

пр. 8-е, обязывающее митрополитовъ созывать ежегодніе соборы епископовъ, согласно древнему правилу, но, въ виду затрудненій, встрѣчающихся на практикѣ къ созванію соборовъ два раза въ годъ, позволяющее ограничиваться созваніемъ одинъ разъ каждый годъ;

пр. 13-е, позволяющее, вопреки обычаю римской церкви, священнику и діакону жить въ бракѣ, заключенномъ до посвященія въ санъ;

пр. 33-е, осуждающее обычай армянской страны принимать въ клиръ только тѣхъ, кто происходитъ изъ священническаго рода;

пр. 36-е, повторяющее постановленіе Халкидонскаго собора о равноправности Константинопольской патріаршей кафедрѣ съ Римской и указывающее іерархическій порядокъ патріаршихъ кафедръ (Римская, Константинопольская, Александрійская, Антіохійская и Іерусалимская).

Въ правилахъ 53-мъ, 54-мъ и 72-мъ содержатся весьма важныя постановленія о бракѣ, а именно:

пр. 53-е запрещаетъ воспріемнику жениться на воспріятой дочери и ея матери;

въ пр. 54-мъ указаны предѣлы запрещенія брака по причинѣ

собрать опять въ Никей — Никейскій второй (787 г.)¹⁾.

свойства и родства: запрещены браки въ предѣлахъ четырехъ степеней родства и свойства включительно, подъ угрозой разлученія въ случаѣ нарушенія указанной нормы;

пр. 72-е содержитъ постановленіе относительно смѣшанныхъ браковъ: правило позволяетъ, на основаніи Апостольской заповѣди, христіанину продолжать брачное сожитіе съ нехристіаниномъ заключенное прежде обращенія его въ христіанство, съ согласія невѣрующей стороны; но оно строго, подъ угрозой разлученія брачнаго сожитія, запрещаетъ православному христіанину бракъ съ такимъ лицомъ, съ которымъ не можетъ быть у него религіознаго общенія, — съ язычникомъ и еретикомъ, „ибо не подобаетъ, говорить правило, смѣшивать несмѣшаемое, ниже совокупляти съ овцею волка, и съ частію Христовою жребій грѣшниковъ“.

Пр. 95-е говоритъ о принятіи еретиковъ въ Православную церковь. Воспроизводя 7-е пр. второго вселенскаго собора, оно указываетъ для нѣкоторыхъ заблуждающихся еще третій способъ принятія въ Православную церковь, кромѣ двухъ предусмотрѣнныхъ 7-мъ пр. второго всел. соб. (крещеніе и мѣропомазаніе) покаяніе и св. Причащеніе.

Послѣднее 102-е пр. касается наложенія епитиміи на кающихся: правило смотритъ на епитимію, какъ на врачество душевныхъ недуговъ; цѣлью пастырскаго дѣйствованія при наложеніи епитиміи должно быть уврачеваніе заболѣвшаго; поэтому при наложеніи епитиміи внушается обращать строгое вниманіе на качество грѣха и готовность согрѣшившаго къ обращенію и съ этимъ обстоятельствомъ соображать родъ епитиміи и мѣру ея; по всей строгости покаянныхъ правилъ поступать только съ тѣми, которые не имѣютъ склонности къ исправленію.

1) Правила седьмого вселенскаго собора направлены къ возстановленію церковнаго порядка, потрясеннаго продолжительными церковными волненіями, и къ очищенію пороковъ клира, павшаго весьма низко въ нравственномъ отношеніи, подъ вліяніемъ мірской власти, произвольно распоряжавшейся въ церковныхъ дѣлахъ въ періодъ иконоборчества.

Въ 1-мъ своемъ правилѣ седьмой вселен. соборъ, подобно Трулльскому, заповѣдуетъ сохранять неизмѣнно правила прежнихъ соборовъ и св. отецъ, причисляя къ ихъ составу, между прочимъ, и правила Трулльскаго собора, подъ именемъ правилъ шестого вселен. собора (ср. пр. 6-е);

пр. 3-е подтверждаетъ, что избраніе и поставленіе на церковныя степени при помощи мірскихъ начальниковъ недѣйствительно;

пр. 4-е, 5-е, 19-е вооружаются противъ симоніи при производствѣ на церковныя степени и при другихъ случаяхъ церковной жизни;

пр. 12-е запрещаетъ отчуждать церковныя имущества, принадлежащія епископіямъ и монастырямъ подъ какимъ бы то ни было предлогомъ; а если уже они не даютъ никакой выгоды, то

Правила помѣстныхъ соборовъ, на которые сходились епископы одной какой-либо области, первоначально имѣли значеніе только въ тѣхъ церквахъ, пастырями которыхъ они были составлены, но такъ какъ основанія церковной жизни были повсюду одинаковы, то впослѣдствіи правила помѣстныхъ соборовъ были признаны обязательными для всей церкви. 2-мъ правиломъ Трулльскаго собора 692 года были признаны обязательными для всей церкви правила слѣдующихъ соборовъ: Анкирскаго¹⁾, Неокесарійскаго²⁾, Антиохійскаго³⁾, Сардикійскаго⁴⁾,

позволяетъ уступать ихъ клирикамъ, или земледѣльцамъ, но никакъ не мѣстнымъ начальникамъ;

пр. 15-е, 16-, 18-е, 22-е отмѣчаютъ щегольство и распущенность нравовъ духовенства;

пр. 20-е запрещаетъ строить двойные монастыри для мужчинъ и женщинъ вмѣстѣ, такъ какъ это несогласно съ идеей монастыря, какъ мѣста усединенія отъ мірскихъ соблазновъ.

1) Время созванія Анкирскаго собора относится къ 314 г. Hefele. Conciliengeschichte T. I, стр. 220.

Изъ 25 правилъ Анкирскаго собора слѣдуетъ отмѣтить пр. 13-е, запрещающее хореепископу поставлять пресвитеровъ и діаконовъ безъ порученія со стороны епископа города.

2) Время созванія Неокесарійскаго собора обыкновенно относятъ тоже къ 314 г. или къ 315 г. Впрочемъ, по мнѣнію Гефеле, соборъ этотъ состоялся нѣсколько позднѣе, хотя и раньше Никейскаго 1-го всел. Hefele. I, стр. 243.

3) Антиохійскій соборъ, по свидѣтельству св. Аѳанасія Вел., Сократа и Созомена, состоялся въ 341 году. Hefele. I, стр. 502. 503.

Изъ 25 правилъ Антиохійскаго собора заслуживаютъ вниманія правила 11-е и 12-е, въ которыхъ запрещается клирикамъ, изверженнымъ своимъ епископомъ, а также и епископамъ, изверженнымъ на помѣстномъ соборѣ, обращаться съ апелляціей на церковный судъ къ царю, а внушается искать суда у церковныхъ судей во второй инстанціи, подъ опасеніемъ лишенія всякой надежды на оправданіе за неисполненіе этого правила.

4) Сардикійскій соборъ, по мнѣнію Манзи, къ которому присоединяется Hefele, состоялся въ 334 г.; по мнѣнію же Сократа и Созомена — въ 347 г. Hefele. Conciliengeschichte I, стр. 533—537. Но со времени изданія праздничныхъ посланій св. Аѳанасія Вел. (Cureton, Die Festbriefe des h. Athanasius übersetzt Larsow. Англійск. оригиналь въ Лондонѣ 1848, нѣмец. переводъ въ Берлинѣ 1852) невозможно сомнѣваться, что соборъ происходилъ въ 343 году. Остроумовъ. Введеніе въ православное церковное право. Харьковъ 1893, стр. 190—191, примѣч. 5-е.

Гангрскаго ¹⁾, Лаодикійскаго ²⁾, Константинопольскаго при

Изъ 21 пр. этого собора. (въ нашей Книгѣ правилъ считается 20 правилъ, потому что 18-е и 19-е пр. соединены въ одно) заслуживаютъ вниманія:

пр. 6-е, запрещающее поставлять епископа въ какой либо село или малый городъ, для котораго довольно и пресвитера, да не унижается имя епископа и власть.

пр. 10-е, которое гласитъ, „подобаетъ со всякою точностію и тщаніемъ наблюдать, да богатый кто либо, или ученый, отъ свѣтскаго служенія удостоиваемый епископомъ быти, не прежде поставляется, развѣ когда совершить служенія чтеца, и діакона, и пресвитера“.

1) Вопросъ о времени созванія Гангрскаго собора остается нерѣшеннымъ. Большинство ученыхъ утверждаетъ, что Гангрскій соборъ состоялся послѣ Константинопольскаго собора 360 г. (по мнѣнію Баллерини, между 362 и 370 гг.); по мнѣнію же нѣкоторыхъ, этотъ соборъ былъ созванъ раньше Антиохійскаго 341 г. (Созоменъ IV, стр. 24). Гефеле оставляетъ вопросъ открытымъ и говоритъ, что Гангрскій соборъ состоялся вообще около половины IV в. Hefele. I, стр. 774, 791 и 792.

Предметомъ разсужденія этого собора, издавашаго 21 правило, было отлученіе Евстафія, епископа Севастійскаго (въ Арменіи), и секты, называвшейся его именемъ. Евстафіане, между прочимъ, учили, что брачная жизнь негодна Богу, и поэтому многіе изъ нихъ расторгли свои браки и не хотѣли принимать Евхаристіи отъ женатыхъ пресвитеровъ.

2) Время созванія Лаодикійскаго собора точно неизвѣстно; можно утверждать только что онъ состоялся послѣ Сардикійскаго собора (344—347) и раньше 2-го вселенскаго Константинопольскаго 381 г. Hefele. I, стр. 749.

Изъ 60 правилъ (60-е пр. образовалось изъ схоліи къ 59-му пр., перечисляющей книги Ветхаго и Новаго Завѣта) этого собора наиболѣе важными являются:

пр. 1-е о томъ, что вступившихъ во второй бракъ законнымъ порядкомъ можно, по снисхожденію, принимать въ церковное общеніе послѣ непродолжительной епитиміи, состоящей въ молитвѣ и постѣ;

пр. 10-е и 31-е о недозволительности браковъ между православными и еретиками;

пр. 13-е о томъ, что непозволительно сборищу народа (толпѣ) избирать „имѣющихъ произвестися во священство“;

пр. 19-е о томъ, что однимъ только священнымъ лицамъ позволительно входить въ алтарь и тамъ пріобщаться;

пр. 52-е о томъ, что нельзя въ св. Четыредесятницу совершать браковъ или праздновать дни рожденія;

пр. 57-е о томъ, что „не подобаетъ въ малыхъ градахъ и селахъ поставляти епископовъ, но періодевтовъ: а поставленнымъ уже прежде, ничего не творити безъ воли епископа града“.

патріархъ Нектаріи ¹⁾ и Карѳагенскаго ²⁾.

Потомъ къ нимъ присоединены были еще правила двухъ

1) Соборъ этотъ состоялся въ 394 г. Hefele, II. стр. 65. Онъ былъ созванъ для рѣшенія спора между двумя епископами Агапіемъ и Вагадіемъ о томъ, кому изъ нихъ должна принадлежать по праву епископская кафедра въ Бострѣ (въ Аравіи). По этому случаю соборъ постановилъ правило, что епископа нельзя судить и извергать изъ сана двоимъ или троимъ епископамъ, что для суда надъ епископомъ требуется приговоръ большого собора, или лучше, всѣхъ епископовъ извѣстной митрополіи.

2) Правила, принятыя въ собраніи правилъ съ именемъ Карѳагенскаго собора, составляютъ сводъ правилъ, дѣйствовавшихъ въ Африканской церкви, редактированный на Карѳагенскомъ соборѣ 419 года. Въ Африканской церкви былъ обычай на ежегодныхъ собраніяхъ пастырей прочитывать правила, постановленныя на предшествовавшихъ соборахъ. Этимъ путемъ и составилъ сводъ правилъ Африканской церкви, дошедшій до насъ въ редакціи Карѳагенскаго собора. Въ немъ содержатся правила африканскихъ соборовъ конца IV и первой четверти V вѣка. Правила Карѳагенскаго собора были приняты въ Синтагму XIV титуловъ съ оговоркой, что въ нихъ содержится не мало нормъ, составляющихъ особенность мѣстной церковной дисциплины. Составитель Синтагмы впервые перевелъ ихъ на греческій языкъ съ латинскаго изъ сборника Діонисія Малаго, какъ показываетъ сличеніе греческаго текста съ латинскимъ. Всѣхъ правилъ считается 133. Въ Аѳинской Синтагмѣ, какъ и у Діонисія, ихъ 133 и, кромѣ того, пять извлеченій изъ актовъ соборныхъ. Въ Кормчей ихъ 134, потому что одно правило, именно 68-е, — позднѣйшая вставка, которая читается такъ: „иже отъ поганскихъ обычаевъ сотворяемѣи пирове да будутъ отвержени“. У Беверегія и Гервета 135. Въ Пидаліонѣ и румынскихъ правилахъ — 141. Въ Книгѣ правилъ ихъ — 147 и посланіе къ Целестину. Это разнообразіе въ числѣ правилъ зависитъ отъ дѣленія правилъ.

Въ правилахъ Карѳагенскаго собора, между прочимъ, указано, кто не можетъ представлять обвиненій противъ клириковъ и быть свидѣтелемъ. Обвинителями не могутъ быть лица порочныя, т. е. тѣ, которыя состоятъ въ отлученіи, рабы и отпущенники тѣхъ, на кого они доносятъ хотятъ, также всѣ тѣ, кому запрещали быть обвинителями гражданскіе законы; тѣ, на комъ лежитъ пятно безчестія, какъ то: позорищные и занимающіеся постыдными дѣлами, также еретики, язычники, іудеи; впрочемъ, это только по дѣламъ, касающимся церковныхъ преступленій; по дѣламъ же тяжбы, личнымъ, всѣ эти лица могутъ подавать жалобы. Въ свидѣтели по дѣламъ обвинительнымъ не допускаются тѣже лица, какія не могутъ быть обвинителями, и лица, имѣющія отъ роду менѣе 14 лѣтъ (пр. 8-е, 28-е, 143—146-е).

Константинопольскихъ соборовъ: одного — 861 года, бывшаго въ храмѣ св. Апостоловъ или такъ паз. двукратнаго¹⁾; другого — 879 года, бывшаго въ храмѣ св. Софїи²⁾.

Хотя количество правилъ, изданныхъ названными соборами, было весьма значительно, тѣмъ не менѣе въ церковной практикѣ встрѣчались случаи, ими не разрѣшенные. Въ такихъ случаяхъ обращались за мнѣніемъ и совѣтомъ къ предстоятелямъ старшей церкви, къ митрополи, практика которой

1) Двукратнымъ этотъ соборъ называется потому, что соби-
рался два раза для однихъ и тѣхъ же предметовъ.

До насъ дошло 17 правилъ этого собора.

Въ пр. 1-мъ запрещается лицу, пожертвовавшему свое имѣніе для устройства монастыря, именоваться и считаться владѣльцемъ монастыря, распоряжаться имъ.

Въ пр. 6-мъ содержится постановленіе объ имуществѣ самихъ монаховъ: „Монахи не должны имѣть ничего собственнаго, но все имъ принадлежащее да утверждается за монастыремъ... Желающимъ монашествовати предоставляется свобода завѣщевати о имѣніи своемъ прежде и передавати оное, кому, восхотятъ... По вступленіи ихъ въ монашество, монастырь имѣетъ власть надъ всѣмъ ихъ имуществомъ, и имъ не предоставлено распоряжати ничѣмъ собственнымъ, ни завѣщевати. Аще кто обрящется усвоивъ себя нѣкое стяжаніе, не предоставивъ оного монастырю, у таковаго игумена, или епископа да возметъ оное стяжаніе, и въ присутствіи многихъ продавъ, да раздастъ нищимъ и нуждающимся“.

Въ пр. 10-мъ опредѣлено понятіе святотатства: святотатство есть присвоеніе себѣ всего посвященнаго Богу и богослуженію, не только сосудовъ и священныхъ предметовъ, употребляющихся въ алтарь при богослуженіи, но вещей, употребляющихся внѣ алтаря въ церкви.

2) Соборъ въ храмѣ св. Софїи былъ въ Константинополѣ въ 879 году, при вторичномъ возведеніи Фотія на патріаршій престолъ.

Соборъ этотъ имѣлъ въ виду возстановить миръ между восточными епископами, нарушенный насильственнымъ низведеніемъ съ престола Игнатія, а также рѣшить вопросъ о Болгарской церкви, служившей яблокомъ раздора между Константинопольскимъ патріархомъ и Римскимъ папою.

Въ 1-мъ пр. этого собора (всѣхъ правилъ 3) постановлено, что клирики или міряне, отлученные Константинопольскимъ патріархомъ, должны признаваться таковыми и у Римскаго папы, и наоборотъ, и что папа Римскій впредъ не будетъ дѣлать никакихъ нововведеній въ преимуществахъ своей каѳедры.

предполагалась основанною на нормахъ, восходящихъ къ временамъ Апостоловъ или ихъ ближайшихъ преемниковъ. Эти отвѣты или каноническія посланія (*epistolae canonicae*) сначала носили характеръ частнаго мнѣнія и обязательной силы не имѣли. Но всеобщее уваженіе, какимъ пользовались нѣкоторые изъ авторовъ этихъ посланій, было причиною того, что уже упомянутый нами Трулльскій соборъ призналъ за ними обязательную силу, наравнѣ съ правилами соборными.

Такое значеніе было признано за каноническими посланіями слѣдующихъ отцовъ церкви: Діонисія Александрійскаго¹⁾, Петра Александрійскаго²⁾, Григорія Неокесарійскаго³⁾,

1) Посланіе Діонисія Александрійскаго († 264) къ Василиду, епископу Ливіи, раздѣлено на 4 правила.

1-е пр. представляетъ довольно обстоятельный трактатъ о продолжительности поста предъ Пасхою;

остальные — болѣе краткія опредѣленія:

о причащеніи въ тяжелой болѣзни отлученнаго (пр. 2-е);

о запрещеніи женщинамъ входить въ храмъ и причащаться въ извѣстные періоды (пр. 3-е);

о воздержаніи супруговъ по согласію (пр. 4-е).

2) Петръ Александрійскій († 311) писалъ свои правила вскорѣ послѣ гоненія Діоклетіана на христіанъ.

Изъ 15 правилъ этого отца церкви первыя 14 извлечены изъ слова его о покаяніи (написанномъ въ 306 году), по поводу принятія въ церковное общеніе отпадшихъ отъ вѣры во время гоненія (въ Кормчей — правилъ 13, потому что 7-е пр. присоединено къ 6-му), а послѣднее 15-е пр. взято изъ слова его на Пасху и защищаетъ обычай поститься въ среду и пятокъ и праздновать день воскресный.

3) Посланіе Григорія Неокесарійскаго († 272) къ Аѣнодору своему брату, епископу Понта, раздѣляется иногда на 11, иногда на 12 и даже 13 правилъ. Въ Аѣинской Синтагмѣ 11 (два первыхъ составляютъ одно), въ Пидаліонѣ и Книгѣ правилъ 12, въ Кормчей 13 (хотя послѣдняго правила не достааетъ, за то 2-е и 4-е каждое подѣлены на два). Послѣднее правило не принадлежитъ св. Григорію, а есть перефразированная схолія, заимствованная изъ 56 и 75 правилъ св. Василія Великаго. См. „Правила св. Отецъ съ толкованіями“. М. 1884, стр. 106, примѣчаніе редактора (проф. Павлова).

Правила Григорія Неокесарійскаго направлены противъ безпорядковъ и проступковъ, учиненныхъ многими изъ христіанъ во время нашествія на Понтійскую область варваровъ-готовъ.

Аѳанасія Александрійскаго ¹⁾, Василия Великаго ²⁾, Григорія Нисскаго ³⁾, Григорія Богослова, Амфилохія Иконійскаго ⁴⁾, Тимоѳея Александрійскаго ⁵⁾, Теофила Александрійскаго ⁶⁾,

1) Аѳанасія Александрійскаго († 373) посланія: а) къ Аммуну монаху (ок. 356 г.) о произвольномъ ночномъ оскверненіи тѣла, б) 39-е посланіе о праздникахъ (отрывокъ), о каноническихъ книгахъ св. Писанія (ок. 367 г.), в) къ Руфиніану (ок. 370 г.) о принятіи въ церковь еретиковъ.

2) Правила св. Василия Великаго († 379 г.) — всего 92 — пользовались въ Восточной церкви большимъ уваженіемъ. Еще до утвержденія на Трулльскомъ соборѣ они были приняты въ собраніе церковныхъ правилъ Іоанна Схоластика, въ количествѣ 68. По своему содержанію правила св. Василия Великаго касаются, главнымъ образомъ, двухъ вопросовъ — о бракѣ (около 30) и наложеніи церковной епитиміи за различныя преступленія (около 45); въ томъ и другомъ вопросѣ его правила служатъ весьма важнымъ памятникомъ древней церковной дисциплины.

Изъ другихъ правилъ св. Василия Великаго можно указать:

на пр. 1-е, гдѣ дается понятіе о видахъ уклоненія отъ православія — ереси, расколъ и самочинномъ сборищѣ;

и два послѣднія правила (91-е и 92-е), гдѣ говорится о значеніи церковной практики и неписанныхъ церковныхъ преданій.

3) Григорія Нисскаго († 395 г.) посланіе (написанное ок. 390 г.) къ Литою, епископу Мелетинскому, въ Арменіи, раздѣленное на 8 правилъ, содержитъ наставленіе относительно врачеванія различныхъ недуговъ, при чемъ средства врачеванія, имъ указываемыя, или епитиміи, гораздо строже, чѣмъ у св. Василия Вел.

4) Григорія Богослова († 389 г.) и Амфилохія Иконійскаго († 395 г.) стихотворное перечисленіе каноническихъ книгъ Ветхаго и Новаго Заветъа.

5) Тимоѳея Александрійскаго († 385 г.) 18 вопросовъ-отвѣтовъ о различныхъ предметахъ церковной практики. Изъ нихъ наиболѣе важными являются:

8-ой и 10-ый, позволяющіе разрѣшать постъ св. Четырехдесятницы для жены родившей и для больного человѣка;

11-ый, запрещающій священнику благословлять незаконные браки;

14-ый, запрещающій священнику молиться за самоубійцу, который намѣренно лишилъ себя жизни;

15-ый, запрещающій вступать въ новый бракъ лицу, которое разведется съ супругомъ по причинѣ его бѣсноватаго состоянія;

18-ый, разъясняющій, что грѣхи вѣняются человѣку со времени развитія въ немъ смысла, съ десятилѣтняго возраста и позднѣе.

6) Теофила Александрійскаго († 412) — 14 правилъ, извлеченныхъ изъ его наставленій разнымъ лицамъ и изложенныхъ въ

Кирилла Александрійскаго ¹⁾, Геннадія Константинопольскаго ²⁾).

Позднѣ въ общій составъ церковныхъ правилъ включено было также посланіе патріарха Константинопольскаго Тарасія († 809) къ римскому папѣ Адріану ³⁾.

Изъ всѣхъ упомянутыхъ источниковъ, къ числу которыхъ надо присоединить также правила Апостольскія, содержащія въ себѣ нормы, сохранившіяся въ церковной практикѣ отъ временъ Апостольскихъ ⁴⁾, и образовался каноническій кодексъ Греческой церкви.

видѣ рѣшеній на частные случаи, которые были предложены на его разсмотрѣніе подчиненными ему епископами. Изъ нихъ можно указать особо на 7-е правило, говорящее объ избраніи и поставленіи священныхъ лицъ: „О имѣющихъ рукоположиться сей да будетъ уставъ. Весь соборъ священнослужителей да согласится и да избересть, и тогда епископъ да испытаетъ избраннаго, и съ согласіемъ священства да совершитъ рукоположеніе среди церкви, въ присутствіи народа и при возглашеніи епископа, аще можетъ и народъ свидѣлствовать о немъ. Тайно-же да не бываетъ рукоположеніе“.

1) Кирилла Александрійскаго посланія -- одно къ Антиохійскому патріарху Домну, раздѣленное на 3 правила, по жалобѣ одного клирика Антиохійскаго округа, другое — къ епископамъ Ливіи и Пентаполя, раздѣленное на 2 правила — всего 5 правилъ.

Въ пр. 1-мъ говорится о томъ, что нельзя лишать правъ священнослужителя безъ точнаго изслѣдованія возведеннаго на него обвиненія, безъ соблюденія всѣхъ установленныхъ формъ;

въ пр. 2-мъ — о томъ, что епископъ имѣетъ право свободно распоряжаться церковными доходами и пожертвованіями въ пользу церкви, въ извѣстныхъ предѣлахъ.

въ пр. 3-мъ — о томъ, что священнослужители не могутъ произвольно отказываться отъ служенія, имъ порученнаго;

въ пр. 4-мъ — о неправильныхъ рукоположеніяхъ допущенныхъ въ Ливіи и объ изслѣдованіи жизни кандидатовъ къ посвященію;

въ пр. 5-мъ — о допущеніи отлученныхъ оглашенныхъ къ крещенію, если они находятся при смерти.

2) Посланіе Геннадія Константинопольскаго († 471) и бывшаго при немъ собора 459 г. къ папѣ Льву I и всѣмъ восточнымъ митрополитамъ представляетъ собою цѣлый каноническій трактатъ противъ рукоположеній въ священныя степени за деньги.

3) Посланное въ 787 году — тоже о симоніи.

4) Авторитетъ Апостольскихъ правилъ на Востокѣ подвергался сомнѣніямъ до Трулльскаго собора 692 года, который въ своемъ 2-мъ правилѣ окончательно упрочилъ этотъ авторитетъ и

Прослѣдимъ подробно исторію его образованія.

назвалъ ихъ „преданными именемъ Апостоловъ“. Съ того времени Апостольскія правила занимають первое мѣсто въ составѣ каноническаго кодекса Восточной церкви.

Сборники Апостольскихъ правилъ, по мнѣнію большинства современныхъ канонистовъ (Hefele. Conciliengeschichte, I, стр. 797—798; Pitra. Juris eccles. graec. hist. et monum. I, стр. XXXI и 1—2), несомнѣнно существовали уже въ IV столѣтіи. Въ однихъ сборникахъ, — напримѣръ, въ томъ, съ котораго перевелъ Апостольскія правила Діонисій Малый — помѣщалось 50 правилъ; въ другихъ — именно въ сборникъ церковныхъ правилъ Іоанна Схоластика († 578) — было 85 правилъ. Правила эти въ надписаніи усвояются Апостоламъ, а изложеніе ихъ приписывается Клименту; однако предположеніе это ничѣмъ необосновано. Что касается мѣста дѣйствія сборника Апостольскихъ правилъ, то первоначально имъ была, вѣроятно, Сирія.

Апостольскія правила, по своему содержанію, касаются всѣхъ сторонъ церковнаго управленія и жизни клира и мірянъ. Изложеніе правилъ въ сборникѣ не отличается систематичностью.

Укажемъ главнѣйшія изъ постановленій, заключающихся въ Апостольскихъ правилахъ:

Епископъ поставляется двумя или тремя епископами — пр. 1-е.

Пресвитеръ, діаконъ и прочіе причетники — однимъ епископомъ — пр. 2-е.

Производство на священныя степени, полученныя за деньги, или чрезъ мірскихъ начальниковъ, или ради родственныхъ отношеній, не дѣйствительно — пр. 20-е, 30-е, 76-е.

Лица, вступившія въ клиръ безбрачными, могутъ вступить въ бракъ только пока состоятъ чтецами и пѣвцами — пр. 26-е.

Клирики не должны принимать на себя мірскихъ попеченій, быть поручителями за другихъ, вдаваться въ народное управленіе, упражняться въ воинскомъ дѣлѣ — пр. 6-е, 29-е, 81-е, 83-е.

Они должны содержаться на средства церкви и на добровольныя пожертвованія, если не имѣютъ своихъ средствъ содержанія — пр. 4-е, 40-е, 41-е, 59-е.

Въ клиръ не могутъ быть приняты слѣдующія лица:

новокрещенныя и недавно обратившіяся отъ порочной жизни — пр. 80-е;

облеченныя по суду въ любодѣянiи, прелюбодѣянiи или иномъ какомъ запрещенномъ дѣлѣ — пр. 61-е;

обязавшіяся послѣ крещенія вторымъ бракомъ, или живущія съ наложницей, имѣющія въ супружествѣ вдову, или отверженную отъ супружества, или блудницу, или рабыню, или позорищную; вступившія въ незаконный бракъ (напр. съ племянницею или съ сестрою первой умершей жены) — пр. 17-е, 18-е, 19-е;

скопецъ, самъ себя оскотившій — пр. 22-е;

глухой и слѣпой — пр. 78-е.

Каноническій кодексъ Греческой церкви образовывался постепенно, по мѣрѣ роста самаго каноническаго матеріала. Первоначальнымъ ядромъ обще-церковнаго каноническаго кодекса былъ сборникъ, заключавшій въ себѣ правила четырехъ (болѣе раннихъ) соборовъ — Никейскаго (правила этого собора поставлены на первомъ мѣстѣ, вслѣдствіе его важности, какъ собора вселенскаго), Анкирскаго, Неокесарійскаго и Гангрскаго. По всей вѣроятности, сборникъ этотъ возникъ на мѣстѣ самыхъ соборовъ (въ Малой Азіи), немного времени спустя послѣ нихъ, приблизительно въ концѣ IV столѣтія. Что первоначальный каноническій сборникъ (въ подлинникѣ онъ до насъ не дошелъ) имѣлъ указанный выше составъ, можно заключить потому, что въ латинскихъ его переводахъ и въ

Управление епископіей принадлежитъ епископу; ему ввѣрены „людіе Господни“ и онъ „воздастъ отвѣтъ о душахъ ихъ“ — пр. 32-е, 41-е.

Пресвитеры и діаконы безъ воли епископа ничего да не совершаютъ — пр. 39-е,

Епископъ не долженъ вмѣшиваться въ дѣла чужой епископіи безъ приглашенія или соизволенія мѣстнаго епископа — пр. 12-е, 13-е, 32-е, 35-е.

Епископъ не долженъ оставлять свою епархію и переходить въ другую безъ распоряженія надлежащей церковной власти — пр. 14-е.

Клирикъ не долженъ переходить въ другую епархію безъ вѣдома своего епископа — пр. 15-е,

Епископъ принимающій такового, — отлучается — пр. 16-е.

Высшее управленіе дѣлами церкви извѣстнаго народа принадлежитъ собору епископовъ, подъ главенствомъ перваго изъ нихъ; соборъ долженъ собираться дважды въ годъ — пр. 34-е, 37-е, 74-е.

Относительно мірянъ пр. 9-е требуетъ, чтобы христіане приходили къ богослуженію въ воскресные и праздничные дни, не оставляли церкви до конца службы и пріобщались Евхаристіи; нарушающихъ этотъ порядокъ, правило подвергаетъ отлученію.

Пр. 69-е обязываетъ всѣхъ какъ клириковъ, такъ и мірянъ поститься въ святую Четыредесятницу предъ Пасхой, а также въ среду и пятокъ на каждой недѣлѣ, подъ страхомъ церковнаго наказанія; извиненіемъ непощенія можетъ служить только немощь тѣлесная.

Пр. 84-е подвергаетъ церковному наказанію всякаго клирика и мірянина, который досадитъ царю или князю не по правдѣ.

позднѣйшихъ греческихъ сборникахъ, уже болѣе или менѣе дополненныхъ, только правила четырехъ названныхъ соборовъ снабжены замѣтками относительно хронологической ихъ послѣдовательности ¹⁾; позднѣйшія же дополненія такихъ замѣтокъ уже не имѣютъ.

Первое прибавленіе этотъ сборникъ получилъ въ правилахъ Антіохійскаго собора. Что правила этого собора были присоединены къ сборнику впослѣдствіи, видно изъ того, что хотя этотъ соборъ былъ раньше Гангрскаго, однако правила его занимаютъ въ сборникахъ пятое мѣсто. О времени, когда было сдѣлано прибавленіе правилъ Антіохійскаго собора, можно сказать только, что во второй половинѣ V вѣка правила этого собора уже входили въ составъ каноническихъ сборниковъ, такъ какъ императорскіе комиссары, читая на четвертомъ вселенскомъ Халкидонскомъ соборѣ (451 г.) 16-е и 17-е правила Антіохійскаго собора, цитировали ихъ по одному изъ сборниковъ, содержавшему правила пяти указанныхъ соборовъ. Счетъ правилъ въ этомъ сборникѣ былъ общій, начиная съ 1-го Никейскаго правила, а не отдѣльно для cadaго собора; поэтому 16-е и 17-е пр. Антіохійскаго собора были обозначены въ немъ какъ 95-е и 96-е правила.

Въ послѣдующее за тѣмъ время, т. е. со второй половины V вѣка, каноническіе сборники получаютъ новыя дополненія и становятся уже неодинаковыми по содержанію. Всѣ эти сборники можно раздѣлить на три группы.

Первую группу составляютъ тѣ каноническіе сборники, въ которыхъ къ правиламъ пяти названныхъ соборовъ были

1) Такъ, предъ правилами Анкирскаго собора замѣчено: „Эти правила древнѣе Никейскихъ, но Никейскія поставлены прежде по причинѣ важности великаго и святаго собора, бывшаго въ Никее“. Предъ правилами Неокесарійскаго: „И эти правила, вторыя послѣ изложенныхъ въ Анкирѣ, древнѣе же Никейскихъ“. Предъ правилами Гангскаго: „А эти изложены послѣ Никейскихъ.“ М. Остроумовъ. Введеніе въ православное церковное право. Т. I. Харьковъ. 1893, стр. 251.

присоединены правила соборовъ Халкидонскаго и Константинопольскаго (второго всел.) 381 г., при чемъ правила соборовъ Анкирскаго и Неокесарійскаго поставлены впереди правилъ Никейскаго собора (въ противоположность съ тѣми сборниками, въ которыхъ, какъ мы видѣли, они были помѣщены послѣ правилъ этого собора). По кодексу этого рода былъ сдѣланъ такъ наз. „*prisca*“ старый латинскій переводъ.

Ко второй группѣ принадлежатъ сборники, въ которыхъ къ правиламъ тѣмъ же пяти соборовъ прибавлены были правила соборовъ Лаодикійскаго и (второго всел.) Константинопольскаго. Однимъ изъ такихъ сборниковъ пользовался Діонисій Малый (римскій аббатъ, по происхожденію скиѣтъ, хорошо знакомый съ греческимъ языкомъ, жившій въ концѣ V-го и въ началѣ VI в.), при составленіи своего сборника.

Наконецъ, что касается сборниковъ третьей группы, то въ составъ ихъ входили правила всѣхъ встрѣчающихся въ сборникахъ иервыхъ двухъ группъ соборовъ — именно Анкирскаго, Неокесарійскаго, Никейскаго, Гангрскаго, Антиохійскаго, Лаодикійскаго, Константинопольскаго, и Халкидонскаго, и, кромѣ того, правила соборовъ Сардикійскаго и Ефесскаго, прибавленныя впоследствии — всего такимъ образомъ правила десяти соборовъ, а также правила Апостольскія. Этимъ сборникомъ, какъ увидимъ ниже, пользовался при составленіи своего труда извѣстный Іоаннъ Схаластикъ.

Сборники, о которыхъ до сихъ поръ была рѣчь, были сборниками хронологическими; (надо, впрочемъ, замѣтить, что начало хронологической послѣдовательности строго невыдерживалось). Но скоро эти хронологическіе сборники должны были уступить мѣсто сборникамъ новаго рода.

Эпоха императора Юстиніана, ознаменовавшаяся грандіозной работой по кодификаціи римскаго гражданскаго права, была вмѣстѣ съ тѣмъ эпохою появленія въ Восточной церкви систематическихъ сборниковъ церковнаго права, кото-

рымъ суждено было получить для церкви такое же значеніе, какого достигли законныя книги Юстиніана въ области свѣтскаго права.

Одинъ изъ такихъ сборниковъ подѣ заглавіемъ: *Συναγωγή κανόνων ἐκκλησιαστικῶν εἰς ὕ τίτλους διηρημένη* ¹⁾ (Сводъ церковныхъ правилъ, расположенный въ 50 титулахъ) былъ составленъ во второй половинѣ VI вѣка Антиохійскимъ пресвитеромъ Иоанномъ Схоластикомъ ²⁾.

Свѣдѣній о жизни и дѣятельности Иоанна Схоластика сохранилось очень не много. Извѣстно, что онъ родился въ Сиріи, въ мѣстечкѣ Сирміи (неподалеку отъ Антиохіи), и получилъ юридическое образованіе. Сначала онъ былъ въ Антиохіи адвокатомъ (слово схоластикъ = юристъ); за тѣмъ принялъ священство и, въ санѣ пресвитера, посланъ былъ, въ качествѣ апокрисіарія (ходатая) отъ Антиохійской церкви, къ императорскому двору въ Константинополь. Какъ хорошій юристъ и знатокъ права, онъ обратилъ на себя вниманіе Юстиніана и въ 565 г., по удаленіи съ патріаршаго престола Евтихія, возведенъ былъ на мѣстный патріаршій престолъ († 578 г. патріархомъ) ³⁾.

Цѣль составленія этого сборника, какъ говоритъ въ предисловіи къ нему самъ авторъ, заключалась въ томъ, чтобы облегчить подыскиваніе матеріала, относящагося къ извѣстному предмету или вопросу церковнаго права, путемъ соединенія этого матеріала, разсѣяннаго по разнымъ канонамъ, воедино ⁴⁾.

1) Pitra. *Juris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta*. Томъ II, стр. 375. — Нѣкоторыя рукописи имѣютъ, впрочемъ, иное заглавіе. Тамъ же, примѣчаніе.

2) Въ изданіи Велли и Юстелли: „*Bibliotheca iuris canonici veteris*“ надписаніе сборника слѣдующее: *Ἰωάννου πρεσβυτέρου Ἀντιοχείας τοῦ ἀπὸ σχολαστικῶν, οὗτος συντάττει τοὺς ὅλους κανόνας εἰς ὕ τίτλους*.

3) Pitra. *Historia et monumenta*. Т. II, стр. 368.

4) Поелику въ древности по временамъ были издаваемы отъ разныхъ къ разнымъ и разные соотвѣтствующіе законы и правила церкви (ибо послѣ Апостоловъ было десять вселенскихъ соборовъ, да и, сверхъ того, и Василій Великій написалъ правила о многихъ

Подобнаго рода систематическіе сборники существовали и до Схоластика; однимъ изъ нихъ, раздѣленнымъ на 60 титуловъ и заключавшимъ въ себѣ правила Апостольскія и десять соборовъ — вселенскихъ (Никейскаго, Константинопольскаго, Ефесскаго, Халкидонскаго) и помѣстныхъ (Анкирскаго, Неокесарійскаго, Антиохійскаго, Сардикійскаго, Гангрскаго и Лаодикійскаго), Схоластикъ даже пользовался при составленіи своего труда. Собственная заслуга Іоанна Схоластика состоялася въ прибавленіи къ матеріалу, содержавшемуся въ сборникѣ его предшественника, 68 правилъ знаменитого отца Восточной церкви св. Василия Вел. изъ второго и третьяго его посланія къ Амфилохію (эта прибавка придала сборнику мѣстный характеръ, такъ какъ каноническія посланія отцевъ Восточной церкви не были извѣстны на Западѣ) и въ улучшеніи самой системы сборника ¹⁾. Весь свой матеріалъ авторъ раздѣлилъ на 50 титуловъ; каждый титулъ имѣетъ надписаніе, обозначающее его содержаніе ²⁾.

предметахъ), то и естественно, что правила написаны ими раздѣльно — по мѣрѣ возникавшихъ въ извѣстныя времена потребностей, а не по какому либо порядку предметовъ, напр. расположенныя по главамъ, такъ что весьма трудно найти и собрать въ нихъ то, что содержится въ совокупности о какомъ-либо предметѣ. Поэтому то благодатію Господа и Бога Спасителя нашего Іисуса Христа предпринявъ трудъ собрать воедино все, что ими раздѣльно было опредѣлено въ разныя времена и раздѣливъ это на 50 титуловъ, мы не соблюдали какого-либо порядка и послѣдовательности чиселъ, не соединяли правила, напр. такъ: первое, второе, третье, четвертое, пятое, но соглашая — насколько было можно — подобныя съ подобными и одинаковыя соединяя въ одну главу, сдѣлали, какъ думаю пріисканіе потребнаго для всѣхъ удобнымъ и легкимъ. (Русскій переводъ проф. Н. А. Заозерскаго.)

1) Ни сами же мы только и не первые изъ прочихъ побуждены были сдѣлать такъ, но найдя, что и другіе раздѣлили сіи (правила) на 60 титуловъ, но они не присоединили къ прочимъ правила Василия, ни соединили, какъ слѣдуетъ, подобные предметы съ подобными въ титулахъ. (Русскій переводъ проф. Н. А. Заозерскаго).

2) Самые титулы слѣдуютъ у І. Схоластика въ извѣстномъ порядкѣ. Такъ, начиная съ 1-го и кончая 28-мъ идутъ постановленія, касающіяся различныхъ іерархическихъ и посвященныхъ лицъ, съ 29-го по 32-ой — правила, касающіяся всѣхъ вѣрныхъ, какъ

Сборникъ Іоанна Схоластика пользовался въ Восточной церкви большимъ уваженіемъ и былъ такъ во всеобщемъ употребленіи; онъ былъ переведенъ почти на всѣ языки народовъ, принадлежащихъ Восточной церкви, въ томъ числѣ и славянскій (вѣроятно, во второй половинѣ IX столѣтія, когда Болгары обратились въ хрістіанство).

Трудъ Схоластика былъ извѣстенъ также и на Западѣ: на него ссылался папа Николай I въ посланіи къ Фотію, доказывая, что грекамъ по этому сборнику должны быть извѣстны правила Сардикійскаго собора (благопріятныя папской власти).

Сборникъ І. Схоластика оказалъ также вліяніе на русское право; онъ перешелъ въ Россію вмѣстѣ съ хрістіанствомъ черезъ Кормчую книгу, такъ что при изученіи этой послѣдней необходимо имѣть въ виду этотъ сборникъ.

При всѣхъ выгодахъ, пользованіе систематическимъ сборникомъ І. Схоластика сопряжено было съ тѣмъ важнымъ неудобствомъ, что въ немъ трудно было отыскать правила одного и того же собора, такъ какъ авторъ, по требованію своей системы, долженъ былъ нарушить историческую послѣдовательность каноновъ и размѣстить правила одного и того же происхожденія по разнымъ титуламъ своего сборника. Этотъ недостатокъ труда Схоластика, сохранивъ въ то же время всѣ его достоинства, устранилъ неизвѣстный авторъ новаго систематическаго сборника *Κανονικὸν Σύνταγμα* (Канонической Синтагмы) въ XIV титулахъ.

посвященныхъ, такъ и мірянъ; въ 33-мъ и 34-мъ — правила регулиющія монашескую жизнь; въ 35-мъ и 36-мъ — правила о вступающихъ и только что вступившихъ въ число вѣрующихъ; съ 37-го до 47-ой — объ еретикахъ, иновѣрцахъ, кающихся и различныхъ церковныхъ преступленіяхъ; въ 48-мъ — о церковныхъ наказаніяхъ; въ 49-мъ объ областныхъ соборахъ и, наконецъ, въ 50-мъ — о времени празднованія Пасхи, о непреклоненіи колѣнъ въ извѣстные дни года, о молитвахъ, пѣніи псалмовъ и чтеніи принятыхъ церковью книгъ

Онъ раздѣлилъ свой сборникъ на двѣ части — систематическую и хронологическую, при чемъ въ первой, раздѣленной на XIV титуловъ¹⁾, изъ которыхъ каждый, въ свою очередь, дѣлится на нѣсколько главъ (всего главъ — 239), онъ не приводитъ полнаго текста правилъ, а только цитируетъ ихъ цифрами, не желая, какъ онъ самъ говоритъ въ предисловіи, утруждать читателя и повтореніемъ нѣсколько разъ одного и того же правила (одно и то же правило могло относиться къ нѣсколькимъ главамъ и титуламъ), ни раздроблять одно правило, содержащее нѣсколько статей, на части, какъ это дѣлалось нѣкоторыми²⁾. Такимъ образомъ первая, систематиче-

1) Титулы Синтагмы слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ:

I. О богословіи, православной вѣрѣ, канонахъ, и хиротоніи (38 главъ).

II. О постройкѣ и освященіи церквей, о храмахъ, не имѣющихъ св. мощей, о св. сосудахъ, о клирикахъ, воздвигающихъ алтари безъ вѣдома епископовъ (3 главы).

III. О молитвахъ, псалмопѣніи, чтеніи, приношеніи и причащеніи, объ одеждѣ и обязанностяхъ низшихъ клириковъ (22 главы).

IV. Объ оглашенныхъ и св. крещеніи (17 главъ).

V. О непосѣщающихъ церкви и церковныя собранія, о пиршествующихъ въ церквахъ и агапахъ (3 главы).

VI. О приношеніи плодовъ къ алтарю (3 главъ).

VII. О постѣ и четырдесятницѣ, о Пасхѣ, Пятидесятницѣ, воскресномъ днѣ, субботѣ и о преклоненіи колѣнъ (5 главъ),

VIII. О церковныхъ областяхъ, о переходахъ епископовъ и клириковъ, ихъ путешествіяхъ, областныхъ соборахъ, о принятіи странниковъ, о представительныхъ и мирныхъ грамотахъ, о томъ какія дѣйствія совершаются негласно, какія — публично, и какую честь обязаны оказывать другъ другу клирики (19 главъ).

IX. О преступленіяхъ и судѣ епископовъ и клириковъ, объ отлученіи, изверженіи, покаяніи и о томъ, какіе грѣхи разрѣшаются возложеніемъ рукъ (39 главъ).

X. Объ управленіи церковнымъ имуществомъ и о собственности епископа (8 главъ).

XI. О монастыряхъ и монахахъ (16 главъ).

XII. О еретикахъ, іудеяхъ и язычникахъ (8 главъ).

XIII. О мірянахъ (40 главъ).

XIV. О дѣлахъ общихъ (7 главъ).

2) Pitra, II, стр. 447. ... А что я такимъ образомъ составилъ изложеніе, именно при помощи цифровыхъ знаковъ, какъ я сказалъ, но не прилагая въ каждой главѣ соответствующаго текста (правиль), то это по той причинѣ, что я не хотѣлъ ни часто повторять одного

ская, часть сборника служить какъ бы указателемъ второй части, гдѣ приведенъ полный текстъ каноновъ въ хронологическомъ порядкѣ, не всегда впрочемъ строго выдержанномъ.

Кромѣ преимуществъ формальнаго, сборникъ въ XIV титулахъ имѣетъ преимущество передъ трудомъ I. Схоластика и въ матеріальномъ отношеніи. Къ каноническому матеріалу, принятому въ сборникѣ Схоластика (85 правилъ Апостольскихъ, правила десяти соборовъ, и два каноническія посланія св. Василія Вел., раздѣленные на 68 пр.), неизвѣстный авторъ новаго сборника присоединилъ переведенный имъ самимъ кодексъ Африканской церкви, редактированной на Карфагенскомъ соборѣ, подъ предсѣдательствомъ Аврелія, въ 419 году¹⁾, и опредѣленіе Константинопольскаго помѣстнаго собора, бывшаго при патріархѣ Нектаріи въ 394 г.²⁾ Но самое значительное дополненіе къ Сборнику I. Схоластика сдѣлано въ отдѣлѣ каноническихъ посланій св. отцовъ³⁾. Къ двумъ посланіямъ св. Василія Вел., находящимся у Схоластика, авторъ новаго сборника прибавилъ еще 24 правила того же отца церкви,

и того же правила, какъ этого потребовали бы разные вопросы — дабы не явиться предъ читателями скучнымъ до пресыщенія, ни одно и то же правило, рассуждающее о многихъ предметахъ, по необходимости разсѣкать и раздроблять на многія, какъ это было сдѣлано нѣкоторыми древними, и навлечь на себя справедливое осужденіе отъ кого либо за такое неблагоразумное разсѣченіе . . . (Русскій переводъ проф. Н. А. Заозерскаго).

1) Присоединяя Африканскій кодексъ, до этихъ поръ на Востокѣ вовсе неизвѣстный, авторъ считаетъ нужнымъ замѣтить, что не все, содержащееся въ немъ, имѣетъ значеніе для всей церкви и что нѣкоторыя постановленія имѣютъ лишь мѣстный, а не общій характеръ. Pitra II, стр. 446.

2) Hefele. II, стр. 65.

3) Biener. Das kanon. Recht. Krit. Zeitschr. für Rechtswissensch. u. Gesetzgeb. d. Ausl., B. 28, 1856, стр. 192. — Zachariä v. Lingenthal. Die griech. Nomocanones (Mémoires de l'académie de St.-Petersburg. XXIII), стр. 6. — Проф. И. Вердниковъ. Краткій курсъ церковнаго права Православной церкви. Вып. 1. Казань 1903, стр. 69. — По всей вѣроятности, авторъ канонической синтагмы въ XIV тит. сдѣлалъ также и нѣкоторыя прибавки къ правиламъ соборовъ, принятыхъ въ сборникъ Схоластика. Biener. Das canon. Recht, стр. 192 и 193.

извлеченныя изъ его перваго посланія къ Амфилохію, изъ посланій къ Діодору, къ Григорію пресвитеру, къ хорепископамъ, къ подчиненнымъ епископамъ и изъ книги о св. Духѣ; а также каноническія посланія и отвѣты Діонисія и Петра Александрійскихъ, Григорія Неокесарійскаго, Григорія Нисскаго, Тимофея, Теофила и Кирилла Александрійскихъ и Геннадія Константинопольскаго ¹⁾).

О времени происхожденія этого сборника, не дошедшаго до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, съ полною достовѣрностью можно сказать только то, что онъ появился послѣ 578 г., т. е. послѣ смерти Схоластика, ибо въ этомъ сборникѣ есть много новыхъ каноническихъ источниковъ, еще неизвѣстныхъ Схоластику; съ другой стороны, нельзя сомнѣваться, что онъ составленъ еще до Трулльскаго соб. (692 г.) ²⁾; это видно изъ того, что авторъ говоритъ съ сомнѣніемъ о такихъ источникахъ, каноническая важность которыхъ была утверждена Трулльскимъ соборомъ во 2-мъ его правилѣ: такъ правила Апостольскія, какъ мы видѣли, являются у него съ эпитетомъ „такъ называемыя“; на правила Карѳагенскаго соб. 419 г., впервые внесенныя авторомъ въ его сборникъ, онъ смотритъ какъ на источникъ мѣстнаго права Африканской церкви; наконецъ, правила отцовъ церкви не имѣютъ въ его глазахъ значенія одинаковаго съ канонами вселенскихъ соборовъ. Всѣ эти оговорки не имѣли бы мѣста, если бы у

1) При составленіи своего труда, неизвѣстный авторъ Канонической Синтагмы въ XIV тит. несомнѣнно пользовался сборниками Діонисія Малаго и одно прямо заимствовалъ у послѣдняго, а въ другомъ подражалъ ему. Прямо взяты у Діонисія Малаго правила Карѳагенскаго собора 419 года, а по примѣру Діонисіева сборника палскихъ декреталовъ, приняты въ Каноническую Синтагму посланія названныхъ отцовъ Восточной церкви. Вліяніе Діонисія Малаго сказалось и въ томъ, что авторъ, вопреки Схоластику, отзываясь съ сомнѣніемъ, какъ и Діонисій, объ Апостольскихъ правилахъ; онъ принимаетъ эти правила съ эпитетомъ: οἱ λεγόμενοι τῶν ἀγίων Ἀποστόλων, т. е. такъ называемыя Апостольскія. Проф. А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права 1902, стр. 68.

2) Hefele. III, стр. 329.

автора было передъ глазами указанное 2-е правило Трулльскаго соб., рѣшительно и навсегда утверждающее каноническую важность тѣхъ же самыхъ источниковъ ¹⁾.

Мѣстомъ составленія сборника, по мнѣнію Цахаріа, является Константинополь ²⁾.

Кто былъ его авторомъ остается неизвѣстнымъ ³⁾.

До сихъ поръ мы говорили о чисто каноническихъ сборникахъ, содержащихъ въ себѣ каноны исключительно церковнаго происхожденія.

Но въ Восточной церкви, которая съ самаго начала своего возникновенія стала въ тѣсный союзъ съ государствомъ, законодательство свѣтской власти по церковнымъ дѣламъ является также весьма важнымъ факторомъ образованія церковнаго права: византійскіе императоры, взявшіе на себя обязанность блюсти чистоту вѣры и церковнаго ученія, издали весьма много законоположеній по дѣламъ церковнымъ, касающихся различныхъ сторонъ церковной жизни, церковнаго управленія и суда, состоянія клира и монашества, въ особенности же, гражданскихъ правъ и преимуществъ церкви и другихъ церковно-общественныхъ учреждений и т. п.

Такъ какъ пользованіе этимъ церковно-юридическимъ матеріаломъ свѣтскаго происхожденія въ обширныхъ кодифи-

1) Zachariä v. Lingenthal. Die griech. Nomos., стр. 7. Проф. А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права. 1902, стр. 69.

2) Замѣтка Питры относительно того, что сборникъ былъ составленъ въ Θεσσαλονικαῖ (Pitra II, стр. 438 примѣч. 1), по мнѣнію Цахаріа, является неосновательною. Zachariä v. Lingenthal, стр. 7 и 8.

3) Можно только сказать, что это былъ человѣкъ несомнѣнно ученый, такъ какъ могъ воспользоваться латинскимъ сборникомъ Діонисія Малаго и перевести на греческій языкъ правила Карѳагенскаго собора; онъ былъ далѣе, вѣроятно, лицомъ авторитетнымъ, иначе не рѣшился бы помѣстить въ сборникъ правила Карѳагенскаго собора, присоединеніе которыхъ считаетъ нужнымъ мотивировать и оправдать. Въ пользу учености автора говоритъ и самая система его сборника, гораздо болѣе совершенная, чѣмъ принятая I. Схоластикомъ.

каціонныхъ работахъ Юстиніана было неудобно, то явилась потребность выбрать всѣ относящіеся къ церковнымъ вопросамъ законы и помѣстить ихъ въ отдѣльные сборники. Трудъ этотъ брали на себя нерѣдко тѣ же самыя лица, которыя являлись составителями сборниковъ чисто-каноническихъ.

Намъ извѣстны три работы этого рода.

Первая, извѣстная обыкновенно подъ названіемъ *Collectio XXV capitulorum* (Сборникъ въ 25 главахъ)¹⁾, содержитъ въ себѣ извлеченіе изъ кодекса Юстиніана (первыя 21 глав.), три новеллы императора Юстиніана: 137-ую 564 г. 133-ю 539 г. 120-ю 544 г. — цѣликомъ и 13-ю главу 131-ой новеллы 545 г. Вѣроятно, этотъ сборникъ первоначально состоялъ только изъ 21 главы, а послѣднія 4 главы составляютъ позднѣйшую прибавку.

Возникъ онъ вскорѣ послѣ публикаціи Кодекса Юстиніана (529 г.) и, по всей вѣроятности, являлся прибавленіемъ къ каноническому сборнику въ 60 титулахъ²⁾.

Подобнаго же рода прибавленіемъ къ каноническому сборнику въ 50 титулахъ Іоанна Схоластика является составленное имъ самимъ (вѣроятно, уже послѣ смерти Юстиніана † 565 г., когда І. Схоластикъ былъ патріархомъ) извлеченіе изъ 12 различныхъ и разрозненныхъ новеллъ (именно: 6, 5,

1) Это названіе дано сборнику Бинеромъ, впервые сообщившимъ объ немъ свѣдѣнія. Biener. *Geschichte der Novellen Justinian* S. Berl. 1894, стр. 166.

Во многихъ рукописяхъ этотъ сборникъ имѣетъ слѣдующее надписаніе: *Διατάξεις νόμων πολιτικῶν ἐκ τῶν νεωρῶν Ἰουστινιανοῦ βασιλέως συνυπόροισαι καὶ ἐπιχυροῦσαι τοὺς τῶν ἁγίων πατέρων ἐκκλησιαστικοὺς κανόνας*. (Постановленія законовъ гражданскихъ изъ новеллъ Юстиніана императора, согласующіяся (съ церковными канонами) и подтверждающія церковныя правила св. отцовъ). Heimbach. *Ἀνεκδότῃ II*, стр. 145; Pitra II, стр. 407. — Заглавіе это мало соотвѣтствуетъ содержанію сборника, которое заключаетъ въ себѣ лишь 4 новеллы Юстиніана.

2) Zachariä v. Lingenthal, стр. 3.

83, 46, 120, 56, 57, 3, 32, 131, 64 и 123, по счету позднѣйшаго сборника 168 новеллъ), раздѣленные на 87 главъ — *Collectio LXXXVII capitulorum* ¹⁾). Сначала помѣщено краткое оглавление 87 главъ, затѣмъ слѣдуетъ краткое предисловіе и, наконецъ, самыя новеллы Юстиніана, частью въ подлинникѣ, частью въ сокращенномъ видѣ.

Для насъ этотъ сборникъ важенъ потому, что славянскій переводъ его помѣщенъ въ печатной Кормчей книгѣ (въ 42 главъ), подъ заглавіемъ: „Отъ свитка божественныхъ новыхъ заповѣдей царя Юстиніана“.

Еще болѣе богатымъ по содержанію является сборникъ (приписываемый прежде Θεόδωρῳ Βαλσαμόνῳ и потому называемый Псевдо-Вальсамоновымъ), извѣстный подъ именемъ — *Collectio (tripartita) constitutionum ecclesiasticarum*.

Сборникъ этотъ состоитъ изъ трехъ частей.

Первая изъ нихъ содержитъ начальные 13 титуловъ первой книги Кодекса Юстиніана, но не въ подлинникѣ, а въ позднѣйшей переработкѣ византійскаго юриста Анатолія, вторая, въ 6 титулахъ, даетъ извлеченіе изъ Институцій и Дигестъ, въ переработкѣ Анонима; третья, въ 3 титулахъ, выдержки изъ Юстиніановыхъ новеллъ въ переработкѣ юриста Аѳанасія ²⁾).

1) Сборникъ этотъ напечатанъ Геймбахомъ, а затѣмъ Питрою съ слѣдующимъ заглавіемъ: Ἐκ τῶν μετὰ τὸν κώδικα θεῶν νεαρῶν διατάξεων τοῦ τῆς εὐσεβοῦς λήξεως Ἰουστινιανοῦ διαφοροὶ διατάξεις. (Поставленія изъ новеллъ блаженной памяти Юстиніана, изданныхъ послѣ Кодекса). Этимъ заглавіемъ точно опредѣляется источникъ, изъ котораго заимствовано содержаніе сборника. Heimbach. II, стр. 202 и слѣд. Pitra II, стр. 385 и слѣд.

2) Въ рукописяхъ заглавіе этого сборника таково: Συναγωγή τῶν ἐκρημένων ἐν τῷ κώδικι καὶ τοῖς διγέστοις καὶ νεαραῖς διατάξεσιν, περὶ Ἐπισκόπων καὶ κληρικῶν καὶ μοναχῶν καὶ πραγμάτων εὐαγῶν ἔτι δὲ καὶ Ἰουδαίων καὶ αἰρετικῶν. (Собраніе сказаннаго въ Кодексѣ, Дигестахъ и новеллахъ объ епископахъ, клирикахъ, монахахъ, о священныхъ предметахъ, также объ іудеяхъ и еретикахъ — Этимъ заглавіемъ указывается въ общихъ чертахъ содержаніе и составъ сборника. Woelli et Justelli. Bibliotheca iuris canon. veteris. T. II, стр. 1232 и слѣд. Pitra II, стр. 410. Zacharia, стр. 7.

Въ большей части рукописей въ концѣ сборника помѣщены, въ видѣ прибавленія, 4 новеллы императора Ираклія ¹⁾. На основаніи прибавленія этихъ новеллъ нѣкоторые ²⁾ относятъ возникновеніе всего сборника къ послѣднимъ годамъ царствованія Ираклія (610—641), въ то время какъ другіе ³⁾ рассматривающіе эти новеллы, какъ позднѣйшую прибавку, относятъ его ко времени имп. Юстина II, преемника Юстиніана. По всей вѣроятности, сборникъ этотъ принадлежитъ тому же неизвѣстному автору, который былъ составителемъ *Σύνταγμα Κανονικόν* въ XIV титулахъ. Въ предисловіи къ этому послѣднему сборнику говорится, что, въ дополненіе къ нему, авторомъ въ особой части приняты выписки (относящія къ церковному праву) изъ книгъ законныхъ и, между прочимъ, изъ сочиненій мудрыхъ юристовъ, т. е. изъ Дигестъ; а такъ какъ настоящая церковно-юридическая компиляція — единственная, гдѣ содержатся выписки изъ Дигестъ, то только къ ней и подходятъ эти слова.

Указанные три сборника свѣтскихъ законовъ но церковнымъ дѣламъ въ рукописяхъ встрѣчаются часто соединенными вмѣстѣ ⁴⁾.

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію сборниковъ третьяго вида, т. е. такихъ, въ которыхъ помѣщались вмѣстѣ и каноны, и свѣтскіе законы — къ такъ наз. Номоканонамъ.

Въ Византійской имперіи существовала, какъ мы сказали, тѣсная связь между церковью и государствомъ: съ одной стороны, свѣтское законодательство имѣло большое вліяніе и

1) Напримѣръ, въ рукописяхъ Мюнхенской библіотеки № 214 на листахъ 139—148; въ рукописи той же библіотеки № 380, на страницахъ 511—520,

2) Напримѣръ, Винеръ (*Das kanon. Recht*, стр. 188—190).

3) Какъ то Геймбахъ (*Аνέκδοτα I*, стр. XLIV—XLVIII), *Mortreuil* (*Histoire du droit byzant. I*, стр. 244).

4) Напримѣръ, въ указанныхъ выше рукописяхъ Мюнхенской библіотеки № 214 и № 380.

на чисто церковныя дѣла; съ другой — церковные каноны, санкціонируемые императорами, признавались имѣющими силу государственныхъ законовъ ¹⁾. По мѣрѣ того, какъ это взаимодѣйствіе между церковью и государствомъ становилась сильнѣе, на практикѣ оказалось цѣлесообразнѣе церковные каноны и свѣтскіе законы, помѣщаемые до того времени въ отдѣльныхъ сборникахъ, соединять въ одномъ систематическомъ сборникѣ, внося свѣтскіе законы подъ одни титулы съ канонами.

Такимъ образомъ составились сборники смѣшаннаго содержанія — Номоканоны.

Древнѣйшій Номоканонъ образовался изъ соединенія упомянутыхъ выше сборниковъ I. Схоластика — каноническаго въ 50 титулахъ и гражданскаго въ 87 главахъ ²⁾. Неизвѣстный авторъ этой новой компиляціи не приводитъ полного текста каноновъ, а цитируетъ ихъ цифрами; законы же, подъ рубрикою τὰ συνᾶδοντα νόμια, не только излагаетъ сполна по Collectio LXXXVII capitulorum, но и дѣлаетъ дополненія къ нимъ изъ Дигестъ (въ переработкѣ ихъ Дорошеемъ), Кодекса (въ переработкѣ Исидора) и новеллъ (въ переработкѣ Аѳанасія). Чего авторъ не сумѣлъ помѣстить подъ 50 титулами каноническаго сборника (число главъ гражданскаго сборника было больше, именно 87), то онъ присоединилъ, въ видѣ приложенія, къ сборнику, подъ заглавіемъ: ἑτέρα κεφάλαια ἐκκλησιαστικὰ τῆς αὐτῆς νεαρᾶς διατάξεως.

1) Sancimus vicem legum obtinere sanctas ecclesiasticas regulas, quae a sanctis quatuor conciliis expositae sunt aut firmatae. Praedictorum quatuor synodorum dogmata sicut sanctas scripturas accipimus et regulas sicut leges observamus (Nov. 131 c. 1. Nov. 6 c. 1. 58. Cod. de epis. 1, 45.). Сила этого закона и дѣйствіе въ Базиликахъ распространена на правила всѣхъ вселенскихъ соборовъ, помѣстныхъ и св. отцовъ, утвержденныя на соборахъ вселенскихъ (Basil. V. 3. 2.).

2) I. Схоластикъ долгое время считался даже авторомъ этой работы, но, по замѣчанію Бинера, она не можетъ быть приписана Схоластику уже потому, что по достоинству несравненно ниже изданныхъ Схоластикомъ сборниковъ и, слѣдовательно, принадлежатъ иной, менѣе искусной рукѣ. Biener. De collect. canonum, стр. 16.

По мнѣнію знаменитаго изслѣдователя источниковъ византійскаго права Цахаріѳ фонъ Лингенталь, сборникъ этотъ возникъ въ Антиохіи, въ царствованіе имп. Маврікія (582—602).

Номоканонъ въ 50 тит. былъ у грековъ во всеобщемъ употребленіи, причемъ вслѣдствіе требованій практики въ немъ дѣлались разныя измѣненія и дополненія; между прочимъ, во многихъ рукописяхъ каноны перестали цитировать, а стали приводить дословно ¹⁾).

Какъ изъ соединенія каноническаго сборника въ 50 тит. и гражданскаго въ 87 главахъ образовался Номоканонъ въ 50 тит., такъ изъ *Σύνταγμα Κανονικόν* въ 14 титулахъ, въ соединеніи съ упомянутымъ выше сборникомъ свѣтскихъ законовъ, извѣстнымъ подъ заглавіемъ *Collectio constitutionum ecclesiasticarum tripartita*, возникъ знаменитый Номоканонъ въ XIV титулахъ — тотъ самый Номоканонъ, составленіе котораго впослѣдствіи приписывалось всецѣло патріарху Фотію, но на самомъ дѣлѣ принадлежитъ болѣе раннему автору.

Кто былъ этотъ авторъ, неизвѣстно. Можно сказать только, что онъ былъ хорошій юристъ: ему принадлежитъ юридическая монографія *περί ἐναντιοφανείων* (т. е. о противорѣчійхъ въ законахъ), цитируемая имъ въ 10 гл. IV тит. Номоканона ²⁾; по названію этого сочиненія и самъ авторъ извѣстенъ подъ именемъ Энантіофана ³⁾. Время составленія Номоканона въ XIV тит., по мнѣнію Бинера и Цахаріѳ, должно быть отнесено къ послѣднимъ годамъ царствованія имп. Праклія (610—641); это видно изъ того, что авторъ цитируетъ въ своемъ сборникѣ одну изъ новеллъ этого императора, въ 30 главѣ I тит. Номоканона ⁴⁾. Примѣръ I. Схоластика, сдѣ-

1) Zachariä v. Lingenthal, стр. 9.

2) . . . Καὶ ἄλλα δὲ διάφορα νόμιμα περὶ τούτου συνήγαγον ἐν τῇ γραφέντι μοι περὶ ἐναντιοφανείων μόνῃ βίβλῳ. Pitra II, стр. 511.

3) Zachariä, Die griech. Nomoc, стр. 9 и 10 Онъ же. Ueber den Verfasser und die Quellen des (Pseudo-Photianischen) Nomocanon in XIV Titeln стр. 1 и 2.

4) Zachariä. Тамъ же.

лавшагося изъ адвоката патріархомъ, даетъ Бинеру поводъ дѣлать предположеніе о томъ, что составителемъ Номоканона въ 14 тит. былъ современникъ Ираклія — патріархъ Сергій (609—638) ¹⁾.

Номоканонъ въ XIV тит. не дошелъ до насъ въ первоначальномъ своемъ видѣ, а уже въ позднѣйшей переработкѣ знаменитаго патріарха Фотія; поэтому весьма трудно опредѣлить, что въ этомъ трудѣ принадлежитъ собственно автору древняго Номоканона и что является позднѣйшею прибавкою Фотія.

На основаніи удержаннаго Фотіемъ предисловія его предшественника ²⁾ и нѣкоторыхъ другихъ вспомогательныхъ данныхъ, можно утверждать, что правила Апостольскія, соборовъ — Никейскаго, Анкирскаго, Неокесарійскаго, Гангрскаго, Аптіохійскаго, Лаодикійскаго, Константинопольскаго (второго вселеннаго), Ефесскаго, Халкидонскаго, Сардикійскаго, Карѳагенскаго, Константинопольскаго при Нектаріи, 394 г., и св. отцовъ Діонисія и Петра Александрійскихъ, Григорія Неокесарійскаго, св. Василия Вел., Григорія Нисскаго, Тимофея, Теофила и Кирилла Александрійскихъ и Геннадія Константинопольскаго уже входили въ составъ первоначальнаго Номоканона въ XIV титуловъ.

Значеніе этого Номоканона въ Греческой церкви особенно возвысилось съ того времени, когда его содержаніе утверждено было на пято-шестомъ Трулльскомъ соб. 692 г. (2-мъ правиломъ этого собора), причемъ этотъ соборъ не только устранилъ всѣ сомнѣнія въ важности заключавшихся въ канонической Синтагмѣ его источниковъ, но и дополнилъ составъ ея каноническими посланіями отцовъ церкви — Афанасія Александрійскаго, Григорія Богослова, Амфилохія Иконійскаго и Кипріана Карѳагенскаго ³⁾.

1) Проф. А. С. Павловъ. Курсъ церковнаго права, 1902. стр. 75—76.

2) Woelli II, стр. 789—792. Pitra II, стр. 445—447.

3) Что соборъ редактировалъ свое 2-е правило, руководствуясь

Какое важное значеніе имѣлъ разсматриваемый источникъ каноническаго права въ Греческой церкви видно, между прочимъ, изъ того, что въ 883-мъ году патріархъ Фотій нашелъ нужнымъ снова переработать его и издать въ новомъ увеличенномъ видѣ.

Какія же дополненія къ труду своего предшественника сдѣлалъ Фотій въ этомъ новомъ изданіи Номоканона въ XIV тит.?

Обратимся къ предисловію автора новой переработки и посмотримъ, какой отвѣтъ здѣсь дастъ на этотъ вопросъ онъ самъ. Въ этомъ предисловіи новый издатель Номоканона въ XIV тит. прежде всего воздастъ должную похвалу труду своего предшественника, поставившаго себѣ задачею собрать воедино церковные каноны отъ временъ Апостольскихъ до пятаго вселенскаго собора и, затѣмъ, какъ бы предвидя возможные обвиненія въ присвоеніи имъ себѣ этой работы, снѣ-шить оговориться, что, при новомъ изданіи Номоканона онъ воспользовался ею и не хочетъ выдавать чужаго труда за свой собственный, свою же заслугу онъ выдаетъ лишь въ увеличеніи матеріала, содержавшагося въ нрежнемъ Номоканонѣ, ирибавленіемъ къ нему правилъ Трулльскаго соб. 692 г. седьмого вселенскаго (2-го Никейскаго) 787 г.¹⁾ и двухъ помѣстныхъ Константинонольскихъ 861 и 879 г., а также нѣкоторыхъ позднѣйшихъ свѣтскихъ законоположеній, которыя онъ присовокупилъ къ канонамъ²⁾.

Не смотря на эту скромность автора позднѣйшей переработки Номоканона въ 14 тит., по общему до послѣдняго времени³⁾ убѣжденію, — патріарха Фотія (надо замѣтить, что имя

содержаніемъ этого сборника, видно изъ того, что онъ перечисляетъ всѣ утвержденные имъ каноны соборовъ и св. отцовъ въ такомъ порядкѣ, въ какомъ они стоятъ въ этомъ Номоканонѣ. Blener. Das kanon. Recht, стр. 196.

1) Hefele III, стр. 460.

2) Woelli et Justelli II, стр. 792 и 793, Pitra II, стр. 448 и 449.

3) Въ послѣднее время, какъ увидимъ ниже, извѣстный ученый Цахаріе фонъ Лингенталь высказалъ сомнѣніе въ принадлежности этого второго изданія Номоканона Фотию.

Фотія ни въ предисловіи, ни въ надписи сборника не названо), нѣкоторые западные ученые, кстати сказать, большею частью, недружелюбно относящіеся къ личности знаменитаго Константинопольскаго патріарха ¹⁾, стараются доказать, что заслуга Фотія, при изданіи имъ Номоканона въ 14 тит., была мало-важнѣе той, которую онъ оставляетъ себѣ въ своемъ предисловіи, заподозрѣвая, такимъ образомъ самое предисловіе въ неискренности. Такъ, напр., знаменитый византологъ Бинеръ высказываетъ тотъ взглядъ, что правила соборовъ Трулльскаго 692 г., седьмого вселенскаго Никейскаго 787 г. раньше Фотія входили уже въ сборникъ церковныхъ правилъ; Фотію, по его мнѣнію, принадлежитъ прибавленіе правилъ лишь двухъ благопріятныхъ ему Константинопольскихъ соборовъ 861 и 879 г. ²⁾. Подобнаго же взгляда держится и авторъ обширнаго изслѣдованія о патріархѣ Фотіи Hergenröther: дѣятельность Фотія по изданію Номоканона въ 14 тит., говоритъ онъ, состояла въ присоединеніи къ составу прежняго Номоканона лишь немногихъ каноническихъ опредѣленій (какихъ именно онъ не указываетъ) и нѣкоторыхъ гражданскихъ законовъ ³⁾. Еще далѣе въ этомъ направленіи идутъ два другіе изслѣдователя источниковъ церковнаго права — бывший директоръ Ватиканской бібліотеки въ Римѣ Питра и уже упомянутый нами Цахаріэ фонъ Лингенталь. Первый изъ этихъ ученыхъ отрицаетъ всякое участіе Фотія въ трудѣ по изданію Номоканона въ 14 тит. и полагаетъ, что трудъ этотъ со времени Вальсима (въ XII в.) лишь неправильно приписывался знаменитому Константинопольскому патріарху ⁴⁾ (въ дальнѣйшія подробности по обсужденію этого вопроса онъ, впрочемъ не входитъ); второй же, высказавши въ двухъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ

1) Непріязненное отношеніе къ Фотію проглядываетъ повсюду у Питры въ его: *Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*. См., напр., Т. II, стр. 125, 126, 641 и др.

2) Biener. *Das kanon. Recht*, стр. 197 и 198.

3) Hergenröther. *Photius, Patriarch von Constantinopel*. Т. III, стр. 105 и 106.

4) Pitra. Т. II, стр. 433 и слѣд.

Запискахъ Императорской С.-Петербургской Академіи¹⁾, сомнѣніе въ принадлежности второго изданія Номоканова Фотію приводитъ и доказательства въ пользу своего мнѣнія.

Доводы приводимые Цахарію, слѣдующіе²⁾:

1. Заслуга новаго изданія столь ничтожна, что врядъ ли его можно приписать такому ученому и знаменитому мужу, какимъ былъ Фотій

2. Если бы Фотій дѣйствительно обнародовалъ новое изданіе, то было бы необъяснимо, какимъ образомъ 20 лѣтъ спустя послѣ этого изданія могли появиться списки прежняго Номоканона³⁾, вмѣсто новаго нѣкоторымъ образомъ оффиціальнаго изданія.

3. Гораздо легче понять, почему Номоканонъ три столѣтія спустя послѣ его изданія былъ приписанъ Фотію, который, говоритъ Цахарію, въ 883 г. и не занималъ кафедры, но раньше и позднѣе этого времени, чѣмъ то почему во времена непосредственно слѣдующія за новымъ изданіемъ Номоканона игнорировалось имя столь знаменитаго издателя.

Ни одного изъ этихъ доводовъ, при ближайшемъ ихъ разсмотрѣніи, нельзя признать основательнымъ.

Противъ перваго довода можно возразить, что желаніе включить въ обще принятый каноническій кодексъ правила двухъ Константинопольскихъ соборовъ 861 и 879 г., лично благопріятныхъ Фотію, было уже достаточнымъ поводомъ для переработки имъ прежняго Номоканона⁴⁾.

На второе возраженіе можно отвѣтить, что, при отсутствіи книгопечатанія, когда переписка книгъ сопряжена была съ большимъ трудомъ и издержками, такой обширный трудъ,

1) Die griechisch. Nomocan. T. XXIII. 1877 г. и Ueber den Verfasser und die Quellen (Pseudo-Photianischen) Nomocanon in XIV Titeln. T. XXXII. 1885 г.

2) Die griech. Nomocan., стр. 14.

3) Такой списокъ находится въ Сод. Bodleian, подъ № 715.

4) Такого мнѣнія держится Hergenröther. T. III, стр. 107.

какимъ является Номоканонъ въ 14 тит., въ новомъ изданіи не могъ въ короткое время достигнуть повсемѣстнаго распространія; прежняя редакція Номоканона въ 14 тит. и даже Номоканонъ 50 тит. нѣкоторое время были еще въ употребленіи въ церковной практикѣ. Такимъ образомъ, нѣтъ ничего удивительнаго что, и послѣ второго изданія Номоканона, продолжали переписывать старый Номоканонъ: новое Фотіево изданіе еще не вездѣ можно было достать. Кромѣ того, не надо забывать, что вскорѣ послѣ изданія Номоканона, Фотій во второй разъ и теперь уже навсегда былъ лишенъ каѳедры (въ 886 г.), что, конечно, въ свою очередь не могло благотворить распространенію его изданія¹⁾.

Третье возраженіе, гдѣ Цахаріѳ замѣчаетъ, что въ годъ изданія Номоканона Фотіемъ, въ 883 г., послѣдній не занималъ каѳедры, — заключаетъ въ себѣ недосмотръ. 883-ій годъ приходится на второе патріаршество Фотія, когда послѣдній былъ на верху своего могущества, почему имя его, какъ издателя Номоканона не могло быть позабыто совсѣмъ. Во многихъ рукописяхъ, наисанныхъ еще до того времени, когда убѣжденіе въ авторскихъ правахъ Фотія на этотъ Номоканонъ сдѣлалось всеобщимъ, имя Фотія, какъ издателя приписано противъ его (второго) предисловія; память объ издательствѣ Фотія никогда, слѣдовательно, не исчезла. Въ XII вѣкѣ она была только восстановлена, благодаря тому обстоятельству, что знаменитый канонистъ Вальсамонъ, свидѣтельству котораго мы не имѣемъ основанія не довѣрять, наисалъ свой комментарий на Номоканонъ и Синтагму, какъ на безспорныя произведенія Фотія²⁾.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ, что до тѣхъ поръ пока положительными данными не будетъ указано противное, мы не имѣемъ основаній ни отрицать авторское право Фотія на

1) Hergenröther, тамъ-же.

2) . . . τὸ παρὰ τοῦ πατριάρχου Φωτίου ποιηθὲν. Толков. Вальсамона на 2-е правило Трулльскаго собора 692 г. (Ῥάλλη. Σ. II. 311).

новое изданіе Номоканона въ 14 тит., ни сомнѣваться въ томъ, что участіе его въ этомъ изданіи было не такимъ, какимъ онъ представляетъ его въ своемъ предисловіи.

Годъ изданія 6391 отъ сотворенія міра, т. е. 883 по Р. Х., точно обозначенъ въ предисловіи ¹⁾).

Номоканонъ Фотія пользовался въ Греческой церкви преимущественнымъ вниманіемъ и назывался иногда *πρωτοκάνων* или *προκάνων*, и Вальсамонъ, знаменитый толкователь этого труда, удостовѣряетъ, что онъ мало по малу вытѣснилъ изъ употребленія всѣ болѣе раннія работы этого рода ²⁾).

Въ XIII столѣтіи, со времени полученія у насъ митрополитомъ Кирилломъ II Болгарской Кормчей, Фотіевъ Номоканонъ въ XIV тит. сдѣлался извѣстнымъ въ славянскомъ переводѣ и въ Русской церкви.

Такъ возникъ и постепенно возрасталъ каноническій кодексъ Греческой церкви; онъ выработался самою жизнію, церковною практикою и издавался отдѣльными частными лицами, изъ которыхъ нѣкоторыя до сихъ поръ остаются намъ неизвѣстными; органы официальной церковной власти — соборы (напримѣръ, какъ мы видѣли, Трулльскій) лишь санкціонировали своимъ авторитетомъ составъ сборниковъ, уже раньше молчаливо признаваемыхъ церковью.

Съ изданіемъ Фотіева Номоканона, кодексъ этотъ достигъ полного развитія, такъ какъ заключалъ въ себѣ всѣ признанные на Востокѣ вселенскіе соборы, важнѣйшіе помѣстные, и посланія наиболѣе выдающихся отцовъ церкви, а также законоположенія свѣтской власти по церковнымъ дѣламъ.

1) Pitra II, стр. 449. Въ рукописи Palat. № 57, кромѣ обозначенія года, прибавлено: ἐπὶ τῆς βασιλείας τοῦ κυροῦ βασιλείου τοῦ Μακεδόνος τοῦ πατρὸς τοῦ κυροῦ Λέοντος τοῦ φιλοσόφου. (Pitra II, 449 примѣч. 6-е).

2) Толкованіе Вальсамона на 2-е правило Трулльскаго соб.

Одновременно съ полнымъ кодексомъ, въ Греческой церкви развивался другой сокращенный кодексъ, въ которомъ церковныя правила излагались не въ первоначальномъ полномъ текстѣ, а въ формѣ краткихъ строго догматическихъ положеній. Появленіе такого каноническаго кодекса, извѣстнаго подъ именемъ Синописиса (Σύνοψις), было вызвано тоже требованіями жизни и церковной практики: обращеніе съ массою матеріала, заключавшагося въ весьма обширныхъ по своему объему сборникахъ иолнаго текста церковныхъ правилъ, было крайне неудобно, да и самая переписка ихъ была сопряжена съ большимъ трудомъ и издержками.

Не представляя той обширности, которою характеризуется полный кодексъ, Синописисъ былъ очень удобенъ при примѣненіи его на практикѣ и вслѣдствіе этого достигъ общаго распространенія.

Аналогичное явленіе мы встрѣчаемъ въ исторіи источниковъ гражданскаго (римскаго) права. Такъ какъ пользованіе Юстиніановыми законными книгами въ подлинникѣ, вслѣдствіе ихъ обширности было затруднительно, то вскорѣ послѣ изданія ихъ, появляются труды, имѣющіе цѣлью устранить это неудобство: Кодексъ и новеллы являются здѣсь въ сокращенномъ видѣ подъ названіемъ *Σύντομος*, *Ἐπιτομή*, *Σύνοψις*, а для болѣе удобнаго пользованія Дигестами былъ составленъ къ нимъ индексъ. Такія переработки Кодекса были сдѣланы юристами Анатоліемъ, Стефаномъ и Θεοδωρόмъ; извлеченія изъ новеллъ принадлежатъ юристамъ Аванасію, тому же Θεόδωру и Анониму; къ числу же юристовъ, занимавшихся составленіемъ индекса, принадлежитъ Кириллъ.

Происхожденіе Синописиса церковныхъ правилъ относится къ глубокой древности, при чемъ составленіе его не было дѣломъ одного лица¹⁾; Синописисъ образовывался постепенно,

1) Составленіе Синописиса нѣкоторыми учеными прежде ошибочно приписывалось канонисту XII вѣка Аристину. Между прочимъ,

по мѣрѣ роста полного текста церковныхъ правилъ, и этимъ объясняется разница въ содержаніи его отдѣльныхъ редакцій, при чемъ очевидно, что чѣмъ богаче содержаніе извѣстной редакціи, тѣмъ позднѣе время ея происхожденія, и наоборотъ. На нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ спискахъ сохранились имена лицъ, бывшихъ, по всей вѣроятности, авторами тѣхъ редакцій, которыя носятъ ихъ названія (напр. Синописисъ Стефана Ефесскаго ¹⁾), Семеона Магистра).

Для насъ Синописисъ церковныхъ правилъ важенъ потому, что, снабженный въ XII в. толкованіями извѣстнаго канониста Аристіна, онъ положенъ былъ въ основаніе нашей печатной Кормчей книги.

въ изданіи Велли и Ютелли: *Bibliotheca iuris canonici veteris* (Т. II, стр. 673—679) Синописисъ напечатанъ съ слѣдующимъ произвольнымъ заглавіемъ: *Н ὑπο Ἀριστίνου συνοψις τῶν κανόνων πάντων*. Аристинъ не могъ быть авторомъ Синописиса уже потому, что въ своемъ комментаріи на каноническій Синописисъ онъ критикуетъ составителя Синописиса и дѣлаетъ ему въ одномъ изъ своихъ толкованій упрекъ въ томъ, что онъ невѣрно понялъ смыслъ одного каноническаго опредѣленія и невѣрно передалъ его въ своемъ Синописисѣ. (См. толк., напр., Апост. 75, Анкир. 19).

1) Единственный, до сихъ поръ извѣстный, экземпляръ Синописиса съ именемъ Стефана Ефесскаго — *Στεφάνου Εφέσου*, а не *Εφέσου*, — какъ ошибочно, вслѣдъ за Ламбеціемъ, повторяютъ Бинеръ и Цахаріэ — находится въ рукописи Вѣнской придворной библіотеки (Lambecii III, № 48). Онъ описанъ и впервые изданъ мною въ моемъ изслѣдованіи „Толкователи каноническаго кодекса Восточной церкви: Аристинъ, Зонара и Вальсамонъ“. Москва 1892, стр. 21. 206 — 221.

Источниками и пособіями, при составленіи
настоящей статьи служили:

- Бердниковъ, И. Краткій курсъ церковнаго права Православной церкви. Выпускъ первый. Объ источникахъ церковнаго права и собраніяхъ церковныхъ правилъ. Казань, 1903.
- Демидовъ, В. Характеръ и значеніе толкованій, на каноническій кодексъ Греческой церкви — Аристина, Зонары и Вальсамона. Православное Обозрѣніе. 1888.
- Заозерскій, Н. Происхожденіе и образованіе Византійскаго Номоканона. Труды Іоанна, патріарха Константинопольскаго, Схоластика (540—541). Чтенія въ Обществѣ любителей духовнаго просвѣщенія. 1882, сентябрь. — Синтагма въ XIV тит. Тамъ же. 1883, мартъ—апрѣль.
- Красноженъ, М. Толкователи каноническаго кодекса Восточной церкви: Аристинъ, Зонара, и Вальсамонъ. Москва, 1892.
- Нарбековъ, В. Номоканонъ Константинопольскаго патріарха Фотія съ толкованіемъ Вальсамона. Ч. 1 и ч. 2. Казань, 1899.
- Никодимъ, еп. Далматинскій (Миланъ). Православное церковное право, перев. съ сербскаго Мил. Г. Петровича. СПб. 1897.
- Остроумовъ, М. Введеніе въ православное церковное право. Харьковъ, 1893.
- Павловъ. Курсъ лекцій церковнаго права. 1902.
- Правила св. Апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ и св. отцевъ, съ толкованіями Зонары, Аристина и Вальсамона, въ русскомъ переводѣ. 1876—1884.
- Соколовъ. Изъ лекцій по церковному праву. Вып. I. Москва, 1874.
- Biener. De collect. canonum ecclesiae graecae. Berol, 1827.
- Онъ же. Das kanonische Recht der griechischen Kirche. Kritisch. Zeitschrift f. Rechtswiss. und Gesetzgeb. d. Ausland. 1856, B. XXVIII.
- Hefele. Conciliengeschichte.
- Heimbach, G. Anecdota.
- Hergenröther. Photius, Patriarch v. Constantinopel. 1867—1869.
- Mortreuil. Histoire du droit byzant. T. I—III. 1843—1846.

Pitra. Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta. T. II. 1868.

Σύνταγμα τῶν θείων καὶ ἱερῶν κανόνων. Ῥάλλη καὶ Ποτλῆ.

Voelli et Justelli. Bibliotheca iuris canonici veteris. T. II. 1661.

Zachariä von Lingenthal. Die griechischen Nomocanones. СПб., 1877. — Ueber den Verfasser und die Quellen des Pseudo-Photianischen Nomocanon in XIV Titeln. СПб., 1885.

Профессоръ М. Красноженъ.

Образовательная экскурсія въ Закаспійскій край и на Кавказъ группы учениковъ Юрьевской гимназіи.

„Нѣтъ науки о путешествіяхъ : авторитеты, начиная отъ Аристотеля до Ломоносова включительно, молчать ; путешествія не попали подъ ферулу риторики, и писатель свободенъ пробираться въ нѣдра горъ, или опускаться въ глубину океановъ, съ ученою пытливостью, или, пожалуй, на крыльяхъ вдохновенія скользить по нимъ быстро и ловить мимоходомъ, на бумагу, ихъ образы ; описывать страны и народы исторически, статистически, или только посмотреть, каковы трактиры — словомъ, никому не отведено столько простора и никому отъ этого такъ не тѣсно писать, какъ путешественнику“.

И. А. Гончаровъ. „Фрегатъ Паллада“.

Въ 1902 году группа учениковъ старшихъ классовъ Юрьевской гимназіи ¹⁾, узнавъ о моемъ намѣреніи совершить предстоящимъ лѣтомъ научную поѣздку въ Закаспійскій край, обратилась ко мнѣ съ просьбой взять ихъ съ собою въ это интересное для нихъ путешествіе. Сочувствуя желанію просителей, я согласился взять на себя руководство образовательной экскурсіей. О желаніи учащихся отправиться въ путешествіе и о своемъ согласіи быть ихъ руководителемъ я довелъ до свѣдѣнія директора гимназіи.

Взявъ на себя организацію образовательной поѣздки учащихся въ Закаспійскій край и на Кавказъ, я первымъ дѣломъ

1) А. Кондратьевъ, К. Лудъ, Э. Бейкеръ, А. Редлихъ, И. Тирманъ и А. Альверъ.

составилъ маршрутъ и смѣту путевымъ расходамъ, а также списался со своими закаспійскими знакомыми о предоставленіи экскурсантамъ безплатнаго помѣщенія на время остановокъ.

По моему маршруту образовательная поѣздка учениковъ Юрьевской гимназіи въ 1902 году должна была совершиться слѣдующимъ образомъ. Изъ Юрьева экскурсанты выѣзжаютъ 21 мая по желѣзной дорогѣ въ Баку; изъ Баку на пароходѣ въ Красноводскъ; изъ Красноводска по желѣзной дорогѣ на станцію Репетэкъ (въ Кара-кумской степи); изъ Репетэка въ Мургабское Государево имѣніе; затѣмъ на станцію Бахарденъ; изъ Бахардена въ Красноводскъ, въ Баку; изъ Баку въ Тифлисъ; изъ Тифлиса пѣшкомъ по Военно-Грузинской дорогѣ до Владикавказа; изъ Владикавказа въ Новороссійскъ, а затѣмъ на пароходѣ въ Новый Аѳонъ; изъ Новаго Аѳона обратно въ Новороссійскъ; изъ Новороссійска по желѣзной дорогѣ экскурсанты возвращаются черезъ Ростовъ и Москву въ Юрьевъ. На выполнение маршрута предполагено употребить около семи недѣль. Расходъ опредѣленъ въ 65 р. на человѣка.

Къ 18 мая всѣ наши приготовленія къ поѣздкѣ были закончены. Кромѣ бѣлья, непромокаемыхъ плащей и солдатскихъ парусинныхъ сумокъ, мы взяли всевозможныя принадлежности для ботанико-зоологическихъ экскурсій, какъ-то: деревянные коробки съ ватой, стеклянныя банки съ *kalio suapato in bacillis* и складные сачки — для ловли насѣкомыхъ; жестяные цилиндры и пробирки для формалиновыхъ препаратовъ; инструменты для сниманія птицѣихъ шкурокъ и три ружья; два ручныхъ фонаря съ рефлекторами для вечернихъ экскурсій и рамки съ металлической сѣткой для засушиванія растений. Сверхъ сего запаслись маленькой аптечкой. Двое изъ экскурсантовъ взяли съ собой по фотографическому аппарату.

Наканунѣ отъѣзда я получилъ изъ гимназіи установленной формы свидѣтельства на получение льготныхъ билетовъ (по тарифу № 6900) на проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ.

Напутствуемые лучшими пожеланіями родныхъ и близкихъ знакомыхъ, собравшихся проводить насъ, мы выѣхали 21 мая вечеромъ изъ Юрьева въ Баку. На пути въ послѣдній мы сдѣлали только одну короткую остановку въ Москвѣ.

Временемъ до отхода поѣзда мы воспользовались для ознакомленія съ нѣкоторыми достопримѣчательностями первопрестольной столицы. Осмотрѣли кремлевскіе соборы, грандіозный памятникъ Царю-Освободителю, „царь-колоколъ“ и „царь-пушку“. Были въ храмъ Христа Спасителя, сооруженнаго въ память освобожденія Россіи отъ нашествія иноплемениковъ въ 1812 году. Внутренній видъ этого замѣчательнаго храма отличается богатствомъ отдѣлки и великолѣпной живописью. Изъ храма Христа Спасителя отправились на Красную площадь для осмотра замѣчательнаго по своей оригинальной архитектурѣ храма Василия Блаженнаго, сооруженнаго въ царствованіе Ивана Грознаго, памятника Минину и Пожарскому и Торговыхъ рядовъ. Послѣдніе представляютъ одно изъ грандіознѣйшихъ и красивѣйшихъ сооружений не только въ Россіи, но и въ Западной Европѣ.

26 мая вечеромъ, послѣ нятисуточной ѣзды по желѣзной дорогѣ, мы прибыли въ Баку. Остановились на одномъ изъ пароходовъ „Восточнаго Общества“. Въ ожиданіи отхода парохода въ Красноводскъ провели въ Баку слишкомъ двое сутокъ.

На слѣдующій день утромъ отправились осматривать городъ.

Баку или Бакуіа производятъ отъ персидскаго бакубе, ударъ вѣтра. Подъ этимъ именемъ онъ существуетъ чуть ли не съ мусульманской эры. Населеніе города составляютъ главнымъ образомъ двѣ народности: азербейджанскіе татары, которые типомъ и одеждою очень напоминаютъ персовъ, но отличаются отъ послѣднихъ языкомъ (тюрко-татарскимъ), и армяне. Городъ расположенъ амфитеатромъ по берегу бухты; средину его занимаетъ старая персидская крѣпость, вокругъ которой теперь широко раскинулся городъ. Высокія стѣны и башни крѣпости, сохранившіяся до настоящаго времени, окружаютъ туземную часть города. Изъ банеиъ выше всѣхъ

подымается такъ называемая „Дѣвичья башня“, получившая свое названіе оттого, что, по преданію, съ нея когда-то бросилась дочь какого-то хана, когда послѣдній рѣшился сдѣлать ее своею женою. Улицы этого бакинскаго кремля, въ который ведутъ двое воротъ, находящихся почти рядомъ, грязны, извилисты и, мѣстами, до того узки, что по нимъ нельзя проѣхать даже одному экипажу. Вечеромъ въ этомъ туземномъ городѣ можно легко заблудиться, такъ какъ улицы, или, вѣрнѣе говоря, закоулки ни чѣмъ не освѣщаются. Эта часть города населена преимущественно татарами. Въ крѣпости улицы Баку прямыя, довольно широкія, съ прекрасными мостовыми; дома каменные, многоэтажные, между которыми очень много большихъ, построенныхъ изъ тесанаго камня и украшенныхъ высѣченной изъ того же камня великолѣпной стильной орнаментикой (ренесансъ). Городъ освѣщается газомъ и отчасти электричествомъ. Извозики въ Баку двуконные; лошади и экипажи не оставляютъ желать лучшаго. Имѣется также и конка (отъ вокзала до Баилова).

Если бы не плоскія крыши домовъ и не туземцы, встрѣчающіеся почти на каждомъ шагу, то Баку, за исключеніемъ туземной части, окраинъ и базара, можно признать вполне европейскимъ городомъ. Къ отрицательнымъ сторонамъ этого города надо отнести недостатокъ воды и отсутствіе растительности. Въ этомъ отношеніи Баку можетъ поспорить съ Красноводскомъ.

Ознакомившись съ городомъ, мы совершили нѣсколько загородныхъ экскурсій для сбора насѣкомыхъ и ловли ящерицъ. Фауна жесткокрылыхъ въ окрестностяхъ Баку очень бѣдна видами; изъ жуковъ главнымъ образомъ попадались представители семействъ *Tenebrionidae* (*Colposcelis longicollis* Zubk., *Calyptopsis pulchella* Fald., *Cal. deplanata* Faust, *Psammocryptus minutus* Tausch., *Ocnere setosa* Mén. и *Cyphogenia gibba* Fisch.) и *Coccinellidae* (*Coccinella 7-punctata* L.). Изъ ящерицъ поймали нѣсколько экземпляровъ *Agama caucasica* и *Eminces schneideri*.

Осмотръ нефтяныхъ промысловъ, сосредоточенныхъ въ Баиловѣ, Черномъ городѣ и въ Балаханахъ, мы рѣшили сдѣлать на обратномъ пути.

29 мая поздно вечеромъ на пароходѣ „Сѣверъ“ мы выѣхали въ Красноводскъ. Ночь была ясная и звѣздная; мы размѣстились на палубѣ и долго любовались безчисленными огоньками удаляющагося отъ насъ города. Днемъ кромѣ неба и бѣлыхъ гребней волнъ мы ничего не видѣли; только кое-гдѣ на горизонтѣ показывались и опять исчезали бѣлые паруса какого-нибудь судна. Около четырехъ часовъ дня показался берегъ, а въ 5 часовъ мы были уже у Красноводской пристани.

Красноводскъ со стороны материка защищенъ отъ жгучихъ вѣтровъ песчаной степи цѣпью скалистыхъ горъ. Песчано-глинистая почва почти совершенно лишена растительности; только изрѣдка попадаются жалкіе кустики *Peganum*, *Alhagi*, *Astragalus* и др. Отсутствие растительности придаетъ окрестностямъ Красноводска сѣровато-бурый колоритъ.

Дома въ городѣ маленькіе, улицы некрасивыя, неправильныя и немощеныя; желѣзнодорожный вокзалъ, построенный изъ известняка въ строго мавританскомъ стилѣ, представляетъ собою единственно красивое зданіе этого города. Въ городѣ насчитывается около 3 тысячъ европейцевъ (чиновниковъ и торговцевъ); остальное населеніе составляютъ персы-рабочіе (амбалы), безъ которыхъ не обходится ни одна работа по нагрузкѣ и выгрузкѣ товаровъ.

Тотчасъ по пріѣздѣ вся наша компанія отправилась экскурсировать вдоль берега Красноводскаго залива. Несмотря на тщательные поиски, результаты сбора были довольно скудны. Неудача не смутила насъ, такъ какъ, отправляясь въ экскурсію, мы не рассчитывали на богатую добычу въ такое неблагоприятное время (отъ 5 до 7 ч. в.). Вечерній сборъ насѣкомыхъ, благодаря сильному вѣтру, не удался вовсе. Зато утренняя экскурсія слѣдующаго дня вознаградила насъ за предыдущую неудачу; мы собрали порядочное количество насѣкомыхъ изъ

отрядовъ: Coleoptera, Hymenoptera, Hemiptera, и Orthoptera; особенно интересныя формы попадались между представителями послѣдняго отряда.

Въ 11 часовъ дня, отправивъ нашъ багажъ на вокзалъ, я пошелъ съ визитомъ къ старшему морскому смотрителю П. Ѳ. Максимовичу, къ которому у меня было рекомендательное письмо отъ профессора Юрьевскаго университета Н. И. Андрусова. Приѣмъ былъ самый любезный. Добрѣйшій П. Ѳ. предложилъ намъ на обратномъ пути остановиться у него, если мы пожелаемъ посвятить Красноводску нѣсколько дней.

Въ 5 часовъ дня выѣхали изъ Красноводска на станцію Репетэкъ (конечный пунктъ нашей экскурсіи). Мѣстность, по которой намъ пришлось ѣхать, была довольно однообразна. Съ сѣвера — голая безпредѣльная степь со своими солончаками, кажущимися издали озерами, и выжженной палящими лучами солнца жалкою растительностью, между которой первое мѣсто занимала верблюжья колючка (*Alhagi camelorum*); съ юга, на границѣ съ Персіей, — безжизненная, однообразная горная цѣпь, не представляющая для глаза никакого интереса. Изрѣдка попадались стада барановъ, пасшихся по близости ауловъ, да одинокіе всадники-текинцы на своихъ чудныхъ иноходцахъ.

На слѣдующій день утромъ пріѣхали въ Геокъ-Тепе. На этой станціи сдѣлали остановку. Тотчасъ по пріѣздѣ мы отправились осматривать развалины бывшихъ текинскихъ укрѣпленій, взятыхъ русскими войсками подъ начальствомъ М. Д. Скобелева, и музей его имени, построенный въ память этого событія.

Крѣпость представляетъ площадь, около 3—4 верстъ въ окружности, обнесенную невысокими (не болѣе двухъ сажень) глинобитными стѣнами и рвомъ. Вся площадь и часть стѣнъ покрыты колючей кустарной растительностью. Въ этой крѣпости во время осады было сосредоточено около 30 тысячъ текинцевъ съ ихъ женами и дѣтьми.

Музей Скобелева помѣщается въ специально построенномъ

для него небольшомъ каменномъ зданіи, довольно красивой архитектуры, расположенномъ противъ желѣзнодорожной станціи.

Въ первой комнатѣ музея выставлены отнятыя у текинцевъ значки и оружіе: разнаго рода ружья, пистолеты, сабли и кинжалы, между которыми есть много старинныхъ; въ этой же комнатѣ находятся образцы оружія русскаго войска того времени. Одну изъ стѣнъ комнаты занимаетъ картина, изображающая моментъ взятія русскими войсками Геокъ-Тепе, а именно ожесточенную рѣзню русскихъ съ текинцами въ самой крѣпости. Во второй комнатѣ выставлены фотографическіе снимки всѣхъ офицеровъ, принимавшихъ участіе въ штурмѣ Геокъ-Тепе, и фотографическій снимокъ непріятельскаго начальника Курбанъ-Мурадъ-Ишанъ-Малла-Оглы, а также карты и планы укрѣпленій.

Вернувшись на станцію, мы увидѣли тамъ многочисленную группу туркменъ, между которыми были и женщины, собравшихся изъ ближайшихъ ауловъ для встрѣчи какого-то своего аульнаго начальства. Этотъ случай далъ моимъ спутникамъ возможность вблизи познакомиться съ туземными типами и снять съ нихъ фотографическіе снимки.

Собравшіеся на станцію туземцы принадлежали къ племени Ахалъ-Текке, въ которомъ болѣе всѣхъ другихъ туркменскихъ племенъ преобладаетъ кавказскій типъ, благодаря обильной примѣси иранской крови. Они высоки ростомъ, сухощавы, но крѣпкаго сложенія; скулы у нихъ не сильно выдаются, растительность на лицѣ довольно густая, только маленькіе, косо-расположенные глаза говорятъ объ ихъ тюркскомъ происхожденіи. Одежду ихъ составляютъ короткая рубашка безъ пояса и штаны изъ домашней, большею частью синяго цвѣта, ткани, халатъ съ узкими къ концу рукавами, баранья шапка (бѣлаго, чернаго или коричнево-бураго цвѣта) и опорки съ высокими каблуками. Костюмъ текинокъ отличается еще большею простотой: штаны, длинная рубаха (синяго цвѣта) и нѣчто въ родѣ тюрбана съ длинной спускающейся книзу вуалью составляютъ весь ихъ обыкновенный нарядъ.

Подкрѣпивъ себя пищей и чаемъ, мы рѣшили посвятить остальное время ботанико-зоологической экскурсіи. Мѣстомъ нашей прогулки мы избрали степь и расположенные невдалекѣ отъ подножія Копетъ-дага текинскіе аулы. Благодаря близости горнаго источника, изъ котораго посредствомъ арыковъ вода проникала къ ауламъ, мѣстность имѣла привлекательный видъ; на пути попадались фруктовые сады, рощицы и хлѣбныя поля. На послѣднихъ шла уборка хлѣба; этой работой были заняты преимущественно женщины и дѣти.

Во время экскурсіи собрали большое количество насѣкомыхъ; къ сожалѣнію, сборъ нашъ былъ очень бѣденъ видами; попадались преимущественно златки (*Julodis euphratica* Lap., *J. frey-gessneri* Darz., *Psiloptera argentata* Mann.), мягкотѣлыя (*Zonabris schrenki* Gebl., *Z. calida* var. *maculata* Ol) и навозники (*Gymnopleurus aciculatus* Gebl., *G. pilularius* L., *Oniticeilus pallipes* F., *Onthophagus transcaspicus* Kön., *Chironitis haroldi* Ball. и *Ch. pamphilus* Mén.). Изъ птицъ добыли: индійскихъ воробьевъ (*Passer indicus* Jard.), шурку (*Melops apiaster* L.), сизоворонку (*Coracias garrula* L.), хохлатыхъ жаворонковъ (*Alauda cristata magna*) и поймали нѣсколько экземпляровъ ящерицъ (*Eremias velox*).

Съ наступленіемъ темноты ловили насѣкомыхъ на огонь (на лампу и фонарь). Этотъ способъ ловли по количеству экземпляровъ далъ очень обильный сборъ.

1 іюня утромъ выѣхали изъ Геокъ-Тепе и на слѣдующій день около 4 ч. утра были уже на станціи Репетэкъ. Начальникъ станціи М. А. Новиковъ передалъ намъ, что для насъ было приготовлено учителемъ П. Н. Рукавицынымъ номѣщеніе въ желѣзнодорожномъ училищѣ, но что самаго Рукавицына нѣтъ дома; на день или два онъ уѣхалъ въ Чарджуй. Н. самъ проводилъ насъ до училища, которое находилось въ саженьяхъ 40 или 50 отъ станціи; вскорѣ туда же были доставлены наши вещи. Чтобы ознакомиться съ фауной и флорой песковъ Каракумской степи, мы рѣшили провести въ Репетэкѣ дня три.

Въ отведенномъ намъ помѣщеніи мы устроились прекрасно; для услугъ намъ былъ предоставленъ училищный сторожъ, который ставилъ намъ самоваръ, приносилъ со станціи хлѣбъ и молоко. Обѣдали мы на станціи, въ буфетѣ; столъ нашъ, разумѣется, былъ вегетаріанскій, такъ какъ мясо доставлялось на станцію только разъ въ недѣлю, а ледника на станціи не было.

Станція Репетэкъ расположена въ долинѣ, густо поросшей саксауломъ (*Haloxylon ammodendron*) и другими, свойственными песчаной мѣстности, растеніями. Мѣстами саксаулъ представлялъ собою настоящій лѣсъ; отдѣльные кусты его попадались значительныхъ размѣровъ: до 2 саженой высоты и до 8 вершк. въ поперечникѣ. Справа и слѣва отъ желѣзной дороги тянутся на безконечное пространство песчаные барханы¹⁾, поросшіе рѣдкой растительностію. Барханы интересны весною, когда большинство растеній бываетъ въ цвѣту; красивыя стройныя деревца куянь-сююка (*Ammodendron karelini*), густо покрытыя темно-фіолетовыми цвѣточками, кусты гребенщика (*Tomarix*), нѣжно-розовые метельковидные цвѣты котораго такъ гармонируютъ съ матовой зеленью листочковъ, и различные джугуны (*Calligonum*) съ оригинальными желтыми, красноватыми и голубоватыми цвѣточками — придаютъ пескамъ довольно привлекательный видъ. Такую картину мнѣ привелось наблюдать въ 1900 году, когда я въ первыхъ числахъ мая иосѣтилъ Репетэкъ. Къ сожалѣнію, мы пріѣхали теперь слишкомъ поздно, такъ какъ уже многія растенія успѣли отцвѣсти.

Несмотря на пустынный характеръ бархановъ, можно всетаки на каждомъ шагѣ видѣть признаки жизни; повсюду замѣтны слѣды крупныхъ жуковъ (*Blaps*, *Sympiezocnemis*, *Trigonoscelis* и др.), ящерицъ и др. животныхъ. Изъ ящерицъ

1) Выпуклой стороной съ пологимъ склономъ барханы обращены въ сторону господствующихъ вѣтровъ, а вогнутой съ крутымъ склономъ въ сторону подвѣтренную; пологій скатъ образуется подъ угломъ 6°—17°, а крутой 30°—40°.

сравнительно часто попадались намъ *Phrynoscephalus mystaceus* и *Pb. intercapularis*. Последняя, при видѣ опасности, на глазахъ наблюдателя быстро зарывается въ несокъ, такъ что на поверхности не остается никакого слѣда. Кромѣ этихъ двухъ видовъ мы добыли: степную агаму [*Agama sanginolenta*] ¹⁾ и каспійскаго геккона (*Gymnobaetilus caspius*). Результатомъ нашей экскурси по барханамъ помимо ящерицъ были двѣ саксаульня сойки, дикій голубъ, одинъ грызунъ (*Rhombomys opimus*), похожій на крысу, но отличающійся отъ послѣдней свѣтлой окраской и пушистой оконечностью своего хвоста, и довольно много прямокрылыхъ насѣкомыхъ и крупныхъ жуковъ изъ семейства *Tenebrionidae*. Сверхъ сего нами былъ составленъ небольшой гербарій флоры песковъ. Весьма интересныя экскурси въ окрестностяхъ Ренетэка, благодаря сильной жарѣ, доходившей до 50° R., были очень утомительны для моихъ юныхъ спутниковъ; въ послѣдній день они вовсе не выходили изъ дома.

На слѣдующій день экскурсанты поѣхали въ Чарджуй ²⁾, чтобы познакомиться съ восточнымъ городомъ и его базаромъ, а также заодно посммотрѣть на грандіозный желѣзнодорожный мостъ черезъ Аму-дарью ³⁾. Въ ихъ отсутствіе я съѣздили на станцію Учъ-Аджи съ цѣлью поэкскурсировать въ этомъ интересномъ для меня мѣстѣ. Поздно вечеромъ вернулись мои спутники. Разсказамъ не было конца. Несмотря на поздній часъ они долго еще вели оживленную бесѣду о видѣнномъ и слышанномъ ими въ Чарджуѣ.

1) Этотъ видъ, подобно многимъ своимъ сородичамъ, можетъ мѣнять цвѣтъ кожи на горлѣ, груди и на ногахъ, почему его ошибочно называютъ хамелеономъ.

2) Центръ Чарджуйскаго бекства; онъ лежитъ въ 9 верстахъ отъ русскаго Чарджуя. Послѣдній находится около желѣзнодорожной ст. „Аму-дарья“.

3) Мостъ состоитъ изъ 25 пролетовъ, по 30 саж. каждый. Постройка его стоила 3468000 руб. Работы по устройству моста начались 17 окт. 1898 г., а открытіе состоялось 27 мая 1901 г. Деревянный мостъ, существовавшій до постройки желѣзнаго, былъ около 2 1/2 верстѣ.

4 іюня вечеромъ мы покинули Репетэкъ. На обратномъ пути въ Красноводскъ мы сдѣлали двѣ остановки: одну въ Мургабскомъ Государевомъ имѣніи, а другую на станціи Бахарденъ.

Мургабское Государево имѣніе, расположенное около станціи Байрамъ-Али, съ его прекрасной системой орошенія и богатѣйшею растительностію представляетъ одно изъ лучшихъ мѣстъ Закаспійской области. Имѣніе располагаетъ 103000 десятинъ земли; къ сожалѣнію, по недостатку воды не вся она культивирована.

Переночевавъ на станціи, куда прибыли очень поздно, мы утромъ отправились въ имѣніе, въ которомъ прожили три дня, пользуясь самымъ широкимъ гостепріимствомъ управляющаго имѣніемъ С. Ю. Толстого. Мнѣ съ двумя спутниками Т. предложилъ остановиться въ своей квартирѣ, а остальнымъ экскурсантамъ было отведено помѣщеніе въ квартирѣ его помощника, котораго въ то время не было въ имѣніи. Къ обѣду и ужину мы всѣ собирались у радушнаго хозяина.

Благодаря чрезвычайной любезности Т., въ первый же день мы имѣли возможность побывать на развалинахъ древняго Мерва, куда отправились послѣ обѣда въ двухъ четырехмѣстныхъ экипажахъ съ добрѣйшимъ О., хорошимъ знакомымъ Т.

Подъ именемъ Мерва (Маръ Моуръ — у туркменъ, Маргіана — у классическихъ писателей) была извѣстна страна, расположенная по низовью рѣки Мургаба. Впослѣдствіи это названіе было приурочено къ одному изъ главныхъ городовъ, основаніе котораго приписываютъ Александру Македонскому. Въ одно время Мервъ былъ центромъ просвѣщенія для всей Средней Азіи. Черезъ него распространилась европейская культура и духъ христіанскаго ученія. Съ IV по IX в. несторіане имѣли въ этомъ городѣ своихъ епископовъ. Въ XI в. онъ становится столицею сельджуковъ. Къ этому періоду относится постройка замѣчательнаго архитектурнаго памятника, мавзолея султана Санджара. Въ XIII в. Мервъ

подвергся нашествію монголовъ Чингисъ-Хана. Послѣдніе перебили все населеніе города, доходившее до милліона, и разрушили всѣ дома и храмы. Въ концѣ XV в. имъ овладѣли узбеки, а потомъ персы. Въ 1790 году Мервъ былъ разрушенъ бухарцами, причемъ была уничтожена Султанъ-бендская плотина, вслѣдствіе чего эта страна обратилась въ пустыню.

Отъ прежняго величія Мерва остались лишь слѣды ирригаціонныхъ канавъ и развалины домовъ, мечетей, мавзолеевъ, укрѣпленныхъ стѣнъ и пр. Развалины стараго Мерва или, вѣрнѣе говоря, нѣсколькихъ городовъ занимаютъ нѣсколько десятковъ кв. верстъ. На всемъ пути, гдѣ мы проѣзжали, видны были кучи мусора и груды обломковъ различныхъ построекъ, поросшихъ кое-гдѣ характерною для глинисто-соленыхъ стеней растительностью. Ни малѣйшаго признака жизни нельзя было замѣтить на этомъ колоссальномъ историческомъ кладбищѣ, гдѣ земля обильно орошена человѣческою кровью, а въ нѣдрахъ ея погребено многое множество различныхъ народовъ.

У могилы „двухъ братьевъ“ мы вышли изъ экипажей, чтобы осмотрѣть этотъ памятникъ. По однимъ источникамъ, два брата, съ именемъ которыхъ связано названіе мечетей, были первыми проповѣдниками ислама, но другимъ же, они были сподвижниками самаго Магомета. Глубокія ниши мечетей выложены голубыми изразцами съ обычными узорами персидско-магометанскаго стиля. Гробница „двухъ братьевъ“, находящаяся передъ портиками двухъ смежныхъ мечетей, — высокочтимая святыня магометанъ, и ей приписывается чудотворная сила; изъ отдаленныхъ мѣстъ къ ней стекаются правовѣрные для молитвы.

Отъ могилы „двухъ братьевъ“ мы поѣхали къ мавзолею султана Санджара, довольно хорошо сохранившемуся¹⁾. Этотъ замѣчательный памятникъ магометанскаго искусства не столько пострадалъ отъ времени, сколько отъ алчности армянъ-нонриад-

1) Характеръ постройки напоминаетъ мавзолей калифовъ Аюбидовъ близъ Каиро (XII в.). — Ф. Куглеръ. Руководство къ исторіи искусства. I 1869. Стр. 331.

чиковъ во время проведенія закаспійской желѣзной дороги. Благодаря имъ, эта замѣчательная постройка лишилась своего послѣдняго уцѣлѣвшаго минарета. Къ счастью, дальнѣйшее грабительство было остановлено властями. Внутренность мечети поражаетъ своею простотой и вмѣстѣ съ тѣмъ величіемъ. Громадный куполъ съ круглымъ отверстіемъ въ срединѣ держится безъ всякихъ подпорокъ. Куполъ и стѣны нѣкогда были украшены цвѣтными изразцами, но теперь большая часть ихъ отвалилась. Внутри мечети находится гробница султана Санджара, которая также, какъ и гробница „двухъ братьевъ“, служить предметомъ поклоненія правовѣрныхъ.

На обратномъ пути мы имѣли случай пополнить нашу орнитологическую коллекцію однимъ экземпляромъ розоваго скворца (*Passor roseus*), добытымъ Л.

На слѣдующій день въ сопровожденіи О. осматривали имѣніе для разводки шелковичныхъ гусеницъ и хлопко-очистительный заводъ; въ послѣднемъ завѣдующій машинами техникъ подробно объяснилъ намъ процессъ очистки хлопка. Оттуда отправились осматривать богатѣйшіе фруктовые сады. Древесная растительность въ Мургабскомъ имѣніи, благодаря обильному орошенію, развивается очень быстро; абрикосы, на примѣръ, уже на третьемъ году даютъ плоды и выглядятъ довольно большими деревьями. Поля и сады имѣнія вдоль и поперекъ изрѣзаны оросительными каналами, берущими воду изъ рѣки Мургаба ¹⁾).

Послѣдній день пребыванія въ мургабскомъ имѣніи былъ посвященъ нами ботанико-зоологической экскурсіи. Вечеръ провели у Т. въ пріятной оживленной бесѣдѣ. Поблагодаривъ радушнаго хозяина за гостепріимство, мы около полуночи оставили Мургабское Государево имѣніе.

1) Мургабское имѣніе орошается при посредствѣ Гиндукушской плотины, сооруженной нѣсколько ниже прежней Султанъ-бендской плотины, разрушенной бухарцами въ 1790 году. Первоначально хотѣли возстановить послѣднюю, но разрушеніе одного изъ водосливовъ (1890 г.) заставило отказаться отъ задуманнаго предпріятія.

Въ 4 часа дня прѣѣхали на станцію Бахарденъ, откуда въ 1 часъ ночи отправились къ подземному сѣрному озеру, расположенному у подошвы Копетъ-дена, въ 17 верстахъ отъ Бахардена. Эта экскурсія для насъ была самая трудная, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и самая интересная изъ всѣхъ нашихъ закаспійскихъ экскурсій.

Озеро находится въ пещерѣ на глубинѣ 15—20 сажень отъ входа. Спускъ къ озеру крутой и темный, воздухъ душный и влажный. Тишину пещеры время отъ времени нарушалъ только пискъ летучихъ мышей, да полетъ дикихъ голубей, испуганныхъ неожиданными посѣтителями. Какъ велико озеро, мы узнать не могли, такъ какъ нашъ фонарь освѣщалъ сравнительно небольшое пространство. Вода въ озерѣ сильно насыщена сѣрой; температура ея 27° R. Кромѣ летучихъ мышей и дикихъ голубей мы нашли въ пещерѣ нѣсколько экземпляровъ жуковъ (*Blaps holconota* Fisch. и *Oscera pillicollis* Fald.). По выходѣ изъ пещеры воздухъ, сравнительно съ нещернымъ, показался намъ прохладнымъ, несмотря на то, что температура его доходила до 45° R.

Обратный путь былъ очень утомителенъ; солнце жгло немилосердно; къ тому же мы въ сильной степени испытывали жажду. Къ полдню кое-какъ дотащились до желѣзнодорожной казармы, въ 12-ти верстахъ отъ Бахардена. Подкрѣпивъ себя пищею и чаемъ, мы на вагонеткѣ, снаряженной желѣзнодорожнымъ мастеромъ, отправились на станцію Бахарденъ. Въ 5 часовъ пополудни съ почтовымъ поѣздомъ выѣхали въ Красноводскъ.

Въ ожиданіи отхода товаро-пассажирскаго 1) парохода прожили въ Красноводскѣ четыре дня (съ 10 по 13 іюня). П.

1) Почтовый пароходъ общества „Кавказъ и Меркурій“ отходитъ изъ Красноводска каждый день, но я рѣшилъ не пользоваться услугами этого привилегированнаго общества, такъ какъ оно, пользуясь отсутствіемъ конкуренціи, взимаетъ за проѣздъ съ обязательнымъ продовольствіемъ очень высокую плату, причемъ продовольствуетъ пассажировъ скудно и дурно.

О. Максимовичъ предоставилъ намъ для ночлега свою яхту. На слѣдующій день, пользуясь любезностію М., мы совершили поѣздку на песчаную косу (въ 8 верстахъ отъ Красноводска), гдѣ провели почти цѣлый день. Эта поѣздка значительно увеличила мою энтомологическую коллекцію. Благодаря чрезвычайной любезности и радушію М. и его супруги, мы очень пріятно и съ большою для себя пользою провели время въ Красноводскѣ.

13-го іюня вечеромъ выѣхали на товаро-пассажирскомъ пароходѣ общества „Надежда“ въ Баку, куда прибыли на другой день въ 3 часа дня.

Свободное до отхода поѣзда время мои спутники посвятили осмотру нефтяныхъ промысловъ. Для этой цѣли была предпринята поѣздка въ Балаханы, къ нефтянымъ источникамъ. Чтобы попасть туда, надо сперва проѣхать верстъ 15 по желѣзной дорогѣ, а остальной путь верстъ 5—6 въ омнибусѣ по вонючей и грязной отъ нефти дорогѣ среди прудовъ, полныхъ густой оливково-зеленой жидкости. Нефтяные промыслы представляютъ площадь около 10 кв. верстъ съ безчисленнымъ множествомъ усѣченно-пирамидальныхъ вышекъ. Издали послѣднія кажутся какимъ то дымящимся чернымъ лѣсомъ. Подъ каждой вышкой находится колодезь, глубиною отъ 150 до 200 сажень и діаметромъ отъ 8—12 д., а подъ продолговатымъ и низкимъ навѣсомъ — паровой двигатель, получающій паръ изъ центральныхъ паровыхъ котловъ. Нефть изъ колодцевъ поднимается двухсаженными ведрами и наливается въ громадныя цистерны. Изъ послѣднихъ посредствомъ трубъ нефть гонится за 12 верстъ на разработку въ Черный городъ. По землѣ всюду видны эти трубы, и онѣ какъ черныя змѣи ползутъ по пескамъ, то спускаясь въ лощины, то переползая другъ черезъ друга.

Въ 11 часовъ вечера выѣхали въ Тифлисъ, куда прибыли на слѣдующій день въ 5 часовъ пополудни.

На вокзалѣ встрѣтилъ насъ А. А. Редлихъ, дядя одного изъ экскурсантовъ, и передалъ намъ, что его родственникъ,

директоръ 2-й женской гимназіи Ф. Р. Крейсбергъ поручилъ ему предложить намъ остановиться въ его гимназіи. Разумѣется, мы съ благодарностію приняли приглашеніе и въ сопровожденіи Р. направились туда.

Устроившись въ отведенномъ намъ въ женской гимназіи помѣщеніи, мы отправились знакомиться съ городомъ.

Тифлисъ, или Тпилиси у грузинъ (грузинское слово тпили значить теплый), Тефлисъ у мусульманскихъ писателей, получилъ свое названіе отъ горячихъ сѣрно-щелочныхъ источниковъ, которыхъ очень много въ окрестностяхъ города.

Основаніе города лѣтописныя сказанія приписываютъ царю Грузіи Вахтангу I Гургаслану (455), но за вѣрность ихъ поручиться нельзя, такъ какъ этотъ городъ въ тѣхъ же лѣтописяхъ упоминается раньше. Исторія этого многострадальнаго города очень печальна. Въ 550 году имъ овладѣли персы; въ 626 году онъ былъ взятъ византійскимъ императоромъ Иракліемъ; въ 731 году былъ опустошенъ арабами. Въ IX ст. его неоднократно разрушали то арабы, то персы; въ XI в. онъ былъ дважды опустошенъ турками-сельджуками. Только съ Давида II Возобновителя до вступленія на престолъ Грузіи сына царицы Тамары Георгія IV (1089—1212) городъ не подвергался нашествію завоевателей. Этотъ періодъ былъ „золотымъ вѣкомъ“ для Грузіи. Съ XIV вѣка вплоть до вступленія въ Грузію русскаго войска подъ начальствомъ генерала Лазарева Тифлисъ много разъ былъ разрушаемъ и сжигаемъ монголами, турками-османами и персами. Особенно памятно было для Грузіи нашествіе шаха Ага-Мухамеда лѣтомъ 1795 года. Тифлисъ былъ разрушенъ до основанія свирѣпымъ завоевателемъ. Вернувшіеся потомъ жители не могли узнать тѣхъ мѣстъ, гдѣ стояли ихъ дома.

Рѣкою Курою городъ дѣлится на двѣ части. Лучшимъ мѣстомъ лѣвобережной части Тифлиса считается Воронцовская площадь съ памятникомъ князю М. С. Воронцову¹⁾; послѣд-

1) М. С. Воронцовъ былъ первымъ намѣстникомъ Кавказа съ неограниченными полномочіями (съ 1844 по 1856 г.).

нюю пересѣкаетъ главная улица этой части города — Михайловскій проспектъ. Болѣе или менѣе выдающіяся общественныя здація и учрежденія сосредоточены на правобережной сторонѣ города, главнымъ образомъ на Головинскомъ проспектѣ, а именно: военный соборъ, построенный въ память покоренія Кавказа, Кавказскій естественно-историческій музей, Военно-историческій музей („Храмъ Славы“), казенный театръ, построенный въ чудномъ мавританскомъ стилѣ, и др. Въ этой же части города рядомъ съ улицами, имѣющими вполнѣ европейскій характеръ, ютятся узкіе, грязные, чисто азіатскіе закоулки и базары съ открытыми лавочками, всевозможными мастерскими, кофейнями и цирульнями. Всѣ эти закоулки кишмя кишатъ разнымъ туземнымъ людомъ: носильщиками, водовозами, разносчиками и всевозможными праздными оборванцами въ національныхъ костюмахъ въ перемежку съ вереницами ишаковъ (ословъ), буйволовъ и др. животныхъ. Здѣсь вся жизнь совершается на улицѣ; тутъ передъ вами работаютъ, пьютъ, ѣдятъ, продаютъ, покупаютъ и наслаждаются *dolce farniente*. Въ туземной части города, около грузинскаго базара, находится Сіонскій кафедральный соборъ, построенный въ царствованіе Вахтанга Гургаслана (446—499). Въ этомъ храмѣ хранится величайшая святыня Грузіи — крестъ св. Нины, просвѣтительницы Грузіи; крестъ сдѣланъ изъ виноградной лозы и перевитъ ея волосами. Съ моста около Майдана открывается интересный видъ, съ одной стороны на хорошо сохранившіеся остатки старой крѣпости на Солозакскомъ гребнѣ, ниже которыхъ расположился тѣнистый ботаническій садъ, а съ другой — на мутную, быстро несущуюся Куру съ глубоко отвѣсными берегами, застроенными домами на каменныхъ устояхъ съ обычными для туземныхъ домовъ галлереями.

На слѣдующій день утромъ мы посѣтили директора 2 женской гимназіи Ф. Р. Крейсберга и благодарили его за оказанное намъ вниманіе. Отъ него мы отправились въ сѣрныя бани Мирзоева, которыя считаются лучшими изъ всѣхъ сѣр-

ныхъ бань Тифлиса. Въ каждомъ номерѣ имѣется бассейнъ, въ который черезъ трубу проходитъ горячая сѣрная вода изъ горныхъ источниковъ.

Послѣ обѣда отправились осматривать Кавказскій естественно-историческій музей.

Основанный въ 1867 году, Кавказскій музей помѣщается въ двухъэтажномъ каменномъ домѣ, при которомъ имѣется садъ. Въ послѣднемъ находятся очень массивные предметы по части археологій, которымъ не оказалось мѣста внутри зданія; тамъ же помѣщены клѣтки съ живыми хищными птицами мѣстной фауны: *Vultur monachus* L., *Gyps fulvus* Briss., *Gypaetos barbatus* L. и др.

Первый залъ нижняго этажа, раздѣленный арками на три части, занятъ предметами геологій; тутъ можно видѣть богатую коллекцію горныхъ породъ различныхъ мѣстностей Кавказа и разныхъ фармацій, богатыя собранія разнообразныхъ раковинъ третичной эпохи въ видѣ окаменѣлыхъ слѣпковъ (опредѣлены д-ромъ Г. Сиверсомъ); къ этой коллекціи присоединены многочисленные образцы нефтяныхъ слоевъ Таманскаго полуострова и Закавказья, а также образцы сырой нефти.

Второй, третій и четвертый залы, стѣны которыхъ расписаны декоративными ландшафтами, соответственно разставленнымъ группамъ звѣрей и птицъ, посвящены фаунѣ Кавказа. Коллекція птицъ состоитъ изъ 1500 экземпляровъ (опредѣлены покойнымъ директоромъ музея, д-ромъ Г. Радде); мелкія млекопитающія и птицы помѣщены въ 24 шкафахъ; крупныя разставлены группами у стѣнъ и на срединѣ зала въ ихъ естественной обстановкѣ.

Лѣстница, соединяющая нижній этажъ съ верхнимъ, сдѣлана изъ кутаисскаго известняка; стѣны ея покрыты фресками а tempera, сюжетами для которыхъ послужили сцены изъ древнихъ сказаній, касающихся Кавказскихъ странъ („Прикованный Прометей“, „Прибытіе Аргонавтовъ“ и др.), а также сцены, въ которыхъ фигурируютъ двѣ историческія лично-

сти: царь Давидъ Возобновитель и царица Тамара. Живопись исполнена художникомъ Зимомъ изъ Рима.

Первый и второй залы верхняго этажа заполнены предметами этнографіи. Потолокъ перваго зала разрисованъ ковровыми узорами туркменскихъ образцовъ, а второго — узорами кубинскихъ ковровъ. Шкафы и витрины этихъ залъ наполнены предметами быта народовъ Кавказа разныхъ временъ: оружіемъ, доспѣхами, музыкальными инструментами, сосудами для питья, различною одеждою, головными уборами, обувью, женскими украшеніями изъ серебра и золота, мебелью, земледѣльческими орудіями и др. предметами. Въ этомъ же залѣ помѣщены группы манекеновъ въ костюмахъ различныхъ народовъ Кавказа.

Третій залъ посвященъ флорѣ Кавказа. Кавказскій гербарій содержитъ болѣе 2400 видовъ явнобрачныхъ растений, собранныхъ покойнымъ директоромъ музея Г. И. Радде (опредѣлены: Траутфеттеромъ, Регелемъ и Рупрехтомъ). Въ этомъ же залѣ помѣщена энтомологическая коллекція. Среди зала въ 28-ми витринахъ помѣщены всѣ виды европейскихъ бабочекъ коллекціи Тидемана; въ 48 большихъ ящикахъ подъ стекломъ размѣщены въ систематическомъ порядкѣ жуки Кавказа; въ 48 ящикахъ помѣщены бабочки, собранныя во время путешествій Г. И. Радде и д-ра Сиверса; въ 48 ящикахъ хранятся насѣкомыя остальныхъ отрядовъ: двукрылыя, перепончатокрылыя, прямокрылыя, полужесткокрылыя и сѣтчатокрылыя. Кромѣ насѣкомыхъ въ трехъ шкафахъ (31, 31 А и 31 В.) помѣщены раки, крабы, пауки, каракатицы, молюски въ спирту, полипы и низшія морскія животныя въ спирту и кавказскія конхиліи въ сухомъ видѣ. Тутъ же помѣщена коллекція вредныхъ и иолезныхъ насѣкомыхъ, подаренная академикомъ Абихомъ, образцы разрушительныхъ работъ, произведенныхъ насѣкомыми и морскими животными, 4 ящика съ кавказскими коконами, образцами шелка и всѣми ступенями развитія обыкновеннаго шелкопряда и *Bombyx cynthia*.

Орнаментамъ и древностямъ Кавказа отведено особое

отдѣленіе, состоящее изъ четырехъ залъ. Въ I залѣ собраны древности бассейна Куры и Аракса, во II — древности Ріонской долины, въ III — древности Кубанской области и въ IV — древности Терской области.

При музеѣ находится тифлисская публичная бібліотека, въ которой имѣется около 30,000 томовъ книгъ.

Изъ музея мы отправились осматривать ботаническій садъ, расположенный на склонѣ довольно высокой горы. Въ саду имѣются богатая коллекціи оранжерейныхъ растений, бібліотека и музей. При садѣ есть буфетъ, въ которомъ за дешевую плату можно получить чай и кофе. Изъ сада направились къ Р., пригласившему насъ къ себѣ на обѣдъ.

Третій день посвятили осмотру Военно-историческаго музея и монастыря св. Давида.

Музей помѣщается въ одноэтажномъ каменномъ зданіи; фасадъ его украшенъ металлическими досками, на которыхъ записаны главнѣйшіе эпизоды изъ исторіи покоренія Кавказа. Въ музеѣ хранятся знамена, отбитыя у враговъ во время завоеванія Кавказа, и картины Айвазовскаго и Франца Рубо батально-историческаго содержанія временъ завоеванія Кавказа и Средней Азіи, а также портреты выдающихся военныхъ дѣятелей. Изъ картинъ особенно замѣчательны по исполненію: „Взятіе Геокъ-Тепѣ Скобелевымъ“ и „Вступленіе русскаго войска въ столицу Грузіи“.

Изъ музея мы пошли въ монастырь св. Давида, расположенный на склонѣ одной изъ горъ, окружающихъ Тифлисъ, откуда открывается чудный видъ на городъ.

Основаніе монастыря приписываютъ св. Давиду, одному изъ сирійскихъ подвижниковъ, проповѣдавшихъ Христово ученіе въ Грузіи въ VI в. Неподалеку отъ церкви, въ гротѣ находятся могилы А. С. Грибоѣдова и его жены.

На четвертый день утромъ къ намъ пришелъ ученикъ Юрьевскаго реальнаго училища Атабековъ, съ которымъ мы ѣхали вмѣстѣ отъ Юрьева до станціи Баладжары, закавказской ж. д., и отъ имени отца убѣдительно просилъ насъ

прийти къ нимъ на обѣдъ, который, по его словамъ, будетъ состоять исключительно изъ туземныхъ блюдъ. Отъ такого любезнаго приглашенія мы, разумѣется, не отказались. Отъ Атабековыхъ мы пошли на армянскій базаръ, чтобы сдѣлать кой-какія покупки. По пути осмотрѣли Сіонскій соборъ, о которомъ я уже упоминалъ выше.

Въ тотъ же день при содѣйствіи Р. мы розыскали двухъ фургонщиковъ, которые собирались на слѣдующій день отправиться во Владикавказъ съ товаромъ. Послѣ долгаго торга фургонщики согласились за 11 рублей везти нашъ багажъ и тѣхъ изъ насъ, которые очень утомятся въ пути.

На слѣдующій день одна часть экскурсантовъ отправилась фотографировать болѣе или менѣе интересныя мѣста Тифлиса а другая — въ садъ Муштаидъ для осмотра шелководной и пчеловодной станціи. Въ Муштаидѣ познакомились съ ульями различныхъ системъ, съ приборами для искусственнаго приготовленія сотовъ изъ воска и выдѣленія меда изъ сотовъ, а также съ выводкою шелковичныхъ бабочекъ и гусеницъ и съ жизнью пчелъ лѣтомъ и зимою. Къ обѣду всѣ собрались въ послѣдній разъ у хлѣбосольнаго Р.

Въ 5 часовъ пополудни мы выѣхали по желѣзной дорогѣ въ Мцхетъ, куда около полуночи пріѣхали и наши фургонщики. До Мцхета насъ провожалъ Р.

Мцхетъ въ настоящее время представляетъ собою небольшое селеніе Душетскаго уѣзда, Тифл. губ. До конца V ст. по Р. Х. онъ былъ резиденціей грузинскихъ царей. Въ немъ много памятниковъ глубокой старины, между которыми видное мѣсто занимаетъ осматрѣнный нами соборъ 12 апостоловъ. По преданію, соборъ былъ построенъ при царѣ Миріанѣ въ первой половинѣ IV в. Впослѣдствіи деревянный соборъ былъ замѣненъ каменнымъ. Постройка нынѣшняго собора относится къ XV в. ¹⁾ Въ немъ долгое время хра-

1) Грузино-армянская архитектура составляетъ отрасль византийской, принявшая впослѣдствіи своеобразный обликъ, благодаря

нились: хитонъ Спасителя и крестъ св. Нины. Здѣсь же покоятся останки послѣднихъ царей Грузіи: Ираклія II и Георгія XII.

Особенный интересъ представляетъ для археологовъ древнее кладбище, находящееся къ юго-западу отъ Самтаврскаго женскаго монастыря близъ Мцхета. Въ одномъ мѣстѣ Военно-Грузинская дорога прорѣзываетъ одинъ изъ холмовъ, гдѣ ясно видны сложенные изъ плитняка могилы въ нѣсколько ярусовъ. Нижній рядъ могилъ, по мнѣнію археологовъ, относится къ сѣдой древности (за 1000 лѣтъ до Р. Х.).

Утромъ 21 іюня мы вышли изъ Мцхета; я вышелъ нѣсколько раньше остальныхъ, чтобы на пути между Мцхетомъ и Целканами, не торопясь, заняться сборомъ насѣкомыхъ. Благодаря богатѣйшей растительности, на пути я собралъ очень много интересныхъ жесткокрылыхъ; между собранными жуками оказался даже одинъ новый видъ (*Zonitis* sp. nov.?) изъ семейства Meloidae.

Военно-Грузинская дорога, соединяющая Тифлисъ съ Владикавказомъ, представляетъ прекрасное шоссе, проложенное въ долинахъ и ущельяхъ Арагвы и Терека на протяженіи 203 верстъ. На этомъ пути находится 11 станцій, изъ которыхъ одна, Гудауръ, расположена на высотѣ 7.327 ф.

Путешествіе наше по Военно-Грузинской дорогѣ продолжалось около 5 сутокъ. Остановки для ночлега дѣлали въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ ночевали наши фургонщики. Для ночлега мы пользовались общимъ пассажирскимъ помѣщеніемъ на почтовыхъ станціяхъ, на что у меня имѣлось письменное разрѣшеніе г. управляющаго почтово-телеграфнымъ округомъ.

Первые два дня мы шли роскошной долиной Арагвы. По обѣ стороны долины возвышаются невысокія горы, покрытыя

вліянію мѣстныхъ условій. Особенность грузино-армянскихъ храмовъ выражается главнымъ образомъ въ формѣ главы зданія. Глава состоитъ изъ многограннаго барабана съ коническимъ или многогранно — пирамидальнымъ куполомъ. Барабанъ прорѣзанъ узкими продольными окнами съ полуциркульнымъ верхомъ и украшенъ рельефными арками на тонкихъ колонкахъ.

большую частью густымъ лѣсомъ, а также ярко-зелеными пастбищами или воздѣланными нивами. На пути часто попадались берущіе свое начало въ горныхъ лѣсахъ ручейки и родники, изъ которыхъ послѣдніе часто отдѣляются камнемъ и служатъ путникамъ мѣстомъ для остановокъ. Первый нашъ ночлегъ былъ въ Душетѣ.

На слѣдующій день около 10 часовъ утра мы прибыли въ Анануръ, гдѣ пробыли около двухъ часовъ. За это время мы успѣли осмотрѣть остатки старинной крѣпости съ круглыми и четырехгранными башнями и узкими бойницами, ананурскій соборъ, построенный въ XV в., и небольшую, полуразрушенную церковь внутри крѣпости. По преданію, послѣдняя была построена въ царствованіе перваго христіанскаго царя Грузіи Миріана (IV в.). Въ храмѣ находится могила эристава Георія, убитаго при взятіи Ананура ксанкскимъ эриставомъ Шанше. Надъ могилой лежитъ каменная плита съ едва замѣтной надписью, а надъ нею каменный навѣсъ, поддерживаемый четырьмя столбами. Глубокой стариной вѣетъ отъ сумрачныхъ стѣнъ и сводовъ этой полуразрушенной церкви. Напившись чаю на станціи, мы покинули Анануръ.

Отъ Пасанаура, по мѣрѣ подъема дороги, растительность становилась бѣднѣе, а горы начали принимать все болѣе суровый и грандіозный обликъ. Второй нашъ ночлегъ былъ на станціи Млеты, на высотѣ 4.961 ф.

Отъ послѣдней до станціи Гудауръ начинается крутой Земо-млетскій подъемъ, представляющій одно изъ замѣчательныхъ сооруженій инженернаго искусства. Строителемъ былъ инженеръ Статковскій. Постройка была начата въ 1857 и окончена въ 1861 году. Дорога длинными зигзагами проложена по отвѣсному скалистому обрыву. Большею частью одна сторона ея высѣчена въ скалѣ, а другая, внѣшняя, опирается на искусственную каменную террасу. Земо-млетскій подъемъ тянется на протяженіи 14 $\frac{1}{2}$ в., между тѣмъ какъ по прямому направленію отъ Млетъ до Гудаура не будетъ и 6 верстъ.

Рано утромъ мы вышли со станціи Млеты. Путь былъ очень утомителенъ, потому что для сокращенія разстоянія мы большую часть подъема сдѣлали по кратчайшему направленію; мѣстами приходилось взбираться ползкомъ по довольно крутымъ откосамъ. Когда мы сдѣлали послѣдній заворотъ и остановились для отдыха у самого края обрыва, передъ нами открылась величественная панорама. Позади, слѣва и справа громоздились мрачные и дикіе отроги исполинскаго хребта съ уходящими въ облака снѣжными вершинами. Спереди, на днѣ страшной пропасти виднѣлась покрытая лѣсами, лугами и пашнями богатая Кайшаурская долина, вдоль которой едва замѣтной свѣтлой змѣйкой вилась Арагва. Температура не превышала 8° R. Благодаря довольно легкой одеждѣ, насъ чувствительно пронизывала прохладная сырость.

Немного отдохнувъ, мы рѣшили сдѣлать небольшую энтомологическую экскурсію. Мѣстность, гдѣ мы экскурсировали, представляла хорошее пастбище, но была совершенно лишена древесной растительности. Фауна жесткокрылыхъ, какъ и окружающая природа, отличалась однообразіемъ. Энтомологическій сборъ нашъ, состоявшій преимущественно изъ копрофаговъ, не представлялъ большого интереса, за исключеніемъ одного новаго вида, описаннаго мною подъ именемъ *Aphodius brevithorax*, species nova Sumak.¹⁾

На станціи Гудауръ сдѣлали остановку, чтобы позавтракать и напиться чаю. Отдохнувъ и приведя въ порядокъ собранный нами энтомологическій матеріалъ, мы отіравились дальше.

Наконецъ мы достигли перевала. У самой дороги поставленъ обелискъ съ надписью: „Крестовый перевалъ. 7694 ф.“. Отъ перевала начался спускъ въ долину и ущелья Терека. Природа угрюма и однообразна; мѣстами по дорогѣ попадались снѣгъ. На пути къ станціи Коби видѣли источники кислоселѣзистой воды, содержащей довольно много газа.

1) Wiener Entomologische Zeitung, XXII. Jahrg., II. Heft, 47.

Переходъ отъ Гудаура до Коби въ зимнее время считается опаснымъ вслѣдствіе частыхъ снѣжныхъ обваловъ. Для предупрежденія отъ несчастныхъ случаевъ въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ устроены крытыя галлерей.

Отъ станціи Коби, гдѣ мы ночевали, до станціи Казбекъ дорога была также пустынна и непривѣтлива. Горы почти лишены растительности; по склонамъ ихъ кое-гдѣ лѣпились, какъ ласточкины гнѣзда, аулы, да стояли на недоступныхъ высотахъ сторожевыя башни. Терекъ становился многоводнѣе и грознѣе.

Отдохнувъ на ст. Казбекъ, отправились далѣе.

Наконецъ мы вступили въ знаменитое, воспѣтое поэтомъ, ущелье.

И глубоко внизу чернѣя,
Какъ трещина, жилище змѣя,
Вился излучистый Дарьялъ

(Лермонтовъ. „Демонъ“.)

По обѣимъ сторонамъ извилистаго, мрачнаго, мѣстами очень узкаго, ущелья поднимаются на страшную высоту голыя отвѣсныя скалы, за острыя верхушки которыхъ цѣпляются и рвутся облака, а между наваленными въ страшномъ безпорядкѣ громадными каменными глыбами рвется и бушуетъ неистовый Терекъ, стараясь уничтожить тѣснящія его громады. Мѣтко и художественно изобразилъ его Лермонтовъ.

Терекъ воетъ, дикъ и злобенъ,
Межъ утесистыхъ громадъ,
Буръ плачь его подобенъ,
Слезы брызгами летятъ.

(Лермонтовъ. „Дары Терека“.)

Дорога въ ущельѣ почти вся выбита въ отвѣсныхъ скалахъ, образуя какъ бы ихъ карнизъ; мѣстами она проложена подъ нависшими громадными каменными глыбами, готовыми каждую минуту оторваться.

Верстахъ въ семи отъ Ларса, близъ Гулетскаго желѣз-

наго моста, начинается дорога на Девдоракскій ледникъ. Въ этомъ мѣстѣ стоитъ небольшой бѣлый домикъ, гдѣ туристы, желающіе подняться на ледникъ, могутъ получить лошадей и проводниковъ.

Пройдя версты четыре отъ Гулетскаго моста, мы вступили въ такъ называемыя Дарьяльскія ворота. На лѣвомъ берегу Терека, на высокой съ крутыми склонами скалѣ мы увидѣли часть какой то стѣны. Это, по грузинскимъ лѣтописямъ, остатки укрѣпленія, построеннаго за 150 л. до Р. Х. Народное же преданіе говоритъ, что на этой скалѣ стоялъ „замокъ Тамары“, въ которомъ давала пиры „прекрасная, но коварная царица“.

Въ глубокой тѣсинѣ Дарьяла,
Гдѣ роется Терекъ во мглѣ,
Старинная башня стояла,
Чернѣя на черной скалѣ.
Въ той башнѣ, высокой и тѣсной,
Царица Тамара жила,
Прекрасна, какъ ангелъ небесный,
Какъ демонъ, — коварна и зла.

(Лермонтовъ. „Тамара“).

На правомъ берегу Терека, противъ „замка Тамары“, стоитъ Дарьяльское укрѣпленіе, въ которомъ помѣщается казачій постъ.

Передъ самой станціей Ларсъ насъ ожидало препятствіе, о которомъ до насъ доходили разнорѣчивые слухи еще въ первый день нашего путешествія по Военно-Грузинской дорогѣ. Часть пути на протяженіи саженой десяти была совершенно уничтожена Терекомъ. На этомъ мѣстѣ, надъ шумящей и клокочущей рѣкой, было устроено временное сообщеніе въ видѣ узкаго деревяннаго помоста, прикрѣпленнаго къ отвѣстнымъ скаламъ. Благодаря любезности начальника инженерныхъ работъ, наши вещи были сняты съ фургона и на рукахъ перенесены на станцію откомандированными для сего рабочими; ночью были перенесены и наши фургоны въ разобранномъ видѣ.

Переночевавъ на станціи, я вмѣстѣ съ Б. утромъ выѣхалъ съ фургонщиками, а остальные экскурранты отправились по обыкновенію пѣшкомъ во Владикавказъ.

На 8-й верстѣ отъ Ларса дорога оказалась размытой на протяженіи $\frac{1}{2}$ версты. Нужно было переправляться въ обходъ черезъ довольно высокую гору съ очень крутымъ подъемомъ. Переправа, сопряженная съ неимовѣрными усиліями и рискомъ, продолжалась пять часовъ (съ 12 до 5 ч.). Во Владикавказъ пріѣхали ночью.

Изъ Владикавказа утромъ выѣхали въ Новороссійскъ, но, къ сожалѣнію, не въ полномъ составѣ. Одинъ изъ экскурсантовъ, Л-дъ, рано утромъ отправился осматривать городъ и своевременно не вернулся. Передъ самымъ отходомъ поѣзда я передалъ его билетъ дежурному жандарму. Къ счастью, разлука съ любознательнымъ экскурсантомъ была непродолжительна; онъ настигъ насъ на слѣдующей узловой станціи (Бесланъ), благодаря тому, что изъ Владикавказа вслѣдъ за нами вышелъ второй поѣздъ, а на станціи Бесланъ бакинской поѣздъ¹⁾, на который мы пересѣли, запоздалъ отходомъ.

Въ Новороссійскѣ прожили сутки; ночевали въ мужской гимназіи. 28 іюня выѣхали на пароходѣ Русскаго Общества Пароходства и Торговли въ послѣдній пунктъ нашего путешествія, въ Новый Аѳонъ.

На слѣдующій день около 4 часовъ пополудни нашъ пароходъ бросилъ якорь противъ Ново-Аѳонскаго монастыря, въ саженьяхъ 150-ти отъ берега. Съ парохода пассажиры были доставлены на пристань на монастырскихъ лодкахъ. Съ пристани мы въ сопровожденіи послушника направились въ новую монастырскую гостинницу, гдѣ намъ отвели очень удобное помѣщеніе. Въ монастырѣ мы прожили трое сутокъ, пользуясь его широкимъ гостепріимствомъ.

Ново-Аѳонскій монастырь находится въ 25 верстахъ отъ

1) Вышедшій изъ Баку въ Москву.

Сухума, на самомъ берегу Чернаго моря при впаденіи рѣки Псыртси.

„Мысль объ устройствѣ въ Закавказьи Ново-Аѳонской обители, какъ отдѣла Русскаго Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря, принадлежитъ старцамъ сей обители: Настоятелю оной архимандриту о. Макарію и духовнику іеро-схимонаху о. Іерониму. Они сообщили свою мысль тогдашнему послу и полномочному министру при Оттоманской портѣ генералъ-адъютанту Н. П. Игнатъеву. Онъ принялъ ее благосклонно и взялъ на себя ходатайствовать объ осуществленіи ея предъ высшимъ начальствомъ. Но конечное осуществленіе этого дѣла, особенно возобновленіе обители послѣ перваго раззоренія ея въ 1877 г., могло состояться лишь благодаря высокому вниманію бывшаго Намѣстника Кавказа Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Николаевича, почему русскіе аѳонцы справедливо почитаютъ Его Императорское Высочество своимъ величайшимъ благодѣтелемъ и покровителемъ, ежедневно вознося на всѣхъ эктеніяхъ Его имя, какъ своего начальнаго и главнаго ктитора.

Въ 1875 году августа 26 дня, съ разрѣшенія Великаго князя Намѣстника, прибыли въ Тифлисъ съ Аѳона іеромонахъ русскаго Аѳонскаго монастыря Арсеній и монахи: Агапій и Іоаннъ для пріисканія и выбора мѣста въ Сухумскомъ округѣ для основанія Ново-Аѳонскаго монастыря.

— 6-го сентября послѣдовалъ осмотръ и выборъ мѣста на развалинахъ Анакопій, у древняго храма св. апостола Симона Кананита (гдѣ, по древнему преданію Абхазцевъ и Грузинъ, онъ былъ погребенъ), на берегу рѣки Псыртси (др. Аспара, Апсара), въ виду дикаго и живописнаго ущелья и развалинъ крѣпости Апсары, которая, по преданію, была основана еще въ III в. по Р. Х. Римскимъ императоромъ Трояномъ.

— 27-го ноября послѣдовало утвержденіе Его Императорскимъ Высочествомъ Намѣстникомъ Кавказскимъ доклада объ отводѣ 327 десятинъ земли въ окрестностяхъ древняго храма подъ усадьбу и огороды Ново-Аѳонскаго Симоно-Кананитскаго

монастыря и особаго участка въ 1000 десятинъ“. („Абхазія.“ И. Н. Москва. 1899).

Весною 1876 года было приступлено къ сооруженію необходимыхъ зданій подъ руководствомъ прибывшаго съ Аѳона іеромонаха Іерона (нынѣ архимандрита и настоятеля Ново-Аѳонской обители), а 17 октября былъ уже освященъ храмъ Покрова Пресвятыя Богородицы.

Несмотря на сравнительно короткій срокъ своего существованія, Ново-Аѳонскій монастырь, благодаря неустаннымъ заботамъ основателя его, архимандрита о. Іерона, достигъ цвѣтущаго состоянія. Въ немъ живетъ 300 иноковъ, 400 послушниковъ и нѣсколько сотъ рабочихъ.

Лѣтомъ монастырь бываетъ переполненъ богомольцами. Каждый изъ прибывшихъ въ монастырь паломниковъ въ теченіе нѣсколькихъ дней пользуется безплатно полнымъ содержаніемъ: помѣщеніемъ, обѣдомъ, ужиномъ, и чаемъ (два раза въ день).

Служба въ монастырѣ совершается по уставу Старо-Аѳонскаго Пантелеимонова монастыря.

Помимо духовно-просвѣтительной дѣятельности, Ново-Аѳонскій монастырь служитъ для дикаго Абхазскаго края культурнымъ пунктомъ въ отношеніи развитія разныхъ отраслей сельскаго хозяйства.

„Монастырь постоянно увеличиваетъ мало-по-малу насажденія маслинъ, виноградныхъ лозъ, различныхъ видовъ фруктовыхъ деревьевъ, разводитъ всевозможныя огородныя овощи.

Но развитіемъ этихъ насажденій достигается и другая цѣль; низменная болотистая мѣстность мало-по-малу оздоравливается; постепенно все болѣе и болѣе расчищаются отъ густо поросшаго кустарника, переплетеннаго волючкой, значительныя участки земли, вырубаются всевозможныя заросли, и на мѣстѣ прежнихъ болотъ появляются фруктовые сады, масличныя рощи, роскошныя покосы.

Всякіе отростки и саженцы монастырь охотно раздаетъ

нуждающимся жителямъ и этимъ способствуетъ разведенію въ краѣ лучшихъ сортовъ плодовыхъ деревьевъ“. (1b.)

При монастырѣ имѣется школа съ иансіономъ на 20 туземныхъ мальчиковъ. При ней есть огороцъ, на которомъ воспитанники знакомятся съ разведеніемъ овощей, и столярная мастерская. Въ первое полугодіе по вступленіи воспитанниковъ въ школу обученіе ведется на абхазскомъ языкѣ. Курсъ ученія четырехлѣтній.

На слѣдующій день утромъ, напившись чаю, мы отправились знакомиться съ достопримѣчательностями монастыря. Свой осмотръ мы начали съ верхняго, нагорнаго монастыря, расположеннаго на склонѣ горы, среди роскошной субтропической растительности.

Нагорный монастырь представляетъ собою большое трехъ-этажное зданіе, построенное, какъ всѣ аѳонскіе монастыри, четырехугольникомъ. На иереднемъ фасадѣ постройки высятся круглые (византійскаго стиля) съ позолоченными крестами куполы трехъ церквей: посрединѣ, надъ святыми воротами, трехкупольной — Св. Вознесенія, на восточной сторонѣ — Св. Ап. Андрея Первозваннаго, а на западной — Всѣхъ Святыхъ Преподобныхъ Аѳонскихъ. Изъ-за наружныхъ построекъ возвышаются стѣны и купола громаднаго собора съ высокой колокольней во имя Св. Великомученника Пантелеимона.

Нагорный монастырь со всѣхъ сторонъ окруженъ вѣчно-зелеными фруктовыми садами, цвѣтниками, лимонными и помаранцевыми рощицами. Одинъ изъ садовъ называется „ботаническимъ“; въ послѣднемъ имѣются довольно рѣдкіе виды растений. Въ этой благодатной мѣстности, гдѣ средняя годовая температура $+ 15^{\circ} \text{C.}$, а ниже $1-2^{\circ} \text{C.}$ термометръ никогда не опускался, на вольномъ воздухѣ растутъ лавры, мирты, олеандры и даже пальмы.

Отъ нагорнаго монастыря внизъ ведутъ двѣ кипарисовыя аллеи: одна — къ старому нижнему монастырю, расположенному у самаго морского берега, а другая, такъ называемая

„Царская аллея“ ¹⁾ — къ церкви Св. Ап. Симона Кананита.

Пройдя черезъ старый монастырь, не представляющій никакого интереса ни въ археологическомъ, ни въ архитектурномъ отношеніяхъ, мы вышли на морской берегъ къ монастырской пристани.

Далеко вдающаяся въ море пристань представляетъ довольно прочное сооруженіе на желѣзныхъ сваяхъ. Началомъ пристани служитъ каменная на цементѣ набережная, которая ограждаетъ берегъ отъ разрушительнаго дѣйствія морскихъ волнъ. Черезъ всю пристань и по берегу моря проложены рельсы узколейной конно-желѣзной дороги, которая, огибая монастырскія постройки, поднимается къ каменоломнѣ и идетъ далѣе къ кирпичному заводу за двѣ версты отъ монастыря. По ней въ вагонеткахъ развозятся по монастырю всѣ сѣстные продукты и доставляются въ монастырь строительные матеріалы.

Съ пристани мы направились къ водопаду, а отъ него къ пещерѣ Симона Кананита.

„Водопадъ представляетъ интересное сооруженіе. При выходѣ рѣки Псыртси изъ ущелья устроена каменная плотина, вслѣдствіе чего за нею образовалось озеро. Отъ притока воды Псыртси поверхность озера поднимается и избытокъ воды поверхъ плотины съ шумомъ падаетъ внизъ красивымъ водопадомъ, а затѣмъ по каналамъ направляется въ разныя мѣста монастыря для очистки нечистотъ, для орошенія садовъ, питомниковъ, огородовъ и даже на кирпичный заводъ. Посредствомъ другихъ стоковъ вода изъ того же озера направляется къ морю, образуя у берега цѣлую сѣть прудовъ. Отъ постоянного притока свѣжей воды пруды всегда чисты и прозрачны. „Дно этихъ прудовъ устроено террасой такъ, что вода вышележащаго пруда сбѣгаетъ въ послѣдующій съ болѣе

1) „Царской“ названа въ память посѣщенія монастыря покойнымъ Императоромъ Александромъ III-имъ въ 1888 году.

низкимъ дномъ и, наконецъ, изъ послѣдняго излишекъ воды изливается въ море“. („Абхазія.“ И. Н.)

Пруды обсажены пирамидальными тополями и плакучими ивами; среди нихъ находятся островки съ фонтанами, на которыхъ отдыхаютъ монастырскіе лебеди; всѣ островки и пруды соединены между собою мостиками. Въ этихъ прудахъ разводится разнообразныхъ породъ рыба.

Отъ водопада узенькая дорожка ведетъ къ „самородной“ пещерѣ. Пещера находится въ отвѣсной скалѣ. Внутренность пещеры напоминаетъ небольшую часовню, стѣны которой какъ будто выложены большими раковинами; въ одномъ мѣстѣ на стѣнѣ высѣченъ четырехконечный крестъ.

На пути къ пещерѣ близъ водопада стоитъ древняя, вновь реставрированная церковь Св. Ап. Симона Кананита, сподвижника Св. Ап. Андрея Первозваннаго по распространенію въ этомъ краѣ свѣта христіанскаго ученія. До своего возобновленія (1882 г.) храмъ представлялъ грудю развалинъ¹⁾. „При послѣднемъ возобновленіи этой церкви, на мѣстѣ, гдѣ стоялъ престолъ, найдена была монета временъ Алексѣя Комнена; изъ чего и слѣдуетъ заключить, что послѣдняя реставрація храма послѣдовала въ царствованіе Абхазо-Имеретинскаго царя Давида Возобновителя (1089—1130)“. (Ib.)

На второй день нашего пребыванія въ монастырѣ, мы сдѣлали экскурсію на Иверскую гору. Дорога идетъ зигзагами по склону горы, покрытому лѣсомъ. Пройдя болѣе половины пути, мы достигли крѣпостной башни, стоящей на западной оконечности гребня горы.

„Вышеупомянутая башня составляетъ конечный пунктъ римскихъ укрѣпленій²⁾, орошающихъ гребень горы отъ запада къ востоку и состоящихъ изъ стѣны, сложенной изъ массивныхъ, гладко обдѣланныхъ камней съ выдающимися изъ нихъ и расположенными на равныхъ одинъ отъ другаго разстояніяхъ

1) А. Н. Муравьевъ. „Грузія и Арменія.“ 1848 г.

2) Крѣпость основана, по преданію, еще при императорѣ Траянѣ.

полукруглыми бастіонами. Всѣ эти укрѣпленія нынѣ совершенно покрыты растущими на нихъ и у подошвы ихъ деревьями. Въ стѣнѣ продѣланы разныя отверстія, служившія, вѣроятно, тогда какъ для военныхъ цѣлей, такъ равно и окнами блиндажей для помѣщавшагося въ нихъ войска. Четыреугольная башня, хорошо сохранившаяся, построена изъ дикаго камня; нѣкоторые нижніе ряды между камнями проложены рядами римскихъ тонкихъ кирпичей“. (Ib.)

Къ сѣверу отъ башни дорога ведетъ къ монастырскому хутору и къ будущему скиту; мы же сквозь лѣсную чащу по тропинкѣ направились къ востоку. Наконецъ мы достигли второй башни, расположенной у вершины горы. Башня обращена въ часовню. Надстроенный надъ башнею куполь съ крестомъ видѣнъ далеко съ моря. На самой вершинѣ горы мы осмотрѣли развалины древняго замка и при немъ церкви. Въ 1866 году здѣсь былъ найденъ камень съ греческой надписью, которая въ переводѣ на русскій языкъ значитъ: „Воздвигнуть (сей) храмъ святаго Оеодора при Архіепископѣ Михаилѣ мѣсяца апрѣля 16 . . .“ Надпись эту относятъ къ XI в., когда крѣпость находилась во власти византійцевъ.

Осмотрѣвъ развалины древнихъ сооруженій и налюбовавшись съ птичьяго полета чудными видами окрестностей Новаго Аѳона, мы спустились съ горы и направились въ монастырь.

2-го іюля мы покинули гостепріимную Ново-Аѳонскую обитель. На слѣдующій день прибыли въ Новороссійскъ. Переночевавъ въ гимназій, мы утромъ осмотрѣли элеваторъ, а въ 12 ч. дня выѣхали по желѣзной дорогѣ (черезъ Ростовъ, Воронежъ, Москву) въ Юрьевъ.

Въ Москвѣ мы остановились на нѣсколько часовъ, чтобы осмотрѣть Третьяковскую картинную галерею и Оружейную палату; но, къ нашему огорченію, и Третьяковская галерея и Оружейная палата были въ то время закрыты.

9-го іюля здоровыми и бодрыми вернулись въ Юрьевъ, пробывъ въ путешествіи 42 дня и сдѣлавъ около 10,000 в.,

не считая морского пути. Результатами нашей образовательной поѣздки были: собранные нами матеріалы по разнымъ отдѣламъ зоологіи (главнымъ образомъ по энтомологіи) и отчасти ботаники, коллекція фотографическихъ снимковъ (170 видовъ), а главное, запасъ новыхъ, разнообразныхъ впечатлѣній.

Заканчивая описаніе нашей образовательной экскурсіи въ Закаспійскій край и на Кавказъ, считаю пріятнымъ долгомъ принести отъ всѣхъ участниковъ глубокую благодарность за вниманіе и гостепріимство: П. О. Максимовичу, Д. В. Максимовичъ, П. Н. Рукавицыну, М. А. Новикову, С. Ю. Толстому, М. М. Окулову, К. А. и М. Д. Бутковскимъ, А. А. Редлиху и директору 2-й Тифлисской женской гимназіи Ф. Р. Крейсбергу.

Г. Г. Сумаковъ.

Этюды по исторіи русской литературы и просвѣщенія.

1.

Гоголь и Достоевскій.

Гоголь и Достоевскій — краса не только русской, но и всемірной литературы, наша гордость передъ западно-европейскими сосѣдями. Критика давно уже установила родственную струю въ твореніяхъ того и другого. Дѣйствительно, Достоевскій выступаетъ въ сороковыхъ годахъ минувшаго XIX-го вѣка, какъ прямой и непосредственный продолжатель начатаго Гоголемъ дѣла: безъ „Шинели“ и „Записокъ Сумасшедшаго“, конечно, не было бы и изображеній того же мелкаго чиновничьяго быта, „Бѣдныхъ Людей“, „Двойника“, „Господина Прохарчина“ Достоевскаго. Лично оба геніальные писатели, повидимому, не встрѣчались. Но сохранились ихъ взаимные отзывы другъ о другѣ. Мы постараемся собрать эти отзывы въ едино, и констатируемъ затѣмъ у Достоевскаго нѣкоторую двойственность въ его отношеніи къ Гоголю, какъ къ писателю, и какъ къ человѣку.

1.

Произведенія Ѳ. М. Достоевскаго сразу обратили на себя вниманіе всей тогдашней русской интеллигенціи и снискали автору большую извѣстность. Но не всѣмъ его направленіе

навилось. Всего любопытнѣе то, что недовольными иногда оставались именно друзья Гоголя, иодчасъ неумѣренно его восхвалявшіе, но не замѣтившіе того, что Достоевскій прямой наслѣдникъ ихъ идола — Гоголя. „Бѣдные люди“ появились въ „Петербургскомъ Сборникѣ“ въ 1846 г. Такъ какъ этотъ Сборникъ былъ выпущенъ западниками¹⁾ и либералами, а благоиріятели Гоголя были либо служителями такъ называемой „официальной народности“, либо славянофилами, то они всего скорѣе были расположены отнестись къ новому таланту даже непріязненно, не понимали восторговъ западниковъ²⁾ и разрѣшенія своимъ недоумѣніямъ искали у своего высшаго авторитета, у самого Гоголя, отдавая Достоевскаго на его судъ. 4 марта 1846 г. П. А. Плетневъ писалъ Гоголю: „Здѣсь Бѣлинскій съ Краевскимъ (издателемъ „Отечественныхъ Записокъ“) бѣснуются (sic) изъ-за какого-то Достоевскаго“, очевидно, не безъ ироніи, но и не безъ недоумѣнія. . . . Другъ Гоголя, знаменитый поэтъ Н. М. Языковъ писалъ Гоголю еще ранѣе отъ 18 февраля: „Въ Питерѣ, по мнѣнію „Отечественныхъ Записокъ“, явился новый „геній“³⁾, какой-то Достоевскій. Прочти его повѣсть (т. е. „Бѣдные Люди“) и скажи мнѣ твое о ней мнѣніе; я самъ не уснѣлъ прочесть ее, потому что мои здѣшніе благопріятели не похвалили ее“. Не знаемъ, чтó отвѣчалъ Гоголь Языкову. Но наконецъ мнѣнія Гоголя о „Бѣдныхъ Людяхъ“ Достоевскаго запросила единственная дѣвушка, которую за всю свою

1) Подъ редакціей Некрасова, который тогда еще готовился къ своей будущей роли редактора „Современника“ и собирался подшибить разжившагося „Андрея“ (Краевскаго).

2) Главнымъ бардомъ Достоевскаго явился все тотъ же Бѣлинскій, который создавалъ славу ранѣе того — и самому Гоголю. . . . Литературныя репутаціи, созданныя въ свое время Бѣлинскимъ, держатся почти безъ измѣненій и до нашихъ дней.

3) „Новый Гоголь родился!“ возвѣщали Бѣлинскому его друзья, ознакомившись съ „Бѣдными Людями“ въ рукописи. — „Что, у васъ Гоголи, какъ грибы, нарождаются, что ли“? строго возразилъ имъ на это Бѣлинскій, но прочитавъ рукопись, и самъ плѣнился повѣстью и сталъ восхвалять ее.

жизнь любилъ этотъ загадочный человѣкъ, — графиня Анна Михайловна Велегурская¹⁾. Ей Гоголь на ея запросъ отвѣтилъ 14 мая того же 1846 года и отозвался о своемъ преемникѣ по изображенію „бѣдныхъ людей“ довольно благосклонно и съ признаніемъ: „Бѣдные Люди“ я только начало прочелъ, страницы три — и заглянулъ въ середину, чтобы видѣть складъ и замашку рѣчи новаго писателя Въ авторѣ „Бѣдныхъ Людей“ виденъ талантъ; выборъ предметовъ говоритъ въ пользу его качествъ душевныхъ; но видно такъ же, что онъ молодъ. Много еще говорливости, и мало сосредоточенности въ себѣ; все бы сказалось гораздо живѣе и сильнѣе, если бы было болѣе сжато. Впрочемъ, я это говорю, не прочитавши, а перелистнувши“.

Достоевскій при всемъ своемъ необъятномъ самолюбіи²⁾ долженъ былъ бы остаться доволенъ отзывомъ своего учителя. Тотъ нашелъ въ немъ одинъ главный недостатокъ — молодость — недостатокъ, отъ котораго люди, какъ извѣстно, легко избавляются. Излишняя „говорливость“, изумительно мѣтко указанная въ Достоевскомъ Гоголемъ всего съ трехъ страницъ, осталась присущею Достоевскому, къ сожалѣнію, до конца его дней и нортитъ впечатлѣніе даже въ лучшихъ его, послѣднихъ романахъ, такъ же, какъ и бросилась Гоголю въ глаза при просмотрѣ имъ первой вещи Достоевскаго — „Бѣдныхъ Людей“. Благосклонно отозвался о Достоевскомъ его учитель, уже заходившее солнце русской литературы; юное свѣтило, Достоевскій, — послѣ тяжелаго испытанія въ „Мертвомъ Домѣ“ — должно было восходить

1) Обыкновенно эта польская фамилія у насъ искажается такъ: „Віельгорская“. Совершенно параллельна этой фамиліи фамилія извѣстнаго маркиза-поляка — „Велепольскій“, котораго никто не пишетъ по русски „Віельпольскимъ“. Русскія формы этихъ фамилій были бы: Великопольскій и Великогорскій.

2) Такъ онъ требовалъ, чтобы его статьи въ отличіе отъ статей другихъ сотрудниковъ печатались съ особыми красными ободками или коймами вокругъ страницъ.

все выше и выше, достигая такихъ горизонтовъ, которые только смутно еще прозрѣвалъ его предшественникъ, незабвенный Гоголь.

II.

Что думалъ и писалъ о Гоголѣ Достоевскій? Онъ былъ самаго высшаго, восторженнаго мнѣнія о Гоголѣ, — замѣтимъ: о Гоголѣ, какъ писателѣ, Гоголѣ, какъ творцѣ „Мертвыхъ Душъ“, „Женитьбы“, „Шинели“ и пр. „Безсиорныхъ¹⁾“ гениевъ, съ безспорнымъ новымъ словомъ во всей литературѣ нашей было“, говоритъ Достоевскій, „всего только трое“: Ломоносовъ, Пушкинъ, Гоголь“ („Дневникъ писателя“, 1879 г., июль-августъ, гл. II, 3). Полемизируя съ Авсеенко („Дневникъ писателя“, 1876 г., апрѣль I, 2), Достоевскій восклицаетъ: „Это литература - то сороковыхъ годовъ была бѣдна внутреннимъ содержаніемъ! Такого страннаго извѣстія я не ожидалъ во всю мою жизнь. Это — та самая литература, которая дала намъ полное собраніе сочиненій Гоголя, его комедію „Женитьба“ (бѣдную внутреннимъ содержаніемъ — ухъ!), — дала намъ потомъ его „Мертвыя Души“ (бѣдная внутреннимъ содержаніемъ!) — да хоть бы что другое сказалъ человѣкъ, — ну, первое слово, которое на умъ пришло, все бы лучше вышло!“ И далѣе: „Гоголя созданія, его „Женитьба“, его „Мертвыя Души“ — самыя глубочайшія произведенія, самыя богатые внутреннимъ содержаніемъ, именно по выводимымъ въ нихъ художественнымъ типамъ. Эти изображенія, такъ сказать, да вѣтъ умъ глубочайшими, непосильными вопросами, вызываютъ въ русскомъ умѣ самыя безпокойныя мысли, съ которыми, чувствуется это, справиться можно далеко не сейчасъ; мало того: еще справимся ли когда-нибудь“ Строки эти объясняютъ намъ отчасти, почему Достоевскій сталъ ученикомъ Гоголя и пошелъ по его стопамъ, и что именно поразило юнаго инженернаго юнкера въ твореніяхъ гениальнаго скитальца — Гоголя

1) По изданію Маркса, т. XI, стр. 245.

Но, замѣтимъ себѣ, Достоевскій отнюдь не преклонялся передъ всею литературною дѣятельностью Гоголя въ ея совокупности. Онъ не признавалъ значенія за его „Перепискою“ и осуждалъ кое-что даже въ его „Мертвыхъ Душахъ“. „Гоголь“, говоритъ Достоевскій, „въ своей „Перепискѣ“ слабъ, хотя и характеренъ. Гоголь же въ тѣхъ мѣстахъ „Мертвыхъ Душъ“, гдѣ перестаётъ быть художникомъ, начинаетъ разсуждать прямо отъ себя, — просто слабъ и даже не характеренъ“

На „Перепискѣ“ Гоголя и отношеніи къ ней молодого поколѣнія прогрессистовъ намъ необходимо остановиться.

III.

Огромную популярность Гоголя среди образованнаго общества сороковыхъ годовъ и особенно среди прогрессивной молодежи того времени создалъ, по преимуществу, своими огненными статьями В. Г. Бѣлинскій. Хотя Гоголь не принадлежалъ лично къ кружку „Отечественныхъ Записокъ“, гдѣ еще работалъ Бѣлинскій, хотя по своимъ знакомствамъ Гоголь болѣе примыкалъ къ москвичамъ-славянофиламъ и партіи погодинскаго „Москвитянина“, однако, Бѣлинскому общій духъ Гоголевыхъ писаній казался родственнымъ, и онъ ратовалъ за Гоголя. Только изданіе „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“ показали Бѣлинскому всю пропасть, отдѣлявшую его отъ Гоголя — и только тогда произошелъ разрывъ, ознаменованный посылкою Гоголю извѣстнаго письма Бѣлинскаго. Конечно, въ настоящее время нельзя согласиться со всѣми мыслями, изложенными въ этомъ письмѣ¹⁾; но мы должны разсматривать его, какъ матеріалъ для характеристики

1) Письмо сильно чувствованіями, но со сторонъ фактической и логической не особенно состоятельно; вѣдь оно написано было горяча, не было выношено, — и вдобавокъ самъ Бѣлинскій находился въ тотъ моментъ подъ полнымъ вліяніемъ социализма. Судя по прежнимъ періодамъ его умственного развитія, онъ скоро изжилъ бы и социализмъ, — и перешелъ бы къ иному міровоззрѣнію

мировоззрѣнія передовой части русскаго общества въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго XIX вѣка. Что касается Гоголя и его „Переписки“, то Бѣлинскій, распознавъ наконецъ истинныя мысли своего недавняго идола, рѣшительно и съ негодованіемъ отвернулся отъ Гоголя — и за своимъ вождемъ такъ же отвернулася отъ Гоголя, какъ отъ человѣка, а не какъ отъ творца „Мертвыхъ Душъ“, и вся передовая молодежь, въ томъ числѣ, разумѣется, и тогдашній социалистъ-петрашевецъ, Ѳ. М. Достоевскій. И онъ пересталъ уважать въ великомъ художникѣ Гоголѣ — человѣка, когда онъ ознакомился съ тѣми интимными письмами, въ которыхъ Гоголь поучалъ своихъ пріятелей, и которымъ онъ самъ придавалъ такое огромное общественное значеніе, что даже рѣшился опубликовать ихъ въ видѣ особой книги.

IV.

Что же особенно поразило и разсердило прогрессистовъ въ „Перепискѣ“ Гоголя?

Мы не можемъ здѣсь разсмотрѣть этотъ вопросъ во всей его полнотѣ. Возьмемъ лишь тѣ пункты, которые затрагиваются нашею темой. Оставимъ поэтому въ сторонѣ преппирательства изъ-за положеній религіозныхъ, политическихъ и пр. Но особенно больно затронуло Бѣлинскаго и его друзей презрительное отношеніе Гоголя къ простому русскому народу, тогда еще крѣпостному

Пророческій жаръ, стремленіе поучать окружающихъ, постоянно — и до нашихъ дней обуревали выдающихся русскихъ людей. Пророками мнили себя и Левъ Толстой, и Владимиръ¹⁾ Соловьевъ, и самъ Ѳ. М. Достоевскій въ позднѣйшіе свои годы, причемъ нельзя не замѣтить, что эта мнимо-пророческая миссія причиняла своимъ обладателямъ подчасъ не мало горя и разочарованій. Бѣду принесла и Гоголю взятая имъ на себя въ „Перепискѣ“ роль пророка и учителя.

1) См. его прелюбопытную брошюру *L'idée russe*.

Гоголь разсердилъ западниковъ и молодежь, самыхъ горячихъ своихъ поклонниковъ и цѣнителей, преимущественно, двумя своими письмами: „Русскій помѣщикъ“ и „Сельскій судъ и расправа“: Эти письма, адресованныя къ М. и Б. И. Б-му, стоятъ въ тѣсной связи со взглядами на высокое значеніе русскаго помѣщика, высказанными во II части „Мертвыхъ Душъ“.

Гоголь задавался въ этихъ письмахъ едва-ли избыточною цѣлью: „связать помѣщика (душевлдѣльца) съ его (крѣпостнымъ) крестьяниномъ связями во Христѣ и заставить помѣщика служить Государю службу въ званіи помѣщика“. Каковы же были средства, предложенныя Гоголемъ для достиженія этой высокой цѣли?

Управленіе крестьянами — по в и д и м о с т и — отнюдь не должно было носить корыстнаго характера. „Скажи мужикамъ“, поучаетъ Гоголь, „что заставляешь ихъ трудиться и работать вовсе не потому, чтобы нужны были тебѣ деньги на твои удовольствія, — и въ доказательство тутъ же сожги передъ ними ассигнаціи“! Совѣтъ, на исполненіе котораго помѣщикомъ разсчитывать со стороны Гоголя было, по меньшей мѣрѣ, наивно. Но при этомъ онъ-же заманиваетъ помѣщика къ исполненію своихъ совѣтовъ обѣщаніемъ: „Разбогатѣешь ты, какъ Крезь“. Стало быть, помѣщикъ все-таки разживется даровымъ крѣпостнымъ трудомъ, и все это проектируемое сожиганіе бумажныхъ денегъ передъ мужиками является лишь хитро разсчитаннымъ и лукавымъ средствомъ ввести въ заблужденіе мужицкую сѣрую простоту.

Возмущали молодежь такія разсужденія Гоголя о расправѣ съ крестьянами: „Судите всякаго человѣка двойнымъ судомъ и всякому дѣлу дайте двойную расправу. Одинъ судъ долженъ быть ч е л о в ѣ ч е с к і й : на немъ оправдайте праваго и осудите виноватаго Другой же судъ сдѣлайте Божескій: на немъ о с у д и т е и праваго, и виноватаго Изъ всѣхъ народовъ только въ одномъ русскомъ заронилась эта вѣрная мысль, что нѣтъ человѣка праваго, и что правъ

одинъ только Богъ И видишь, что весьма право поступила комендантша въ повѣсти Пушкина „Капитанская дочка“, которая, пославши поручика разсудить городского солдата съ бабой, подравшихся за деревянную шайку, снабдила его такою инструкціей: „разбери, кто правъ, кто виноватъ — да обо ихъ и накажи“!

Тамъ же Гоголь высказывается и противъ грамотности. Учить мужика грамотѣ, говоритъ онъ, — затѣмъ, чтобы доставить ему возможность читать пустыя книжонки, которыя издають для народа европейскіе человѣколюбцы ¹⁾, — есть, дѣйствительно, вздоръ. Къ такого рода „человѣколюбію“ Гоголь относится, какъ ко вздору, иронически.

Но главнымъ образомъ возмущали читателей поученія Гоголя, какъ надо ругать мужика, — и ругать не просто, а по особой теоріи. „Мужика не бей“, совѣтуетъ Гоголь: „сѣздить его въ рожу еще не большое искусство; это сумѣетъ сдѣлать и становой, и засѣдатель, и даже староста; мужикъ къ этому уже привыкъ и только-что почешетъ слегка у себя въ затылкѣ“ Значитъ, бить не надо, — не потому, что это само по себѣ мерзость, а единственно потому лишь, что битье, какъ и всякое средство, вслѣдствіе чрезчуръ частаго употребленія, потеряло уже силу, не достигаетъ цѣли, не „пробираетъ“: мужикъ обтерпѣлся; нужны, стало быть, иныя средства, болѣе дѣйственные, нежели кулакъ. „Но умѣй пронять его хорошенько словомъ Ругни его при всемъ народѣ, но такъ, чтобы тутъ же осмѣялъ его весь народъ: это будетъ для него въ нѣсколько разъ полезнѣе всякихъ подзатыльниковъ и зуботычекъ; чтобы слышала вся деревня, что лѣнтяй и пьяница есть баба и дрянъ. Выкопай слово еще похуже, словомъ, назови всѣмъ, чѣмъ не хочетъ быть русскій человѣкъ“ ²⁾.

1) Не имѣется ли въ виду здѣсь князь В. Ѳ. Одоевскій, одинъ изъ весьма немногихъ тогда писателей русскихъ, мечтавшихъ доставить чтеніе народу и писавшихъ популярныя брошюры?

2) Ср. съ этимъ еще одно мѣсто у Гоголя: „Съ русскимъ ли

Въ другомъ мѣстѣ Гоголь совѣтуетъ помѣщику, чтобы онъ „повелѣлъ негодяямъ и пьяницамъ оказывать добрымъ мужикамъ такое же уваженіе, какое старостѣ, прикащику, попу или даже самому тебѣ, чтобы, когда еще они завидятъ издали примѣрнаго мужика и хозяина, летѣли бы шапки съ головы у всѣхъ мужиковъ, и все бы ему давало дорогу“. Если бы этого не стали дѣлать, то непокорныхъ, по мнѣнію Гоголя, надо тоже хорошенько отругать: „который (мужикъ) посмѣлъ бы оказать примѣрному мужику какое-нибудь неуваженіе, или не послушался умныхъ словъ его, того распеки тутъ же при всѣхъ“. Гоголь даже приводитъ образчикъ такой мужицко-педагогической брани. „Скажи ему: „Ахъ, ты, не вымытое рыло! Самъ весь зажился въ сажѣ, такъ что и глазъ не видать, да еще не хочешь оказать и чести честному. Поклонись же ему въ ноги и попроси, чтобы навелъ тебя на разумъ; не наведетъ на разумъ, — собакой пропадешь!“! Очевидно, Гоголь считалъ себя мастеромъ ругаться съ мужиками, давая своимъ друзьямъ — душевладѣльцамъ подобные трафареты для ихъ рѣчей къ подвластнымъ

V.

Бѣлинскій, прочитавши „Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями“, пришелъ въ ужасъ, въ негодованіе, въ изступленіе. Своимъ чувствамъ онъ далъ выходъ, изливъ ихъ въ своемъ знаменитомъ, громовомъ письмѣ къ Гоголю, письмѣ, ходившемъ по Россіи въ тысячахъ списковъ.

„А выраженіе: „Ахъ, ты, неумытое¹⁾ рыло“! Да у какого Ноздрева, у какого Собакевича подслушали Вы его,

человѣкомъ не надѣлать добра на всякомъ поприщѣ? Да его стоитъ только хорошенько попрекнуть, назвавъ его бабой и хомякомъ, загнуть ему знакомую поговорку и сказать, что вотъ де говорить нѣмецъ, что русскій человѣкъ ни на что не годенъ, — какъ изъ него уже въ мигъ сдѣлается другой человѣкъ“.

1) У Гоголя книжная форма: „невымытое“. Бѣлинскій возстановливаетъ простонародный оборотъ: „неумытое“.

чтобы передать міру, какъ великое открытіе въ пользу и назиданіе мужиковъ, которые и безъ того потому не умываются, что, повѣривъ своимъ барамъ, сами себя не считаютъ за людей. А Ваше понятіе о національномъ русскомъ судѣ и расправѣ, идеаль котораго нашли Вы въ глупой поговоркѣ, что должно пороть и праваго, и виноватаго! Да это и такъ у насъ дѣлается въ частую, хотя еще чаще всего порютъ только праваго Другая поговорка гласитъ тогда: „безъ вины виновать“. И такая-то книга могла быть результатомъ труднаго внутренняго процесса, высокаго духовнаго просвѣтленія! . . . Не можетъ быть“!

Достоевскій, какъ извѣстно, страстно раздѣлялъ и принималъ тогда ученія Бѣлинскаго въ ихъ совокупности, цѣликомъ. Въ процессѣ петрашевцевъ въ главную вину Федору Михайловичу Достоевскому, — вину, за которую его сначала присудили къ смертной казни, а потомъ сослали въ каторгу, было поставлено именно то обстоятельство, что на собраніяхъ у Петрашевскаго онъ читалъ это нецензурованное письмо Бѣлинскаго къ Гоголю. Слѣдовательно, Достоевскій не могъ стоять, тогда за Гоголя. Наряду съ тѣмъ кружокъ Бѣлинскаго, однако, упрекалъ Достоевскаго въ зависти къ Гоголю; по ходившимъ тогда въ литературныхъ кружкахъ сплетнямъ, Достоевскій надѣялся, что его „Двойникъ“ затмитъ славу „Мертвыхъ Душъ“; да и съ кружкомъ Бѣлинскаго разсорился вполсѣдствіи Достоевскій чуть ли опять-таки не изъ-за Гоголя.

Достоевскій въ ту эпоху, какъ и вся молодежь, внѣ сомнѣнія, раздѣлялъ, стало быть, воззрѣнія Бѣлинскаго на „Переписку“ Гоголя, хотя тотъ, разумѣется, въ своей полемикѣ противъ автора „Переписки“ сильно увлекался и смотрѣлъ на инья обстоятельства пристрастно и односторонне, напр., утверждая, будто весь русскій народъ атеистиченъ¹⁾. Вполсѣд-

1) „По Вашему, русскій народъ“, возражаетъ Бѣлинскій Гоголю, „самый религіозный въ мірѣ — ложь! Основа религіозности есть піетизмъ, благоговѣніе, страхъ Божій Приглядитесь попри стальнѣе (къ русскому), и Вы увидите, что это по натурѣ глубоко

ствіи послѣ каторги убѣжденія Достоевскаго совершенно пере-
мѣнились; онъ во многихъ отношеніяхъ сталъ врагомъ за-
падниковъ (стало быть, и идей Бѣлинскаго, поскольку онѣ
выражали собой западнической космополитизмъ); Достоевскій
сталъ „народникомъ“, мистически увѣровалъ въ русскій
народъ, какъ въ народъ-Богоносецъ; но не могло вмѣстѣ съ
тѣмъ переимѣниться его отрицательное отношеніе къ „Пере-
пискѣ“ Гоголя. Напротивъ того, его отвращеніе къ этой
книгѣ должно было еще возрасти; онъ не могъ простить того
барскаго презрѣнія къ мужику, которое сквозило въ выше
приведенныхъ словахъ Гоголя, не могъ усвоить себѣ того
сознанія безусловнаго своего нравственнаго превосходства надъ
народомъ, — превосходства, по мнѣнію Достоевскаго, мнимаго,
— какимъ были проникнуты совѣты лжепророка-Гоголя.

„Вопросъ о народѣ“, пишетъ Достоевскій въ „Днев-
никѣ писателя“ (1876 г., февраль, I, 2), „и о взглядѣ на
него, о пониманіи его, теперь — у насъ самый важный
вопросъ, въ которомъ заключается все наше будущее,
даже, такъ сказать, самый практическій вопросъ нашъ теперь!
И однако же, народъ для насъ всѣхъ — все еще теорія и
продолжаетъ стоять загадкой¹⁾ Народу-ли за нами —
или намъ за народомъ? вотъ что теперь всѣ говорятъ изъ
тѣхъ, кто хоть капельку не лишенъ мысли въ головѣ и за-
боты по общему дѣлу въ сердцѣ“.

Но какъ думаетъ на этотъ счетъ самъ Достоевскій? „А
потому я и отвѣчу искренно: напротивъ! это — мы должны
преклониться передъ народомъ и ждать отъ него

атеистическій народъ. Въ немъ еще много суевѣрія, но нѣтъ слѣда
религіозности“ Бѣлинскій всю жизнь виталъ въ сферѣ от-
влеченныхъ идей и такъ и не успѣлъ ознакомиться съ русскимъ
народомъ въ его національной особенности.

1) Цѣлая треть столѣтія протекла съ тѣхъ поръ, какъ напи-
саны Достоевскимъ эти строки, и дѣло съ народомъ обстоитъ все
такъ же. Припомнимъ недавнія разочарованія и правыхъ, и лѣвыхъ
по поводу поведенія крестьянъ въ Государственныхъ нашихъ Думахъ
первыхъ созывовъ.

всего: и мысли, и образа, преклониться предъ правдой народной и признать ее за правду даже въ томъ ужасномъ случаѣ (иронія!), если она вышла бы отчасти изъ „Четъи-Минеи“!

Но въ чемъ же состоитъ народная правда, за которую надо, но Достоевскому, передъ народомъ преклониться? „Я утверждаю“, говоритъ Достоевскій въ другомъ мѣстѣ („Дневникъ писателя“, 1880 г., августъ, III, 1), „что нашъ народъ просвѣтился уже давно, принявъ въ свою суть Христа и ученіе Его. Мнѣ скажутъ: онъ ученія Христа не знаетъ и проповѣдей ему не говорятъ; но это возраженіе пустое: все знаетъ то, что ему именно нужно знать, хотя и не выдержитъ экзамена изъ катехизиса“¹⁾.

VI.

И этотъ то Христоносецъ-народъ Гоголь совѣтуетъ ругать самыми обидными словами. Что долженъ былъ чувствовать Достоевскій при такой мысли?! Полемизируя съ Иваномъ Сергѣевичемъ Аксаковымъ, тогда еще редакторомъ „Дня“, Достоевскій писалъ въ журналѣ „Время“ въ 1861 г.: „Крестьянинъ, говорите Вы, не былъ для (нашего русскаго) помѣщика вилеinemъ (какъ у средневѣковыхъ бароновъ), а рабомъ Божіимъ, христіанскою душою. А „холопъ“, „хамъ“, „халуй“, „хамлетъ“ — что? Эти названія, по Вашему, благороднѣе „вилеия“? И позвольте: что Вы разумѣете подъ именемъ „дружелюбныхъ“ помѣщиковъ“?

Здѣсь сквозить уже нѣкоторая реминисценція о Гоголѣ и его методѣ брани. Но есть у Достоевскаго и прямая ссылка на Гоголя („Дневникъ Писателя“, 1874 г., май-іюнь, I, 2):

„Мы и на народъ-то“, пишетъ Ѳеодоръ Михайловичъ, „смотримъ именно, какъ на похабника, пакостника, обскурантнаго ругателя и находящаго лишь наслажденіе въ ругатель-

1) Т. XI, стр. 473.

ствѣ Во времена моей юности было у военныхъ людей — въ огромномъ большинствѣ ихъ — убѣжденіе, что русскій солдатъ, какъ вышедшій изъ народа, чрезвычайно любитъ говорить похабности, ругатель и сквернословъ Да чего, даже Гоголь въ „Перепискѣ“ совѣтовалъ пріятелю, распекая крѣпостного мужика, всенародно употреблять непремѣнно крѣпкія слова и даже приводилъ, какія именно, т. е. тѣ изъ нихъ, которыя садче, въ которыхъ какъ можно больше бы оказывалось, такъ сказать, нравственной похабности, чѣмъ наружной, — утонченности чтобы въ ругательствѣ больше было. Между тѣмъ: народъ русскій, хоть и ругается, къ сожалѣнію, крѣпкими словами, но далеко не весь, — въ самой незначительной даже своей долѣ (повѣрятъ ли тому?), а главное (и безспорно!) ругается онъ скорѣе машинально, чѣмъ съ нравственною утонченностью, скорѣе по привычкѣ, чѣмъ съ умысломъ, — и вотъ это-то послѣднее-то, т. е. съ у м ы с л о м ъ , случается лишь въ чрезвычайно рѣдкихъ экземплярахъ, у бродягъ, пропойцъ и всякихъ стрюпкихъ, презираемыхъ народомъ. Народъ, хоть и ругается по привычкѣ, но самъ знаетъ, что это — привычка скверная, и осуждаетъ ее“.

Изъ этого разсужденія Достоевскаго мы видимъ, что съ его стороны не остались не замѣченными ни извѣстный пассажъ въ „Перепискѣ“ Гоголя, ни негодующая на него реплика Бѣлинскаго. Поученіе Гоголя должно было, повторяемъ, отзываться еще болѣзненнымъ, чѣмъ у Бѣлинскаго, ибо Достоевскій видѣлъ въ этомъ распекаемомъ крѣпостномъ мужикѣ не просто унижаемаго человѣка, какъ Бѣлинскій, — но еще и Богоносца, передъ которымъ мы, интеллигенты, должны прямо преклониться, какъ предъ носителемъ Божественной правды. Презрѣніе къ народу, отрѣшеніе отъ него и отъ его правды Достоевскій объясняетъ слѣдующимъ образомъ.

„Такъ случается съ иными высшими графскими лакеями, маленькими, выскочившими въ дворянство чиновниками и пр. пр. Они еще сильнѣе презираютъ народъ, чѣмъ большіе господа, гораздо уже правильнѣе ихъ окультуренные Почти

такъ же ноставленъ бывалъ и помѣщикъ, усадьба котораго была въ какихъ нибудь въ ста шагахъ отъ мужицкихъ избъ; но не въ ста шагахъ было дѣло, а въ томъ, что человѣкъ вкусилъ уже отъ разврата цивилизаціи. Онъ и близокъ къ народу, — всего во ста шагахъ, но на этомъ пространствѣ ста шаговъ умѣстилась цѣлая пропасть. Окультуренъ этотъ помѣщикъ могъ быть, дѣйствительно, всего только на капельку, — ну а развращенъ этой капелькой былъ уже окончательно“!

Итакъ, презрительное отношеніе Гоголя къ крѣпостному мужику въ глазахъ Достоевскаго имѣло лишь характеръ презрѣнія къ народу развращеннаго поверхностною цивилизаціею мелкаго помѣщика, хотя и близкаго къ народу, но уже потерявшаго чутье народной правды.

VII.

Такимъ образомъ легла цѣлая пропасть между отношеніемъ передовой Россіи къ твореніямъ Гоголя и отношеніемъ ея же къ личности Гоголя, къ Гоголю, какъ человѣку. Бѣлинскій въ своемъ письмѣ къ Гоголю не пощадилъ его, какъ человѣка, не пожалѣлъ для него сильныхъ и не „украшающихъ“ эпитетовъ, но до гроба онъ, разумѣется, оставался поклонникомъ и прославителемъ „Мертвыхъ Душъ“ и другихъ произведеній Гоголя. Достоевскій не могъ одобрить Гоголя въ его отношеніи къ помѣщикамъ и народу, но не переставалъ быть вѣрнѣйшимъ ученикомъ и послѣдователемъ Гоголя, и на оборотъ съ каждымъ новымъ собственнымъ сочиненіемъ все расширялъ и углублялъ направленіе, усвоенное русской литературѣ Гоголемъ. Гоголь, какъ творецъ, и Гоголь, какъ человѣкъ, послѣ „Выбранныхъ мѣстъ изъ переписки съ друзьями“, стали для русской прогрессивной и читающей публики двумя несоизмѣримыми величинами.

Необходимо тутъ же отмѣтить, что лично Гоголь производилъ на многихъ вступавшихъ съ нимъ въ сношеніе людей не совсѣмъ благопріятное впечатлѣніе; оговоримся, —

если Гоголь самъ не заискивалъ въ данномъ лицѣ, если оно не было ему въ какомъ-либо дѣлѣ нужнымъ: въ противномъ случаѣ Гоголь умѣлъ пріобрѣтать себѣ покровителей и даже скоро забиралъ ихъ въ руки. Тамъ же, гдѣ онъ бывалъ окруженъ своими поклонниками, или, гдѣ онъ держалъ себя на распашку, не заботясь о производимомъ имъ впечатлѣніи, онъ далеко не всѣмъ нравился.

Приведемъ свидѣтельство такого психолога, какъ И. С. Тургеневъ, не безъ основанія тоже могущаго считаться однимъ изъ птенцовъ изъ Гоголева гнѣзда. Вотъ какъ онъ описываетъ наружность Гоголя („Литературныя и житейскія воспоминанія“, т. XII, III, стр. 61 — изданія Маркса).

„Бѣлокурые волосы у Гоголя падали отъ висковъ прямо, какъ обыкновенно у казаковъ Длинный заостренный носъ придавалъ фізіономіи Гоголя нѣчто хитрое, лисье; невыгодное впечатлѣніе производили такъ же его одутловатыя, мясистыя губы подъ остриженными усами; въ ихъ неопредѣленныхъ очертаніяхъ выражались — такъ, по крайней мѣрѣ, мнѣ показалось, — тѣмныя стороны его характера; когда онъ говорилъ, онъ непріятно раскрывались и выказывали рядъ нехорошихъ зубовъ“

Достоевскій, сколько мы знаемъ, не могъ имѣть личныхъ впечатлѣній отъ Гоголя, потому что ни разу не встрѣчался съ нимъ. Нѣтъ сомнѣній, однако, что были моменты, особенно въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, когда Достоевскій относился къ личности Гоголя очень враждебно. Но съ теченіемъ времени все изгладилось: позабылись у Достоевскаго непріятныя черты Гоголевой личности и осталась въ памяти лишь его великая заслуга литературная ¹⁾.

1) Въ своей рѣчи о Пушкинѣ, въ самомъ началѣ Достоевскій прямо ссылается на Гоголя, сказавшаго, что Пушкинъ есть явленіе чрезвычайное и, можетъ быть, единственное. Въ „Дневникъ гисателя“ (за 1877 г. май-іюнь, гл. I, 3, — по изданію Маркса, т. XI, стр. 163) Достоевскій говоритъ: „однимъ словомъ, мнѣ кажется, что типъ анонимнаго ругателя — весьма недурная тема для по-вѣсти. И серьезная. Тутъ, конечно, былъ бы нуженъ Гоголь“.

Нельзя не вспомнить при этой о той его характеристикѣ Гоголя, гдѣ онъ называетъ его „демономъ“ (см. его „Рядъ статей о русской литературѣ“, введение, III, по изданію Маркса, т. IX, стр. 28—29).

„Были у насъ“, говоритъ Достоевскій, „и демоны, настоящіе демоны; ихъ было два (Гоголь и Лермонтовъ), и какъ мы любили ихъ, какъ до сихъ иоръ мы ихъ любимъ и цѣнимъ! Одинъ изъ нихъ все смѣялся; онъ смѣялся всю жизнь и надъ собой, и надъ нами, и мы всѣ смѣялись надъ нимъ, до того смѣялись, что наконецъ стали плакать отъ нашего смѣха. Онъ иостигъ назначеніе поручика Пирогова; онъ изъ пропавшей у чиновника шинели сдѣлалъ намъ ужаснѣйшую трагедію. Онъ разсказалъ намъ въ трехъ строкахъ всего рязанскаго помѣщика¹⁾, всего до послѣдней черточки. Онъ выводилъ передъ нами пріобрѣтателей, кулаковъ, обирателей и всякихъ застѣдателей. Ему стоило указать на нихъ пальцемъ, и уже на лбу ихъ зажигалось клеймо на вѣки вѣковъ, и мы уже наизусть знали, кто они и, главное, какъ называются. О, это былъ такой колоссальный демонъ, котораго у васъ никогда не бывало, и которому вы, можетъ быть, и не позволили бы быть у себя, на Западѣ“!

1) Достоевскій цитируетъ на память и ошибается (ср. мою книжку „Изъ исторіи русской литературы и просвѣщенія“. I—XII). У Гоголя — рязанскій не помѣщикъ, а офицеръ. О немъ идетъ рѣчь въ концѣ VII главы I-ой части „Мертвыхъ Душъ“. При возвращеніи Чичикова изъ поѣздки къ помѣщикамъ разбитной половой въ гостинницѣ докладываетъ ему, что де вчера пріѣхалъ поручикъ какой-то военный, занялъ 16-й нумеръ, неизвѣстно какой, изъ Рязани, гнѣдья лошади. „Скоро“, говоритъ Гоголь, „все утомилось и гостинница объялась непробуднымъ сномъ. Только въ одномъ окошечкѣ виденъ былъ еще свѣтъ, гдѣ жилъ пріѣхавшій изъ Рязани поручикъ, повидимому, большой охотникъ до сапогъ, потому что заказалъ уже четыре пары и безпрестанно примѣривалъ пятую. Нѣсколько разъ подходилъ онъ къ постели, чтобы ихъ скинуть и лечь, но никакъ не могъ. Сапоги, точно, были очень увлекательны — и долго еще поднималъ онъ ногу и обсматривалъ бойко и на диво стачанный каблукъ“. Всего любопытнѣе, что, по нѣкоторымъ указаніямъ, Гоголь эту черту — увлеченіе новыми, красивыми сапогами — списалъ не съ рязанскаго поручика, а съ самого себя

Изъ студенческой жизни шестидесятыхъ годовъ.

Въ своей книгѣ „Дѣла и люди“ мы рассказали одинъ любопытный эпизодъ изъ жизни русскихъ студентовъ — Казанскаго университета — въ 1815 году. Теперь опять-таки на основаніи документовъ того же архива Казанскаго университета мы имѣемъ въ виду воспроизвести передъ читателями еще одинъ эпизодъ изъ жизни Казанскихъ студентовъ, но уже за другой періодъ времени, а именно за шестидесятые годы въ ихъ началѣ. Мы разумѣемъ „Вяземскую“ или „Большаніевскую исторію“. Она любопытна, какъ симпомъ тѣхъ вѣяній, которыя отчетливо обрисовываютъ эпоху. Однимъ изъ рядовыхъ участниковъ этой Казанской исторіи носилъ имя, тогда еще безвѣстное, а именно Каракозовъ.

Имя Дмитрія Каракозова послѣ совершеннаго имъ 4 апрѣля 1866 г. покушенія на жизнь Императора Александра II получило сразу большую, хотя и зловѣщую, извѣстность. Покушеніе было совершено всенародно, оно было первымъ послѣ большого промежутка времени, когда о такихъ помыслахъ въ Россіи не было и слышно, наконецъ оно было направлено на Царя-Освободителя, — недолго спустя его великихъ реформъ, всего черезъ пять лѣтъ послѣ освобожденія многомилліонной массы крѣпостного люда. Въ сознаніи народа покушеніе Каракозова получило даже значеніе какъ бы нѣкой отмстки дворянскаго сословія за освобожденіе крестьянъ, и потому съ особенной настойчивостью принисывали спасеніе жизни обожаемаго Монарха, угрожаемой дворяниномъ, простому крестьянину О. И. Коммиссарову. Имя же Каракозова получило столь фатальное значеніе, что остальные его родичи-однофамильцы по ихъ просьбѣ получили другую фамилію — Михайловыхъ-Рославлевыхъ.

Въ архивѣ Казанскаго университета имѣются нѣкоторыя данныя какъ о самомъ Д. В. Каракозовѣ, такъ и объ его отцѣ, дѣдѣ и прадѣдѣ.

Изъ документовъ видно, что это дворянство Каракозовыхъ, на которое такъ упирали тогда, было и невысокое, и недавняго происхожденія. Даже въ 1857 году еще не всѣ братья Каракозовы были внесены въ дворянскую родословную книгу (Саратовской губерніи, по 2-ой части); объ этомъ еще производилось дѣло; впрочемъ, ходатайство о признаніи за родомъ правъ дворянства началось еще въ 1814 году.

Прадѣдъ Дмитрія Владимировича, Ѳеодоръ Каракозовъ, вѣроятно, татарскаго происхожденія, владѣлъ селомъ Арановкою съ 80 душами въ Симбирскомъ уѣздѣ и служилъ въ военной службѣ; 13 января 1729 г. онъ получилъ изъ военной коллегіи патентъ на чинъ поручика.

Дѣдъ, Иванъ Ѳеодоровичъ вступилъ въ службу въ 1768 году, получилъ сержанта въ 1771 году, прапорщика въ 1773 г., служилъ въ Нижегородскомъ драгунскомъ полку и военною коллегією отставленъ въ 1778 г. по прошенію „въ разсужденіи домашнихъ нуждъ“ отъ военной службы съ награжденіемъ по достоинству отъ полка чиномъ подпоручика. Затѣмъ онъ служилъ въ штатской службѣ, а именно съ 1780—1783 г. засѣдателемъ въ Сердобскомъ, Саратовской губ., уѣздномъ судѣ, а потомъ по 1789 г. судьей въ томъ же судѣ, далѣе съ 1793—1796 г. засѣдателемъ Пензенскаго верхняго земскаго суда, наконецъ, по 1798 г. опять судьей Сердобскаго уѣзднаго суда. Женатъ былъ Иванъ Ѳеодоровичъ на Иринѣ Семеновнѣ и имѣлъ дѣтей: Владимира, Алексѣя, Александру, Анну, Наталью, Марью. Отъ поручика Алексѣя Петровича Жмакина подпоручикъ Иванъ Ѳеодоровичъ Каракозовъ пріобрѣлъ въ Сердобскомъ уѣздѣ деревню Новое Жмакино въ 1784 году. Иванъ Ѳеодоровичъ Каракозовъ умеръ въ чинѣ титулярнаго совѣтника; на основаніи его военного чина подпоручика потомки его впослѣдствіи были признаны дворянами ¹⁾. Въ 1815 г. дѣти Ивана Ѳеодоровича, двое сы-

1) Дворянство обезпечивалось еще поручичьимъ чиномъ Ѳеодора Каракозова, но Иванъ Каракозовъ не могъ доказать своего происхожденія отъ него

новой и четыре дочери учинили раздѣлъ отцова имѣнія Жмакина, 106 душъ.

Отецъ Дмитрія Владимировича, Владимиръ Ивановичъ, служилъ на Элтонскихъ соляныхъ промыслахъ, потомъ, по-видимому, подобно отцу, застѣдателемъ Сердобскаго уѣзднаго суда и дослужился до коллежскаго секретаря. Отъ брака своего съ Марьею Алексѣвною онъ имѣлъ много дѣтей, а именно сыновей Петра, Николая, Алексѣя, Дмитрія и дочерей Анну, Екатерину, Марію, Софью, Александру. Старшій сынъ Петръ родился въ 1825 г., младшій, фатальный Дмитрій 23 октября 1840 г. Учившійся вмѣстѣ съ нимъ въ Казанскомъ университетѣ братъ Алексѣй родился 30 декабря 1837 г. Братъ Николай, родившійся въ 1833 г., возбуждалъ въ 1857 году въ званіи писца 2-го разряда вновь ходатайство о признаніи правъ дворянства. Были у Каракозова еще какіе то родственники въ Аткарскомъ уѣздѣ той же Саратовской губ. Надъ семейю Каракозовыхъ, очевидно, уже тяготѣло вырожденіе. Отецъ Дмитрія Владимировича скончался упомянутымъ. Старшій братъ Петръ на 45 году жизни по опредѣленію Саратовскаго губернскаго правленія былъ признанъ слабоумнымъ и помѣщенъ въ домъ умалишенныхъ.

И Алексѣй, и Дмитрій Владимировичи Каракозовы учились оба въ Пензенской гимназіи. Дмитрій жилъ на хлѣбахъ у учителя той же гимназіи Владимира Ивановича Захарова. Алексѣй поступилъ въ Казанскій университетъ по медицинскому факультету 25 августа 1858 г. и 20 іюня 1863 г. благополучно окончилъ курсъ со званіемъ лекаря. 23 сентября того же года онъ выбылъ изъ университета. Младшій братъ его, Дмитрій, въ 1860 г. окончивъ курсъ гимназіи 19 лѣтъ, по экзамену поступилъ въ Казанскій университетъ на юридическій факультетъ: подалъ прошеніе о приѣмѣ 1 мая 1861 г., принятъ 22-го августа, окончательно зачисленъ 1 сентября и былъ исключенъ изъ него почти черезъ полтора мѣсяца — 21 октября того же года; затѣмъ онъ вторично поступилъ въ университетъ черезъ два года и пробылъ въ

немъ еще одинъ годъ, когда уволился по прошенію для перехода въ Московскій университетъ.

Исключенъ былъ Дмитрій Владимировичъ по такъ называемой „Больцаніевской“ или „Вяземской“ исторіи, о которой мы и хотимъ сообщить. Объ этой исторіи можно судить, между прочимъ, и по показанію Каракозова, которое сохранилось въ архивѣ. Прежде, чѣмъ перейти къ этой „исторіи“, надо сказать о главныхъ герояхъ происшествія, профессорахъ Больцани и Янишевскомъ, а такъ же о студентахъ Олигерѣ, Маккавѣевѣ и Линдеманѣ.

Иосифъ Антоновичъ Больцани имѣлъ замѣчательную судьбу. Сынъ итальянскаго еврея, носившаго фамилію по тирольскому городу Ботцену [по итальянски Bolzani] ¹⁾, онъ родился въ Берлинѣ въ 1818 г., занялся торговлею, пріѣхалъ въ Россію и 20 лѣтъ отъ роду поступилъ къ извѣстному Даціаро по продажѣ нотъ и эстамповъ. Даціаро послалъ Больцани приказчикомъ въ свой магазинъ въ Казани. Больцани имѣлъ живой интересъ къ математикѣ, самоучкою занимался этой наукой и однажды обратилъ на себя вниманіе Казанскаго профессора чистой математики А. Θ. Попова ²⁾, который засталъ его за чтеніемъ курса механики Пуассона. Поповъ рекомендовалъ Больцани знаменитому геометру Н. И. Лобачевскому, занимавшему тогда постъ ректора Казанскаго университета, и оба профессора стали работать надъ развитіемъ Больцани, а также позаботились и объ его устроеніи на службу. Далѣе начинается для Больцани рядъ повышеній и почестей, возведшихъ его до званія профессора и генеральскаго чина. Въ

1) Литературный Сборникъ „Волжскаго Вѣстника“. Казань, 1898, стр. 353—354.

2) Онъ былъ очень малаго роста, за что студенты дали ему кличку „Дифференціаль“. Студенческая пѣсня того времени такъ его характеризуетъ:

Поповъ короткій,
Дифференціаль,
Слишкомъ занятъ водкой —
Оттого и малъ!

1842 г. его — изъ-за прилавка назначают надзирателемъ при I Казанской гимназіи, въ 1844 г. онъ выдержалъ гимназическое испытаніе, въ слѣдующемъ 1845 году — кандидатскій экзаменъ, освобождается изъ податного сословія ¹⁾ и назначается учителемъ математики въ Родіоновскій институтъ благородныхъ дѣвицъ. Въ 1846 г. Больцани перевели учителемъ въ I гимназію. Степень магистра математики онъ получилъ въ 1854 году и затѣмъ занялъ должность адъюнкта чистой математики, которую въ слѣдующемъ году промѣнялъ на физику. Въ 1859 году онъ получилъ степень доктора физики и химіи и возведенъ въ профессора, а въ 1860 году получилъ ординатуру. Онъ служилъ еще болѣе 15 лѣтъ и скончался на службѣ въ 1876 году отъ воспаленія въ мозгу. Съ 1868—1871 г. онъ былъ деканомъ физико-математическаго факультета.

Больцани, кажется, не оправдалъ надеждъ своихъ покровителей и руководителей. Писалъ и печаталъ онъ мало. Даже докторская диссертация его осталось ненанечатанною „за неокончательною ея обработкою“. Экспериментаторъ онъ былъ неважный, а какъ профессоръ, былъ бесполезенъ для студентовъ, ибо чрезвычайно плохо владѣлъ русскимъ языкомъ; студенты не понимали его и не могли у него учиться физикѣ. Очевидецъ, слышавшій Больцани даже не на курсовыхъ, а на публичныхъ лекціяхъ, говоритъ, что лекціи у Больцани не удавались. „Говорилъ онъ по русски скоро, невнятно и плохо, съ итальянско-еврейскимъ акцентомъ, да и мысль его не отличалась систематичностію и ясностію: опыты у Больцани были неудачны, и я помню, какъ на экранѣ волшебнаго фонаря появилась у него совершенно случайно какая то миска, опрокинутая вверхъ дномъ, какъ отлетѣла внизъ крышка этой миски, а изъ миски показалось красное пламя съ цѣлой группой чертей . . . Этотъ неу-

1) По мѣсту своей приписки Больцани былъ, какимъ-то образомъ, Нижегородскій мѣщанинъ.

дачный опытъ произвелъ въ публикѣ гомерическій смѣхъ“ (тамъ же, стр. 354).

Въ лицѣ Больцани, необразованнаго еврея, въ поздніе годы прямо углубившагося въ математическую спеціальность, и не прошедшаго средней школы, даже не физика, Казанскій университетъ сдѣлалъ пріобрѣтеніе сомнительное. А между тѣмъ кафедра физики имѣетъ важное значеніе, ибо она обслуживаетъ два (или даже, пожалуй, три) факультета съ весьма многочисленнымъ обыкновенно составомъ слушателей, а именно медицинскій и физико-математическій съ его естественно-научнымъ отдѣленіемъ. Неудовлетворительность Больцани, какъ лектора и экспериментатора, не умѣвшаго обращаться даже съ волшебнымъ фонаремъ, была, какъ увидимъ ниже, хорошо извѣстна его коллегамъ по факультету. Но ни факультетъ, ни совѣтъ университета не приняли никакихъ мѣръ къ поднятію уровня преподаванія и учебнаго значенія предмета физики въ теченіе долгаго ряда лѣтъ.

Занимавшій тогда должность инспектора студентовъ Казанскаго университета, профессоръ чистой математики Эрастъ Петровичъ Янишевскій былъ тоже не совсѣмъ заурядною личностію. Сынъ чиновника, онъ родился въ Москвѣ въ 1829 г., учился въ Казанскихъ второй гимназіи и университетѣ (1846—1850). Въ 1854 г. онъ получилъ степень магистра и сталъ приватъ-доцентомъ. Должность инспектора студентовъ Янишевскій проходилъ съ 22 апрѣля 1860 г. до 25 февраля 1862 г. и потерялъ ее именно послѣ Больцаниевской исторіи. Въ 1861 г. онъ сталъ экстраординарнымъ профессоромъ, а по полученіи степени доктора въ 1865 г. и ординарнымъ. Съ 1863 до 1867 г. онъ же завѣдывалъ ботаническимъ садомъ университета. Съ 1871—1881 г. Янишевскій представлялъ собою довольно рѣдкій примѣръ совмѣстительства профессуры съ мѣстомъ городского головы города Казани. Въ 1881 г. онъ получилъ заслуженнаго профессора и вышелъ въ отставку, а потомъ, сохраняя пенсію, занялъ должность предсѣдателя контрольной палаты въ Перми, откуда

перешелъ на такую же должность въ Казань — и продолжалъ службу до 1904 г.; послѣ окончательнаго выхода въ отставку Янишевскій скоро скончался.

Разносторонность занятій Э. П. Янишевскаго показываетъ его даровитость, талантливость. Впрочемъ, въ области науки онъ не создалъ какихъ-либо выдающихся трудовъ, и въ заслугу ему можно, преимущественно, поставить лишь то, что онъ былъ изъ первыхъ, кто заговорилъ о своемъ учителѣ Лобачевскомъ и значеніи его теорій для математики.

Наконецъ, что касается упоминаемыхъ ниже студентовъ, то Іоганъ Карловичъ (Александръ Рейнгольдовичъ) Олигеръ учился въ Казанскомъ университетѣ съ 25 августа 1859 г. до 27 мая 1860 г., когда былъ исключенъ, поступилъ вновь 15 сентября того же года и опять былъ исключенъ 14 февраля 1861 года. Маккавѣевъ учился съ 31 августа 1858 г. до 5 мая 1861 г. (уволился по прошенію), и Линдеманъ Карлъ-Бернгардъ-Рейнгольдъ Эдуардовичъ съ 31 августа 1859 г. до 5 іюля 1860 года (уволился по прошенію).

Теперь изложимъ самый ходъ Больцаіевской исторіи¹⁾.

Конецъ пятидесятихъ годовъ ознаменовался въ исторіи казанскаго студенчества постоянными волненіями. Одною изъ особенностей этого времени явилось въ Казанскомъ университетѣ то, что студенты принялись очищать университетъ отъ нѣкоторыхъ профессоровъ, преимущественно, изъ числа нѣмцевъ, казавшихся имъ плохими преподавателями, отсталыми въ наукѣ и не подходящими къ моменту университетскими дѣятелями. Студенты обращались къ отмѣченнымъ профессорамъ съ прямою просьбою очистить кафедру. Если тѣ не повиновались, то на ихъ лекціяхъ происходили демонстраціи, дѣлавшія дальнѣйшее пребываніе профессора на кафедрѣ невыносимымъ. Такъ одинъ за другимъ въ теченіе трехъ лѣтъ

1) Здѣсь она излагается по подлиннымъ архивнымъ документамъ. Изъ вторыхъ или третьихъ рукъ о ней говорится въ статьѣ С. Ашевскаго „Русское студенчество въ эпоху шестидесятихъ годовъ“ („Современный міръ“, октябрь, стр. 62—64).

(съ 1858 г.) были удалены нѣмцы Берви (профессоръ физиологiи), Струве (латинской словесности), Шарбе (греческой словесности) и одинъ русскій — историкъ Владимиръ Максимовичъ Вѣдровъ, внослѣдствіи цензоръ въ Петербургъ¹⁾. Затѣмъ студенты уже осенью 1861 г. намѣтили къ удаленію еврея Больцани, отъ преподаванія котораго они, какъ имъ казалось, не видали себѣ никакого толку; нужно сказать, впрочемъ, что удалить Больцани имъ-таки не удалось.

Неудовольствіе на Больцани студенты высказывали въ студенческой читальной комнатѣ въ зданіи университета своему инспектору Янишевскому. Янишевскій, ранѣе самъ со студентами осуждавшій Больцани, кажется, какъ недруга но факультету, сталъ его теперь защищать, увѣряя, якобы Больцани читаетъ понятно. Этотъ поворотъ въ мысляхъ не понравился студентамъ, и они вступили съ инспекторомъ въ споръ, при чемъ особенно горячился Олигеръ. Послѣ вторичнаго своего исключенія [по „Струвевской“ исторіи — вмѣстѣ съ другими, и между прочимъ, съ будущимъ извѣстнымъ профессоромъ медицины В. А. Манассеинымъ]²⁾ Олигеръ, и не состоя самъ уже болѣе студентомъ, былъ выбранъ студентами въ библіотекари читальной комнаты — и даже, какъ потомъ оказалось, жилъ въ самомъ зданіи университета. Янишевскій зналъ о библіотекарствѣ Олигера, но ранѣе, до этого спора не принималъ никакихъ мѣръ къ удаленію его. Теперь его тактика измѣнилась.

И. д. попечителя Казанскаго учебнаго округа былъ тогда сынъ извѣстнаго поэта, князь Павелъ Петровичъ Вяземскій (съ 4 ноября 1859 г.). Вяземскій отличался не столько бы-

1) С. Г. Сватиковъ („Историческій сборникъ „Былого“, стр. 167 — „Студенческія движенія“) увѣряетъ, что казанское студенчество протестовало противъ профессоровъ: Берви въ 1857 г., Бальцани въ 1859 г., противъ Гарве (sic) въ 1860 г., снова противъ Бальцани, а такъ же противъ Струве въ 1861 г. Все перепутано, а небывалый Гарве фигурируетъ, очевидно, вмѣсто Шарбе.

2) См. мой очеркъ о Манассеинѣ въ газетѣ „Русскій Врачъ“, 1905, № 41.

строкою ума, сколько необычайною тучностью; былъ онъ человѣкъ взбалмошный и подчасъ любившій либеральничать¹⁾. Онъ писалъ кое-что (о „Словѣ о полку Игоревѣ“), но его статьи не имѣли большого значенія. Въ данномъ случаѣ онъ вдругъ вмѣшался въ дѣло. Узнавъ, вѣроятно, отъ Янишевскаго про Олигера, князь неожиданно поступилъ круто и прибѣгъ къ мѣрѣ, имѣвшей самыя нежелательныя послѣдствія, а именно, онъ попросилъ военнаго губернатора Козлянинова выслать Олигера изъ города, какъ человѣка, вреднаго для спокойствія университета. Эта высылка и создала всю исторію. Студенты возмутились, какъ противъ Вяземскаго, такъ и противъ Янишевскаго за предполагаемый его доносъ на Олигера. Какъ мы увидимъ далѣе, Больцани уцѣлѣлъ на каѳедрѣ, но Вяземскій вскорѣ лишился попечительскаго мѣста, Янишевскій же — инспекторскаго.

7 октября около 30 человѣкъ студентовъ явились къ попечителю на квартиру (онъ жилъ тогда въ самомъ зданіи университета) съ жалобою на неудовлетворительность преподаванія физики Больцани: лекцій, читаемыхъ въ аудиторіи, они де не понимаютъ, а записокъ онъ не даетъ — все это рѣшительно отнимаетъ у нихъ средства заниматься физикою надлежащимъ образомъ. Кромѣ того, студенты просили о удаленіи Олигера изъ Казани и о принятіи его въ третій уже разъ въ число студентовъ.

Попечитель принялъ студентовъ строго, упрекалъ ихъ въ томъ, что они не понимаютъ Больцани, либо вслѣдствіе плохой подготовки, либо по лѣности, но отвергая общепризнанный фактъ²⁾, вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалъ послабленіе, а именно запросилъ совѣтъ, нельзя ли опять, въ третій разъ, какъ-нибудь принять Олигера, котораго онъ, замѣтимъ,

1) Напр., поддерживалъ полуреволюціоннаго историка А. П. Щапова, не смотря на его весьма неудобный алкоголизмъ.

2) Однако, позволилъ же просить объ его удаленіи, да при томъ выдалъ студентамъ головою своего конфидента Э. П. Янишевскаго, какъ увидимъ ниже, стр. 212 и 213.

самъ вѣдь только-что выслалъ изъ города. Это одно уже показываетъ и дальновидность, и тактъ Вяземскаго. Студенты горячо спорили и съ попечителемъ. Особенно смѣло вели себя въ этихъ дебатахъ Маккавѣевъ и Линдеманъ.

Въ засѣданіи своемъ 8 октября совѣтъ университета, какъ и слѣдовало ожидать, отказалъ попечителю въ приѣмѣ Олигера. Въ томъ же засѣданіи было постановлено закрыть университетъ и произвести формальное слѣдствіе надъ студентами, бывшими утромъ того же дня въ квартирѣ Янишевскаго (въ университетѣ).

Студенты считали себя правыми. Изъ ихъ дальнѣйшихъ объясненій видно, что, кажется, и инспекторъ, и ректоръ, знаменитый потомъ академикъ-химикъ А. М. Бутлеровъ, вели себя необдуманно и неосторожно. Бутлеровъ говорилъ, что, если студенты недовольны профессоромъ, то надо на него жаловаться ректору, а если онъ не вступится въ дѣло, то и прямо уже самому попечителю. Этимъ ректоръ хотѣлъ якобы предупредить насильственный выгонъ профессоровъ студентами изъ аудиторій. Янишевскій будто бы ранѣе и самъ говорилъ студентамъ о непригодности Больцани, какъ профессора. Олигеръ въ глаза уличалъ этимъ разговоромъ Янишевскаго въ читальной комнатѣ, въ отместку за что, по мнѣнію студентовъ, Янишевскій оклеветалъ передъ попечителемъ Олигера (и Линдемана).

Утромъ 8 октября въ квартиру Янишевскаго явилась толпа студентовъ. Онъ еще пилъ чай и вышелъ къ нимъ „въ халатѣ“. Студенты потребовали отъ него объясненій, въ которыхъ онъ имъ отказалъ. Тогда студенты стали на него наступать съ крикомъ: „вонъ, вонъ! мы не хотимъ инспектора, намъ не надо инспектора!“

Янишевскій зажалъ уши и побѣжалъ въ заднія комнаты, въ которыя заперъ двери. Студенты, пошумѣвъ еще, разошлись.

Университетъ былъ закрытъ, и въ него для охраны была введена рота батальона внутренней стражи подъ командой

маіора В е р ж б и ц к а г о. Но на слѣдующій день, 9 октября, передъ университетомъ, противъ квартиры попечителя собралась опять толпа студентовъ съ требованіемъ отъ него объясненій. Попечитель въ объясненіяхъ тоже отказалъ, но имѣлъ великую безтактность всетаки на виду стоять передъ окошкомъ и смотрѣть на студентовъ, чтò страшно возмущало собравшихся. Для объясненій съ послѣдними вмѣсто педагоговъ и учебного начальства были высланы маіоръ Вержбицкій и полиціймейстеръ баронъ Витте, которые, конечно, не имѣли никакого успѣха. Толпа стояла на морозѣ около двухъ часовъ, и видя попечителя въ окно, стала кричать ему: „подлецъ Вяземскій!“ Исторія, которую, быть можетъ, легко было бы утешить немедленнымъ увольненіемъ Янишевскаго отъ должности инспектора за то, что онъ излишне и неосторожно, а быть можетъ, и неискренно разглагольствовалъ со студентами, раздулась въ большое дѣло съ серьезными послѣдствіями.

Нельзя не отмѣтить, что, расходясь отъ квартиры попечителя, студенты встрѣтились съ военнымъ губернаторомъ, который подозвалъ ихъ къ себѣ; студенты объяснялись съ нимъ спокойно и скорбѣли о закрытіи университета. И дѣйствительно, позволительно, пожалуй, усумниться въ цѣлесообразности принятой совѣтомъ университета мѣры.

Начался обмѣнъ телеграммъ между Казанью и Петербургомъ. 10 октября совѣтъ подъ предсѣдательствомъ Вяземскаго и подъ военною охраною рѣшилъ очистить университетъ, не дожидаясь исхода слѣдствія, отъ тѣхъ, кого и раньше считали неблагонадежными. Такимъ образомъ рѣшено было исключить изъ университета и удалить изъ города рядъ лицъ, въ томъ числѣ нѣкоего Эльпидина, который былъ потомъ за границей книгоиздателемъ и издалъ сочиненія Чернышевскаго; Олигера, Маккавѣева, Линдемана и Беневитскаго¹⁾

1) Николай Никитичъ Беневитскій былъ пѣвецъ и композиторъ не безъ дарованія: его три романса см. у А. П. Аристова „Пѣсни Казанскихъ студентовъ“.

тоже удалить изъ города по вредному вліянію ихъ на товарищей. 21 октября совѣтъ исключилъ еще много лицъ, всѣхъ, кто былъ у попечителя.

Наряду съ тѣмъ работала особая уголовная слѣдственная комиссія изъ представителей разныхъ вѣдомствъ. Маккавѣва и Линдемана засадили подъ арестъ. Обнаружился на слѣдствіи тотъ любопытный фактъ, что главные дѣятели волнений: Олигеръ, Маккавѣвъ и Линдеманъ, всѣ проживали въ одномъ мѣстѣ и притомъ въ самомъ зданіи университета, въ семействѣ прозектора Сергѣя Васильевича Загайнова. Маккавѣвъ репетиторствовалъ у него, а остальные просто „квартировали“. Въ слѣдственной комисіи и давалъ между прочими свое показаніе участникъ этой исторіи, Дмитрій Каракозовъ, 1861 года октября 26 дня.

„Зовутъ меня Дмитрій Владиміровичъ Каракозовъ. Лѣтъ имѣю 20. Вѣроисповѣданія Греко-Россійскаго. На исповѣди и у причастія бываю. Изъ дворянъ. Родителей имѣю въ живыхъ одну мать, которая имѣетъ мѣсто проживанія въ своемъ имѣніи, Саратовской губерніи Сердобскаго уѣзда въ селѣ Жмакинѣ. Первоначальное образованіе я получилъ въ Пензенской гимназій, а въ нынѣшнемъ 1861 году поступилъ въ Казанскій университетъ. Нахожусь на юридическомъ факультетѣ. На службѣ не былъ, подъ судомъ и слѣдствіемъ не былъ. Наградъ никакихъ не получалъ. Квартирую я въ Ново-Горшечной улицѣ въ домѣ Овсянниковой вмѣстѣ съ моимъ братомъ, студентомъ Казанскаго университета, медицинскаго факультета IV курса, Алексѣемъ Каракозовымъ. Русскіе законы знаю. 7 октября я былъ у попечителя для того, чтобы узнать, по какой причинѣ нашему библіотекарю г. Олигеру велѣно было оставить городъ. Тутъ же было говорено о неспособности профессора физики Больцани и замѣнѣ его болѣе полезнымъ профессоромъ. На это г. попечитель намъ сказалъ, что онъ разрѣшаетъ ¹⁾ подавать просьбы

1) Курсивы наши. Ср. выше, стр. 209.

объ удаленіи Больцани — только однимъ математикамъ. Изъ студентовъ, бывшихъ у г. попечителя, я зналъ только одного Маккавѣева, съ которымъ еще прежде былъ знакомъ. Отъ попечителя мы отправились къ г. инспектору по тому же дѣлу Олигера, такъ какъ отъ попечителя мы получили свѣдѣнія, что Олигеръ удаленъ за то, что въ читальной комнатѣ во время объясненія студентовъ съ Янишевскимъ по дѣлу о Больцани г. Олигеръ замѣтилъ г. инспектору, что въ бытность Наслѣдника въ Казани, въ то время, какъ Больцани читалъ для него свои лекціи, г. Янишевскій самъ отозвался о Больцани, какъ о профессорѣ, который рѣшительно неспособенъ для каѳедры, т. е. его лекціи рѣшительно не понятны. Г. Янишевскій не имѣлъ, слѣдовательно, никакого основанія стараться объ удаленіи г. Олигера, который высказалъ только мнѣніе самого г. Янишевскаго и рѣшительно безъ всякаго даже намѣренія бунтовать, какъ говорить о немъ г. Янишевскій. Я хотѣлъ объясниться также съ г. Янишевскимъ и относительно того, почему онъ не хотѣлъ передать мнѣніе студентовъ о Больцани г. попечителю, тогда какъ онъ прежде, еще въ исторіи съ Струве высказалъ такого рода мнѣніе, что не лучше ли, чѣмъ употреблять какія-нибудь насильственные мѣры противъ профессоровъ, обратиться прямо къ г. инспектору, а онъ передастъ мнѣніе студентовъ г. попечителю, а онъ постарается удовлетворить справедливому мнѣнію студентовъ, устранивъ такимъ образомъ всевозможные безпорядки, которые могутъ произойти отъ этого, мирнымъ путемъ.

И мы считаемъ въ этомъ случаѣ свои требованія вполне законными и имѣли притомъ въ виду и то мнѣніе, которое высказалъ г. Янишевскій, о возможности личнаго объясненія съ нимъ. Г. Янишевскій, боясь всякаго объясненія со студентами, которое повело бы за собой и открытіе фактовъ, не совсѣмъ согласныхъ съ достоинствомъ инспектора, положительно отказался выслушивать отъ насъ впослѣдствіи какія бы то ни было объясненія и такимъ образомъ самъ под-

готовилъ то неудовольствіе, которое высказали ему студенты. Изъ университета я прямо отправился домой. По дѣлу г. Олигера г. Янишевскій сначала сказалъ, что онъ потому такъ поступилъ, что Олигеръ далъ честное слово не посѣщать читальной комнаты, но это оказалось не справедливо. Олигеръ никакого честнаго слова не давалъ, да и не было никакого повода начальству прибѣгать къ этой мѣрѣ, потому что онъ ни въ чемъ не былъ замѣченъ, и въ теченіе года былъ нашимъ библіотекаремъ, безъ всякой помѣхи со стороны университетскаго начальства. Г. Янишевскій намъ сказалъ, что, хотя наше объясненіе въ читальной комнатѣ не носить на себѣ никакого официальнаго характера, что это дѣло совершенно частное, но тѣмъ не менѣе онъ все таки не могъ не донести на Олигера, такъ какъ самъ въ этомъ случаѣ подвергался опасности, потому что въ нашей читальной комнатѣ были въ это время профессора, и указалъ на Нелидова и Шпилевскаго ¹⁾, которые будто бы стояли у дверей и, слѣдовательно, не донеси онъ на Олигера попечителю, то могъ бы кто-нибудь его предупредить, и тогда бы онъ самъ пострадалъ. Затѣмъ намъ объявилъ, что ужъ болѣе не хочетъ имѣть никакого дѣла со студентами, по какому бы поводу они не являлись, что ему одно безпокойство отъ этого. Отъ г. инспектора я пошелъ домой. Въ это время разошелся слухъ, что взяты въ полицію Маккавѣевъ и Линдеманъ, — это я узналъ на другой день, 8 октября, когда пришелъ читать въ читальную комнату. Студенты говорили, что нужно объясниться съ Янишевскимъ и, если онъ рѣшительно не захочетъ говорить съ нами, то намъ ничего не остается, какъ объявить ему на основаніи извѣстныхъ фактовъ свое неудовольствіе и попросить его удалиться отъ должности, такъ какъ инспекторъ поставленъ для разбирательства студенческихъ дѣлъ, а г. Янишевскій не принимаетъ никакихъ объясненій,

1) Юристы — по кафедрамъ государственнаго права и исторіи русскаго права.

какого бы рода они не были. Изъ университета я отправился прямо домой, — и въ университетѣ, въ то время, когда въ него вошли солдаты, и онъ объявленъ закрытымъ, я не былъ. На другой день, гуляя передъ университетомъ, я былъ привлеченъ огромными толпами студентовъ, но въ крикахъ и пѣсняхъ не принималъ никакого участія; такъ какъ меня уже въ то время не было на площади, когда студенты стали расходиться съ пѣснями, то какого рода были эти пѣсни, я не знаю. Ни въ какихъ студенческихъ сходкахъ и собраніяхъ я не участвовалъ. Никакихъ запрещенныхъ и возмутительныхъ писемъ и книгъ не имѣю и ни у кого ихъ не видалъ. Въ настоящемъ дѣлѣ никѣмъ возбуждаемъ и поощряемъ не былъ. Ни въ какихъ подпискахъ не участвовалъ и о существованіи ихъ не знаю. Никакихъ писемъ, которыми приглашались студенты къ оппозиціи противъ правилъ, я въ читальной комнатѣ не видалъ и не знаю. Кто былъ передъ домомъ попечителя 9 числа, я не могу показать, потому что я, какъ недавно поступившій, еще очень мало знаю студентовъ, и тѣмъ болѣе, что я тутъ былъ мимоходомъ. Показалъ справедливо и болѣе объясненій не нахожу и не имѣю. Къ этому вопросу студентъ Дмитрій Владиміровичъ Каракозовъ руку приложилъ“.

Показаніе Каракозова довольно подробно передаетъ происшествія и психологію студентовъ-участниковъ. Факты, на которые онъ ссылагается, засвидѣтельствованы еще и другими студентами.

По этому дѣлу Каракозовъ, какъ мы уже знаемъ, былъ уволенъ изъ университета. Всего по „Вяземской“ исторіи пострадало болѣе ста лицъ. Многіе высланы на мѣста родины, напр., въ Саратовъ. Здѣсь вскорѣ пребываніе этихъ высланныхъ казанскихъ студентовъ сыграло печальную роль, а именно они вмѣшались въ волненія гимназистовъ, недовольныхъ своимъ директоромъ; и въ маѣ 1862 г. ученикъ 7-го класса Катинъ-Ярцевъ билъ директора Алексѣя Андреевича Мейера по лицу — публично, въ классѣ (См. воспоминашя Лекомте).

Одинъ изъ главныхъ виновниковъ „Вяземской“ исторіи, Янишевскій всетаки долженъ былъ подать прошеніе объ увольненіи отъ должности инспектора „по домашнимъ обстоятельствамъ“. Его должность была поручена профессору Чугунову. Князь П. П. Вяземскій 12 іюня 1862 г. былъ тоже уволенъ отъ должности попечителя, пробывъ на этомъ мѣстѣ менѣе трехъ лѣтъ.

Долго еще пѣлась Казанскими студентами весьма извѣстная пѣсня про своихъ профессоровъ :

Янишевскій да Больцани,
Князь, Сутковскій, да Козловъ ¹⁾,
Да еще подобной дряни
Было множество головъ.

Филологи и юристы,
Всѣ, въ комъ совѣсть умерла,
Чьи сердца давно нечисты,
Чьи сомнительны дѣла, —

Собралось это стадо
Подъ защитою штыковъ и т. д.

Пѣсня посвящена молодымъ профессорамъ - либераламъ, которыхъ очень радикальный авторъ (Александръ Серафимовичъ Гацисскій) спрашиваетъ :

Гдѣ жъ вы были, молодые
Либералы-крикуны,
Вы, враги неподкупные
Пресловутой старины?
Что вы дѣлали?

Доскажемъ еще вкратцѣ исторію дальнѣйшихъ отношеній Д. В. Каракозова къ Казанскому университету. Исключенъ онъ былъ вмѣстѣ съ другими 21 октября 1861 года съ правомъ обратнаго приѣма черезъ годъ, если комиссія, гдѣ онъ долженъ былъ черезъ пять дней давать показанія, не

1) Сутковскій и Козловъ — профессора медицины. Князь — Вяземскій. Пѣсня эта напечатана у Аристова.

признаеть его особенно виновнымъ, и поведеніе его за этотъ годъ не будетъ предосудительнымъ. 9 ноября это постановленіе казанскаго университета было утверждено Государемъ, съ тѣмъ, чтобы студенты, не имѣющіе въ самой Казани ни родителей, ни родственниковъ, высылались черезъ полицію на родину. Такъ выслали и Д. В. Каракозова въ Жмакино, его „родовое село“. Уже 4 августа 1862 г. Каракозовъ по почтѣ прислалъ прошеніе о вторичномъ приѣмѣ (безъ ириложенія документовъ), каковое было доложено въ совѣтъ 22 августа и отклонено за неистеченіемъ еще годичнаго срока наказанія. 11 августа состоялось Высочайшее Повелѣніе раздѣлить виновныхъ по мѣрѣ наказанія на три категоріи. Только черезъ годъ, 5 октября 1862 г. поступили въ совѣтъ университета два дѣла слѣдственной комиссіи, а 13 октября Каракозовъ былъ отнесенъ къ легчайшей, третьей категоріи, съ правомъ поступленія въ университетъ. Это постановленіе совѣта было утверждено министромъ народнаго просвѣщенія только 13 марта 1863 г. Приходилось все ждать — и даже второй уже годъ. Принимать третью категорію министръ разрѣшилъ лишь по особымъ ходатайствамъ совѣта предъ попечителемъ учебнаго округа. 13 апрѣля 1863 г. прошеніе Каракозова о приѣмѣ опять разматривалось въ совѣтѣ, и не оказалось свидѣтельства о поведеніи за время исключенія. Только 10 августа сердобскій уѣздный исправникъ прислалъ свидѣтельство, что Д. В. жилъ въ Жмакинѣ, въ домѣ родителей, велъ себя хорошо и ни въ какихъ другихъ поступкахъ замѣченъ не былъ. Совѣтъ уже 9 сентября ходатайствовалъ о приѣмѣ Каракозова, но попечитель далъ разрѣшеніе на это лишь 27 сентября, и наконецъ 2 октября Д. В. былъ вновь зачисленъ въ студенты Казанскаго университета.

Поступивъ снова на тотъ же юридическій факультетъ, Д. В. сталъ заниматься и въ концѣ этого учебнаго года, т. е. въ маѣ 1864 г. перешелъ на II курсъ, когда при нормальномъ ходѣ вещей ему бы надо было переходить уже на послѣдній, IV курсъ. Затѣмъ 29 октября 1864 г. онъ пожелалъ

перейти въ Московскій университетъ и былъ уволенъ 3 октября по прошенію изъ числа казанскихъ студентовъ. Поступивъ въ Московскій университетъ, Д. В. Каракозовъ пробылъ въ немъ до лѣтняго вакаціоннаго времени слѣдующаго 1865 г., когда онъ былъ исключенъ за невзносъ платы за ученіе и окончательно бросилъ занятія въ университетѣ. Окончи онъ, подобно своему брату, курсъ въ университетѣ своевременно, быть можетъ, и судьба его въ жизни была бы другая. Два года онъ болтался внѣ университета, безъ всякаго дѣла . . .

„Вяземская“ исторія произвела глубочайшее впечатлѣніе, какъ на профессоровъ, такъ и на студентовъ: она помнилась, какъ мы знаемъ отъ очевидцевъ, очень долго и послужила въ исторіи университета какъ бы водораздѣломъ или переломомъ. Многое, чтò было до тѣхъ поръ возможно среди студенчества, прекратилось и уступило мѣсто явленіямъ иного порядка. Расправа и судъ надъ профессорами тоже прекратились.

3.

Неизданное произведеніе Г. П. Каменева.

Въ своей спеціальной монографіи о Казанскомъ купцѣ-поэтѣ, Гаврилѣ Петровичѣ Каменевѣ, „первомъ русскомъ романтикѣ“ мы уже сообщали, что въ нашемъ архивѣ хранится рукопись-автографъ одного изъ первыхъ произведеній этого поэта, еще неизданная обработка поэмы „Авелева Смерть“.

За подробностями объ этой поэмѣ мы отсылаемъ читателя къ упомянутой нашей книгѣ. Основаніемъ къ стихотворенію Каменева послужила изложенная прозою поэма знаменитаго въ то время швейцарскаго поэта и художника Саломона Геснера *Der Tod Abels*. Поэмы Геснера имѣли особенный успѣхъ во Франціи, гдѣ ихъ переводили Тюрго, Дидро и др. „Смерть Авеля“ была переведена по французски Губеромъ черезъ годъ послѣ появленія подлинной поэмы на нѣмецкомъ

языкъ (1760 г.). Руссо тоже относится къ числу поклонниковъ Геснера и говоритъ именно объ этой поэмѣ своего компатріота слѣдующее: „Въ небольшой поэмѣ объ Авелѣ можно видѣть примѣръ того, какъ давать дѣтямъ понятіе о смерти: идея эта не такъ проста и не такъ доступна пониманію дѣтей, какъ думаютъ. Это прелестное произведеніе дышетъ восхитительной простотою, которая въ высшей степени пригодна для бесѣды съ дѣтьми“.

Автографъ Каменева писанъ весьма неразборчиво, и восстановленіе текста его произведенія стоило намъ большого труда. Датировано оно въ Казани, 31 августа 1792 г. Неизвѣстно, есть ли это — дата начала, или же окончанія стихотворенія.

Мы взяли на себя работу сличить произведеніе Каменева съ его подлинникомъ, пользуясь для этого изданіемъ сочиненій Геснера (I-мъ томомъ) 1765 года. Результатомъ нашего сличенія явились прилагаемыя при изданномъ нами здѣсь текстѣ примѣчанія.

Общій выводъ при сличеніи у насъ получился тотъ, что Каменевъ, взявъ четвертую пѣснь Геснеровой прозаической поэмы, центральное мѣсто всего Геснерова произведенія, обходился со своимъ оригиналомъ свободно и далъ не переводъ, и даже не переложеніе, а передѣлку нѣмецкаго подлинника. Многое имѣющееся у Геснера (какъ у насъ отмѣчено въ примѣчаніяхъ) опущено. Взятое переводится Каменевымъ очень точно, почти буквально, но чрезвычайно расширяется и украшается собственными вставками и добавленіями.

Языкъ Каменева вообще очень интересенъ, какъ языкъ русскаго провинціала, жившаго вдали отъ столицъ и литературныхъ центровъ. Онъ весьма богатъ самобытными реченіями и подчасъ своеобразно передаетъ нѣмецкія выраженія. По этой части наши примѣчанія могутъ дать много матеріала интересующимся русскимъ языкомъ конца XVIII вѣка. Для удобства чтенія нами въ русскихъ стихахъ Каменева кое-гдѣ указаны удареніями цезуры. Въ примѣчаніяхъ оставлена старая нѣмецкая орфографія, отличающаяся отъ нынѣшней.

- Еще земля росой ночью утучнялась,
 И дремлющихъ птицъ пѣснь въ лѣсахъ не раздавалась,
 Еще покоился густой въ долинахъ мракъ,
 Лишь блѣдной сумракъ крылъ холмовъ высокихъ зракъ, —
- 5 Изъ сѣни своя, мыслей туманныхъ тьмою,
 Шель Каинъ, утѣсенъ, задумчивой стопою. —
 Когда жъ полночный часъ еще въ вселенной былъ,
 И онъ еще въ одрѣ сна сладку чашу пилъ,
 Тогда его жена, любезная Мегала
- 10 Въ тѣ мрачные часы опять въ тоскѣ рыдала,
 Молилася къ Творцу, воздѣвъ на небо длань,
 И слезы горестны лила стenanью въ дань.
 Оставилъ Каинъ сѣнь, роптаньемъ духъ питая.
 Сквозь сумракъ утренний во тишинѣ летая,
- 15 Носился гласъ его, какъ дальня грома шумъ :
 „Коль черныя мечты мой сномъ тягчили умъ !
 „О ночь, о гнусна ночь ! ты, страхъ гоняя страхомъ,
 „Ругалася въ тоскѣ моимъ стenanщимъ прахомъ.
 „Но я бѣ вкусилъ сласть сна, обтерся бѣ слезной токъ,
- 20 „И въ тѣлѣ разлился покоя сладкой сокъ,
 „Когда бы не мечты своимъ печальнымъ тономъ
 „Отъ ложа подняли меня, съ ужаснымъ стономъ.
 „Неужели всегда толико слезный гласъ —
 „Ахъ ! будетъ нарушать моихъ спокойствій часъ ?
- 25 Неужели тоскамъ въ вѣкъ Каинъ предаётся,
 „И перстъ въ душѣ его отрады не коснется ?
 „О какъ Мегала тамъ рыдала обо мнѣ !
 „Но сіи ль жалобѣ стѣснять ее однѣ ?
 „Еще не вѣдаетъ она, что жертвы пламя —
- 30 „Разгнѣванныхъ небесъ жестокой мести въ знамя —
 „Ревущей бури шумъ порывомъ потушилъ,
 „И страшный гнѣвъ Творца покоя мя лишилъ.

1—3 Начало : Nooh sank der nächtliche Thau, noch schwiegen die schlummernden Vögel, noch ruhete Nacht im Thal.

4. блѣдной сумракъ — blasse Dämmerung.

5. изъ сѣни своя — aus seiner Hütte.

11. воздѣвъ на небо длань — mit gerungenen Händen.

13. роптаньемъ — murmelte.

16. schwarze Bilder.

17. hässliche Nacht.

- „Плачевныхъ сихъ минутъ столь, горести и стона
 „Пренести я не могу, толь грознаго урона
- 35 „Пріятной нѣги смѣхъ, улыбку на устахъ
 „У брата вижу я вездѣ, во всѣхъ мѣстахъ, —
 „И всѣ дѣла его она сопровождаетъ,
 „Всѣ подлости его весельемъ награждаетъ.
 „Но мысль мою всегда, всегда мракъ скорбный тмить :
- 40 „Я всюду шествую, сей мрачностью покрыть.
 „И ты, Мегала, мнѣ чинишь печали люты,
 „И огорчаешь духъ въ несчастныя минуты,
 „Дражайшая жена, та, кою полюбя,
 „Какъ жизнь свою люблю, какъ самого себя“
- 45 Пришедъ къ горѣ, гдѣ взлогъ, пріятными мѣстами
 Входя, обвѣсилъ тѣнистыми кустами,
 Рекъ Каинъ : „Здѣсь, ахъ ! здѣсь, въ прохладныхъ сихъ мѣстахъ,
 „О сладкой сонъ ! пролей свой сокъ на слабый прахъ :
 „Здѣсь я себя въ твои объятія ввергаю.
- 50 „О сладостной покой, приди, къ тебѣ взываю :
 „Сколь злополученъ я, и сколь изнеможенъ !
 „Искалъ тебя въ сѣнѣ, но стономъ пораженъ.
 „Тогда, какъ ты крылѣ хотѣлъ простерть надъ мною,
 „Я воплемъ пробужденъ, рыдающей женою
- 55 „Здѣсь, здѣсь уже никто покой мой не прервѣтъ,
 „Хотя мечтами мой и спящій духъ мятѣтъ.
 „Позволь ты, о земля, хоть ты въ строжайшей клятвѣ,
 „Но нужна тяжкая къ твоей работа жатвѣ —
 „Для продолженія ль на свѣтѣ многихъ лѣтъ,

-
33. стона — Wmseln.
 34. пренести — ertragen.
 35. пріятной нѣги смѣхъ — Beyfallendes Lächeln.
 38. всѣ подлости — auch die niedrigste That.
 40. мрачностью — melancholische Trauer.
 44. Wie mich selbst lieb ich dich.
 45—46. Jezt stand er unter dem von einem Felsen behangenden Busch.
 48. hier versage mir deine Hülfe, deine Erquickung nicht, süsßer Schlaf !
 51. изнеможенъ — entkräftet.
 53. крылѣ — sanften Flügel.
 54. воплемъ — Wehklagen.
 57. zu strengem Fluch.
 59—60. um länger zu leben, oder länger elend zu seyn.

- 60 „Иль къ продолженію несныхъ сердцу бѣдъ —
 „Позволь, чтобъ въ сіи часы, что отъ трудовъ остались,
 „Всѣ чувствія мои сномъ сладкимъ напитались“.
 То рекши, Каинъ легъ на влажную траву
 И крыльемъ темнымъ сонъ покрылъ его главу.
- 65 Анамелехъ, сей духъ изъ адскія утробы,
 Всякъ шагъ его слѣдилъ, питая жало злобы.
 И се, остановясь, въ себѣ онъ тако рекъ:
 „Сколь тяжкимъ сномъ днесъ спитъ сей смертный человѣкъ!
 „Возлягу я при немъ, принужу его снами,
 70 „Мысль злобну предпринять явлю ему мечтами.
 „Воображеніе, стремись ко мнѣ, и умъ —
 „Вспомоществуйте мнѣ, различныхъ тьмою думъ
 „Представьте мнѣ предметъ, представьте видъ явленья,
 „Которой бы разжѣгъ въ немъ зависти стремленья,
 75 „Чтобъ Каинъ, лютостью страстей разсвирѣпѣвъ,
 „Разлилъ по членамъ желчь, разлилъ сильнѣйшій гнѣвъ,
 „Иль къ умноженію строптивостей жестокихъ
 „Терзался, мучился коварствъ влеченьемъ многихъ.
 „Хочу, да чувствуетъ всю злобу человѣкъ!“
- 80 И легъ онъ къ Каину. Едва жъ сіе изрекъ, —
 Вдругъ дикой заревѣлъ шумъ на верхахъ древесныхъ,
 И рвистой вихрь, несясь кустовъ насквозь прелестныхъ,
 Развѣивалъ власы Увы! но Каинъ спалъ
 Власами тщетно вѣтръ возстать ему вѣщаль.
- 85 Ахъ, тщетно по челу въ ланиты они били!
 Сномъ крѣпкимъ очеса его покрыты были.
 Яви, о Муза, мнѣ, что спящій Каинъ зрѣлъ,
 Что адской духъ во снѣ ему явить умѣлъ.
 Представилась ему предъ взоръ долина мрачна,
 90 Гдѣ только зрѣлася трава растуща злчна.
 Жилищемъ бѣдности казалася она,

66. всякъ шагъ — seinen einsamen Fusstritt.

69. возлягу — ict will ich an seine Seite mich legen.

71. Wiz und du, Einbildungs-Kraft!

75. jede quälende Leidenschaft.

81. wildes Geräusche.

82. рвистой вихрь — brüllender Wind.

86. der Schlaf hatte zu schwer auf seine Augen sich gelegt.

87—88. Этихъ стиховъ и „Музы“ у Геснера нѣтъ.

91. einfältige Armuth.

- И хижинами вокругъ была населена,
 Гдѣ сѣмени его злосчастны внуки, чады
 Трудились въ тяжестныхъ работахъ безъ отрады,
 95 Ведя бразды въ землѣ, или колючій тернъ,
 Язвясь, взрывали вонь, взрывая нивы дернъ,
 Хоть солнце, жаркіе каля лучи полдневны,
 Ихъ жгло, собирающихъ избытокъ въ пищу дневный. —
 100 Межъ тѣмъ, какъ жены ихъ, чтобъ нужный кормъ имѣть,
 Во хижинахъ пасли имъ бѣдну пищу въ снѣдь.
 Его сынъ Еліель, сей сынъ перворожденный,
 Котораго позналъ въ немъ Каинъ, сномъ смягченный,
 Нагбенный бременемъ, несеннымъ на плечахъ,
 Стужающъ, свергъ его съ раменъ своихъ на прахъ,
 105 И опершісь, вѣщаль: „Ахъ! сколь ты, жизнь, несчастна:
 „Ты тягостямъ работъ, злосчастіямъ причастна.
 „Сколь строго Каиновъ проклять Всевышнимъ родъ:
 „Мы должны во трудахъ кровавой тратить потъ!
 „Неужели Творецъ, вселенную Создавый,
 110 „На вѣкъ насъ исключилъ изъ своея державы?
 „Неужель Божество, проклятыя свергнувъ мракъ,
 „Отъ нашей бѣдности свой отвращаетъ зракъ?
 „Иль первороднаго несчастнѣйшее племя
 „Должно толь тягостной нести работы бремя?
 115 „Днесъ чады Авеля въ пріятныхъ тѣхъ мѣстахъ,
 „На нѣгахъ роскоши пиршествуютъ въ поляхъ,
 „Въ которыхъ прежде мы съ весельемъ ликовали, —
 „Но сіи люди насъ изъ тѣхъ долинъ изгнали.
 „Тамъ, гдѣ они живутъ, природы нѣжной видъ
 120 „Древесными тѣнми и злаками покрытъ,
 „Во праздности сихъ чадъ отрадамъ угрождаетъ,
 „Всѣ счастья жизненны, забавы всѣ являетъ.

95. dornigte Unkraut mit wunden Händen.

97. mittägliche Sonne, brennende Strahlen.

101. übelbestellte Tafel.

103. erdrückende Last.

104. Стужающъ — unmuthsvoll.

109. вселенную — diese Erde schuf.

112. отвращаетъ зракъ — aus seinem Auge verbannt.

116. на нѣгахъ роскоши — im wohlhlustigen Schatten.

118. изгнали — verdrängt.

121. Во праздности — weichlichen Trägheit.

- „Утѣхи перешли къ пріятнымъ тѣмъ странамъ, —
 „А бѣдность, тяжкой трудъ остались жребьемъ намъ!“
- 125 Сказавъ, подъ бременемъ на раменахъ сгибаясь,
 Шелъ Еліель въ шалашъ, стезею препинаясь.
 По семь, мечтающій долины Каинъ зрить,
 Гдѣ цвѣтоносной злакъ въ поляхъ земля раститъ,
 Гдѣ чистые ручьи въ изгибахъ, взору лестныхъ.
- 130 Текутъ въ тѣняхъ деревъ навѣсистыхъ, прелестныхъ.
 Протоки, по травѣ вѣясь, въ цвѣтахъ журчатъ;
 Прозрачныя струи, стремясь, кристалль катятъ.
 Въ иныхъ мѣстахъ древа прекрасными рядами
 Являются въ водахъ пріятными видами.
- 135 Собираются ключи средь низкихъ береговъ,
 На коихъ, испестрясь, лежитъ цвѣточной кровь,
 Гдѣ въ рощицѣ густой лимонными кустами,
 Рѣзвясь, играетъ вѣтръ, шумя, тряся листьями;
 И фиговы древа отъ солнечныхъ лучей
- 140 Кидаютъ по травѣ прохладности тѣней.
 Поля сій (sic) Каинъ зрѣлъ, какъ виды Елисейски,
 Превосходящими роскошный видъ Гнидейскій,
 Гдѣ посреди долинъ, по ясписнымъ столпамъ
 Въ блестящихъ мраморахъ стоялъ Венеринъ храмъ,
- 145 И гдѣ со всѣмъ ея причѣтомъ баснословнымъ
 Жгли ей куреніе, горя огнемъ любовнымъ.
 Стада, покрытыя бѣлѣвшею волной,
 Вкушали мураву, обрызганну росой,
 И пожинали злакъ въ подошвахъ горъ цвѣтистой,
- 150 Пія струи воды, кристальной, свѣжей, чистой,
 Межъ тѣмъ, какъ подъ кустомъ лежалъ молодой пастухъ

123. утѣхи — jede sanfte Erquickung.

126. препинаясь — wankte.

128. цвѣтоносный — blumigte Flur.

129. въ изгибахъ — schlängelten sich.

130. деревъ навѣсистыхъ — gewölbter Gehüsch.

134. пріятными видами — spiegelten sich in mannigfaltigem Glanz.

135. собираются ключи — sammelten sich zum Teich.

137. Citronen-Hain.

139. Feigen-Hain.

140. кидаютъ — spreitet aus.

147. бѣлѣвшею волной — schneeweisse Heerden.

149. злакъ цвѣтистой — die duftenden Blumen.

- И гласъ пріятнѣйшій вливалъ пастушкѣ въ слухъ.
 Въ бесѣдкѣ, сдѣланной изъ гроздіевъ висящихъ,
 Соединенъ былъ ликъ въ прохладѣ дровъ сидящихъ.
- 155 Межъ ними отроки и дѣвы красотой
 Являли граціевъ и нимфъ лѣсныхъ собой.
 Тамъ снѣди сладкія на позлащенныхъ блюдахъ
 И вины пѣнились, въ драгихъ шумя сосудахъ.
 Звучали радостны возгласы по полямъ ;
- 160 Твердило эхо ихъ по рощамъ и холмамъ.
 Звонкобряцаючи тамъ гусли и свирѣли
 Сладчайшій въ ухо гласъ съ пріятностью гремѣли.
 Но се изъ сонмища сего одинъ возсталъ
 И рѣчи таковы собранію вѣщалъ :
- 165 „О вы, веселіе вкушаючи любезно,
 „Внимайте, что для васъ есть нужно и полезно.
 „Хотя природа намъ утѣхи здѣсь дала
 „И горести отъ насъ навѣки прочь взяла,
 „Хоть всѣ пріятности въ семъ мѣстѣ съединила,
- 170 Хоть легкой муравой пригорки всѣ покрыла,
 „Но требуетъ она работы сильныхъ рукъ,
 „Которая для насъ тягчая злѣйшихъ мукъ.
 „Та длань, что звучный гласъ струнѣ придати тщится,
 „Не можетъ землю рыть, работать и трудиться !
- 175 „Возможетъ ли глава въ столь нѣжныхъ волосахъ
 „Нестъ солнца жаркой лучъ въ полуденныхъ часахъ ?
 „Ей свойственнѣе быть въ тѣни кустовъ прохладныхъ

-
153. въ бесѣдкѣ — in einer hochwölbenden Laube.
 154. въ прохладѣ — im Schatten.
 155. отроки и дѣвы — Jünglinge und Mädchen.
 156. wie Liebes-Götter schön — schön wie die Gratien.
 157. снѣди сладкія — süsse Getränke; позлащенныхъ блюдахъ
 — goldene Früchte.
 159. радостны возгласы — liebliche Gesänge.
 161. звонкобряцаючи — sanftklingende; гусли и свирѣли —
 Saiten und Flöten.
 163. изъ сонмища — aus ihrer Mitte.
 167. утѣхи дала — lachet uns.
 171. требуетъ — fodert Pflege und Arbeit.
 172. тягчая — zu ermüdende.
 173. звучный гласъ — die Saiten der Harfe zu rühren.
 175. dem zartlokgigten Haut.
 176. der Sonne Hize zu fühlen.

- „И сладкой сонъ вкушать въ мечтаніяхъ пріятныхъ.
 „Внемлите: я вамъ мысль повѣдати хочу, —
 180 „Полезнѣйшую мысль, внемлите! возвѣщу.
 „Когда небесный сводъ надѣнетъ ризу звѣздну
 „И разольетъ покой и тихость повсемѣстну,
 „Грядемъ мы на поля, гдѣ люди тѣ живутъ,
 „Которые въ трудахъ и пашнѣ дни ведутъ.
 185 „На утомленныхъ ихъ работами дневными
 „Нагрянемъ, нападёмъ и обладаемъ ими;
 „Пригонимъ плѣннымъ мы весь тамъ живущій родъ,
 „Дабы воздѣлывалъ намъ землю сей народъ,
 „И мужіе въ поту въ посѣвѣ нивъ трудились
 190 „И въ тяжестныхъ такихъ работахъ находились,
 „А вамъ, супруги, чтобъ въ спокойной нѣгѣ жить,
 „Ихъ дщери и жены должны будѣтъ служить.
 „Итакъ, пойдемъ, пойдемъ!“ дружинѣ возвѣщаетъ;
 „Въ тотъ часъ, когда полночь тьмой землю покрываетъ,
 195 „Хотя насъ болѣе, но не всегда числомъ
 „Разятъ своихъ враговъ, — и хитрымъ ремесломъ!“
 Рекъ тако, и толпа въ согласье всплескала
 И родъ сей побѣдить желаньемъ воспыкала.
 Вдругъ Каинъ зрить въ мечтѣ густой полночи видъ:
 200 Въ жилищахъ чадъ его рыданье, вопль звучить,
 Зажженныхъ шалашей огонь вьется и пылаетъ,
 Багряной окрестность свѣтъ тускло озаряетъ,
 И влага дальнихъ водъ, кипя, шума въ валахъ,
 Въ червленныхъ отъ огня ярится берегахъ;
 205 И освѣщающіе поля пыланьемъ яснымъ,
 Зритъ Каинъ съ лютостью, съ движеніемъ ужаснымъ,
 Зритъ бѣдныхъ чадъ своихъ у варваровъ въ рукахъ
 Въ рыданіяхъ, въ тоскѣ, въ стenanіяхъ, въ слезахъ,
 И сыны Авеля подъ сѣнь жилищевъ нѣжныхъ,
 210 Какъ стадо гонють ихъ, какъ подданныхъ мятежныхъ.

184. die Aker-Leute.

186. нагрянемъ — überfallen; обладаемъ — binden.

188. die Arbeit des Feldes.

197. die beifallende Schaar klatscht.

201. шалашей — Hütten.

204. errötbende Ufer.

205. Dat. abs. = bey der Flamme.

210. Wie eine brüllende Heerde.

- Лежашу Каину въ объятыхъ крѣпка сна,
 Въ которомъ крылася явленье въ сихъ вина,
 Всѣ члены у него отъ ужаса дрожали,
 И сердце билося, и длани трепетали.
- 215 Подъ сей прохладою, во тѣнистыхъ мѣстахъ,
 Шедъ, Авель, по бугру, обрѣлъ его въ кустахъ;
 Окинувши въ травѣ простертаго очами,
 Любовію горя, рекъ тихими словами:
 „Возстанъ, любезной братъ, да дружбы моей нить
- 220 „Въ сердечныхъ чувствіяхъ потщусь тебѣ явить,
 „Возстанъ, да на грудяхъ, въ объятіяхъ любовныхъ
 „Познаемъ мы въ себѣ жаръ братьевъ однокровныхъ!
 „Но, ахъ! желаніе мое, умолкни вдругъ!
 „И голосъ! не тягчи его въ дремѣть слухъ!
- 225 „Престаньте, вѣтры, дуть, иль тихо повѣвайте,
 „И птицы нѣжду пѣснь кротчайше воспѣвайте!
 „Престаньте, вѣтвія и кустики, шумѣть,
 „И дайте ему сонъ, сладчайшей сонъ имѣть:
 „Ахъ! Можетъ быть, его утомленные уды
- 230 „Желають соки сна пріять въ свои сосуды.
 „Но я страшусь: я зрю его смущенный зракъ,
 „И виденъ на челѣ свирѣпства гнѣвной мракъ.
 „На образѣ его зла ярость начертилась —
 „Ахъ! видно, лестъ мечты отъ брата отдалилась
- 235 О, ужасаючи, мечты, во снѣ нашъ умъ,
 „Почто тревожите его тьмой страшныхъ думъ?
 „Вы, сновидѣнія, пріятными явитесь,
 „И спящему ему въ дремѣть распростритесь!
 „Воображеніе, начертывай предъ взоръ
- 240 „Всю прелесть естества, красотъ души соборъ,
 „И все, что въ мірѣ есть полезно и пріятно,
 „Яви ему, о сонъ, въ своихъ мечтаньяхъ внятно,
 „И радость на челѣ, отраду пролія,

213. hebte im Schlaf.

218. тихими словами — mit sanft flüsternder Stimme.

219. O dass du bald erwachtest.

221. dass meine Arme dich umschlingen könnten.

225. Still, ihr, Winde im Gebüsch.

231. смущенный — unruhig.

232. Zorn sitzt auf seiner Stirne.

235. ужасаючи — schreckende.

- „Содѣлай, чтобъ вкусилъ онъ сладости ея,
 245 „Да пѣснь веселія изъ устъ его изыдетъ
 „И въ слухъ Всевышняго во благодарность внидетъ!“
 Изрекши, Авель, то, въ безмолвье погружёнъ,
 Стоялъ у Каина, любовью сокрушёнъ,
 Которою къ нему настрашнѣйше тая,
 250 Робѣль, скончанія сна крѣпка ожидая
 Какъ злобну желчь нося въ крови своей и гнѣвъ,
 Взмущенный яростью, свирѣпства полный, левъ,
 Подъ тѣнию бугра въ жарѣ полудня спящій,
 И лютости черты изобразить хотящій,
 255 Курчавой гривы шерсть подъяема вверхъ, лежитъ, —
 И въ тотъ моментъ его сталь остра поразить,
 Внезапно копя ударъ быстролетающей
 Вонзится ему въ плоть межъ ребръ, въ составъ скрипящей,
 Какъ громомъ пробужденъ, вспрягаетъ онъ отъ сна,
 260 Взираетъ, кто сему злодѣйствію вина,
 И дикимъ ужасно рыкая въ гнѣвѣ ревомъ,
 Невиннаго овна однимъ глотаешь зѣвомъ, —
 Такъ Каинъ мракъ съ очей, свирѣпствуя, отрясъ,
 Возсталъ, вспрянулъ, вскочилъ въ сей страха полный часъ.
 265 Темнѣйшей бурей глава его покрылась,
 И пѣна изо устъ ярящихся клубилась.
 Ударя въ полъ ногой, срѣтая злобы ядъ,
 Вѣшалъ, нахмуря свой лютообразный взглядъ:
 „Разверзи челюсти, земля, съ ужаснымъ ревомъ
 270 „И поглоти меня своимъ насытымъ чревомъ!
 „Злосчастенъ я и родъ О страшная мечта!
 „И на сыновъ моихъ злость неба пролита!

245. пѣснь веселія — Lobgesang.

250. робѣль — mit bangem Erwarten.

252. и 255. zottigter Löwe.

253. подъ тѣнию бугра — an einem Felsen im Schatten.

257. des schnell fliegenden Pfelles.

258. въ плоть — in seiner Hüft.

261. mit tobendem Gebrüll.

262. невиннаго овна — ein unschuldiges Känd.

265. темнѣйшей бурей — ein schwarzes Gewitter.

266. schäumend.

267. полъ (?) — wider die Erde.

271. O schreckliches Gesicht.

- „Но ты, о мрачна хлябь! О пропасти подземны,
 „Вы не скрываете меня въ юдоли темны.
 275 „Я тщетно въ бездну, въ адъ низвергнуться хочу,
 „Геенской лютостью я тщетно трепещу.
 „Живущей въ небесахъ Всесильной Отомститель,
 „Злосчастья моего и горестей зиждитель,
 „Пожрать меня претѣтъ, и чтобъ въ душѣ моей
 280 „Явить всѣ ужасы жестокости своей,
 „Завѣсу приподнявъ, мое являетъ племя
 „Несущимъ въ горестяхъ работъ претяжкихъ бремя.
 „Клянущи тебя, о часъ, — часъ горестей и бѣдъ!
 „Когда я матерью исшелъ въ сей гнусной свѣтъ!
 285 „Проклято мѣсто будь, гдѣ мать съ страданьемъ скорбнымъ
 „Родила Каина нести жизнь игомъ злобнымъ, —
 „И злакъ, на коемъ я, злосчастной, порожденъ,
 „Да будетъ гниlostью на вѣки поврежденъ!
 „Напредъ грядущесъ потомковъ нашихъ племя
 290 „Не зрѣть тамъ возникшее отъ праха пашни сѣмя,
 „И всякъ мимоходяй въ проклятыхъ тѣхъ мѣстахъ
 „Да ужасъ чувствуетъ и трепетъ злой въ костяхъ!“
 Такъ Каинъ въ бѣшенствѣ клялъ жизни жребій лютый
 И въ ярости стеналъ, какъ Авель въ сей минуты,
 295 Робѣя, шель къ нему трепещущей ногой
 И рекъ, смятеньемъ полнъ: „О братъ любезный мой!
 „Но нѣтъ . . . о я! . . нѣтъ, нѣтъ! я съ ужасомъзираю . . .
 „Кого? кого я здѣсь въ семь мѣстѣ обрѣтаю?
 „Се врагъ Творца небесъ, единъ изъ тѣхъ враговъ,
 300 „Которыхъ молній блескъ свергъ адскихъ внутрь береговъ:

275. въ бездну — Abgrund.

277. der allmächtige Rächer.

279. претитъ — wird verhetzen.

280. ужасы — Schrecknisse.

281. завѣсу — Vorhang.

283. клянущи — Verflucht sey.

285. Verflucht die Stätte.

287. злакъ — was über ihr steht, verderbe!

291. мимоходяй — wer vorüber geht.

292. въ костяхъ — durch die Gebeine.

295. трепещущей ногой — mit wankendem Schritt.

296. stammelt.

300. Gottes Donner stürzte.

- „Обманчиво одѣтъ во образъ брата бранный,
 „Рыгаетъ изо устъ Творцу хулы прескверны.
 „Гдѣ братъ мой? ахъ! бѣгу Гдѣ ты, любезный братъ,
 „Да лобызаю тя, объемлю многократно?“
- 305 Воздвигнулъ Каинъ рѣчь и гласъ громоподобной:
 „Се онъ! Се онъ! О ты, Творца любимецъ злобной,
 „Любимецъ Мстителя, и всей природы сынъ!
 „Ты, коего злой родъ въ вселенной сей единъ,
 „Единъ владычествомъ, ахъ, будетъ наслаждаться,
- 310 „Се ты, печальнымъ мнѣ стремящейся казаться
 „Но что я говорю? Зачѣмъ сему не быть?
 „Судьба должна была сей тако рокъ свершить.
 „И Каинъ матерью затѣмъ на свѣтъ родился,
 „Затѣмъ, чтобъ родъ его въ вселенной расплодился,
- 315 „И племю, сладости вкушающую забавъ,
 „Рабами, гнусными невольниками ставъ,
 „Въ претяжестныхъ трудахъ, работахъ погружался
 „И силы истощать для пользы ихъ старался.
 „Тѣснить мой духъ, тѣснить несносной сердцу ядъ
- 320 „И ахъ! кипя, реветъ въ груди моей весь адъ!“
 Любовью нѣжною и дружбой озаряся,
 Рекъ Авель Каину, робѣя и дивясь:
 „Вѣщай, о Каинъ, мнѣ, о братъ любезный мой,
 „Коль гнусная мечта духъ ослѣпила твой!
- 325 „О братъ возлюбленной, лишь утренней Аворы

301. обманчиво — triegend.
 302. рыгаетъ хулы — lästert.
 303. бѣгу — entfliehe.
 304. лобызаю — segne.
 305. громоподобной — donnerte.
 306. Се онъ — Hier ist er.
 307. Liebling des Rächers.
 308. злой родъ — Natter-Gezücht.
 310. печальнымъ etc — freudenthränender.
 311. Зачѣмъ etc — und warum nicht?
 312. Судьба — Billich.
 315. сладости забавъ — der Wollust.
 316. рабами — dienstbare Aufwärter.
 317. harte Arbeit.
 320. eine Hölle lodert.
 322. робѣя и дивясь — banges Erstaunen.
 324. гнусная мечта — hässlicher Traum; ослѣпила — getäuscht.
 325. Аворы — Morgen-Roth.

- „Багряной блескъ покрылъ поля, утесы, горы,
 „Ишелъ изъ сѣни я, въ объятьѣ чтобъ твоємъ
 „Благословить тебя съ возникшемъ дня лучемъ.
 „Но, ахъ! коль бурна мысль въ душѣ твоей крутится,
 330 „И разумъ твой въ сей часъ, въ сей лютой часъ мутится!
 „Ты — братъ любезной мой, течетъ въ насъ ѣдна кровь:
 „Ахъ! такъ ли долженъ ты принять мою любовь?
 „Когда дни счастья къ намъ придутъ водвориться,
 „Когда межъ нами духъ мятежной истребится, —
 335 „О время сладостно! когда твоей рукою
 „Возникнетъ между насъ блаженство и покой?
 „Тебя родители обрѣсть надеждой таютъ,
 „Тебя, спокойствіе, съ восторгомъ ожидаютъ.
 „Но ты, ахъ! Каинъ, сколь, сколь насъ ты обольстилъ,
 340 „Какъ дружески слова ко мнѣ устами лилъ,
 „Когда въ очахъ отца, родителей любезныхъ,
 „Въ объятіяхъ твоихъ рыдалъ я въ токахъ слезныхъ.
 „Но радость нынѣ ту ногами, Каинъ, мнешь,
 „И гнѣвомъ яримъ духъ и разумъ твой мятешь!
 345 „Коль ты невѣднемъ когда оскорбленъ мною,
 „О мой любезный братъ! проступкомъ иль виною,
 „Повинность я тебѣ, повинность приношу;
 „Прости меня, прости, любезной братъ, прошу!
 „Всѣмъ, что святыней чтутъ, о Каинъ, заклинаю:
 350 „Прости меня, въ твои объятья пасть желаю!“
 Въщая, Авель, то, ко брату приступилъ,
 Хотѣвъ обнять его, но Каинъ возопилъ,
 Отторгшись въ бѣшенствѣ и во свирѣпствѣ яромъ:
 „О змій! язвить меня своимъ ты хочешь жаломъ!“

328. mit dem kommenden Tag.

329. бурна мысль — Gewitter tobet.

333. дни счастья — selige Tage.

337. обрѣсть — entgegenseufzt.

339. обольстил — betrogst.

342. entzückt weinte.

343. радость ногами мнешь — trittst die Freuden zu Boden.

345. невѣднемъ — unwissend.

349. святыней — was heilig ist.

351. приступилъ — trat näher.

352. обнять — umfassen.

353. отторгшись — sprang zurück.

354. О змій! — Ha, Schlange! язвить — umwinden.

- 355 И рекши, тяжкой жезлъ, по воздуху свистя,
 Подъявши, возмахнулъ и съ силой опустя,
 Сразилъ онъ Авеля жестокою рукою.
 Невинной паль предъ нимъ съ раздробленной главою,
 Скрывая мутной зракъ въ послѣдней жизни часъ,
 360 Онъ томной испустилъ, прощая брата, гласъ.
 Лилась кровь по власамъ къ ногамъ убійцы съ пѣной,
 И умирающей скончалъ токъ дней плачевной.
 Содѣтель Авелю столь тяжкихъ злобы ранъ,
 Стоялъ, оцѣпенѣвъ, какъ блѣдной истуканъ.
 365 Онъ, ужасомъ объять и страхомъ пораженной,
 Холоднымъ потомъ, зрѣлъ, по тѣлу орошенной,
 Потягиваніе, тоскливой брата зракъ,
 И, крытыя, глаза, на вѣчной смерти мракъ, —
 Зрѣлъ, изъ главы его какъ тепла кровь стремилась,
 370 И льяся на траву, журчала и курилась.
 „О бѣдство злѣйшее!“ тутъ Каинъ возопилъ:
 „Почто тебя, ударъ проклятой, я свершилъ?
 „О братъ, любезной братъ, возстань изъ тьмы плачевной!
 „Но, ахъ! онъ мертвъ . . простертъ въ лицѣ его мракъ блѣдной,
 375 „Сколь неподвиженъ взоръ! ахъ! онъ ядъ смерти пьетъ:
 „Сколь быстро изъ главы его ручьемъ кровь льетъ.
 „А я! я — злой тираннъ! Что вы свершили, руки?
 „Что чувствую въ себѣ? терзайся! адски муки!“
 Рыкая, взялъ онъ жезлъ, по коемъ кровь, ліяся
 380 Изъ язвы Авеля, багрово запеклась,
 Въ жестокомъ бѣшенствѣ, объятой злѣйшимъ страхомъ,

355. жезлъ, по воздуху свистя — Keule durch die heulende Luft.

356. возмахнулъ — schwang.

358. der Unschuldige sank vor ihm hin, mit zerschmettertem Schedel.

359. мутной — sterbendem Auge.

360. прощая — mit Verzeihung.

361. по власамъ — durch die goldnen Locken.

364. блѣдной — todhlass.

366. Холоднымъ потомъ — kalter Schweiss.

367. Потягиваніе — krampligte Bewegung.

369. стремилась — das rinnende Blut.

370. курилась — auftauchende.

374. мракъ блѣдной — blass sein Gesicht.

375. starr das Auge.

377. тираннъ — Elender.

379. рыкая — brüllt.

- Повергнувъ далеко, въ трущобу сильнымъ махомъ,
 Въ отчаянной тоскѣ, въ стенанъѣ таковомъ
 Ударилъ по главѣ претяжкимъ кулакомъ,
 385 Ко убѣенному припалъ и наклонился,
 Иодъяти отъ земли въ крови его стремился,
 Рекъ: „Авель, Авель, братъ любезной мой, возстань!
 „Возстань, и дружество прими и братства дань!
 „Ахъ! адской ужасъ рветъ, въ груди мой духъ спираетъ.
 390 „Ахъ! сколь глава его кровь теплу изливаетъ!
 „Ахъ! сколь безчувственъ онъ! Онъ мертвъ . . . о злѣйшей страхъ!
 „Бѣгу, сокроюсь я . . . Но гдѣ? въ какихъ странахъ?
 „Сгибающіяся колѣни, поспѣшите,
 „Онъ мертвъ . . . Отсюда мя, отсюда удалите!“
 395 Такъ Каинъ ужаса жестоку тягость несь
 И, яростно ревя, бѣжалъ во ближней лѣсѣ . . .
 Анамелехъ, вкуся плодъ хитростей коварныхъ,
 Вкусилъ днесъ звукъ торжествъ, столь злобну духу славныхъ.
 Онъ, восхищенія нія сладчайшей сокъ,
 400 Вдругъ сдѣлался надменъ, и страшень, и высокъ.
 Подобно: дыма столпъ, клубясь, въ эфиръ крутитъ
 Надъ бѣдной хижиной, гдѣ куча пеплу тлится,
 Которой жители на нивѣ во трудахъ
 Не вѣдаютъ, что ихъ шалашъ горитъ въ огняхъ.
 405 Такъ злой Анамелехъ, прикрывъ усмѣшкой взгляды,
 Воззря на зрѣлище пріятнѣйшей отрады,
 Убийцы въ слѣдъ и трупъ, лежащей на травахъ,
 Восторгъ сей изъяснилъ въ сихъ хульныхъ словесахъ:
 „Явленье сладостно . . . Кровь грѣшника первѣйша . . .

382. далеко въ трущобу — weit weg.

384. die starke Faust wider seine Stirne.

385. припалъ — wankt er zum Erschlagne.

388. Возстанъ — erwache.

389. Höllen-Angst.

393. Ellet, wankende Knie.

396. ревя — brüllt; лѣсѣ — Gebüsch.

398. торжествъ — triumphierend.

400. im Stolz, hoch und fürchterlich.

401. die schwarze Säule von Rauch.

402. бѣдной — einsam.

404. шалашъ — Hütte.

405. mit höllischem Lächeln.

409. erstes Blut des Sünders.

- 410 „Возрадуйся, о ты, геенны пламя злѣйше!
 „Восхитясь, зрю теперь входящу въ землю кровь,
 „Зрю дружбы братней плодъ, зрю нѣжну ихъ любовь.
 „Когда въ превѣспреннихъ еще мы обитали
 „И пищу себя небесною питали
- 415 „Въ селеняхъ, гдѣ живетъ Созидяй землю Духъ,
 „И въ тѣхъ странахъ, — и въ тѣхъ, не столь пріятно въ слухъ
 „Священныхъ токи водъ по яхонтамъ журчали,
 „И гусли во струнахъ не столь краснѣ бряцали,
 „И гласъ архангеловъ не столь пріятно пѣлъ,
- 420 „Какъ Авель, смерть вкуса, томился и хрипѣлъ,
 „Какъ сей послѣдней вздохъ въ устахъ его блуждался . . .
 „Ахъ! сколь прелестенъ онъ ушамъ моимъ являлся!
 „О ты, твореніе, что во вселенной сей
 „Изъ рукъ Творца изшло во всей красѣ своей,
- 425 „О міра новаго, ты, превосходной житель,
 „Тебя въ немъ создалъ жить Всесильной Твой Зиждитель:
 „Но ты поверженнымъ постыдно нынѣ лежишь,
 „Иль вѣчнымъ сномъ сомкнувъ глаза и чувства, спишь.
 „Возстань, о юноша, сномъ крѣпкимъ услажденной,
- 430 „Возтани, прелестымъ природы награжденной!
 „Ты другомъ ангеламъ отъ Бога сотворенъ:
 „Почто ты въ тѣ часы въ мечтаньи погруженъ,
 „Когда изъ устъ своихъ въ страну Творца небесну
 „Во благодарности вѣпѣтъ долженъ пѣснь любезну?
- 435 „Но ты недвижимымъ поверженъ, протяженъ,
 „Ты братомъ своимъ въ тьму кромѣшну погруженъ!
 „А ты, Анамелехъ, на степень духовъ славныхъ
 „Взойдешь изъ ничего стезей сихъ дѣлъ преславныхъ:

411. die Erde verschlingt.

417. die heiligen Quellen.

418. die Töne der Harfen der lobsingender Erz-Engel.

420. хрипѣлъ — dies Röcheln.

422. прелестенъ — lieblich.

423. твореніе — Meister-Stück.

425. Erhabener Bewohner.

427. постыдно — lächerlich.

429. возстань — steh auf.

431. Freund der Engel.

433—434. sey nicht so träg im slavischen Dienste des Anbetens und des Hinkniens.

- „Симъ дѣломъ возбужду я зависть въ Сатанѣ,
 440 „Пойду, прославлюсь я, прославлюсь въ адскомъ днѣ.
 „При срѣтеніи моемъ хвала, отъ всѣхъ люща,
 „Коль сладко возгласить, въ сводѣ Тартара біюща!
 „При звукѣ сихъ торжествъ мой ободренной слухъ
 „Въ толпѣ злостраждущихъ роптанья внемлетъ духъ,
 445 „Изъ коихъ ни одинъ толь хитрыми дѣлами
 „Не превознесъ себя надъ прочими духами “
 Еще Анамелехъ хотѣлъ кичливый взглядъ
 На зрѣлище возвестъ, рыгая хульной ядъ,
 Но злѣйшія мечты глаза его покрыли
 450 И мѣсто радостныхъ улыбокъ уступили.
 Киченьи на челѣ его исчезли вдругъ,
 Возчувствовалъ онъ скорбь и тяжелой недугъ:
 Всевышній повелѣлъ, чтобъ тартары свирѣпы
 На вѣки свергнули его въ свои заклепы.
 455 Тогда онъ проклиналъ рокъ жизни бытія,
 Клялъ горестъ лютыхъ мукъ напасти своя
 И вѣчносущный адъ Исчезъ, въ дымъ претворяся
 Послѣдній Авелѣ духъ, съ тѣломъ разлучая,
 Когда низвергся онъ въ мракъ смертною рукою,
 460 Послѣдней вздохъ его, хрипѣніе съ тоскою
 Небесную лазурь въ превыспреннихъ раздвигли
 И слуху Вышняго Творца міровъ достигли,
 Отмщенья требуя; духъ къ небу вопіялъ,
 Превѣчнаго Судью къ отмщенью призывалъ.
 465 Трещащей громъ взревѣлъ изъ всесвятыхъ святыхъ,

-
439. Thaten, die Satan selbst beneiden soll.
 441. хвала — das zurufende Lob süß.
 444. злостраждущихъ — der Elenden.
 446. die noch kein Unternehmen geädelt hat.
 448. возвестъ — **niedersehn**.
 449. злѣйшія мечты — der Verzweiflung Züge.
 450. Das höhnische Lächeln.
 451. киченьи — den Stolz auf der Stirne.
 453. Der Herr befahl den Schrecken der Hölle über ihn zu kommen; und ein Meer von Qualen stürzte sich auf ihn.
 457. fluchte der qualvollen Ewigkeit und floh.
 460. послѣдней вздохъ — sein letztes Seufzen.
 463. foderten Rache.
 465. Es donnerte aus dem Allerheiligsten.

- Умолкло пѣніе и цѣмвалы золотыя,
 Гдѣ „аллилуйю“ хоръ вѣчно воспѣвалъ,
 Тамъ трижды страшной громъ свирѣпо прозвучалъ,
 Потрясса трижды сводъ небесъ . . . и все престало:
- 470 Ужасна тишина, безмолвіе настало.
 И гласъ Всевышняго изъ серебристыхъ тучъ,
 Гдѣ солнца въ ясной день играетъ яркій лучъ,
 На коихъ Господа стоитъ престолъ, блистая, —
 Изыде громкій гласъ, къ архангеламъ вѣщающа.
- 475 И се единъ изъ нихъ, воскраями крыль
 Прикрывшись, передъ тронъ смиренно приступилъ.
 Всевышній рекъ ему: „Се смерть во челюсть гробну
 „Первѣйшую корысть пріяла земнородну.
 „Я учреждаю днесъ тебя въ священной чинъ,
- 480 „Да души праведныхъ собираешь въ ликъ единъ.
 „Азъ самъ рекохъ душѣ, отъ брата пораженной.
 „Но ты гряди, егда во тѣлѣ духъ соплѣнной,
 „Дыханія давая, льетъ въ членахъ смерти хладъ,
 „И прерывая гласъ, плодитъ въ немъ скорбей ядъ, —
- 485 „Прорцы душѣ его часть вѣчнаго блаженства
 „Въ селеніяхъ небесъ, въ объятыхъ благоденства,
 „Да умирающа обрадованной зракъ,
 „Еще на окрестность сквозь зрѣнья тусклой мракъ
 „Взглянувъ, въ селенія, въ сѣнь райску водворится.
- 490 „Гряди въ обители, гдѣ смертной родъ плодится,
 „Гряди и въ срѣтеніе душъ его явись.
 „А ты, о Михаилъ, во слѣдъ ему пусться,

466. цѣмвалы золотыя — die goldnen Harfen.

467. Das ewige Halleluja.

471. aus dem silbernen Gewölke.

473. das den Thron umschliesst.

476. sein Gesicht umhüllet mit dem Glanze der Flügel.

478. seine erste Beute.

479. учреждаю тебя — weili dich zum heiligen Geschäft.

481. da er hinsank.

482. fürhin sollst du.

483. хладъ — kalter Todes-Schweiss.

484. des Sterbenden Stimm'izt bricht.

485. die Versicherung der ewigen Seligkeit.

487—488. mit Augen voll Seligkeit umher sieht.

490. обители — die Wohnung der Sterhlichen.

492. во слѣдъ — begleite seinen Flug.

- „Проклятыя прореки днесъ Авеля убійцѣ“.
 Едва устны Творецъ, едва глаголаше сие,
 495 Вторично возгремѣлъ на небѣ грома трескъ,
 И трижды возревя, лилъ молній страшный блескъ.
 Архангелы въ полетъ крылами возшумѣли,
 Молчащихъ лишь пѣвцовъ мгновенно пролетѣли,
 Пустились, возмахнувъ въ новосозданной свѣтъ,
 500 Дабы исполнити Всевышняго обѣтъ.
 Разверзлись врата небесны позлащенны,
 И ангели, на низъ быстрѣйше устремленны,
 Безчисленны міры, и солнцы протекли,
 Достигли дондеже желаемой земли.
 505 Се смертоносной духъ предсталъ предъ тлѣнной жертвой
 И душу Авеля пріялъ изъ плоти мертвой;
 Оставля кровію обмоченной свой прахъ,
 Являла она видъ веселія въ очахъ,
 Во внутренности сласть восторговъ простирала,
 510 И съ дружелюбіемъ на ангела взирала.
 Се онъ ей тако рекъ: „Возрадуйся, душа,
 „Грядущая въ раи и въ горни небеса,
 „Возрадуйся, испеде изъ праха смертнобренна,
 „Возрадуйся, прейдя въ мѣста, гдѣ жизнь нетлѣнна.
 515 „Меня въ объятія свои прими теперь
 „И зри отверстую превыспренности дверь.
 „О сколько я въ себѣ блаженства ощущаю,
 „Что въ вѣчность я тебя первѣйшимъ принимаю!
 „О праведникъ, къ тебѣ веселія грядутъ,
 520 „И мириады днесъ тебя увидѣть ждуть;
 „Блаженство вѣчное тебѣ обѣтованно

-
494. Der Herr redete nicht mehr.
 497. возшумѣли — rauschten.
 502. на низъ — fallenden Flug tief hinunter.
 505. смертоносной духъ — der Todes-Engel.
 510. съ дружелюбіемъ — voll nie empfundenen Entzückens; про-
 пущено, что душа Авеля облеклась въ эфирное тѣло.
 513. Возрадуйся — Sey mir willkommen; смертнобренна —
 Hülle von Staub.
 515. въ объятія — umarme mich.
 519. О праведникъ — Du, Gerechter.
 520. Myriaden erwarten Dich.

- „Зрѣть Господа лицо и быть съ нимъ невозбранно.
 „Возрадуйся, взыграй, скончавши жизнь свою,
 „Блаженный первенецъ, пришедъ въ страну сію“.
- 525 И воспаряющимъ имъ въ выпрєннїя тѣни,
 Зрѣть Авель подъ собой стоящи вкупѣ сѣни,
 И съ высоты сея его блудящїй взоръ,
 Летая по лѣсамъ, полямъ и между горъ,
 Увидѣль Каина, стѣсненнаго порокомъ,
- 530 Въ страданїи, въ лютоcти, въ стєнанїи жестокомъ :
 Очами ярости на небеса взиралъ
 И, длани на главу сложивши, онъ стоялъ ;
 Вся злоба на лицѣ его начертовалась,
 Которою душа преступника терзалась.
- 535 Ударивъ тяжестно свою стєнящу грудь
 [Сколь вопли совѣсти пороку тяжки суть !],
 Въ отчаянїи въ кусты онъ бросился, смущенной ;
 Вращаясь въ прахѣ, клялъ злой подвигъ учиненной.
 Тутъ состраданїе изъ Авеля очей
- 540 По братѣ излило теплѣйшихъ слезъ ручей ;
 Но скорбной взоръ его, отъ видовъ сихъ ужасныхъ
 Отвлєкшись, опочилъ во ликѣ блесковъ ясныхъ :
 Хранители земли, сей ангельской соборъ,
 Летя по воздуху, являлъ духовной хоръ
- 545 Ко умноженїю души восторговъ вѣщихъ,
 Сопровождая, ихъ съ архангеломъ, летящихъ.
 Въ ближайшей рамени въ отчаянїи блуждалъ

522. Anschauen Gottes. Пропущены далѣе 4 страницы бесѣды
 Авеля съ ангеломъ.

526. сѣни — Hütten.

527. sein irrender Blick.

529. порокомъ — des hässlichen Lasters.

531. очами ярости — mit wildem Blick.

532. Er schlug die Hände über seinem Haupt zusammen.

535. die starke Faust an seine tiefatimende Brust.

537. Въ отчаянїи — in ängstlicher Verzweiflung ; въ кусты —
 im Gebüsch.

538. Вращаясь въ прахѣ — wälzte sich im Staub.

540. Mitleidige Thränen flossen.

541. скорбной взоръ — wehmüthlger Blick ; видовъ — Scene.

542. ликъ — der Schaar.

546. Далѣе пропускъ въ 3 страницы — торжественный прїемъ
 ангелами Авеля въ небѣ.

547. въ рамени — im nahen Gebüsch.

- И люту Каинъ желчь раскаянья вкушалъ:
 Хотѣлъ бѣжати онъ но гдѣ, куда укрыться?
 550 Вездѣ онъ бѣдствія терзаньемъ могъ явиться;
 Такъ путникъ отъ змѣи шипящей прочь бѣжить,
 Но тщетно отъ нея желаетъ быть сокрытъ, —
 Коль, тѣло обвивші, эхидна уязвляетъ
 И злобно ядъ въ его сосцы и въ грудь впускаетъ.
 555 Куда, злосчастной, онъ бѣжать желаетъ прочь?
 Вездѣ его, вездѣ страданья кроетъ ночь,
 Коль стягиваетъ грудь влитая желчь несносно,
 И духъ терзается тоскою скорбеносно. —
 „О! да не зрѣть мой взоръ ту плоть, чтъ я убилъ!“
 560 Такъ Каинъ лютостно, блуждаясь, возопилъ:
 „Бѣгу отсюда прочь, бѣгу я удалиться,
 „Но кровь его мнѣ въ слѣдъ повсюду, ахъ! струится . . .
 „Куда бѣгу, куда? Злосчастной, я сгубилъ,
 Я брата моего ахъ! что я учинилъ?
 565 „Послѣдней вздохъ его! О злодѣяньи страшны!
 „Вы мучите меня, какъ тартары ужасны.
 „Но что я слышу? ахъ! какой унылой вой,
 „Кустарникъ пролетя, звучась, разить слухъ мой:
 „Я слышу вздохи, стонъ, я слышу плачь, стenanье,
 570 „Кончающагося я внемлю воздыханье.
 „Трепещущи стопы, сберите слабу мочь,
 „Предѣловъ смерти злой меня несите прочь!
 „Сгибающіяся колѣни, напрягитесь,
 „Сокройте Каина и къ бѣгу устремитесь,
 575 „Сокройте: кровію я брата обогрѣнь;
 „Въ гееннѣ, въ тартарѣ да буду заключень!“

551. Wie wenn ein Wanderer vor einer zischenden Schlange flieht.

553. эхидна — dem Gift hauchenden Thier.

555. Злосчастной — der Elende.

557. желчь — Gift.

559. плоть etc — den Anblick des Blutenden.

562. Sein Blut rieselt mir nach, auf der Ferse nach.

568. Кустарникъ пролетя — rauschet durchs Gebüsch.

570. Seufzer des Sterhenden.

571. Behender Fuss.

572. Предѣловъ смерти — der schauernden Gegend des Todes.

573. Сгибающіяся колѣни — wankende Knie.

576. Hin zur Hölle.

- Вдругъ черно облако въ эфирѣ заклубилось,
 Ужасно передъ нимъ на землю ниспустилось,
 И громкозвучной гласъ, подобно, какъ трубой,
 580 Вѣщаль изъ онаго: „Гдѣ, Каинъ, днесь братъ твой?“
 Мертвѣя блѣдностью, и ужасомъ стѣсняясь,
 Обратись, Каинъ, вспять, и рѣчью препинаясь,
 Дрожащъ, отвѣтствовалъ онъ словеса сія:
 „Не есмь бо брату стражъ, не вѣмъ, злосчастной, я!“
 585 И се изъ облака взревѣли грома трески,
 Молніеносныя сверкнули ярко блески,
 Ишелъ палящій огонь, пожегъ деревъ листы,
 Траву и въ близости стоящіе кусты.
 Разверзлося оно . . . и Каинъ зрѣлъ очами
 590 Небесно существо, одѣянно лучами;
 На образѣ чела (гдѣ ужасы найдуть!)
 Начертанъ вживѣ былъ Господень страшной судъ.
 Въ десницѣ у него блисталъ перунъ громовой,
 Карать преступниковъ вездѣ, всегда готовой.
 595 А шуицу простря надъ грѣшника головой,
 Стояща передъ нимъ въ своей напасти злой,
 Вѣщаль, и громъ взревѣлъ, повсюду раздаваясь:
 „Внемли проклятіе, о Каинъ, содрагаясь!
 „Господь речетъ тебѣ: „Что днесь ты сотворилъ?
 600 „Какой погибельной рукой ударъ свершилъ?
 „Гласъ крови вопіетъ ко мнѣ съ лица земнаго:
 „Я не пріяла ю отъ тѣлеси живаго!“ —
 „Кровь брата твоего, что злобою твоей
 „Первѣйше обагрилъ прахъ кровію своей.
 605 „Егда въ воздѣланьи земли ты будешь тщиться,

579. громкозвучной гласъ — schreckende Stinme.

580. днесь — wo ist dein Bruder?

581. мертвѣя блѣдностью — todtblass.

582. обратись вспять — schauerte zurück.

584. Ich hüt' ihn nicht.

587. пожегъ — versengte das Gras und die Gebüsche.

592. von seiner Stirne droheten die Gerichte des Herrn.

593. in seiner Rechten flammete ein Donner-Keil.

597. громъ взревѣлъ — es donnerte.

598. steh, befehl und höre deinen Fluch.

599. Was hast du gethan.

601. вопіетъ — schreyt zu mir.

- „Да терніе тебѣ и только злѣкъ плодится !
 „Внемли, о грѣшникъ, днесъ проклятiе, внемли :
 „И трястѣся будешь ты во вѣки на земли !“
 Преступникъ въ трепетѣ и, ужасомъ объятый,
 610 Потупя взоръ, стоялъ въ сей участи проклятой,
 Какъ извергъ пагубный, которой, естество
 Ругая, льетъ хулу на Вышне Божество.
 Когда разсыплются въ прахъ зданiя премноги,
 И идольски падутъ и храмы, и чертоги,
 615 Какъ грозный Судiя, вселенной судъ неся,
 Придетъ судити насъ, всю землю потряся,
 Жилищи грѣшниковъ, изъ мѣрморовъ громада,
 Падутъ во внутренность пылающаго ада,
 Какъ изъ смятенныя природы скорбной гласъ
 620 Томимыхъ смертію раздастся въ страшной часъ,
 И черны облака изъ пропастей всклубятся,
 И пламенны столбы высоко закрутятся, —
 Убийца брата такъ сгибался, трепеталъ,
 Нѣмѣлъ, и яко мертвъ, безгласенъ пребывалъ,
 625 Блѣднѣлъ и, изрещи онъ сколько ни старался,
 Въ трепещущихъ устахъ гласъ тщетно оставался ;
 Зракъ долу опустя, не смѣя вверхъ взирать,
 И препиная рѣчь, едва возмогъ начать :
 „О ! злодѣянiе, которо мной свершено,
 630 „Велико въ истину, велико совершенно !
 „Да въ вѣкъ не буду я за оное прощенъ,

606. и только злѣкъ ? ; непонятно ; по нѣмѣцки : so sey dir die Erde unfruchtbar.

608. трястѣся — immer flüchtig seyn.

609. den bebenden Sünder.

610. потупя взоръ — gebückt sah zur Erde nieder.

611. извергъ — Gottes-Lügner.

614. einstürzen die Gewölber entweihter Tempel.

617. Жилищи грѣшниковъ — die Palläste der Sünder.

618. внутренность — Abgrund.

621. всклубятся — aufwallen.

623. So wankt' und bette.

624. яко мертвъ — blass, wie ein Sterbender.

626. die bebenden Lippen.

628. препиная — stammelt.

629. злодѣянiе — Missethat.

630. Велико — zu gross.

- „Да въ вѣкъ не буду я спокойствомъ награжденъ :
 „Днесь проклять отъ Тебя, проклять на сей вселенной,
 „И всемъ злосчастьемъ, напастьми пораженной,
 635 „Куда лица Твого, куда сокроюсь я ?
 „Трястися жизнь свою судьбина есть моя :
 „Да всякъ, увидяй мя, отъ гнѣва воспалился,
 „Какъ злобнаго врага, убьетъ меня, яряся !“ —
 „Седмижды смертной тотъ, кѣмъ будешь умерщвленъ,
 640. „Седмижды отъ меня да будетъ отомщенъ,
 „Да ужасъ на лицѣ твоёмъ распространится,
 „Грызенъ совѣсти во взорахъ начертится ;
 „Движенія твои явятъ творца сихъ бѣдъ,
 „Да всякъ мимоходій убійцей ты зоветъ,
 645 „И съ трепетомъ бѣжить, стезей тѣхъ удаляясь,
 „Которыми пойдешь, въ пустыняхъ, ты, скитаясь !“
 Едва проклятiе видѣнье изрекло,
 Исчезло выпренно, мгновенно уткло.
 Ужасный громъ звучалъ изъ облака летяща,
 650 И вихрь, деря кусты, ревѣлъ сквозъ лѣсъ свистящей,
 Подобно какъ злодѣй во огненныхъ рѣкахъ
 Стогнетъ и реветъ въ мучительныхъ рукахъ.
 Объятой ужасомъ, въ очахъ изображеннымъ,
 Стоялъ недвижимъ днесъ Каинъ и смущеннымъ,
 655 Отъ страха каменѣлъ, въ безмолвii пребывалъ ;
 Вспрянувшiе власы вѣтръ нагло порывалъ ;
 Изъ поднахмуренныхъ бровей свирѣпства ядомъ
 Возрѣвши, иступленъ, лютообразнымъ взглядомъ,

633. vor dieser Erde mich verflucht.
 635. o! wo kann ich vor deinem Antlitz mich verbergen?
 636. трястися — unstät und flüchtig.
 638. какъ злобнаго врага — mich Missethäter.
 639. siebenfache Rache falle auf den.
 641—642. immerwährende Angst und nagendes Gewissen.
 643. Движенія — Geberde
 645. съ трепетомъ — mit Entsetzen; стезей — den Fusssteig.
 647. видѣнье — Engel.
 650. Ein Wirbel-Wind zerriss.
 652. in den hässlichen Martern.
 653. Mit Verzweiflung im Auge.
 656. вспрынувшiе власы — sein empor gesträubtes Haar.
 657—658. поднахмуренныхъ — blickt er furchtsam wild unter
 den tief gedrückten Augenbraunen hervor.

- И гласомъ трепетнымъ вѣщалъ си словеса:
- 660 „Ахъ! ежели бы мя сразили небеса!
 „Когда бъ они меня на вѣки истребили,
 „И признаки о мнѣ всѣ въ мѣръ сокрушили!
 „Тогда бы Каинъ былъ въ подсолнечной забвень.
 „Почто раздробленнымъ я въ землю не втѣсенъ,
 665 „Единымъ изъ громовъ сихъ смертно поразившись,
 „Почто не палъ я мертвъ, отъ молній опалившись?
 „Но днесъ живу на то на то, чтобъ жизнь имѣть
 „И безконечный мученія терпѣть?
 „Я — мерзость естества, проклятъ предъ всѣмъ созданьемъ,
 670 „Я мерзокъ самъ себѣ и буду жить стенаньемъ.
 „Ужъ чувствую теперь спутниковъ моихъ,
 „Которые меня сгубятъ въ рукахъ своихъ,
 „Которые меня, оставленна отъ Бога,
 „Въ внутренность сведутъ подземнаго чертога, —
 675 „Тебя, о адской страхъ, отчаянье, тоску,
 „Грызенье совѣсти, ахъ! всё ль то изреку,
 „Что чувствую въ себѣ? Десница будь проклята,
 „Та, коя поднялась на смерть, къ убійству брата, —
 „Та, коей жезлъ поднять въ свирѣпствѣ на него,
 680 „Иссохни, яко вѣтвь, у тѣла моего!
 „Клянупо тебя, о часъ, какъ люто сновидѣнье
 „Изъ адскихъ чреслъ во мнѣ родило озлобленье!
 „Почто, природа, ты свидѣтельствъ не даешь
 „Той мерзости, что мной, убійцею, несешь:
 685 „Повсюду, гдѣ стопа моя тебя коснется, —
 „Всевышнимъ мѣсто то проклятымъ наречется!
 „Гдѣ ты? или сокрытъ во чрево адскихъ вратъ

660. Hätte er mich vernichtet,
 662. признаки — keine Spur; въ мѣръ — in der Schöpfung.
 664. tief in die Erde mich geschmettert.
 668. endlosen Qualen aufbehalten.
 669. мерзость — Ahscheu.
 671. Die scheusslichen Gefährten.
 675—676. Höllen-Angst, Verzweiflung, nagendes Gewissen.
 677. Десница — hingestreckter Arm.
 680. wie ein Ast am Baum verdorret.
 683. свидѣтельствъ — hässliche Zeichen.
 684. мерзости — Abscheu.
 685. коснется — auf dir wandelt.

- „Во мнѣ родивый сонъ? Да будешь мной проклять,
 „Да чувствуешь ты то, да чувствуешь ты вѣчно,
 690 „Чѣмъ днесъ страдаю я, и буду рваться вѣчно!
 „Я тамо зрю, какъ дымъ изъ Тартара летить,
 „И пламя за собой изъ адскихъ жерлъ крутить,
 „Геенну вижу я, изъ мрачныхъ, зрю, вертеювъ
 „Какъ демоны манять во внутрь своихъ заклеповъ:
 695 „О призывайте днесъ злосчастнаго, меня,
 „Которой въ гнусностяхъ влачить свой вѣкъ, стена, —
 „Или коль жалость въ васъ, въ васъ жалость обитаетъ,
 „Почувствуйте, какъ днесъ убійца зло страдаетъ:
 „Никто изъ адскихъ нѣдръ толь тяжко не стеналъ,
 700 „Никто, подобныхъ мнѣ, терзаньевъ не вкушалъ!“
 Такъ, Каинъ, вопія, оперся въ пень лежащей,
 И близъ, его возсѣлъ, безгласенъ, чуть дышащей;
 Глубокомысліемъ рвался въ немъ тяжко духъ —
 И онъ, вострепетавъ, вскричалъ громчайше въ слухъ:
 705 „Кто мимо днесъ меня, несчастнаго, проходить?
 „О убіенной братъ! онъ ужасы наводитъ:
 „Хрипѣніе, тоску, я смерть его зрю вновь;
 „Я слышу, какъ течетъ, журчасъ, теплѣйша кровь.
 „О братъ, любезной братъ! неизреченны муки
 710 „Подъяли на меня свои тирански руки.
 „Ахъ! сжался надо мной, ахъ! сжался, не гони:
 „И такъ отъ Каина бѣгутъ спокойны дни“.
 И паки съ горести тягчайше воздыхая,
 Безгласенъ и безъ чувствъ возсѣлъ на дернъ, стеная.
 715 Межъ тѣмъ нашъ праотецъ, созданной человѣкъ,

688. родивый — der du den Traum mir gabst.

693. Геенну — die Hölle.

694. die Verdammten — демоны.

697. жалость — Mitleid.

700. So hat kein Satan empfunden, wie ich.

701. пень — einem umgerissenen Stamm.

702. ohnmächtig und sprachlos.

703. Глубокомысліемъ — tief staunend.

705. Wer rauscht bey mir vorbey.

706. убіенной — der Erschlagene.

708. ich hörte sein Blut triefeln.

711. не гони — verfolge nicht.

715. праотецъ — der Vater der Menschen.

- Изъ сѣни своя съ супругою истекъ.
 Вѣщала Ева : „Сколь блистаетъ солнце ясно,
 „Сколь въ утренни часы играетъ лучъ прекрасно !
 „Прозрачна въ дальностѣхъ, голубовата мгла
 720 „Тончайше горы всѣ и холмы облегла.
 „Пойдемъ, любезной мой, въ долину, гдѣ травнистой
 „Дернъ кроетъ каплями роса водой пречистой.
 „О мой возлюбленной ! хотъ землю Богъ проклялъ,
 „Но сколь пріятностей и сколь красотъ ей далъ !
 725 „Воззри, какъ всяка тварь отъ радости играетъ,
 „Со всякаго куста хоръ птичекъ пѣснь зываетъ,
 „И съ вѣтки каждыя пернатыхъ гласъ звучитъ,
 „Воззри, какъ вокругъ сѣней домашней скотъ мычить :
 „Всѣхъ чувство радости, веселія покрыло,
 730 „Всѣ славятъ утро, всходъ, блестящее свѣтило !“
 Отвѣтствуетъ Адамъ : „Хотя проклятемъ Богъ
 „Всю тучность отъ земли съ красой отъяти могъ,
 „Но благодати свои ко грѣшникамъ являя,
 „И милосердіемъ къ преступникамъ пылая,
 735 „Намъ всѣ потребности для жизни сотворилъ
 „И всѣми нѣждами сугубо наградишь,
 „Хотъ мы поступками неправедными, злыми
 „Благодѣянія Творца Сего забыли.
 „Пойдемъ, любезная, на цвѣтоносной лугъ,
 740 „Гдѣ на холмахъ трава растетъ, какъ мягкой пухъ,
 „Гдѣ запахъ сладостной зефирами несется,
 „И стадо Авеля подъ тѣнями пасется :
 „Со благочестіемъ, съ смиреніемъ его

-
716. gieng aus der Hütte.
 719. die durchschimmernde Ferne.
 723. О Geliebter. Пропускъ объ утраченномъ раѣ,
 726. куста — von jedem Busch.
 727. съ вѣтки — von jedem Wipfel.
 728. мычить — munter ist.
 730. den Morgen-Strahi grüsst.
 731. Ihr antwortet Adam.
 733. благодати — der unendlichen Güte.
 737. durch den grausamen Fall.
 739. Geliebte! lass uns hinausgehn auf die blumigte Flur.
 742. wo Abels Heerde im Thau geht.
 743. finden wir den frommen Sohn.

- „Не обрѣтемъ ли мы у стада своего
 745 „Хваленя нову пѣснь Творцу міровъ поющимъ?“
 И мимо едныя куиины имъ грядущимъ,
 Недѣ Ева напреди — о горестнѣйшій видъ! —
 Вскричала въ ужасъ: „Ахъ! кто, кто здѣсь лежитъ?“
 И вспять отъ зрѣлища такого отвратившись:
 750 „Адамъ! кто здѣсь лежитъ?“ воскликнула, смутившись:
 „Не какъ въ покойной сонъ пріятно погруженъ,
 „Но ницъ и якобы убійцей пораженъ:
 „Лицо его къ землѣ и праху обращенно.
 „Се сынъ мой, Авель, спитъ, се Авель совершенно:
 755 „И златовидные его я зрю волосы.
 „Конечно, онъ заснулъ въ си утренни часы.
 „Адамъ, вся внутренность и духъ во мнѣ трепещетъ,
 „И ахъ! почто въ меня свои страхъ стрѣлы мететь?
 „Проснись, любезной сынъ! проснись! возстань отъ сна,
 760 „И съ тою ласкою, что Авелю сродна,
 „Яви лицо свое, покрыто взоромъ нѣжнымъ,
 „Яви румяность щекъ родителямъ любезнымъ.
 „Отъ неспокойнаго воспрянь, воспрянь ты сна!“
 И рекши, съ мужемъ шла къ убитому она.
 765 Вскричалъ Адамъ: „Весь духъ симъ зрѣлищемъ мятется! . . .
 „О ужасъ! . . . Авель . . . кровь по тѣлу его льется“.
 И рекши, отпрянулъ въ зломъ трепетъ назадъ.
 „Кровь льется изъ главы“ . . . — „Любезнѣйшій изъ чадъ,
 „О Авель!“ мать потомъ отъ страха возопила
 770 И горестнымъ ручьемъ ланиты окропила:

745. einen neuen Lob-Gesang. Пропускъ въ 2 страницы. Ева припасла лакомства для Каина, чтобы разрушить его предубѣжденіе, будто бы его не любятъ. Теперь она убѣждаетъ мужа и они идутъ на поле отыскивать Каина.

746. Hinter einem Gebüsch.

747. Eva zuerst.

748—749. въ ужасъ — trat erschrocken zurück.

750. Adam! wer liegt da?

751. nicht wie ein Rubender.

753. das Gesicht gegen der Erde.

755. diese goldnen Locken sind Abels.

760. voll kindlicher Zärtlichkeit.

763. aus dem unbequemen Schlaf.

767. отпрянулъ — bebte zurück.

768. Blut fließt ums Haupt hin

- „О сынъ, любезной сынъ, о бѣдственны часы !
 „Окровавленны зрю главы твоей власы.“
 И цѣпенѣлыя поднять стараясь руки,
 Безъ чувствъ, безъ памяти, терпя страданья муки,
 775 Упала блѣдная, въ очахъ простерши тьму,
 На бьющуюся грудь супругу своему.
 И оба въ ужасѣ, въ безмолвьи пребывали . . .
 Какъ Каинъ, коего всѣ лютоści терзали,
 По лѣсу бѣгая, пришедъ онъ къ симъ мѣстамъ,
 780 Гдѣ Авеля убилъ, не мня быть тѣмъ кустамъ ;
 Узрѣлъ отца своего во ужасѣ жестокомъ
 И мать, покрытую горячимъ, слезнымъ токомъ,
 Лежащую безъ чувствъ на сердцѣ у него, —
 Вскричалъ онъ : „Я убилъ, я брата своего !
 785 „Отъ грома сего прочь бѣгите, удаляйтесь :
 „Я Авеля убилъ, на вѣкъ его лишайтесь !
 „О бѣдственной моментъ, въ которой я рождень,
 „Въ которой отъ судьбы злосчастьемъ награждень.
 „Проклятымъ будь тотъ часъ, какъ ты, любовью тая,
 790 „Меня производилъ, жену свою лобзая.
 „Я, я убилъ его !“ . . . дрожаще возопилъ
 И бѣгомъ — взоромъ ихъ себя въ трущобѣ скрылъ.
 Такъ любящаяся чета супруговъ нѣжныхъ,
 Егда бесѣдуетъ въ жилищахъ безмятежныхъ,
 795 Какъ буря мрачная внезапно возстаётъ
 И громъ свирѣпой трескъ въ эфирѣ раздастъ, —
 Воздѣвъ на небо длань, молитвы возсыластъ,
 Но молнія, летя, ихъ пламенемъ сжигаетъ

773. цѣпенѣлыя — seinen erstarrten Arm.

776. an Adams bebendes Herz.

777. Beide vor Entsetzen sprachlos.

779. по лѣсу — im Gebüsch.

780. не мня быть — unbewusst.

783. На сердцѣ — in seinem bebenden Arm.

785. отъ грома cero — vor diesem Donner.

787. моментъ — die Stunde.

790. dem Weib umarmtest.

791. Ich habe ihm erschlagen.

792. und floh.

795. das schwarze Gewitter.

797. falteten sie die Hände zum Beten.

800 Другъ къ другу оперши́сь, несчастные, сидѣ,
Живыми кажутся, въ бесѣдѣ пребывая.
Такъ трепетъ съ блѣдностью по тѣлу разливая,
Сидѣли праотцы, какъ смертью уязвясь.
Но, воспряну́въ, Адамъ вѣщаль дрожащей гласъ :
805 „Гдѣ я? . . . Гдѣ я? . . . увы! . . . вся внутренность волнуется . . .
„О Боже! . . . такъ се онъ! . . . такъ грудь моя тоскуетъ.
„Се онъ лежитъ . . . увы! . . . несчастной я отецъ!
„О злополучіе! но кто сихъ мукъ творецъ?
„Ахъ! сколь сугубятся отчаянья напасти!
810 „Единокрѣвной братъ — творецъ ему злой части :
„Такъ братъ его убилъ, и проклиная насъ,
„Отсель сокрылся прочь въ сей горестнѣйшій часъ.
„О ужасъ! яко ледъ! . . . ледъ въ тѣлѣ простираетъ,
„И холодной мразъ во мнѣ всѣ кости содрогаетъ.
815 „Кто проклялъ мя? . . . мой сынъ! . . . но кто въ крови
[лежитъ ?
„Ахъ! сынъ же мой, увы! . . . онъ вѣчнымъ сномъ покрытъ.
„О участь пагубна! какое бѣдства бремя
„Навлекъ я на себя и на потомковъ племя.
„О Авель, сыне мой! . . . супруга! . . . ахъ! и ты
820 „Почто не возстае́шь отъ горестной мечты?
„Не злая ль и тебя въ печали смерть скосила?
„Я сътую одинъ . . . вся кровь моя застыла
„Благодарю тебя, о холодной смерти страхъ :
„Ты, проницая кровь, вникаешь въ брэнной прахъ,
825 „Дрожащее во мнѣ ты сердце охлаждаешь.
„Померкни, зракъ! о смерть! почто ты умедляешь?
„Немедленно гряди . . . но всѣ мечты однѣ :
„Со всѣми ужасы . . . Приди ты, смерть ко мнѣ!
„Всевышній! . . . Авель! . . . сынъ! . . . о сыне мой любезной!

805. wie behet mein Innerstes.

809. сугубятся — wie häuft sich.

813. eiskaltes Entsetzen.

815. der mir fluchte, ist mein Sohn.

823. ein kalter Schauer des Todes.

826. Померкни. — mein Aug erlischt; умедляешь — du zögerst.

829. mein bester Sohn.

- 830 Взираючи на трупъ, Адамъ лиль токи слезны;
 Онъ съ ними холодной потъ изъ тѣла изливалъ
 И въ тяжелой горести къ женѣ своей взывалъ:
 „Супруга! . . . я тебя . . . я вижу возбужденну,
 „Проснувшуся вкусить страданья злость чрезмѣрну!
 835 „Ахъ! паки зрю твои отверстыми глаза:
 „Какія вижу я смущенны очеса!
 „Какія на меня сквозь слезъ ты взоры мещешь?
 „Сколь ужасомъ сея ты участи трепещешь!
 „О! бѣдствующаго причастница тоскамъ!“ —
 840 Рекла она ему, дрожащая: „Адамъ!“
 И умирающу рѣчь только простирая:
 „Гремитъ ли еще гласъ, проклятье изрекая?
 „Нѣтъ, нѣтъ! . . . не слышу я убійцы страшной гласъ;
 „Убійца проклиналъ, супругъ любезной, насъ.
 845 „Кляни меня одну, о братогубецъ дерзкой:
 „Я первая въ раю вкусила грѣхъ премерзкой.
 „Возлюбленной мой сынъ, о Авель!“ вопія,
 Отторгшись мужнихъ рукъ, и слезы пролія,
 На охладѣвшій трупъ отъ горести упала:
 850 „О сыне, сыне мой!“ рыдаючи, взывала.
 „Но, ахъ!“ сугубящей сердечной, тяжелой стонъ:
 „Свой неподвижной взоръ не обращаетъ онъ:
 „Возстанъ, любезной сынъ! зову его, но тщетно!
 „Возстанъ! . . . но ахъ! онъ мертвъ, сраженъ онъ братомъ
 [смертно!
 855 „Се, се есть смерть, и я въ печали и тоскахъ
 „Терплю страданіе въ мучительныхъ рукахъ.
 „Всѣ плоти моя, всѣ кости содрогаютъ,

830—831. weinte zu der Leiche hin und Todes-Schweiss floss in seine Thränen.

834. zum unaussprechlichen Jammer.

839. бѣдствующаго — o, du theuere Gefehrte des Elends.

841. mit sterbender Stimme.

845. братогубецъ — Bruder-Mörder.

846. ich habe die erste gesündigt.

850. рыдаючи — winselte.

852. sein starres Auge.

853. тщетно — vergebens.

855. Das, das ist der Tod — дословно!

857. кости — Gebeine.

- „И ужасы меня жестокіе терзають.
 „Супругъ дражайшей! . . . ахъ! ты мною согрѣшилъ,
 860 „Ахъ! мною ты себя безмертія лишилъ;
 „Мнѣ капля слезъ твоихъ есть тяжкимъ упреканьемъ:
 „Ты мною согрѣшилъ, а не своимъ желаньемъ!
 „Я, я несчастная, тебя во грѣхъ ввела:
 „Ударамъ жребія виной мои дѣла.
 865 „Ты требуй отъ меня, не нѣжныя любви —
 „Но требуй, о супругъ, потокъ сыновней крови.
 „Слезящейся отецъ! — плодъ чрева моего!
 „О чады! я — виной злосчастія сего!
 „О братогубецъ! ты кляни меня на вѣки:
 870 „Мной въ грѣхъ вовлечены на свѣтѣ человѣки.
 „О сынъ! любезной сынъ! се кровь твоя ліетъ:
 „Она на мать свою ко Богу вопіетъ,
 „На мать несчастную“ Такъ Ева восклицала,
 Слезъ Авелю ручьи на тѣло изливала.
 875 Болѣзненной простеръ Адамъ къ супругъ взглядъ
 И рекъ: „О Ева! ты, ты множишь сердцу ядъ:
 „Ахъ! сколько ты меня, пребѣднаго, терзаешь,
 „Когда въ грѣхъ себя вкушенномъ обвиняешь!
 „Прошу тебя, увы! и заклинаю я
 880 „Той горестью, что днесъ піетъ душа моя,
 „И всей любовію, прерви упреки строги:
 „Не возбуждай во мнѣ волненія и тревоги!
 „Хоть горести судьбы тягчайшія терплю,
 „Но вѣрь, что я тебя всегда равно люблю.
 885 „Какія слѣдствія! разишь меня, мученье!
 „Мы вкупѣ сдѣлали то лѣто согрѣшенье.
 „Но Богъ всевидящій на насъ и въ бѣдствахъ зреть:
 „Онъ насъ въ несчастіяхъ отрадами дарить.
 „О Боже! сколь Ты благъ: Ты насъ, проклятыхъ сущихъ,
 890 „Внимаешь скорбный гласъ къ престолу вопіющихъ.

859. ты мною — du sündigtest von mir verführt.

861. упреканьемъ — schrecklicher Vorwurf.

867. слезящейся — weinender.

875. Mit Augen voll unausprechlichen Schmerzes.

877. терзаешь — wie quälst du mich.

879. заклинаю — beschwöre.

886. Мы вкупѣ — wir haben beide gesündigt.

- „Не всеконечно Ты, Ты грѣшныхъ истребилъ,
 „Но милостію насъ своею наградишь.
 „О Ева, будемъ жить, хотъ тѣло умираетъ,
 „Но духъ въ безсмертности навѣки пребываетъ.
 895 „А добродѣтельныхъ отъ смертнаго часа
 „Восходятъ души въ выспрь, восходятъ въ небеса,
 „Гдѣ безконечныя готовы имъ награды.
 „Ахъ сколь есть часть сладка блаженной сей отрады!
 „Но ахъ! онъ, Боже мой! . . . онъ братомъ убиенъ,
 900 „Онъ братомъ въ юности навѣки истребленъ!“ —
 „Такъ, мой любезной сынъ! О!“ Ева возопила
 И слезы изъ очей быстрѣйше устремила:
 „Тебѣ ужасна смерть изъ бѣдствъ отверзла дверь.
 Почто жъ не плакать намъ? мы въ бѣдствіяхъ теперъ.
 905 „Сколь бѣзобразнъ трупъ поверженъ, трупъ любезной:
 „Не видно на лицѣ его улыбки нѣжной . . .
 „Увы! . . . ланить его поблекъ румяной цвѣтъ,
 „Очей его сокрытъ навѣки солнца свѣтъ;
 „Безчувственнымъ лежить . . . ахъ! обгагрень кровями —
 910 „И сими, матери любезными, устами
 „Глаголы кроткіе, увy! . . . не потекутъ,
 „Къ отрадѣ ничего моей не изрекутъ.
 „Ахъ! цѣпенѣлый сіи и смутны очи,
 „Лишь мракъ, единый мракъ встрѣчающія ночи,
 915 „Не будутъ радостныхъ слезъ больше изливать,
 „Но будетъ вѣчной сонъ ихъ тьмою покрывать.
 „Сколь лили они слезъ отъ восхищеніевъ нѣжныхъ
 „Въ объятіяхъ моихъ, въ объятіяхъ любезныхъ!
 „Какое бѣдствіе покрыло нынѣ насъ!
 920 „О грѣхъ! . . . о грѣхъ, увy! въ сей страшной, злобной часъ

-
891. du hast den Sünder nicht ganz vernichtet.
 893. будемъ жить — wir leben, Eva! тѣло — Hülle.
 895. tugendhaft.
 899—900. aber ach! vom Bruder erschlagen! ach Gott! er ist
 vom Bruder erschlagen.
 902. быстрѣйше — quollen stärker.
 904. почто жъ — sollten wir dir nicht nachweinen?
 907: ланить — verstellten Wangen.
 911. Глаголы кроткіе — Engels-Gespräche.
 920. O Sünde, Sünde!

- „Какимъ чудовищѣмъ въ очахъ моихъ явился,
 „Сугубя гнусности, изъ ада возродился!
 „Ахъ! долго ль будешь ты насъ мучить и карать?
 „Я Авель, мать твоя . . . я — злополучна мать!
 925 „Мной Авель порожденъ, и Каинъ мной родился,
 „Рожденъ убійца, кѣмъ ты смертно поразился!“
 Тоской и горестью безъ чувства стѣсненѣ
 На леденѣлой трупъ поверглася она,
 И порываясь, безгласна пребывала.
 930 Печальна тишина, молчаніе настало,
 Которое прервавъ, вскричалъ Адамъ: „О страхъ!
 „Оставленъ всѣми я въ несносныхъ сихъ часахъ.
 „Какую пустоту мой взоръ вездѣ встрѣчаетъ,
 „Какъ скорбно вокругъ меня окрѣстность унываетъ:
 935 „Повсюду, горестъ, ты повсюду разлилась,
 „Натура вся тобой отнынѣ упилась.
 „Онъ мертвъ, увы! онъ мертвъ, тотъ, коего лишеньемъ
 „Я, радостей лишася, разстался съ утѣшеньемъ.
 „О сынъ мой, ты всего, всего ты мя лишилъ:
 940 „Блаженство отогнавъ, въ несчастіи погрузилъ
 „Надежда сгинула, разрушились подпоры,
 „И давятъ грудь мою напастей лютыхъ горы,
 „Всѣ бѣдствія на мя нагрянулися вдругъ.
 „Ты мертвъ, любезной сынъ! Отца трепещетъ духъ
 945 „И кости, внутренность и сердце содрогають.
 „Ахъ, Каинъ! Гдѣ тебя раскаянье терзаетъ?
 „Ты, мерзость естеству, чудовище, гдѣ ты?
 „Ахъ! извергъ и творецъ смертельной сей бѣды!
 „О Созерцающій напасти наши скорбны,

921. чудовищемъ — in was für hässlichen Gestalten.

926. ich bin die Mutter deines Mörders.

928. леденѣлой — erstarrte.

929. безгласна — sprachlos.

930. die traurige Stille.

931. прервавъ — unterbrach.

933. пустоту — wie öd.

934. окрестность — alles um mich her.

935. горестъ — Jammer.

936. натура — die Natur.

941. подпоры — die Stützen.

947. Abscheu der Natur, Ungeheuer.

949. der du unser Elend siehest

- 950 „Владыко, Господи, и Царь благоустробный,
 „Прости насъ въ горестяхъ, прости въ стенаньяхъ сихъ,
 „Прости, что рвемся мы въ злосчастіяхъ своихъ,
 „Какъ насѣкомыя, и яко черви бренны!
 „Да что же мы и есть, какъ не созданья тлѣнны?

- 955 „Мы пресмыкаемся, подобно тѣмъ червямъ,
 „Большая коихъ часть сдавлена по камнямъ!“
 Такъ воздухъ жалобой Адамовой пронзался . . .

Потомъ безчувственный онъ долго колебался,
 И онѣмѣвъ, стоялъ отъ тяжкихъ сердцу ранъ:

- 960 Такъ плачущей стоитъ въ пустынѣ истуканъ
 Во мрачной рощицѣ, гдѣ кипарисъ вѣтвями
 Объемлетъ ветхой гробъ, покрытъ травой и мхами.
 Главу, онъ, наклоня къ убитому, стеналь
 И жалобами духъ едиными питаль.

- 965 Молчанье, ужасомъ, и страхомъ пораженно,
 Безмолвьемъ полнило окрестность совершенно
 Онъ, руку Евину отъ трупа взявъ, отъялъ
 И къ сердцу своему съ горячностью прижалъ:
 „Дражайшая моя, дражайшая супруга!“

- 970 Взываль тако Адамъ: „Въ тебѣ лишь вижу друга:
 „Проснись, любезная, яви лице свое
 „И взоромъ облегчи страданіе мое.
 „Ахъ! взгляды отвлеку отъ сына умерщвленна,
 „Печали твоя слезами окроплена!

- 975 „Не дай ты горестямъ собою обладать,
 „Престань стenanіемъ свой духъ обременять,

951. въ стенаньяхъ — wenn wir winseln.

952. рвемся — uns wälzen.

953. черви — Würmer.

954. und was sind wir vor dir.

955. пресмыкаемся — wälzen.

956. deren die Hälfte auf dem Stein zertreten ist.

960. die Bild-Säule des Jammers.

961 in ödem schwarzen Zypressen-Hain

962. ветхой гробъ — bemoost.

965—966. ein schrecklich langes Stillschweigen herrscht' izt

umber.

968 und drückte sie inbrünstig an seine Brust.

971. яви лице свое — hehe dein Angesicht auf.

974. окроплена — von der bethränkten Leiche.

975. не дай — erlige nicht

- „Да нѣжностью твоей отрады возвратятся,
 „Любовію ко мнѣ печали истребятся.
 „Къ супругу обрати лицо свое, ко мнѣ!
 980 „Престань, престань пускать ты жалобы однѣ!
 „Дражайшая жена, наполни воспоминаемъ
 „О мнѣ, наполни грудь, — не тщетнымъ воздыханьемъ!
 „Ахъ! смерти ужасы и несказанный страхъ
 „Мы праведно несемъ въ грѣховныхъ сихъ странахъ.
 985 „Увы! и всякое наитягчайше бѣдство
 „Проступка нашего есть должное наслѣдство.
 „Но дни свои влачить въ стенаньяхъ и тоскахъ
 „Есть то же самое, что жизнь вести въ грѣхахъ:
 „Создателю чрезъ то наносишь оскорбленья.
 990 „Не лучше ли искать, супруга, утѣшенья?
 „Но сітованіемъ Творца мы прогнѣвимъ
 „И милостей Его себя на вѣкъ лишимъ.
 „Грѣховно упрекать, что Истина Предвѣчна
 „Во наказаніяхъ своихъ безчеловѣчна.
 995 „Отъ горестей воспрянь, любезная жена:
 „Невозвратима есть рыданія вина.
 „Вспряни, доколь Творецъ для нашихъ прегрѣшеневъ
 „Не сдѣлалъ чуждыми насъ всякихъ утѣшеневъ!“
 Такъ восклицалъ Адамъ Супруга же его,
 1000 Взведь очи во слезахъ на сына своего,
 Воззря на небеса, къ Адаму взоръ пустила
 И томнымъ голосомъ, рыдая, возопила:
 „О Господи! меня Ты, бѣдную, прости:
 „Не въ силахъ бремя золь и бѣдства я нести!
 1005 „Прости, супругъ, меня, супругъ, увy! любезной:
 „Несносенъ для меня ударъ сей злобной, слезной.
 „Но ты еще ко мнѣ любовію горишь —
 „И не меня въ грѣхахъ несноснѣйшихъ винишь, —

-
977. нѣжностью — Zärtlichkeit.
 879. къ супругу — deinen Mann.
 984. праведно — billig.
 987. влачить — uns zu wälzen.
 989. оскорбленья — Beleidigung.
 993—994. Sündlicher Vorwurf, als hätte die ewige Gerechtig-
 keit uns zu sehr gestraft.
 1003. verzeihe mir Elenden.
 1007. und du liehest mich noch.

- „Виновицу всѣхъ бѣдъ и крови проліянной,
 1010 „Братоубійствій и клятвы, Богомъ данной.
 „На трупѣ семъ позволь, позволь, Адамъ, рыдать,
 („Мнѣ болѣе его на вѣки не видать!)
 „Стенать въ рукахъ твоихъ и плавать въ крови сына!“
 То рекши, образъ свой въ длань мужу уклонила.
 1015 И слезъ ручей взмочилъ блѣднѣлой зракъ ея.
 Стенящимъ тако имъ во горести сея,
 Съдящимъ, опершись единый о другого,
 И пьющимъ ядъ тоски, отчаянія злого,
 Видѣнье издали явилось ихъ очамъ
 1020 И приближалось по взросшимъ вновь травамъ.
 Сей свѣтоносной духъ гдѣ шествовалъ стопами,
 Мѣста тѣ оброслись душистыми цвѣтами;
 Милолюбивой лучъ на образъ блисталь,
 Ланиты и уста цвѣтъ юный покрываль,
 1025 Утѣхи во очахъ его просіявали
 И дружелюбіемъ чело главы вѣнчали.
 Свѣтлѣя облака, чѣмъ въ нѣчныя часы
 Скрываетъ иногда луна свои красы,
 Одежда бѣлая, въ блестящихъ складкахъ вѣясь,
 1030 И въ солнечныхъ лучахъ играя, и сребѣясь,
 Божественной его и тонкой крыла станъ.
 И се видѣніе престало ихъ очамъ;
 Трава страны тоя лучами озарилась.
 Супругъ рекъ Адамъ: „Видѣнье — зри! — явилось!
 1035 „Возри слезящія, возри, открывъ, глаза,
 „И горсть удержи хоть для сего часа:
 „Къ намъ приближается днесь существо небесно;
 „Конечно, возгласить реченіе полезно.

1009. Виновицу — die Schuld.
 1014. und drückt ihr bethrantes Gesicht auf seine Hand.
 1016. eins an das andre hingelehnt.
 1019. видѣнье — eine glänzende Gestalt.
 1022. schnell entstandene düftende Blumen.
 1023. миролюбивый — Friede.
 1027. свѣтлѣя — heller, als silberne Wolken.
 1029. ein weises Kleid — in glänzend fliegenden Falten.
 1033. трава — erhellele das frischere Grün.
 1036. halt jeden Seufzer zurück.
 1037. существо небесно — seine himmlische Gestalt.

- „Зри, коль миролюбивъ его веселой взглядъ,
 1040 „Покрытое лицо сіяніемъ отрадъ,
 „И сколь чело его блистаетъ утѣшенъемъ!
 „Ахъ! разгнанъ мракъ души моей симъ озаренъемъ.
 „Не плачь, любезная: печали перервемъ
 „И небожителю во срѣтенъе пойдемъ!“
 1045 Адамъ печальную подъять ее стремился,
 И ангель передъ нимъ предсталъ, преобразился,
 Со удивленіемъ на жертву смерти зрѣлъ
 И съ дружелюбемъ къ супругамъ симъ подшелъ;
 Пріятнымъ голосомъ къ Адаму воззывая,
 1050 Далеко черезъ нихъ свѣтъ ясный проливая,
 И ко опершейся женѣ о грудь его:
 „О вы, лишенные днесъ сына своего,
 „Взыграйте радостно, въ печали не рыдайте,
 „Но мыслями Творца и дѣломъ почитайте:
 1055 „Всевышній повелѣлъ, да посѣщу я васъ
 „И утѣшеніе пролью въ сей горькой часъ.
 „Тѣхъ ангеловъ, что здѣ вселенну охраняють,
 „И волею Творца въ семь міръ обитають,
 „Единый азъ изъ нихъ. Любимой вами сынъ
 1060 „Былъ ввѣренъ Господомъ храненіямъ моимъ;
 „Любовію къ нему я духомъ воспаменялся,
 „При сущемъ былъ всегда и прочь не отлучался,
 „Какъ развѣ слѣдуя устъ Божіихъ словамъ,
 „Когда онъ добрыхъ дѣлъ содѣйствоваль стезямъ,
 1065 „Восторгомъ чувствіевъ высокихъ восхищался
 „И радостнымъ изъ глазъ слезъ токомъ орошался,
 „Иль въ пѣснопѣніяхъ ко Господу взываль,

1041. schon leuchtet Trost.

1042. мракъ души моей — das Dunkel meines Jammers.

1044. небожителю — dem Himmlischen.

1046. der Engel stund vor ihnen.

1047. со удивленіемъ — staunend.

1048. съ дружелюбемъ — mit Freundlichkeit.

1050. свѣтъ ясный — helleres sanftes Licht.

1055. повелѣлъ — mir hat der Allmächtige vergönnt.

1057. охраняють — umschweben.

1063. wenn nicht Befehle vom Höchsten.

1065. in hohen Empfindungen emporschwebte.

1066. in Freuden-Thränen.

- „Которыя съ нимъ лишь архангеломъ вспѣвалъ.
 „Безплотный гласъ, съ его пріятно сѣдиняя,
 1070 „И вкругъ по воздуху въ окрестности летая,
 „И мысли ангельски въ главу его вперялъ,
 „И духомъ въ райскіе чертоги воспарялъ,
 „Елико то душа, въ плоть тлѣнну облеченна,
 „Елико можетъ то понять ея мысль брэнна.
 1075 „Престаньте вы опять стенаньемъ грудь питать,
 „Престаньте горестно томиться и рыдать:
 „Не вѣчно смертію плоть Авеля скосилась,
 „Не на всегда въ тщету и въ мрачность погрузилась.
 „Безпѣрывный печали безъ утѣхъ
 1080 „Суть предъ Всевидящимъ достойной гнѣва грѣхъ.
 „Достойно ли душамъ безсмертнымъ безъ терпѣнья
 „Снести бѣдственныхъ ударовъ пораженья?
 „Освободя его, смерть, тяжкихъ тѣла узъ,
 „Въ тѣснѣйшій вовела со вѣчностью союзъ.
 1085 „И добродѣтели, и разумъ побужденья
 „Днесъ въ вольности цвѣтутъ, цвѣтутъ безъ преткновенья.
 „Онъ болѣе блаженъ, чѣмъ тлѣнной человѣкъ
 „Возможетъ разумѣть въ свой скоротечной вѣкъ:
 „Онъ, другомъ ангеламъ безплотнымъ нареченный,
 1090 „Всевышнему присущъ, отъ грѣшныхъ отдаленный.
 „Восплачьте вы о немъ, любезные мои,
 „Но не тягчите тѣмъ всегда сердца свои:
 „И васъ восхититъ смерть, отжившихъ кратки вѣки;
 „Хоть равно вкуситъ ядъ ея всѣ человѣки,
 1095 „Но добродѣтельной всегда минутъ сихъ ждеть
 „И утѣшенія въ концѣ своемъ найдетъ.
 „Могилу взрой, Адамъ: такъ Богъ повелѣваетъ,
 „Да тѣло Авеля прахъ зѣмный покрываетъ.

1071. мысли ангельски — Engels-Gedanken.

1073. въ плоть — im Staube gehüllt.

1081. достойно ли — gebührt unsterblichen Seelen nicht.

1083. den Fesseln des Leibes entladen.

1088. возможетъ разумѣть — fassen kann.

1089. in der Gesellschaft der Engel.

1091. восплачьте — weinet um ihn.

1093. восхититъ — wlrđ euch nachholen.

1097. могилу взрой — grab eine Grube.

- „Истлѣвшу плоть сію въ ту рамину зарой
 1100 „И больше не мяті рыданьемъ свой покой!“
 Глаголя сицѣ, духъ со дружествомъ небеснымъ
 Взглянулъ еще на нихъ утѣхи взоромъ лестнымъ,
 И взоръ сей перервалъ сердечны скорби ихъ.
 Усталость путникъ такъ скрѣпляетъ силъ своихъ,
 1105 Грядущій по степямъ, бѣлѣющимъ песками,
 Изъ свѣтлобьющаго источника водами.
 Давно ужъ жаркой лучъ его истощевалъ,
 И скоро бѣ жаждой онъ томящейся упалъ,
 Но вдругъ, увидя тамъ серебристыми струями
 1110 Вьющійся къ нему, журчащей межъ травами:
 Покоится въ немъ духъ отъ радости тоя,
 Ибо изгнѣнной ручей воды сея
 Ведетъ его въ страну, гдѣ естества красами
 Обилуютъ поля, обросшія травами,
 1115 Гдѣ услажденіе въ свои объятія ждетъ.
 Гдѣ онъ гостинницу покойную найдетъ:
 Гостепрїимно въ ней всемъ нужнымъ укрѣпится
 И удовольствіемъ прїятнымъ усладится.
 Благодареніемъ, Адамъ, наполня духъ,
 1120 И въ сердцѣ прекратя гнѣздящейся недугъ,
 Взоръ быстрой устремилъ, во блескъ распространенной:
 „О будь благословенъ, странъ горныхъ другъ любезной!“
 Летящу ангелу во слѣдъ возоціалъ
 И тако къ Вышнему Глаголу продолжалъ:
 1125 „О Боже! во Своихъ объѣтахъ сильный, твердый,

1099. истлѣвшу — diesen verwesenden Leib.

1103. взоръ сей — sein Blick.

1105. степямъ — Wildnisse.

1106. свѣтлобьющаго — klar rieselnden Quelle.

1108. жаждой — vor brennendem Durst; упалъ — wär er hingegesunken.

1112. изгнѣнной — rieselnder.

1113. въ страну — in eine Gegend.

1114. естества красами — jede Schönheit der Natur.

1116. гостинницу — in seine Schatten.

1118. удовольствіемъ — in jeder sanfter Erquickung.

1121. во блескъ — in den zerfliessenden Glanz.

1122. благословенъ — sey uns gesegnet.

1123. летящу — dem schwingenden.

- „О Господи, Творецъ, о Боже милосердый!
 „Ты созерцаеши удары нашихъ бѣдъ,
 „И зря, въ какой тоскѣ Адамъ съ семьей живетъ,
 „Ты ангеловъ своихъ къ утѣхѣ намъ ссылаешь
 1130) „И грѣшныхъ въ горестныхъ сѣтяхъ не оставляешь.
 „Ахъ! должно ли тогда печалиться, рыдать,
 „Коль тщится длань Твоя намъ помощь низсылать?
 „Благоутробный взоръ всегда на насъ низводишь,
 „Но только плачъ и вой межъ нами Ты находишь.
 1135 „Коль ангели Твои, вокругъ летая насъ,
 „Созерцываютъ вздохъ и каждой грусти часъ,
 „Ахъ! должно ли тогда въ стенанье подвергаться,
 „Въ рыданіяхъ влачась, печалями питаться,
 „И утѣшенія сердца свои лиша,
 1140 „Чтобъ сѣтовала въ насъ безсмертная душа?
 „Душѣ, на вѣчное блаженство сотворенной,
 „Быть тяжестію бѣдъ и плачемъ угнетенной,
 „Чтобъ краткой жизни путь, скоропреходной вѣкъ
 „Въ колючихъ терніяхъ и плевелахъ потекъ?
 1145 „Хотя оплакать мы должны конецъ блаженныхъ,
 „Отъ жизни смертію на вѣки отторженныхъ,
 „Но паче должно намъ о грѣшникѣ рыдать,
 „Молитвы теплыя на небо проливать:
 „О Господи, Творецъ, сколь духъ во мнѣ възграетъ,
 1150 „И радость внутренность и сердце упитаетъ,
 „Когда ты Каина не вовсе истребишь,
 „И зрѣть Твое лицо, о Боже, повелишь!
 „Зиждатель небеси, онъ первой порожденной,
 „Отъ чреслъ моихъ, увы! въ сей свѣтъ произведенной,
 1155 „Первѣйшимъ отъ жены, въ болѣзняхъ въ міръ исшелъ

1127. созерцаеши — siebest berab.

1129. ссылаешь — befiehlst, dass sie uns trösten.

1136. jeden unsern Seufzer bemerken.

1140. sollte unsre Seele untröstlich jammern, sie, die ewig ist.

1143—1144. dass ilir kurzer Weg mit Ungemach besäet ist.

1145. оплакать — zwar Thränen sind wir dem Seligen schuldig.

1147—1148. Thränen und Gebete,

1149. възграетъ — frohloken.

1152. nicht ganz von deinem Angesicht verbannen.

1153—1154. er ist der erste aus meinen Lenden.

1155. въ болѣзняхъ — in Schmerzen.

- „И только бѣдствія во дни свои нашель.
 „Но, Ева, ежели мы взывать о сынѣ будемъ,
 „И въ теплыхъ къ Господу молитвахъ не забудемъ,
 „Возможемъ ли тогда сумнѣніе имѣть,
 1160 „Что Вышній на него во гнѣвъ будетъ зрѣть?
 „Достойнымъ благи мы Богомъ безконечной,
 „Достойнымъ въ жизни сей, погибельной и грѣшной,
 „Въ грѣхопадѣніи мы ихъ не лишены,
 „Но продолженіемъ во вѣкъ награждены.
 1165 „Тогда какъ мы въ тоскѣ свой духъ истощевали,
 „Не милости его, но токмо муки ждали.
 „Да не умѣдимъ мы, что рекъ Всевышній намъ.
 „Исполнить и пренести трупъ Авеля къ снѣгъ,
 „И трупъ его землѣ вручимъ сокрыть на вѣки.“
 1170 Отвѣтствуетъ она: „Адамъ, печалей рѣки,
 „Въ которыхъ Евы духъ былъ тяжко погруженъ,
 „Отлили прочь теперь, и духъ мой свободенъ:
 „Изъ сѣтованія онъ въ отраду возникаетъ,
 „Къ утѣхамъ выпренимъ всѣ чувства направляетъ.
 1175 „На добродѣтели, любезной мой, твои
 „Надежду я кладу и радости мои,
 „Какъ держится молодой на крѣпкой плещъ подпорѣ“.
 И бывши тако имъ въ семъ краткомъ разговорѣ,
 Адамъ на рамена сыновней трупъ подъялъ,
 1180 Подъ бременемъ таковымъ печально возрыдалъ,
 И Ева, на него опершися, стеною,
 1182 Шли косо къ жительству, злодѣйство вспоминая.

1157. взывать — anflehen.

1159. sollten wir zweifeln.

1166. муки — nicht Gnade, ewiges Gericht erwarteten wir.

1168. къ снѣгъ — zu unsern Hütten.

1169. der Erde geben.

1172—1173. meine Seele windet sich empor aus dem Jammer.

1174. къ утѣхамъ — an den hohen Tröstungen.

1175. на добродѣтели — an deiner stärkern Tugend.

1176. schwarzes Epheu am starkem Stamme.

1179. на рамена — auf seine Schulter.

1180. unter der traurigen Last.

1181. стеною — schluchzte.

1182. къ жительству — den Hütten zu.

4.

Полежаевіана.

Въ нашей книжкѣ „Изъ исторіи жизни и поэзіи А. И. Полежаева“ и въ статьѣ „Семейная хроника рода Струйскихъ въ связи съ біографіею А. И. Полежаева“ мы приводили свѣденія о предкахъ и роднѣ поэта. Въ сочиненіи г. Нарцова „Матеріалы для исторіи Тамбовскаго, Пензенскаго и Саратовскаго дворянства“, составляющемъ 47-й выпускъ „Извѣстій Тамбовской ученой архивной комиссіи“, стр. 190—191 въ родословіи Слѣпцовыхъ подъ № 143 значится Ксенія Сидоровна Струйская, рожденная Слѣпцова, которая состояла замужемъ за прапорщикомъ Михаиломъ Яковлевичемъ Струйскимъ, бывшимъ въ 1745 г. помѣщикомъ Узинскаго стана Пензенскаго уѣзда (нынѣ это сѣверъ Саратовской губерніи). Потомство ея неизвѣстно, говоритъ Слѣпцовъ. Мы тоже не знаемъ судьбы Ксеніи Сидоровны и ея потомства. Извѣстно намъ лишь то обстоятельство, что Михаилъ Яковлевичъ Струйской жилъ долго и дожилъ до пугачевщины, когда и былъ мятежниками повѣшенъ. Передъ его висѣлицею злодѣи поставили на колѣни его дочь, дабы она смотрѣла на качающагося отца. Бѣдняжка помѣшалась (см въ моей книгѣ, стр. 10—11). Струйскіе, прибавляетъ Нарцовъ, — дворянскій родъ, восходящій къ началу XVII вѣка; изъ нихъ многіе разныя дворянскія службы исполняли и жалованы были въ 1170—1612 и другихъ годахъ помѣстьями. Гербъ рода — въ голубомъ щитѣ три серебряные полумѣсяца, вправо обращенные, надъ дворянскою короной вылетаетъ черный одноглавый орелъ съ распростертыми крыльями; наметъ голубой, подложенный серебромъ („Общій Гербовникъ“, III, 51).

„Скажи мнѣ, съ кѣмъ ты знакомъ, — и я скажу тебѣ, кто ты самъ“. Къ числу пріятелей нашего поэта въ послѣдніе годы его жизни въ Москвѣ относился нѣкій актеръ

Дьяковъ, о которомъ есть воспоминанія И. О. Горбунова и А. О. Писемскаго.

Въ числѣ друзей актера Леонида Львовича Леонидова, говоритъ Горбуновъ, въ Москвѣ чаще всѣхъ можно было встрѣтить А. Н. Дьякова. Прекрасный каллиграфъ, равнаго которому не было въ Москвѣ (его прописи для юношества были въ употребленіи почти во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ), рисовальщикъ перомъ, подражатель Мочалова въ чтеніи стиховъ, самъ стихотворецъ, другъ поэта Полежаева, страстный любитель театра, самъ пробовавшій свои силы на Императорской сценѣ въ драмѣ „Жизнь Игрока“. — этотъ человѣкъ велъ бездомную, скитальчесую жизнь и кончилъ дни свои въ больницѣ. Ни одного его стиха не было напечатано, но въ рукописи они были распространены. Особенно нравилось его посланіе къ друзьямъ изъ больницы. Горбуновъ приводитъ изъ этого творенія Дьякова нѣсколько характерныхъ отрывковъ, какъ то :

И ударъ былъ, друзья,
Отъ хмѣльного питья,
Съ перепоею!
День и ночь я, друзья,
Былъ свиньею-свинья
Отъ настою.
А ужъ сколько сортовъ
Мнѣ втирають спиртовъ
Всѣ снаружи;
Но ихъ въ тѣло втирать,
Чѣмъ въ утробу вливать,
Много хуже!

О томъ же Дьяковъ есть любопытное сообщеніе А. О. Писемскаго въ историческомъ романѣ „Масоны“, часть IV. Тамъ описывается между прочимъ извѣстная въ тридцатыхъ годахъ въ Москвѣ кофейня Печкина ¹⁾, гдѣ собиралась московская интеллигенція.

1) О ней есть специальная статья А. Д. Галахова (изъ его воспоминаній) въ „Историческомъ Вѣстникѣ“ за 1886 г., т. 50, стр.

Въ кофейную, говоритъ Писемскій, вошли два новые посѣтителя; это былъ начинавшій уже пріобрѣтать себѣ громкую извѣстность Провъ Михайловичъ Садовскій, который съ наклоненною немного на бокъ головою и съ нѣкоторой скукою въ выраженіи лица вошелъ неторопливою походкой: за нимъ слѣдовалъ другой господинъ, худой, въ подержанномъ фракѣ и очень напоминающій своей фигурой Донъ-Кихота. При появленіи этихъ лицъ выразилось общее удовольствіе; кто кричалъ: „милый нашъ Проша!“ другой: „голубчикъ, Провъ Михайловичъ, садись, кушай!“

Товарищъ его тоже былъ опривѣтствованъ.

„Откуда ты, небесъ посланникъ?“ предекламировалъ тому невзрачный камеръ-юнкеръ

— „Изъ больницы, умеръ было совсѣмъ“, отвѣчалъ тотъ: „вообразите, посадили меня на діету умирающихъ . . . Лежу я, голодаю, худѣю; наконецъ мнѣ вообразилось, что я въ святыя попалъ, и говорю:

О чудо изъ чудесъ

И скандалъ для небесъ:

Дьяковъ въ ракъ,

И святитель въ усахъ, при штанахъ и во фракѣ!

— „Браво“, закричали всѣ на четверостишіе этого господина и вслѣдъ затѣмъ стали приставать къ Прову Михайловичу, чтобы онъ разсказалъ, какъ купцы говорятъ о пьесѣ „Гамлетъ“.

„Дѣвичье поле“ въ Москвѣ неоднократно было воспѣваемо Полежаевымъ и въ специальной поэмѣ, и попутно, въ другихъ произведеніяхъ. Въ анонимномъ сочиненіи „Москва или историческій путеводитель“, ч. IV, стр. 163—164 (отъ 1831 г.) сообщено объ этомъ полѣ слѣдующее.

181—198 и 691—706 „Литературная кофейня въ Москвѣ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ“. Ср. еще въ романѣ Василя Александровича Вонярярскаго „Магистръ“.

Хамовническая часть образуетъ полуостровъ, ибо Москварѣка, втекая близь урочища Трехъ горъ, обтекаетъ совершенно по пространству своему. Идя прямо отъ Зубовской улицы, выходите вы на такъ называемое Дѣвичье поле, именующееся такъ по Дѣвичьему монастырю, въ концѣ онаго находящемуся. Поле сіе особенно отличается ровностію своею и величиною, ибо имѣетъ въ длину болѣе 800 сажень; здѣсь почти каждое воскресенье бывають садки. На правой сторонѣ при вступленіи на поле сіе видите вы огромный домъ Мальцова, а лѣвую сторону поля занимають большею частію сады.

Профессоръ **Евгеній Бобровъ.**
